115

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 3.

МАРТЪ 1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10-го марта 1893 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

Объ увеличеніи пособія отъ казны русскимъ начальнымъ училищамъ въ Финляндіи.

Государственный Совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія объ увеличеніи пособія отъ казны русскимъ начальнымъ училищамъ въ Финляндіи, *мнѣніемъ положилъ*: 1) отпускать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1 января 1893 года, въ пособіе русскимъ народнымъ школамъ въ Финляндіи по *четыре тысячи рублей металлическихъ*, взамѣнъ отпускаемыхъ на сіе нынѣ 3.000 въ годъ; 2) потребный на этотъ предметъ расходъ вносить въ подлежащія подраздѣленія смѣты Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Государь Императоръ означенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ 21 день декабря истекшаго 1892 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Объявляется по округу (Циркуляръ С.-Петербургскаго учебнаго округа 1893 г. № 2).

О распространеніи права дѣлать отмѣтки въ формулярныхъ спискахъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, усердно занимающихся метеорологическими наблюденіями, и на учителей уѣздныхъ училищъ.

Попечитель Виленскаго учебнаго округа донесъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ ввѣреннаго его управленію округа производятся метеорологическія наблюденія на тѣхъ-же условіяхъ, какъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и городскихъ училищахъ.

Принимая во вниманіе, что въ формулярныхъ спискахъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, въ случаяхъ усерднаго веденія ими метеорологическихъ наблюденій и руководства производствомъ

оныхъ, дѣлаются, согласно циркулярнымъ предложеніямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 26 апрѣля 1882 г. за № 4.925 и 6 апрѣля 1884 г. за № 5.199, надлежащія о томъ отмѣтки, попечитель вышеназваннаго округа просилъ распространить это право и на преподавателей уѣздныхъ училищъ, которыми производятся такія наблюденія.

Вслѣдствіе сего и признавая, съ своей стороны, изъясненное ходатайство заслуживающимъ уваженія въ интересахъ науки и въ видахъ справедливаго поощренія тѣхъ учителей уѣздныхъ училищъ, которые занимаются метеорологическими наблюденіями на условіяхъ, выработанныхъ главною физическою обсерваторіею, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 19 января сего года за № 1.292, разрѣшаетъ распространить на сихъ лицъ дѣйствіе помянутыхъ циркулярныхъ предложеній за №№ 4.925 и 5.199.

Объявляется по округу (ib.).

РАСПОРЯЖЕНІЕ ПОПЕЧИТЕЛЯ.

Объ исключеніи въ текущемъ году изъ программъ среднихъ учебныхъ заведеній нѣкоторыхъ вопросовъ.

Во исполненіе предложеній его сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 17 октября прошлаго 1892 года за № 17.850 и отъ 5 января текущаго 1893 года за № 85, согласно мнѣнію большинства педагогическихъ совѣтовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, симъ честь имѣю увѣдомить гг. начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, что въ настоящемъ учебномъ году, безъ ущерба основательности знаній учащихся, могутъ быть по отдѣльнымъ предметамъ *исключены* изъ программъ сихъ учебныхъ заведеній нижеслѣдующіе вопросы:

По *русскому языку*. Желательно сократить число статей, назначенныхъ программами для изученія въ 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ классахъ и сдѣлать необязательными слѣдующія: два отрывка изъ лѣтописи Нестора и хожденія игумена Даніила; перечень походовъ Владиміра Мономаха; отрывки изъ Слова Даніила Заточника, кромѣ двухъ; одну изъ былинъ; пѣсни на рожденіе Петра Великаго; слово о побѣдѣ подъ Полтавою; отрывокъ изъ исторіи Татищева; два отрывка изъ Россіады; три отрывка изъ «Душеньки» Богдановича; отрывки изъ трагедіи Озерова, кромѣ одного; два стихотворенія Батюшкова; «Думу» и «Мцыри» Лермонтова. Кромѣ того, было-бы полезно нѣсколько сократить курсъ грамматики церковно-славянскаго языка, такъ какъ пространный курсъ оказывается не по силамъ ученикамъ 4-го класса и не можетъ быть ими усвоенъ, какъ слѣдуетъ.

По *латинскому языку*. Во 2-мъ классѣ вмѣсто заучиванія 200 глаголовъ, отступающихъ въ образованіи perfectum и supinum, слѣдовало-бы ограничиться только тѣми глаголами, которые встрѣчаются у читаемыхъ въ гимназіяхъ авторовъ. Въ томъ-же классѣ желательно сократить число особенностей склоненія и рода въ словахъ 3-го склоненія.

По *греческому языку*. Въ 3-мъ классѣ можно исключить аттическое склоненіе, а въ 4-мъ изучить только три глагола на μι.

По *ариѳметикѣ* возможно исключить изъ программъ: въ 1-мъ классѣ задачи на измѣреніе поверхностей и объемовъ, въ 3-мъ ограничить изученіе теоріи геометрическихъ пропорцій основнымъ ихъ свойствомъ и нахожденіемъ неизвѣстнаго члена; затѣмъ вовсе исключить: ариѳметическія отношенія и пропорціи, рѣшенія способомъ пропорцій задачъ на правила тройное, процентовъ, учета векселей, цѣпнаго, пропорціональнаго дѣленія и смѣшенія.

По *алгебрѣ*. Въ 5-мъ классѣ исключить извлеченіе кубическаго корня изъ чиселъ и теоремы о знакахъ трехчлена 2-й степени. Взамѣнъ этого, слѣдовало-бы перенести изъ 4-го въ 5-й классъ возвышеніе многочленовъ въ квадратъ и извлеченіе квадратныхъ корней изъ алгебраическихъ многочленовъ и чиселъ. Изъ программы 6-го класса исключить формулы срочныхъ уплатъ и срочныхъ взносовъ по сложнымъ процентамъ. Въ 7-мъ классѣ примѣненіе непрерывныхъ дробей ограничить вычисленіемъ логариѳмовъ. Въ 8-мъ классѣ исключить рѣшеніе уравненій со многими неизвѣстными по способу Безу.

По *геометріи*. Въ 6-мъ классѣ исключить: условія равенства призмъ и пирамидъ; отношеніе поверхностей и объемовъ подобныхъ цилиндровъ и конусовъ; объемъ усѣченной призмы, о симметрическихъ и подобныхъ многогранникахъ, подобіе круглыхъ тѣлъ. Въ 8-мъ классѣ можно не повторять указанныхъ вопросовъ и вновь не проходить понятія о приложеніи алгебры къ геометріи.

По *тригонометріи*. Въ 7-мъ классѣ исключить: измѣреніе линій и угловъ на земной поверхности; приложеніе прямолинейной тригонометріи къ производству измѣреній по мѣстности. Сверхъ того, въ реальныхъ училищахъ желательно исключить: графическіе способы для рѣшенія треугольниковъ и вычисленіе формулъ помощью натуральныхъ тригонометрическихъ величинъ.

По *физикѣ*. Исключить нѣкоторыя подробности изложенія явленій и описанія приборовъ.

По *исторіи*. Сокращенія могли-бы быть сдѣланы въ программѣ всеобщей исторіи; представляется желательнымъ исключить имена лицъ, не игравшихъ роли въ историческихъ событіяхъ, названія не особенно замѣчательныхъ мѣстностей и подробности въ описаніяхъ войнъ.

По *географіи* сокращенія могли-бы касаться не программъ, а подробностей ихъ исполненія. Такъ, слѣдовало-бы сократить число названій мѣстностей и количество частностей по флорѣ и фаунѣ различныхъ странъ.

То-же прилагается и къ программѣ *естественной исторіи* въ реальныхъ училищахъ, а въ дополнительномъ классѣ оныхъ можно-бы ограничиться лишь одною вновь проходимою статьею: «краткая анатомія и физіологія человѣка».

Всѣ перечисленныя здѣсь сокращенія въ программахъ не только не поведутъ къ пониженію уровня знаній учащихся, но, напротивъ, будутъ имѣть послѣдствіемъ большее ихъ развитіе; не обременяя ихъ памяти, они сосредоточивали-бы вниманіе на усвоеніе существеннаго въ каждомъ преподаваемомъ предметѣ. Что же касается другихъ, кромѣ вышеизложенныхъ, сокращеній, предлагаемыхъ нѣкоторыми гимназіями и реальными учили-

щами, то допущеніе ихъ могло-бы вредно отразиться на ходѣ ученія, какъ, напримѣръ, невозможно согласиться на исключеніе изъ числа читаемыхъ авторовъ всего Платона, Софокла, Гомера или римскихъ поэтовъ. Это шло-бы въ разрѣзъ съ общимъ характеромъ преподаванія древнихъ языковъ. Но возможно изъ сочиненій каждаго писателя въ нынѣшнемъ году ограничиться нѣсколько меньшимъ объемомъ изучаемаго.

Что касается *перенесеній* извѣстной части программъ изъ одного класса въ другой, то относительно ихъ педагогическими совѣтами высказаны самыя разнообразныя мнѣнія, которыя зависятъ отъ особыхъ условій каждаго учебнаго заведенія. Не подлежитъ, однако, ни малѣйшему сомнѣнію, что всякое перенесеніе курса—и тѣмъ болѣе по всѣмъ предметамъ, какъ въ настоящемъ случаѣ — вредно отзовется на ходѣ ученія. Учащіеся будутъ обременены непосильною работою въ слѣдующіе годы, или-же преподаваніе лишится своей основательности. При этомъ нельзя не указать на неудобства, которыя должны испытать, при разнообразномъ перенесеніи части предмета въ слѣдующій классъ, ученики, переходящіе изъ одного учебнаго заведенія въ другое. Желательно сохранить курсъ каждаго класса безъ измѣненія, иначе система откладываній можетъ обратиться въ обычай, и нельзя будетъ требовать отъ учениковъ опредѣленныхъ знаній соотвѣтственно тому классу, въ которомъ эти ученики находятся; потеряется то разумное взаимнодѣйствіе и постепенность между преподаваемыми предметами, безъ которыхъ немыслима организація учебнаго заведенія, и весь планъ ученія сдѣлается случайнымъ. Поэтому необходимо озаботиться, по возможности, прохожденіемъ всего, что положено въ каждомъ классѣ.

Объявляется по округу (ib.).

Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о передачѣ всѣхъ училищъ при римско-католическихъ церквахъ въ Имперіи вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія (31-го декабря 1893 года).

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ 10-й день декабря прошлаго года, Высочайше повелѣть соизволилъ передать всѣ училища при римско-католическихъ церквахъ въ Имперіи вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, на общемъ основаніи, и съ тѣмъ, чтобы, при новомъ порядкѣ управленія, сохранено было право католическаго духовенства наблюдать за религіознымъ образованіемъ юношества въ названныхъ заведеніяхъ.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ мнѣ статсъ-секретаремъ Дурново, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для надлежащаго распоряженія по ввѣренному вамъ учебному округу, присовокупляя, что мною, вмѣстѣ съ симъ, сдѣлано сношеніе съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ о доставленіи полнаго списка означенныхъ выше школъ, который, въ надлежащей его части, будетъ своевременно вамъ сообщенъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1893 г., мартъ.

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: профессора *Цесельскаго*. «Пчеловодство, основанное на наукѣ и многолѣтней практикѣ, или доходное пасѣчное хозяйство. Часть первая. Природа пчелъ. Казань. 1893. 8°. VIII, IV и 305 стр., съ 57-ю рис. Цѣна 2 р.»—одобрить для учительскихъ библіотекъ городскихъ и сельскихъ училищъ.

— Книги *В. И. Альбицкаго*, профессора Харьковскаго технологическаго института: 1) Болтовое скрѣпленіе, разсчетъ его и вычерчиваніе. Съ 2-мя таблицами чертежей, рѣзанныхъ на камнѣ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Харьковъ. 1892. 51 стр. Цѣна 50 коп.; 2) Цилиндрическія зубчатыя колеса, ихъ теорія, разсчетъ и вычерчиваніе. Съ 3-мя таблицами чертежей, рѣзанныхъ на камнѣ. Изданіе второе, совершенно передѣланное и значительно дополненное. Харьковъ. 1892. 158 стр. Цѣна 1 руб.; 3) Опредѣленіе чиселъ зубьевъ въ круглыхъ цилиндрическихъ зубчатыхъ колесахъ. Съ 2-мя таблицами чертежей, рѣзанныхъ на камнѣ. Харьковъ. 1892. 47 стр. Цѣна 40 коп.—Первыя двѣ книги рекомендовать для фундаментальныхъ и одобрить для ученическихъ библіотекъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ, а послѣднюю одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

— Книгу: «Святый благовѣрный великій князь Александръ Ярославичъ Невскій. Подробное жизнеописаніе съ рисунками, планами и картами. *М. Хитрова*. Москва. 1893, стр. VI+277. Цѣна 2 руб.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго и средняго возраста библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Сочиненіе іеромонаха Кіево-Печерской лавры *Алексія Виноградова* подъ названіемъ: «Исторія Англійско-Американской Библіи. Части II и III, особенная. Спб. 1891—1892 г.»—допустить къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

— Книжки подъ заглавіемъ: «Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ. *А. П. Мунтъ-Валуева*. Спб. 1892: 1) «Не отъ міра сего. (Изъ жизни Елизаветы Кульманъ. 1808—1825). Стр. 56. Цѣна 10 коп.», 2) «Друзья слѣпыхъ и глухонѣмыхъ (аббатъ Л'Эпе, Самуилъ Гейнике и Валентинъ Гей). Стр. 41. Цѣна 10 коп.», 3) «Веньяминъ Франклинъ. Стр. 50. Цѣна 10 коп.»—*первую* допустить, а *вторую* и *третью* одобрить для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній; а послѣднія двѣ, сверхъ того, включить въ каталогъ книгъ, одобренныхъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Практическій краткій учебникъ латинскаго синтаксиса съ упражненіями для перевода съ русскаго языка на латинскій для III, IV, V, VI классовъ гимназій, согласно съ новыми учебными программами (1890 г.). Составилъ *И. Виноградовъ*, преподаватель въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1893,

стр. XI+312»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства въ среднихъ и старшихъ классахъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: «Антигона Софокла. Латинскія партіи трагедіи, съ метрическими дѣленіями, музыкою и иллюстраціями, съ приложеніемъ указаній для постановки трагедіи на сценѣ, издалъ *Степанъ Цыбульскій*, учитель Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи. 1890. Въ 4-ю д. л., стр. 48. Цѣна 3 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Элементарная алгебра. Составилъ *А. Киселевъ*. 3-е, улучшенное изданіе, содержащее курсъ классическихъ гимназій и 6-ти классовъ реальныхъ училищъ. Москва. 1893, стр. VII+IV+287. Цѣна 1 руб. 25 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: «Дополнительныя статьи алгебры. Курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Составилъ *А. Киселевъ*. Москва. 1893, стр. IV+104»—одобрить въ качествѣ руководства при прохожденіи алгебры въ дополнительномъ классѣ реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Курсъ элементарной геометріи *А. Боса* и *М. Ребъера*. Перевелъ *Н. Де-Жоржъ*, преподаватель математики С.-Петербургской 8-й гимназіи. Изданіе 2-е. Спб. 1892, стр. VII+406. Цѣна 1 руб. 65 коп.»—одобрить въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Курсъ низшей геодезіи. Составилъ *А. Бикъ*, межевой инженеръ, старшій преподаватель Константиновскаго межеваго института. Часть I. Москва. 1891, стр. XVI+410. Цѣна 3 руб.—Часть II. Москва. 1892, стр. IX+353. Цѣна 3 руб.»—рекомендовать для библіотекъ фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Исторія 44-го драгунскаго Нижегородскаго полка. Томъ I. Составилъ *В. Потто*. Спб. 1892. Въ 4-ю д. л., стр. VIII+193»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги, составленныя *К. Смирновымъ*, подъ заглавіемъ: «Учебная книга географіи. Изданіе 32-е. Спб. 1892; 1) «Азія, Африка, Америка и Австралія въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназическій, стр. 128. Цѣна 60 коп.», и 2) «Европа въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназическій, стр. 96. Цѣна 60 коп.»—одобрить въ видѣ руководства по географіи для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Lectures et exercices de langue française pour les classes inférieures et moyennes par *Alfred Anspach*, maître de langue et littérature française à l'ecole St.-Pierre. St.-Pétersbourg. 1893, pages 422+VIII. Prix 1 rouble»—допустить, какъ пособіе при преподаваніи французскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній съ тѣмъ, чтобы для слѣдующаго изданія авторъ тщательно пересмотрѣлъ и исправилъ свой трудъ согласно съ замѣчаніями Ученаго Комитета и обратилъ особенное вниманіе на исправленіе словаря и отдѣла: Gallicismes et proverbes.

— Книги: 1) «*Максъ Фишеръ*. Deutsche Grammatik. Etymologie, Syntaxis, Poëtik, Orthographisches Wörterzeichniss. Zweite Auflage. (Нѣмецкая

грамматика. Этимологія, Синтаксисъ, Стихосложеніе, Орѳографическій указатель. 2-е изданіе). Москва. 1892, стр. XX+267. Цѣна 1 р. 25 коп.»—2) «Die beliebtesten Märchen der Brüder *Grimm*. Лучшія сказки братьевъ *Гриммовъ*. Пособіе для класснаго чтенія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Обработалъ и словаремъ, методическими вопросами для повторенія текста и 160 темами для письменныхъ и устныхъ упражненій (изложеній, описаній, сочиненій и т. п.) снабдилъ *Максъ Фишеръ*, помощникъ инспектора Московской практической академіи коммерческихъ наукъ. Изданіе 4-е. Москва. 1892. Цѣна 60 коп.»—одобрить—первую какъ руководство для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, гдѣ нѣмецкая грамматика преподается на нѣмецкомъ языкѣ; а вторую—какъ весьма полезное пособіе при обученіи нѣмецкому языку въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Deutsches Lesebuch von *Th. Anderson*. II Theil. 2 Auflage. Нѣмецкая хрестоматія *Ѳ. К. Андерсона*. Часть II. Изданіе 2-е. Спб. 1892, стр. 269. Цѣна 75 коп.»—одобрить, какъ учебное пособіе при преподаваніи нѣмецкаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ.

— Брошюру: «Береженаго Богъ бережетъ. Что такое холера, какъ отъ нея уберечься и чѣмъ ее лечатъ. Съ рисунками и картой. Составилъ врачъ *С. Бѣлицъ-Гейманъ*. Москва. 1892, стр. 45. Цѣна 15 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: «Практическая фармакологія по рецептамъ современныхъ клиницистовъ. Составилъ *М. Боголюбовъ*, докторъ медицины. Изданіе 2-е, вновь обработанное и распространенное, съ 1.800 рецептами. Москва. 1893, стр. X+338. Цѣна 3 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ тѣхъ учебныхъ заведеній, при которыхъ вообще состоитъ врачъ.

— Книгу: «Грамматика древне-(церковно) славянскаго языка. Для среднеучебныхъ заведеній, составилъ *П. Бракенгеймеръ*. Изданіе 3-е. Одесса. 1892, стр. 56. Цѣна 35 коп.»—допустить, какъ руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи авторъ сдѣлалъ въ ней измѣненія, указанныя Ученымъ Комитетомъ, и упростилъ могущіе затруднять учениковъ IV класса филологическіе объясненія и термины.

— Книгу: «Берегите здоровье! Общедоступныя бесѣды о строеніи человѣческаго тѣла и сохраненіи здоровья. Посвящается сельскому духовенству и народнымъ учителямъ. Составила *М. М. Соколова*, учительница начальной городской школы, подъ редакціею женщины-врача *Е. Н. Залѣсовой*. Москва. 1893, стр. XII+272. Цѣна 50 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, также учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Курсъ Парижской кройки». М-мъ *Теодоръ*. Спб. 1890. Цѣна 3 руб., съ тетрадью чертежей. 183 стр.—одобрить къ употребленію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе Императора Николая I.

(Продолженіе).

II. Въ русскихъ интересахъ, конечно, нельзя было не желать, чтобы еврейскія училища въ Россіи съ самаго начала своего существованія были поставлены въ возможность вести свою работу въ русско-національномъ духѣ. Къ этому и призывала ихъ Высочайшая воля, признавшая учрежденіе школъ однимъ изъ лучшихъ средствъ къ тому, чтобы обратить евреевъ на путь полезной дѣятельности, воспитать въ нихъ полезныхъ русскихъ гражданъ. Еврейскія школы и могли-бы выполнить эту задачу; но для этого нужно было позаботиться, чтобы въ нихъ нераздѣльно царствовалъ русскій духъ, чтобы, съ расширеніемъ свѣдѣній учащихся о Россіи, учащіеся постепенно все болѣе и болѣе овладѣвали русскимъ языкомъ, чтобы въ теченіе пребыванія въ школѣ еврейскихъ дѣтей было обращено полнѣйшее вниманіе на уничтоженіе или, по крайней мѣрѣ, ослабленіе въ учащихся нравственныхъ недостатковъ, свойственныхъ русскимъ евреямъ, и укрѣпленіе въ нихъ наиболѣе симпатичныхъ свойствъ человѣка русскаго, чтобы обучающіеся въ школахъ еврейскія дѣти постепенно были приводимы къ убѣжденію, что привязанность къ вѣрѣ отцовъ отнюдь не исключаетъ для нихъ возможности и священной обязанности быть дѣятельными и вѣрными слугами великаго русскаго отечества и служить русскимъ интересамъ.

Что-же мы видимъ въ училищахъ, проектированныхъ графомъ Уваровымъ? Учителямъ русскихъ учебныхъ заведеній совершенно закрытъ былъ, по крайней мѣрѣ, на первое время, доступъ въ новыя заведенія; въ качествѣ учителей должны были явиться въ нихъ евреи-иностранцы. А при наличности такого условія могъ-ли царить въ новыхъ школахъ русскій духъ, могли-ли обучающіеся въ нихъ

получить образованіе въ русскомъ духѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ слишкомъ понятенъ. Воспитателями въ новыхъ школахъ должны были явиться люди, чуждые Россіи, незнакомые ни съ исторіей, ни съ нравами ея жителей, быть можетъ, несвободные отъ предвзятыхъ мнѣній о Россіи. Очевидно, такіе люди, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, могли дать обучающимся только нѣмецкое воспитаніе, могли развить въ нихъ лишь тѣ чувства и стремленія, какія должны отличать нѣмецкаго образованнаго еврея, и ужъ меньше всего могли дать еврейскому юношеству «моральное направленіе, согласное съ общими учрежденіями государства», котораго они совершенно не знали. Послѣдующая исторія и показала всю справедливость изложеннаго замѣчанія. Впослѣдствіи въ раввинскихъ училищахъ въ рукахъ воспитанниковъ всего чаще бывали творенія Шиллера, Гёте, Клопштока, Виланда, Геснера и другихъ, и меньше всего произведенія русскихъ авторовъ *). Назначеніе учителями въ новыхъ школахъ нѣмецкихъ евреевъ должно было имѣть и другое печальное слѣдствіе. Отъ этихъ лицъ нельзя было требовать знанія русскаго языка, и графъ Уваровъ долженъ былъ допустить, чтобы языкомъ преподаванія въ нихъ былъ, на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ, языкъ нѣмецкій. Эта послѣдняя уступка уже почти окончательно лишала новую школу возможности послужить дѣлу сближенія евреевъ съ русскими. Если-бы языкомъ преподаванія въ школѣ былъ признанъ русскій языкъ, то и при иностранномъ родопроисхожденіи воспитателей, учащіеся въ этихъ школахъ выучивались-бы болѣе или менѣе хорошо понимать русскую рѣчь, письменную и устную, и, слѣдовательно, получали-бы доступъ къ чтенію и пониманію русской литературы, обмѣну мыслей съ русскими и т. д. Признаніе языкомъ преподаванія нѣмецкаго языка совершенно устраняло возможность такихъ разсчетовъ. Правда, учащіеся должны были слушать, между прочимъ, въ училищахъ и уроки русскаго языка; но развѣ есть возможность овладѣть такимъ языкомъ, какъ русскій, когда обучающійся занимается имъ лишь нѣсколько часовъ въ недѣлю? Если-бы еще учащимся приходилось слышать этотъ языкъ и упражняться въ немъ въ домахъ родителей, классное преподаваніе тогда несомнѣнно пошло-бы успѣшнѣе; но въ описываемое время лишь самое незначительное меньшинство евреевъ могло понимать и употреблять русскую рѣчь. Такимъ образомъ приходилось мириться и съ тѣмъ, чтобы обучающіеся въ новыхъ школахъ выходили изъ нихъ безъ обстоятельнаго знакомства съ государственнымъ языкомъ.

---

*) «Восходъ». 1888 г. Кн. 12. Современная лѣтопись, стр. 49.

Необходимость призыва въ еврейскія училища учителей-иностранцевъ мотивирована тѣмъ, что тогда въ Россіи, будто-бы, не было еще образованныхъ евреевъ. Но если-бы эта ссылка и оправдывалась самымъ дѣломъ (впослѣдствіи найдено-же было возможнымъ обойтись безъ иностранныхъ евреевъ), то изъ этого слѣдовало-бы только то, что училища надо открывать по мѣрѣ того, какъ будутъ подготовляться учителя изъ русскихъ евреевъ, если уже не допускать въ эти училища учителей-христіанъ. При этомъ условіи, конечно, было невозможно открыть одновременно массу училищъ, но ужъ лучше было-бы отказаться отъ мысли одновременно открыть массу училищъ, чѣмъ открывать училища, которыя завѣдомо не могли послужить той цѣли, ради которой они открывались, и мириться съ крайними неудобствами, какія влекъ за собой призывъ учителей-иностранцевъ. Высказанная мысль тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе, что, вѣдь, одновременное открытіе массы еврейскихъ школъ было и немыслимо до открытія Министерству кредита на устройство этихъ школъ. Этимъ временемъ (около 10 лѣтъ, какъ оказалось въ дѣйствительности) и можно было воспользоваться для подготовки учителей изъ русскихъ евреевъ.

Затѣмъ, нельзя не обратить вниманія еще на одну частность въ составѣ учебнаго курса проектированныхъ училищъ. Графъ Уваровъ, какъ уже сказано, считалъ нужнымъ ввести въ эти училища преподаваніе еврейскаго языка; сдѣлалъ онъ въ тѣхъ видахъ, чтобы, поставивъ учащихся въ возможность читать въ подлинникѣ Библію, подорвать традиціонное уваженіе ихъ къ талмуду. Графъ Уваровъ едва-ли полагалъ, что изученіе молодыми евреями древняго еврейскаго языка будетъ имѣть иное значеніе, кромѣ того, которое имъ указано въ разсматриваемыхъ запискахъ. А между тѣмъ, въ дѣйствительности введеніе еврейскаго языка въ число предметовъ преподаванія въ еврейскихъ школахъ должно было получить для евреевъ гораздо большее значеніе, чѣмъ думалъ графъ Уваровъ, и притомъ не въ томъ направленіи, о которомъ говорилъ онъ. Дѣло вотъ въ чемъ *). До конца прошлаго столѣтія группы евреевъ, жившихъ въ различныхъ странахъ Западной Европы, при отсутствіи живыхъ и постоянныхъ сношеній, все болѣе и болѣе разъединялись по отношенію къ языку. Въ обыденной жизни евреи каждой страны употребляли особенные жаргоны, рѣзко отличавшіеся одинъ отъ другого; при богослуженіи употреблялся вездѣ еврейскій языкъ, но не

*) Исторія евреевъ проф. Гретца. Глава IV (109—157).

чистый, а значительно испорченный мѣстными жаргонами, вслѣдствіе чего и богослужебный языкъ группы евреевъ, жившихъ въ одной странѣ, мало былъ понятенъ евреямъ другихъ странъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія вредъ этой разъединенности евреевъ по отношенію къ языку былъ вполнѣ понятъ образованными берлинскими евреями и въ средѣ ихъ нашлось нѣсколько лицъ, которыя пришли къ мысли о созданіи одного литературнаго и богослужебнаго языка для евреевъ всѣхъ странъ. Такимъ языкомъ долженъ былъ стать древнееврейскій языкъ. Его нужно было только очистить отъ наростовъ, образовавшихся на немъ въ теченіе вѣковъ, отъ мѣстныхъ искаженій и приспособить для выраженія такихъ понятій, которыя были чужды древнему еврейству. Для достиженія этой цѣли предположено было издавать журналъ «Меассефъ» (Собиратель). Въ 1783 г. эта идея осуществилась. Появленіе этого изданія встрѣчено было съ восторгомъ образованными евреями всѣхъ странъ Западной Европы, и вездѣ нашлись не только читатели его, но и сотрудники. Воздѣлыватели еврейскаго языка изъ разныхъ странъ протянули другъ другу руки: это было братство, распространившееся до Голландіи, Франціи, Италіи и Россіи.

«Меассефъ» сослужилъ великую службу еврейскому дѣлу. Идея, надъ распространеніемъ и осуществленіемъ которой онъ главнымъ образомъ трудился, была быстро усвоена евреями, и когда, 25 лѣтъ спустя, Якобсонъ, предсѣдатель еврейской Вестфальской консисторіи, задумалъ ввести въ богослуженіе нѣмецкій языкъ, противъ него обнаружилось весьма сильное движеніе въ еврейскомъ мірѣ. Новшества Якобсона представлялись опасными именно потому, что введеніе въ богослуженіе нѣмецкаго языка грозило ослабить въ сознаніи евреевъ важность изученія еврейскаго языка и, слѣдовательно, ослабить связь, соединявшую до сихъ поръ всѣхъ разсѣянныхъ по разнымъ странамъ евреевъ. Независимо отъ этого «Меассефъ», а за нимъ и другія однородныя съ нимъ періодическія изданія чрезвычайно много принесли еврейству пользы тѣмъ, что они явились проводниками въ темный еврейскій міръ современной образованности. Такого рода изданія содѣйствовали распространенію образованія въ средѣ евреевъ не меньше, чѣмъ школы.

Мало-по-малу произведенія подобнаго рода стали проникать и въ Россію. Но широкому распространенію ихъ здѣсь мѣшали сколько гоненія, воздвигнутыя раввинами-талмудистами противъ «книжонокъ малаго формата съ коротенькими строчками», считавшихся источникомъ всякаго зла, столько-же и малое знакомство тогдашнихъ рус-

скихъ евреевъ съ древнимъ еврейскимъ языкомъ. Рѣшеніе ввести преподаваніе еврейскаго языка въ школы для евреевъ должно было совершенно измѣнить и дѣйствительно скоро измѣнило такое положеніе дѣлъ. Постепенное распространеніе между русскими евреями знанія древняго еврейскаго языка посредствомъ школъ естественнымъ образомъ содѣйствовало сплоченію громадной части еврейскаго населенія въ Россіи съ остальнымъ еврействомъ, пріобщенію его къ западно-европейской культурѣ въ томъ видѣ, какой давала ей еврейская журналистика. Молодежь еврейская пристрастилась тогда къ новой умственной пищѣ, какую находила въ сочиненіяхъ Вессели, Эйхеля, Сатанова, Рапопорта и другихъ. Скоро стали появляться въ этого рода журналистикѣ и имена русскихъ евреевъ. Явилась и въ Россіи еврейская періодическая печать, которая долгое время и потомъ оставалась почти единственнымъ источникомъ для ознакомленія еврейской массы съ міровыми событіями,—конечно, въ еврейскомъ освѣщеніи *). Съ этой точки зрѣнія введеніе еврейскаго языка въ число предметовъ преподаванія въ еврейскихъ школахъ должно было имѣть громадное значеніе, хотя и нельзя сказать, чтобы русскіе интересы выигрывали что-либо отъ этого. Но объ этой-то сторонѣ дѣла графъ Уваровъ, кажется, и не догадывался. Въ одной изъ своихъ записокъ онъ говоритъ, что еврейскій языкъ въ его время извѣстенъ былъ гораздо больше еврейскому духовенству, чѣмъ раввинамъ. Такое положеніе рѣшительно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и высказать его было возможно лишь подъ условіемъ полнаго незнакомства съ дѣятельностью сотрудниковъ «Меассефа» и другихъ еврейскихъ изданій.

III. Въ то время, какъ для образованія евреевъ проектировалось учредить училища не только въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, но и въ мѣстечкахъ и даже селахъ, когда для распространенія реальныхъ знаній между евреями признавалось нужнымъ учреждать при высшихъ училищахъ дополнительные реальные курсы, и въ тѣхъ училищахъ, гдѣ будетъ замѣчено особое стремленіе еврейскаго юношества къ высшему образованію, предполагалось расширять преподаваніе, чтобы доставить учащимся средства подготовиться къ вступленію въ среднія и высшія заведенія, въ это время по отношенію къ христіанскому населенію Россіи и всѣмъ иновѣрцамъ съ неуклонной послѣдовательностью примѣняемъ былъ принципъ, въ силу котораго «развитіе стремящихся къ высшему образованію слѣдовало со-

*) «Евр. Библіотека». Ландау. Кн. I. Статья: «Обзоръ современной еврейской литературы».

размѣрять съ будущимъ назначеніемъ въ жизни гражданской [1])» и соотвѣтственно этому «стремленіе молодежи къ образованію слѣдовало удерживать въ предѣлахъ соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ различныхъ сословій» [2]).

Въ силу этого принципа солдатскихъ дѣтей, хотя-бы они родились уже по увольненіи ихъ отцовъ въ отставку, рѣшительно было воспрещено принимать не только въ гимназіи и уѣздныя училища, но даже и въ приходскія училища, а дѣтямъ лицъ крѣпостного состоянія, доколѣ они оставались въ этомъ состояніи, былъ открытъ доступъ лишь въ приходскія и уѣздныя училища, но дополнительныхъ курсовъ они не могли проходить. Въ Виленскомъ учебномъ округѣ дѣтей крѣпостныхъ крестьянъ не допускали, впрочемъ, и въ уѣздныя училища[3]). Дѣтямъ казенныхъ крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ 2-ой и 3-ей гильдіи можно было поступать въ гимназіи, но подъ тяжелымъ условіемъ — представить отъ обществъ, къ которымъ они принадлежали, свидѣтельство объ увольненіи ихъ дѣтей отъ рекрутской и другихъ повинностей [4]).

Такимъ образомъ, для евреевъ — именно потому, что они считались «вредными» гражданами, создавалась громаднѣйшая привиллегія, ставившая ихъ въ отношеніи доступа къ образованію выше десятковъ милліоновъ русскихъ подданныхъ, вовсе не считавшихся вредными.

Дарованіе такой громадной привиллегіи объяснялось желаніемъ дать евреямъ возможность переродиться, воспринять желанное для Россіи моральное направленіе, стать полезными русскими гражданами; но развѣ эта высочайшая цѣль могла быть достигнута при помощи тѣхъ средствъ, которыя указаны въ запискахъ графа Уварова? Нельзя, конечно, отрицать, что образованіе облагораживаетъ человѣка, что истинно образованный человѣкъ неспособенъ къ совершенію дѣйствій, создавшихъ евреямъ репутацію вредныхъ членовъ общества; но это вѣдь отнюдь не значитъ, чтобы всякій, поучившійся въ учебномъ заведеніи eo ipso превращался уже въ человѣка, съ любовью и готовностью исполняющаго строгія требованія нравственности. Напротивъ, полуобразованіе, недостаточное образованіе зачастую содѣйствуетъ развитію въ человѣкѣ безнравственныхъ принциповъ, примѣ-

[1]) Сборникъ распор. по Мин. Нар. Просв. Т. II, стр. 487.

[2]) Сборникъ постан. по Мин. Нар. Просв. Т. II, отд. II, стр. 495. Изд. 1864 г.

[3]) Сборникъ распор. Т. I, стр. 985. Дѣло канц. поп. В. У. О. Св. 158, № 1349.

[4]) Сборникъ постан. Т. II, отд. I, стр. 989.

неніе которыхъ къ жизни дѣлаетъ человѣка вреднымъ, даже опаснымъ для общества. Какое-же образованіе могли получать евреи въ проектированныхъ училищахъ?

При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ большинство евреевъ проходило-бы лишь чрезъ низшія училища, гдѣ-бы оно усвояло себѣ начала чтенія русскаго, нѣмецкаго и еврейскаго и знакомилось-бы съ первыми четырьмя ариѳметическими дѣйствіями. Но вѣдь этотъ курсъ слишкомъ ограниченъ, чтобы можно было хоть сколько-нибудь серьезно на прохожденіи его обосновывать надежду на перерожденіе евреевъ. Курсъ высшихъ училищъ былъ гораздо серьезнѣе, но онъ мало приспособленъ былъ для того, чтобы воспитать учащихся въ національномъ русскомъ духѣ. Если онъ располагалъ и подготовлялъ ученика понимать и любить произведенія корифеевъ нѣмецкой литературы и представителей новообразовавшейся тогда еврейской литературы въ большей степени, чѣмъ произведенія русской литературы, если онъ болѣе знакомилъ съ общественной и политической жизнью Германіи и германскаго еврейства, чѣмъ со складомъ русской жизни и условіями реальной жизни русскаго еврейства, то и высшая еврейская школа слишкомъ мало могла содѣйствовать достиженію цѣли, которую преслѣдовало правительство.

Все, что могла дать еврейская школа, это поднять уровень развитія учащихся евреевъ, обогатить ихъ извѣстнымъ количествомъ общеобразовательныхъ свѣдѣній и содѣйствовать распространенію русскаго языка между евреями, но основныя черты еврейскаго характера въ большинствѣ случаевъ могли оставаться совершенно нетронутыми. А при этомъ условіи учившіеся евреи могли сдѣлаться даже болѣе вредными для простого народа, чѣмъ нигдѣ не учившіеся. Знаніе и развитіе, хотя-бы и недостаточныя, во всякомъ случаѣ есть сила, и кто владѣетъ этой силой, тому не трудно занять доминирующее положеніе въ окружающей его темной семьѣ. Осмотрительно-ли было давать въ руки евреямъ это сильное оружіе? До сороковыхъ годовъ они не владѣли силой знанія, до тѣхъ поръ еврейская масса считала даже грѣхомъ изучать или читать какія-бы-то ни было сочиненія, кромѣ талмуда; и тѣмъ не менѣе евреи, пользуясь невѣжествомъ и страстями окружавшаго ихъ крестьянскаго люда, сумѣли въ сильной степени подчинить своему вліянію темный народъ. Съ устройствомъ проектированныхъ Уваровымъ училищъ, евреи ставились въ возможность овладѣть силой знанія. И что если-бы они воспользовались своимъ развитіемъ для достиженія темныхъ цѣлей? Вѣдь тогда темному христіанскому населенію Западной Россіи совсѣмъ не

по силамъ была-бы борьба съ воспитанной вѣками еврейскою ловкостью, усиленной еще знаніемъ, развитіемъ?

Не то мы хотимъ сказать приведенными замѣчаніями, что не слѣдовало открывать евреямъ доступъ къ образованію. Еврей, какъ и всякій русскій подданный, имѣетъ право на образованіе соотвѣтственно его положенію въ обществѣ. По нашему мнѣнію, не нужно было только давать имъ привиллегій сравнительно съ низшими христіанскими сословіями. И думается намъ, всего лучше было-бы, если-бы, одновременно съ предоставленіемъ извѣстныхъ льготъ евреямъ, льготы эти были предоставлены и всѣмъ низшимъ сословіямъ въ государствѣ. Допущеніе къ образованію низшихъ сословій въ государствѣ, по крайней мѣрѣ, въ равной съ евреями мѣрѣ было-бы тѣмъ болѣе полезно, что оно наиболѣе ограждало-бы эти классы отъ вреднаго вліянія евреевъ, къ чему и стремилось правительство. Этого желаннаго огражденія невозможно достигнуть внѣшними мѣрами. Надобно, чтобы въ самомъ ограждаемомъ была возбуждена сила противодѣйствія вредному вліянію. Образованіе и дало-бы низшимъ сословіямъ эту силу; извѣстно вѣдь, что грамотный, толковый и развитой крестьянинъ не такъ легко поддается вліянію евреевъ, какъ крестьянинъ неграмотный, совершенно не развитый.

Въ январѣ 1841 года проектъ графа Уварова поступилъ въ Комитетъ и былъ разсмотрѣнъ этимъ послѣднимъ въ теченіе двухъ дней. При такомъ неимовѣрно быстромъ разсмотрѣніи проекта онъ, понятно, не могъ быть оцѣненъ по достоинству. И дѣйствительно, Комитетъ, оставивъ неприкосновенными основныя положенія проекта, высказался лишь по поводу нѣкоторыхъ его пунктовъ. Наиболѣе важными изъ поправокъ Комитета надобно считать слѣдующія двѣ. Высшія училища Комитетъ приравнялъ по учебному курсу общихъ предметовъ къ уѣзднымъ училищамъ, а низшія — къ приходскимъ училищамъ; но при этомъ онъ предоставилъ Министерству право сдѣлать въ проектѣ устава измѣненія, какія въ предметахъ преподаванія окажутся необходимыми. На вызовъ учителей изъ-за границы Комитетъ согласился, но только для высшихъ училищъ. Что касается низшихъ училищъ, то Комитетъ считалъ возможнымъ найти кандидатовъ на эти должности и въ Россіи: на первый разъ эти мѣста могли быть предоставлены благонадежнѣйшимъ изъ меламдовъ, а на будущее время учителя для нихъ могли быть подготовляемы въ высшихъ училищахъ.

Послѣ того, какъ постановленіе Комитета удостоилось Высочайшаго утвержденія, Министерство Народнаго Просвѣщенія немедленно

принялось за составленіе проекта устава, для каковой цѣли вызванъ былъ въ Петербургъ директоръ Шлокскаго училища Лиліенталь.

Между тѣмъ слухи о подготовлявшемся устройствѣ еврейскихъ училищъ скоро распространились не только въ Россіи, но и за границей. Партія молодыхъ образованныхъ евреевъ, все болѣе и болѣе увеличивавшаяся, съ восторгомъ встрѣтила эти слухи и смѣло заговорила о необходимости для евреевъ рѣшительно пойти на встрѣчу благодѣтельнымъ для нихъ предначертаніямъ правительства *).

Заграничные евреи, съ большимъ интересомъ слѣдившіе за постепеннымъ возникновеніемъ въ Россіи частныхъ еврейскихъ школъ подъ дѣйствіемъ положенія 1835 года, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ узнали о желаніи правительства устроить для образованія евреевъ повсемѣстно во всей ихъ осѣдлости училища въ духѣ воззрѣній ново-іудейской школы и о намѣреніи его замѣстить учительскія должности въ этихъ училищахъ вызванными изъ-за границы евреями. Тогда полетѣли въ Петербургъ, на имя графа Уварова, отъ заграничныхъ евреевъ письма, въ которыхъ они восторженно апплодировали намѣреніямъ правительства и не поскупились на комплименты и Государю, и Его Министру.

Графъ Уваровъ былъ безконечно доволенъ полученными имъ дифирамбами. Чрезвычайно чувствительный ко всякаго рода похвалѣ, какая исходила изъ-за границы, онъ не обратилъ вниманія даже на то, что въ числѣ приславшихъ восторженныя письма было нѣсколько такихъ лицъ, которыя, съ осуществленіемъ реформы еврейскаго образованія, разсчитывали пріобрѣсть себѣ вѣрный кусокъ хлѣба въ Россіи и, слѣдовательно, имѣли прямое основаніе изъ-за личныхъ интересовъ расхваливать виновника реформы. Письма эти такъ понравились графу Уварову, что выдержки изъ нихъ онъ счелъ необходимымъ довести до свѣдѣнія Государя Императора въ особомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 17 марта 1841 г.

Фактъ восторженнаго одобренія заграничными евреями основныхъ началъ задуманнаго преобразованія не прошелъ безслѣдно и для самаго существа его. Одобреніе это подѣйствовало на Уварова возбуждающимъ образомъ и, какъ-бы въ благодарность заграничнымъ евреямъ за ихъ лестные отзывы о предпринимаемой реформѣ, графъ Уваровъ въ вышеупомянутомъ докладѣ 17 марта высказался за созданіе такого числа еврейскихъ училищъ, въ которыхъ могли-бы обучаться

*) См., напр., посланіе Брестскихъ «друзей новаго просвѣщенія», сообщаемое Моргулисомъ въ его сочиненіи: «Вопросы еврейской жизни», стр. 24, 25.

всѣ еврейскіе мальчики. Правда, для обученія всего этого громаднаго количества дѣтей не было ни учителей, ни финансовыхъ средствъ; тѣмъ не менѣе, я не теряю надежды, говоритъ онъ,—что въ семъ отношеніи благодѣтельные виды Вашего Величества увѣнчаются успѣхомъ.

Да, онъ не терялъ надежды создать школы для обученія всѣхъ еврейскихъ дѣтей мужскаго пола, по приблизительному разсчету болѣе 50.000, въ такое время, когда простой русскій народъ попрежнему оставался въ непроглядной тьмѣ невѣжества, когда число учащихся во всѣхъ казенныхъ и частныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ въ чертѣ осѣдлости евреевъ не превышало 63.000 *).

Но мечтамъ этимъ не суждено было осуществиться. Тѣ именно лица, на которыхъ болѣе всего разсчитывалъ Уваровъ, въ которыхъ онъ думалъ найти лучшихъ помощниковъ въ дѣлѣ устройства новыхъ еврейскихъ учебныхъ заведеній, эти-то именно лица своимъ образомъ дѣйствій и поставили Уварова въ необходимость отказаться отъ приведенія въ исполненіе уже готовыхъ проектовъ. Своей неумѣстной торопливостью, излишней самонадѣянностью, суетнымъ желаніемъ прослыть реформаторами еврейскаго образованія, близкіе къ графу Уварову образованные евреи сумѣли оттолкнуть еврейскую толпу отъ проектируемыхъ школъ и создать устройству ихъ такую сильную, хотя и пассивную оппозицію, что и энергія графа Уварова должна была уступить ей. Оппозиція эта проявилась прежде всего въ Сѣверо-западномъ краѣ Россіи.

Въ Вильнѣ, какъ мы знаемъ, съ февраля 1841 года существовало частное еврейское училище Розенталя. Судя по всѣмъ даннымъ, Розенталь былъ человѣкъ опытный въ дѣлахъ, смѣтливый, сообразительный и въ то-же время въ достаточной мѣрѣ честолюбивый. Письменныя сношенія съ евреями, имѣвшими доступъ къ графу Уварову, и личныя бесѣды съ нимъ при посѣщеніяхъ Петербурга познакомили Розенталя съ воззрѣніями Министра на существовавшія у евреевъ школы и привели его къ заключенію, что дѣло объ открытіи новыхъ училищъ поставлено твердо, что Министръ со всей энергіей примется за него при первой возможности и что лишь недостатокъ денежныхъ средствъ мѣшаетъ ему до времени осуществить давно лелѣемыя мечты. Розенталь принялъ къ соображенію всѣ эти свѣдѣнія и рѣшился предложить Министру свои услуги по приведенію его предначертаній въ

*) Таблица учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ Россійской Имперіи. Спб 1838 г.

*

исполненіе, по крайней мѣрѣ въ Вильнѣ, не ожидая рѣшенія общаго вопроса объ ассигнованіи средствъ на открытіе и содержаніе еврейскихъ училищъ. Этотъ рѣшительный шагъ долженъ былъ, по его разсчетамъ, снискать ему особенное благоволеніе Министра и, конечно, поставить его во главѣ управленія учебными еврейскими заведеніями Вильны.

Осенью 1841 года, въ бытность въ Петербургѣ, Розенталь довелъ до свѣдѣнія Министра Народнаго Просвѣщенія, что «по недоброжелательству и укоренившимся предразсудкамъ», открытое имъ училище стремится къ упадку и безъ поддержки, вѣроятно, рушится, хотя, замѣтимъ кстати, никакихъ данныхъ въ подтвержденіе этого положенія Розенталь не привелъ. Чтобы предотвратить этотъ упадокъ, Розенталь рекомендуетъ два средства.

Прежде всего необходимо оказать училищу денежную поддержку. Но при этомъ нѣтъ необходимости обращаться ни къ казеннымъ средствамъ, ни къ суммамъ коробочнаго сбора. Будучи старшиной двухъ еврейскихъ братствъ въ Вильнѣ: «погребальнаго» и «украшенія храма», Розенталь удостовѣряетъ, что изъ поступающихъ въ оныя доходовъ, при надлежащей бережливости въ расходованіи оныхъ, откладывая 10% собираемой суммы, можно безъ труда составить до 1.000 руб. въ годъ на поддержаніе еврейскаго училища.

Но, главное, необходимо подчинить особому надзору издавна существующія у евреевъ училища. Въ Вильнѣ находится, доносилъ Розенталь, талмудическая школа для обученія дѣтей бѣдныхъ евреевъ, содержимая общимъ иждивеніемъ; она имѣетъ собственный домъ и дохода до 2.000 руб. ежегодно; но, вмѣсто образованія юношества, она лишь удаляетъ евреевъ отъ просвѣщенія и содѣйствуетъ укорененію въ нихъ превратныхъ понятій о важнѣйшихъ предметахъ жизни. Преобразованіе этой школы требуетъ необыкновенныхъ усилій и участія благонамѣренныхъ единовѣрцевъ. По сему Розенталь признавалъ необходимымъ учредить въ Вильнѣ коммиссію изъ трехъ, по крайней мѣрѣ, членовъ-евреевъ, благомыслящихъ и пользующихся общимъ довѣріемъ; поставить ей въ обязанность изыскивать средства къ содержанію еврейскихъ учебныхъ заведеній и наблюдать какъ за учителями, такъ и за истинно полезнымъ и нравственнымъ образованіемъ юношества и предоставить ей распоряжаться доходами, съ разрѣшенія Министерства. Розенталь былъ настолько любезенъ, что съ своей стороны изъявилъ готовность принять участіе въ трудахъ коммиссіи *).

---

*) Дѣло канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа. Св. 353, № 2.948.

Заявленіе Розенталя вполнѣ соотвѣтствовало воззрѣніямъ Министра и потому было принято имъ благосклонно. Графъ Уваровъ дозволилъ ему на возвратномъ пути изъ Петербурга въ Вильну заѣхать въ Ригу и, пригласивъ съ собою управляющаго Рижскимъ еврейскимъ училищемъ, доктора Лиліенталя, войти съ нимъ въ ближайшее соображеніе упомянутыхъ обстоятельствъ на мѣстѣ и обдумать мѣры къ удобнѣйшему устройству Виленскихъ еврейскихъ училищъ. Сообщая объ этомъ попечителю Бѣлорусскаго учебнаго округа, Министръ проситъ его, принявъ это дѣло въ особое вниманіе, не оставить съ своей стороны ближе развѣдать обстоятельства его, удостовѣриться въ необходимости предлагаемыхъ мѣръ, въ благонадежности лицъ, имѣющихъ участвовать въ надзорѣ за учебными заведеніями и въ управленіи оными и вообще въ возможности успѣха и удовлетворительности мѣръ, клонящихся къ достиженію предположенной цѣли.

16 декабря Лиліенталь прибылъ вмѣстѣ съ Розенталемъ въ Вильну и немедленно принялся за исполненіе возложеннаго на него порученія.

О переговорахъ Лиліенталя съ Виленскимъ еврейскимъ обществомъ мы знаемъ частью изъ донесеній Лиліенталя попечителю округа и Министру *), а частью изъ разсказовъ Лиліенталя въ брошюрѣ: «Meine Reise in Bussland» и въ современныхъ ему нѣмецко-еврейскихъ газетахъ, а равно и изъ писемъ Мандельштамма, помѣщенныхъ въ книгѣ его: «Хозепъ-ла-Моедъ» **).

Въ среду прошлой недѣли (16 декабря 1841 г.), разсказываетъ Мандельштаммъ,—прибылъ сюда (въ Вильну) докторъ Лиліенталь, разъѣзжающій, по порученію Министра, по разнымъ мѣстностямъ еврейской осѣдлости. Представители города встрѣтили его съ большимъ почетомъ. Изъ сочувствія или страха, не знаю; довольно того, что всѣ представители общины и кагальные тузы поспѣшили представиться ему на его квартирѣ. И даже городской проповѣдникъ, считающійся здѣсь чуть-ли не святымъ, облачился въ свой шелковый балахонъ съ субботней штраймель на головѣ и явился къ доктору, чтобы благословить его прибытіе въ Вильну. Кто-бы повѣрилъ шесть-семь лѣтъ тому назадъ, что представители здѣшней общины снизойдутъ до того, чтобы явиться къ «нѣмцу» съ первымъ визитомъ, чтобы пожать руку человѣка безъ бороды и пейсовъ?

Когда народъ удалился изъ квартиры доктора, послѣдній пере-

---

*) Они находятся въ дѣлѣ канцеляріи Св. 356, № 2.948.

**) См. еврейскую библіотеку Ландау, т. VIII, обозрѣніе древне-еврейской литературы, стр. 45—48.

далъ мнѣ и другимъ нашимъ единомышленникамъ о его похожденіяхъ въ Ригѣ, о томъ, что онъ успѣлъ тамъ сдѣлать для воспитанія еврейскихъ дѣтей, о желаніяхъ и намѣреніяхъ Министра Уварова для поднятія уровня евреевъ и уравненія ихъ съ остальнымъ населеніемъ, если только они сами не будутъ противиться благимъ мѣрамъ правительства.

На другой день, 17 декабря, Лиліенталь имѣлъ дѣловое совѣщаніе съ представителями еврейской общины въ Вильнѣ.

Сто выборныхъ *) еврейскаго общества собрались вмѣстѣ, чтобы выслушать предположенія правительства о новыхъ преобразованіяхъ. Когда Лиліенталь вошелъ въ залъ засѣданія, онъ почувствовалъ себя одинокимъ среди всѣхъ этихъ странныхъ фигуръ; онъ былъ, говоря его собственнымъ языкомъ, единственный Deitschel **) между исключительно польскими евреями. Предсѣдатель собранія, богатый человѣкъ, но весьма неблаговидной наружности, великій талмудистъ, но безъ всякаго образованія, имѣвшій огромное вліяніе на массу, какъ своимъ богатствомъ, такъ и своимъ ортодоксальнымъ направленіемъ, привѣтствовалъ Лиліенталя именемъ всего общества. Лиліенталь передалъ собранію въ краткихъ словахъ намѣреніе правительства къ улучшенію быта евреевъ путемъ образованія. «Министръ Уваровъ, другъ евреевъ», сказалъ Лиліенталь, «поручилъ мнѣ сказать вамъ, чтобы вы не выпустили изъ рукъ настоящаго случая, какъ во времена покойнаго государя Александра, когда призванные въ столицу еврейскіе депутаты были отпущены съ величайшею немилостью ***). Желаніе Министра, чтобы евреи учреждали училища сообразно съ духомъ и потребностями времени, прежде чѣмъ правительство вынуждено будетъ заставить ихъ это сдѣлать». При этомъ Лиліенталь высказалъ надежду, что виленское общество, оказывающее такое громадное вліяніе на всѣ еврейскія общества Россіи, покажетъ имъ первый примѣръ и такимъ образомъ сдѣлается благодѣтелемъ своего племени.

---

*) Моргулисъ. Вопросы еврейской жизни, стр. 19.

**) Нѣмчиками или берлинерами называютъ русскіе евреи тѣхъ своихъ единовѣрцевъ, которые отказались отъ всѣхъ особенностей еврейства во внѣшнемъ видѣ. У нѣмчика нѣтъ пейсовъ; онъ носитъ пальто, пиджакъ; онъ надѣваетъ даже фракъ. Берлинерами называютъ такихъ евреевъ со времени Мендельсона, жившаго въ Берлинѣ и много содѣйствовавшаго сближенію еврейскаго общества съ христіанскимъ («Очерки частнаго быта евреевъ», Небольсина, стр. 13).

***) Это указаніе Лиліенталя ни на чемъ не основано. См. Оршанскій. Русское законодательство объ евреяхъ. Ч. I, стр. 308. Такъ-же мало основательны и другіе разсказы Лиліенталя о положеніи евреевъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра I (Оршанскій, стр. 303, примѣч.).

Председатель собранія, выслушавъ эти заявленія, поставилъ слѣдующій вопросъ: «Докторъ, знакомы-ли вы съ побужденіями нашего правительства? Обхожденіе со всѣми христіанами, за исключеніемъ греческихъ, ясно показываетъ, что правительство имѣетъ въ виду установить одну только церковь въ государствѣ, одно только свое могущество, но не наше будущее благосостояніе; къ сожалѣнію, мы должны признать, что мы мало питаемъ довѣрія къ новымъ мѣропріятіямъ Министра и съ какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ взираемъ въ будущее». Лиліенталь говорилъ собранію, что теперь не время сопротивляться правительству, что дѣло объ основаніи школъ находится въ рукахъ такого человѣка, который непремѣнно дастъ ему ходъ и что всякое сопротивленіе можетъ только навлечь на евреевъ негодованіе правительства. Послѣ того одинъ изъ членовъ собранія потребовалъ отъ Лиліенталя гарантіи въ томъ, что правительство не будетъ посягать на религію евреевъ. На это Лиліенталь отвѣтилъ слѣдующими словами: «родившись въ Россіи, вы, конечно, лучше меня знаете, что мнѣ невозможно представить вамъ въ чемъ-либо гарантію отъ правительства. Воля Государя не ограничена и стоитъ выше всего; онъ можетъ сегодня взять назадъ то, что вчера обѣщалъ; онъ каждый разъ мѣняетъ чиновниковъ и ихъ системы,—какъ-же мнѣ, бѣдному чужестранцу, быть въ состояніи дать какую-либо гарантію? Я на это не уполномоченъ. Все, что я, какъ единовѣрецъ вашъ, могу вамъ обѣщать, это то, что я не сдѣлаю ни шага къ осуществленію правительственнаго плана до тѣхъ поръ, пока не буду имѣть полнѣйшаго ручательства въ томъ, что ничего не будетъ предпринимаемо противъ нашей священной религіи и пока мнѣ не дозволено будетъ оставить свою службу во всякое время, какъ только убѣждусь въ противномъ, и что я не буду отказываться ни отъ какихъ оскорбленій со стороны моихъ собратьевъ въ томъ случаѣ, если я нарушу обѣтъ, данный мною въ эту священную минуту». Но этимъ дѣло еще не кончилось. Одинъ изъ членовъ собранія возбудилъ еще другой вопросъ: «Если правительство даже вполнѣ будетъ намъ гарантировать неприкосновенность религіи нашей, то гдѣ-же ручательство въ томъ, что она не будетъ подорвана новыми идеями просвѣщенія, какъ это было за границей?» Но и это недоразумѣніе разсѣяно было Лиліенталемъ въ томъ смыслѣ, что требованія религіи могли быть приводимы въ согласіе съ требованіями образованія.

Донесенія Лиліенталя попечителю округа не отличаются такими подробностями относительно содержанія бесѣдъ его съ виленскимъ еврейскимъ обществомъ. Лиліенталь лишь вкратцѣ сообщаетъ содер-

жаніе своихъ бесѣдъ съ евреями, не скрывая, впрочемъ, и того, что нѣкоторые изъ евреевъ интригуютъ противъ намѣреній правительства. Оффиціальное сообщеніе, тѣмъ не менѣе, имѣетъ свой интересъ.

Изъ него мы видимъ прежде всего, что Лиліенталь лишь два раза собиралъ еврейское общество для обсужденія вопроса объ открытіи новыхъ еврейскихъ училищъ—17-го и 22-го декабря—и что 22-го декабря уже состоялось постановленіе объ отпускѣ еврейскихъ суммъ на открытіе новыхъ училищъ. Такое успѣшное разрѣшеніе труднаго вопроса нельзя, конечно, всецѣло приписать ловкости, находчивости или краснорѣчію Лиліенталя: впослѣдствіи мы увидимъ, что въ Минскѣ тотъ-же Лиліенталь потерпѣлъ полное фіаско. Здѣсь, въ Вильнѣ, много помогли Лиліенталю усилія мѣстныхъ образованныхъ евреевъ *). Но нельзя отрицать и того, что Лиліенталь, искренно убѣжденный въ необходимости поднять образованіе евреевъ, неутомимо работалъ въ этомъ направленіи и что графъ Уваровъ имѣлъ въ немъ ревностнѣйшаго помощника для осуществленія своихъ плановъ.

Донесеніе Лиліенталя свидѣтельствуетъ и о томъ, что онъ въ высокой степени владѣлъ способностью быстро оріентироваться въ дѣлахъ и создавать финансовыя комбинаціи. Розенталь, постоянный житель Вильны, человѣкъ вліятельный въ еврейскомъ обществѣ и прекрасно знавшій состояніе еврейскихъ денежныхъ средствъ, могъ обѣщать Министру лишь тысячу рублей на еврейскія школы; Лиліенталь въ теченіе первыхъ пяти дней пребыванія въ Вильнѣ открылъ возможность увеличить вдвое эту сумму. По его указаніямъ еврейское общество уже 22-го декабря положило отпускать на новыя еврейскія школы по 2.064 руб.

Лиліенталь былъ очень доволенъ успѣхомъ своихъ переговоровъ съ еврейскимъ обществомъ и поспѣшилъ донести объ этомъ Министру, присоединивъ къ этому донесенію просьбу ободрить еврейское общество оффиціальнымъ отзывомъ къ вящшему содѣйствію и составленію для предполагаемаго къ учрежденію училища учебнаго плана.

Но Лиліенталь не успокоился на томъ, что онъ успѣшно окончилъ данное ему порученіе. Этому ревнителю еврейскаго образованія хотѣлось сдѣлать возможно больше для прочнаго устройства новыхъ школъ. Въ этихъ видахъ онъ занялся рѣшеніемъ двухъ вопросовъ: а) о воз-

---

*) Въ письмѣ, писанномъ послѣ перваго собранія, Мандельштаммъ говоритъ: наши надежды растутъ и увеличиваются. Мы уже настолько успѣли склонить сердца даже представителей кагала къ проектамъ доктора Лиліенталя, что они уже согласны замѣнить хедеры благоустроенными училищами.

можно большемъ увеличеніи суммы на устройство новыхъ еврейскихъ училищъ и б) о составленіи учебнаго для нихъ плана.

Изъ донесеній Лиліенталя *) на имя попечителя округа, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ, видно, что къ концу января 1842 года онъ нашелъ уже возможнымъ увеличить сумму на открытіе еврейскихъ училищъ до 6.000 руб. Нѣтъ необходимости входить въ детальное изложеніе финансовыхъ проектовъ Лиліенталя, но на нѣкоторыхъ изъ нихъ нужно остановиться. Сдѣлать это необходимо для освѣщенія послѣдующихъ событій.

До начала сороковыхъ годовъ еврейскіе частные учителя (меламды) платили въ пользу Виленской Талмудъ-Торы по 7 коп. съ каждаго рубля, получаемаго этими учителями съ родителей, дѣти которыхъ обучались у нихъ. Въ общей сложности этотъ сборъ давалъ до 300 р. въ годъ **). Въ 1840 г. сборъ этотъ, по распоряженію губернскаго начальства, былъ отмѣненъ, и меламды въ годъ прибытія Лиліенталя въ Вильну не платили его. Лиліенталь предложилъ возстановить его и добился отъ еврейскаго общества согласія на это. Это была несчастная мысль. Новыя школы ни въ какомъ случаѣ не могли быть пріятны меламдамъ; какъ-же они должны были ожесточиться противъ этихъ школъ съ тѣхъ поръ, какъ увидѣли себя вынужденными платить въ пользу этихъ ненавистныхъ школъ, и платить послѣ того, какъ въ теченіе послѣдняго года они не платили этого налога и въ пользу Талмудъ - Торы. Возстановлять этотъ налогъ значило прямо вооружать противъ себя и дѣла открытія новыхъ школъ цѣлую массу ожесточенныхъ враговъ. Къ довершенію всего, взысканіе съ меламдовъ установленнаго сбора еврейская община предоставила самому Лиліенталю. Это былъ, по истинѣ, даръ Данаевъ. Лиліенталь поставленъ былъ этимъ постановленіемъ въ прямыя и непосредственныя отношенія къ меламдамъ, а что-же могли дать эти отношенія, кромѣ усиленія раздраженія съ обѣихъ сторонъ?..

Въ теченіе очень длиннаго періода времени въ Вильнѣ былъ особый налогъ съ перемалываемой на мѣстныхъ мельницахъ муки для еврейской пасхи. Сборъ взимался по 1 руб. съ бочки и давалъ въ итогѣ до 600 руб. Этотъ налогъ также былъ уничтоженъ, между прочимъ, по тому соображенію, что обложенная особымъ сборомъ мука была потребляема и христіанами. Лиліенталь предлагалъ воз-

---

*) Дѣло Канц. Попеч. Вил. учеб. округа. Св. 356, № 2.948.

**) Отсюда видно, что виленскіе евреи до 40-хъ годовъ тратили не менѣе 4.000 руб. на плату меламдамъ за обученіе своихъ дѣтей.

становить и этотъ налогъ, и чтобы не распространить его на христіанъ, онъ проектировалъ установить его съ каждой бочки, которая будетъ обращена на еврейскій хлѣбъ. И это была неудачная мысль. Ни одинъ еврей не могъ отказаться отъ пріобрѣтенія муки на пасхальный хлѣбъ, хотя-бы она и была обложена налогомъ; но ни одинъ бѣднякъ, которому каждая копѣйка дорога, не скажетъ спасибо лицу, содѣйствовавшему установленію этого налога, особенно если этотъ налогъ обращается на созданіе учрежденій, которымъ эти бѣдняки не сочувствуютъ.

Для содержанія училища въ посадѣ Шлокскомъ, близъ Риги, тамошнее еврейское общество, какъ было сказано выше, согласилось на установленіе налога съ каждой штуки скота, убиваемаго для употребленія евреями: Лиліенталь задумалъ ввести этотъ налогъ и въ Вильнѣ и разсчитывалъ получить отъ него minimum 1.200 руб. Но онъ забылъ, что одно дѣло—налогъ, учреждаемый по желанію общины, и иное—налогъ, навязываемый извнѣ. Шлокскіе евреи могли безропотно принять налогъ, который они сами учредили; совсѣмъ не такъ должны были отнестись къ платежу этого налога евреи виленскіе, между которыми и бѣдняковъ было больше, чѣмъ въ Шлокскомъ посадѣ. Для виленскихъ евреевъ, особенно бѣдныхъ, этотъ крупный налогъ долженъ былъ казаться тѣмъ болѣе тяжелымъ, что явился онъ совершенно неожиданно и что введеніе его почти совершенно лишало-бы бѣдняковъ возможности покупать мясо.

Трудно понять, какъ Лиліенталь не сообразилъ, что подобными финансовыми проектами онъ могъ нажить себѣ массу враговъ среди еврейскаго общества и что онъ самъ портитъ дѣло, начатое такъ удачно.

Что касается составленія учебнаго плана для новыхъ училищъ, то для Лиліенталя это дѣло не представляло затрудненій. У него былъ подъ рукой уставъ уѣзднаго для еврев училища, составленный въ 1838 году; въ теченіе цѣлаго послѣдняго года онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ трудахъ комитета по составленію проекта еврейскихъ учебныхъ заведеній; непосредственныя сношенія съ Виленскимъ еврейскимъ обществомъ должны были познакомить его съ воззрѣніями мѣстныхъ евреевъ на то, какія имъ нужны учебныя заведенія. При такихъ условіяхъ Лиліенталь могъ быстро приготовить учебный планъ. И дѣйствительно, къ 20 числамъ января 1842 г. этотъ планъ былъ уже готовъ.

Въ общемъ, Лиліенталь оставилъ въ силѣ уставъ 1838 года. Въ организацію школьнаго дѣла сравнительно съ уставомъ 1838 года онъ внесъ слѣдующія измѣненія:

Вмѣсто одного училища, онъ проектировалъ устроить два или три учебно-воспитательныя заведенія, школу для дѣтей состоятельныхъ родителей, школу для бѣдныхъ и при ней сиротскій домъ. Учрежденіе для дѣтей состоятельныхъ родителей отдѣльной школы—особенность, въ высокой степени замѣчательная. Она указываетъ, что въ сферѣ еврейства давно уже образовались своего рода сословія, между которыми капиталъ создавалъ весьма значительную рознь.

При школѣ для бѣдныхъ предположено было открыть еще сиротскій домъ на 60 человѣкъ. Мотивы учрежденія такого пріюта довольно понятны. По настояніямъ Лиліенталя и Розенталя, виленскія благотворительныя еврейскія общества должны были поступиться частью своихъ доходовъ и, слѣдовательно, сократить нѣсколько размѣры своей благотворительности. Чтобы это обстоятельство не возбудило среди бѣдныхъ евреевъ ропота и вмѣстѣ неудовольствія на имѣвшее открыться училище, составители плана и рѣшили открыть свой собственный сиротскій домъ, на первое время на 60 человѣкъ. Очень можетъ быть также, что устройствомъ этого дома и правильной постановкой въ немъ дѣла призрѣнія бѣдныхъ дѣтей составители плана разсчитывали оказать дѣйствительную услугу еврейству, устроивъ сиротскій домъ, который, дѣйствительно, имѣлъ-бы право называться воспитательнымъ заведеніемъ и который могъ-бы послужить образцомъ для устройства и другихъ подобныхъ домовъ.

Въ школу для дѣтей состоятельныхъ родителей имѣли право поступать дѣти всѣхъ тѣхъ родителей, которые имѣли возможность платить по 1 руб. въ мѣсяцъ за мальчика.

Въ школу для бѣдныхъ имѣли преимущественное право поступленія воспитанники сиротскаго дома. Изъ прочихъ дѣтей избирались лишь дѣйствительные бѣдняки, и притомъ дѣти лицъ, пользовавшихся репутаціею честныхъ людей среди еврейскаго общества. Кромѣ того, изъ семейства могъ быть принятъ въ школу только одинъ мальчикъ.

Проектируемыя школы должны были состоять, какъ это указано было и въ уставѣ 1838 года, подъ управленіемъ инспектора и комитета. Отношеніе комитета къ инспектору и къ училищамъ осталось то-же самое, какое было указано въ уставѣ 1838 года. Но инспектора предположено избирать не изъ христіанъ, а, соотвѣтственно указанному нами выше воззрѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія, непремѣнно изъ учителей-евреевъ.

Въ составъ учителей Лиліенталь предполагалъ еще возможнымъ допускать и христіанъ; но такъ какъ число преподавателей еврейскихъ предметовъ увеличивалось до четырехъ, такъ какъ и началь-

никъ училища былъ еврей, то, очевидно, въ составѣ учителей русскій элементъ долженъ былъ ослабѣть сравнительно съ тѣмъ, что могло-бы быть съ осуществленіемъ устава 1838 года.

Преподаваніе еврейскихъ предметовъ было усилено сравнительно съ уставомъ 1838 года. Вмѣсто 16 уроковъ на еврейскіе предметы назначено 25 уроковъ. Вслѣдствіе этого число уроковъ на общеобразовательные предметы сокращено на 3: вмѣсто 50 прежнихъ—теперь предполагалось давать 47.

За симъ, въ число предметовъ преподаванія въ училищѣ для бѣдныхъ обязательно входило преподаваніе технологіи и, если позволятъ обстоятельства, садоводства и земледѣлія.

Эта сторона дѣла сильно занимала, какъ видно, Лиліенталя. Онъ несомнѣнно горячо желалъ, чтобы воспитанники школы для бѣдныхъ пріобрѣтали въ теченіе пребыванія ихъ въ школѣ полезныя свѣдѣнія, которыми они могли-бы воспользоваться впослѣдствіи для улучшенія ихъ быта. Въ особенности онъ настаивалъ, чтобы этого рода знанія сообщались ученикамъ училища изъ питомцевъ сиротскаго дома. Сироты, говорится въ § 93 плана, преимущественно должны быть побуждаемы къ изученію земледѣлія и технологіи, и наиболѣе способные изъ нихъ должны быть направляемы (объ этомъ должны были позаботиться инспекторъ и комитетъ) по окончаніи курса въ политехническія школы и къ искуснымъ ремесленникамъ и фабрикантамъ. Тѣхъ дѣтей, которыя окажутся особенно способными къ земледѣлію, Лиліенталь рекомендовалъ оставлять въ заведеніи до совершеннолѣтія съ тѣмъ, чтобы все это время они занимались въ саду заведенія.

Въ школѣ для дѣтей состоятельныхъ родителей технологія не входила въ составъ учебнаго курса. Вмѣсто этого предмета предполагалось ввести сначала французскій языкъ, а потомъ коммерческія науки.

Учебный курсъ предполагалось установить въ обѣихъ школахъ трехлѣтній; но въ планѣ выговаривалось для обѣихъ школъ право, въ случаѣ увеличенія денежныхъ средствъ и съ согласія Министра Народнаго Просвѣщенія, увеличивать число классовъ и вводить новые предметы, какъ, напр., латинскій языкъ.

Таковы особенности плана устройства училищъ, выработаннаго Лиліенталемъ.

Нельзя не сказать, что въ случаѣ осуществленія этого плана виленскіе евреи могли получить хорошія учебныя заведенія, которыя дали-бы еврейскому обществу не мало людей съ большимъ количе-

ствомъ весьма полезныхъ въ практическомъ отношеніи знаній, людей образованныхъ. Но были-ли-бы эти люди настроены къ сближенію съ русскимъ обществомъ болѣе, чѣмъ ихъ не получившіе образованія собратья по вѣрѣ? Мы этого не думаемъ. По крайней мѣрѣ, въ планѣ Лиліенталя нѣтъ ни одного слова о необходимости воспитывать обучающихся въ русскомъ духѣ и приготовлять изъ нихъ вѣрныхъ слугъ русскому Государю и Отечеству.

Въ то время, какъ Лиліенталь занимался составленіемъ учебнаго плана и неудачныхъ финансовыхъ проектовъ, онъ получилъ отъ минскихъ образованныхъ евреевъ приглашеніе пріѣхать туда для переговоровъ съ еврейскимъ обществомъ относительно устройства еврейскаго училища въ Минскѣ. Лиліенталь охотно согласился на это предложеніе и, съ разрѣшенія виленскихъ властей—гражданской и учебной, отправился въ Минскъ. Но здѣсь его ждало жестокое разочарованіе. Партія образованныхъ евреевъ въ Минскѣ была очень не велика и не могла оказать прямого и непосредственнаго воздѣйствія на рѣшенія общества. Такимъ образомъ, Лиліенталю пришлось встрѣтиться въ Минскѣ лицомъ къ лицу съ толпой горячихъ приверженцевъ старины, и онъ не съумѣлъ убѣдить этихъ людей послѣдовать примѣру виленскаго еврейскаго общества. Минскіе евреи наотрѣзъ отказались принять предложеніе Лиліенталя, и кромѣ грубостей, по словамъ Мандельштамма, онъ ничего отъ нихъ не услышалъ. Иные кричали ему: «ты самозванецъ! Министру никогда не приходило въ голову уполномочить тебя». Другіе просто ругали его предателемъ, посягающимъ на религію Израиля. Третьи, болѣе разсудительные, спокойнымъ тономъ совѣтовали бросить всю эту затѣю, говоря, что ужъ если рѣшено правительствомъ устроить у нихъ школы, то они и тутъ найдутъ средство откупиться охотниками, какъ отъ военной службы. Тогда Лиліенталь обратился къ Минскому губернатору съ просьбою о содѣйствіи. Губернаторъ съ готовностью исполнилъ эту просьбу, но безуспѣшно. Губернаторъ не только старался воздѣйствовать на евреевъ чрезъ полицію, но лично созывалъ двукратно почетнѣйшихъ купцовъ, кагальныхъ и старшинъ еврейскаго общества. Но евреи и слышать не хотѣли объ устройствѣ училищъ и единогласно заявили, что они только тогда ассигнуютъ средства на открытіе училищъ, если имъ прямо и рѣшительно будетъ приказано это правительствомъ. Больше всего повредили Лиліенталю въ Минскѣ тамошніе меламды *).

*) Изъ разсказа Леванды (Евр. библіотека, т. Ш, стр. 366) видно, что меламды водили своихъ учениковъ по вечерамъ въ синагоги читать псалмы, чтобы Богъ предотвратилъ отъ нихъ грозящую бѣду, въ видѣ устройства школъ, и за-

Въ мрачномъ настроеніи духа возвратился Лиліенталь въ Вильну. А здѣсь его ждали новыя непріятности.

Меламды, пользуясь его отсутствіемъ, пустили въ ходъ всѣ средства для того, чтобы вооружить Виленское еврейское общество противъ Лиліенталя. Несчастные финансовые проекты Лиліенталя давали меламдамъ возможность пугать еврейскую толпу сильнымъ увеличеніемъ налоговъ, а явно сказавшееся въ учебныхъ планахъ его стремленіе поставить дѣло образованія на иныхъ началахъ, сравнительно съ прежнимъ, давало имъ основаніе кричать о Лиліенталѣ, какъ объ измѣнникѣ еврейству, желающемъ подорвать въ еврейскомъ народѣ уваженіе къ древней религіи.

Эти интриги меламдовъ не остались безъ результатовъ, и Лиліенталь, возвратившись въ Вильну, скоро убѣдился, что дѣло его проиграно издѣсь. Его открыто называли здѣсь народопродавцемъ и относились съ нескрываемымъ недовѣріемъ къ его дѣятельности. Меламды-же, пользуясь такимъ настроеніемъ общества противъ Лиліенталя, уже считали излишнимъ церемониться съ нимъ и рѣшительно отказались платить сборъ съ получаемой ими платы за обученіе дѣтей. Независимо отъ этого, отъ меламдовъ полетѣли во всѣ стороны извѣстія, въ высшей степени неблагопріятныя для Лиліенталя. Такъ, въ половинѣ апрѣля и въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія было получено заявленіе, что при составленіи приговоровъ Виленскаго еврейскаго общества о назначеніи источниковъ для учрежденія еврейскихъ училищъ допущены были злоупотребленія, что этому содѣйствовали особенно Лиліенталь и Розенталь, и что дѣйствія этихъ лицъ приведутъ къ разоренію общества. Наконецъ, и между лицами, близко стоявшими къ Лиліенталю и дѣйствительно сочувствовавшими дѣлу образованія, скоро возникли несогласія. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно купецъ Клячко, открывшій въ 1841 году частное еврейское училище, были крайне недовольны тѣмъ, что Розенталь съумѣлъ такъ ловко выдѣлиться между ними и стать на виду у правительства. Поэтому и противъ Розенталя начались крупныя интриги.

Обстоятельства складывались, такимъ образомъ, все хуже и хуже для Лиліенталя. Что́-же ему оставалось дѣлать?

Лиліенталь естественно искалъ поддержки и защиты у Министра и мѣстныхъ виленскихъ властей. Но ни Министръ, ни мѣстныя ви-

---

ставляли ихъ бѣгать за санями Лиліенталя и бросать въ него снѣжками. Была пущена также молва, что въ новыхъ школахъ будутъ подвергать учениковъ-эвреевъ пыткамъ.

ленскія власти не считали еще благовременнымъ дѣйствовать на евреевъ иными средствами, кромѣ убѣжденія, кромѣ разъясненія имъ необходимости въ интересахъ самихъ евреевъ содѣйствовать правительственнымъ предначертаніямъ относительно устройства училищъ. Лиліенталю послѣ этого незачѣмъ было оставаться въ Вильнѣ, и онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Личный докладъ Лиліенталя Министру о событіяхъ въ Вильнѣ и Минскѣ разъяснилъ ему, до какой степени ошибочны были его надежды на быстрое и удачное осуществленіе его плановъ относительно образованія евреевъ. Устройству общеобразовательныхъ еврейскихъ школъ видимо сочувствовали лишь образованные евреи; вся-же остальная масса еврейства предпочитала остаться при прежнихъ школахъ и съ рѣшительнымъ недовѣріемъ относилась къ планамъ Министра. Но число образованныхъ евреевъ было еще не велико и въ Вильнѣ, а въ другихъ городахъ, даже такихъ, какъ Минскъ, оно было ничтожно. Что-же могла сдѣлать эта незначительная кучка евреевъ? Правда, въ Вильнѣ ей удалось провести мысль объ открытіи училищъ, но удалось ей сдѣлать удачный шагъ лишь въ первое время пребыванія Лиліенталя въ этомъ городѣ, когда масса еврейства не была еще непосредственно затронута и могла равнодушно относиться къ совѣщаніямъ пріѣзжаго еврея съ выдающимися членами еврейскаго общества. Но когда она поняла, къ чему стремится этотъ пріѣзжій еврей, когда меламды подняли вопль, вся эта толпа энергически возстала противъ «народопродавца», образованные виленскіе евреи рѣшительно стушевались и не сумѣли защитить Лиліенталя.

Этотъ докладъ заставилъ Уварова сильно задуматься.

А. Бѣлецкій.

(Продолженіе будетъ).

МАЛЕНЬКІЕ МОРЯКИ.

(Изъ воспоминаній о морскомъ корпусѣ).

(*Продолженіе*).

VI.

Новый инспекторъ, назначенный вмѣсто А. И. Зеленаго, бывшій ротный командиръ и преподаватель, давно служившій въ корпусѣ, человѣкъ очень умный и подчасъ остроумный, не обладалъ той сердечной теплотой, которая такъ располагала кадетъ къ А. И. Зеленому, и не умѣлъ, подобно своему предмѣстнику, обращаться съ кадетами. Его только боялись.

Онъ пользовался большимъ вліяніемъ при такомъ благодушномъ директорѣ, какимъ былъ С. С. Нахимовъ, и не могъ, разумѣется, не знать, что готовится въ близкомъ будущемъ преобразованіе морского корпуса и видѣлъ неудовлетворительность учебнаго персонала,— этихъ корпусныхъ авгуровъ, едва-ли имѣвшихъ и время и охоту, чтобъ освѣжать и пополнять свои знанія.

Но и при немъ все оставалось по старому: тотъ-же «ремесленникъ учитель», та-же рутина.

Онъ былъ слишкомъ осторожный человѣкъ — недаромъ кадеты звали его «дипломатомъ» — чтобы начинать ломку, за свой страхъ, хотя-бы при данныхъ обстоятельствахъ она и была возможна. Да и самъ онъ былъ, такъ сказать, вполнѣ корпусный «педагогическій фруктъ» и не желалъ заносить руку на своихъ сослуживцевъ-сотрудниковъ, а ко всему этому, быть можетъ, и не вполнѣ сочувствовалъ новымъ вѣяніямъ. Какъ-бы то ни было, но преподаваніе при немъ не улучшилось, и новыя силы, получившія доступъ по случаю перемѣны инспектора, были далеко не изъ блестящихъ, и въ выборѣ ихъ, какъ кажется, болѣе руководствовались соображеніями, имѣющими очень отдаленное отношеніе къ педагогическимъ способностямъ.

По крайней мѣрѣ, такой важный для будущихъ моряковъ предметъ, какъ астрономія, былъ порученъ одному изъ очень не бойкихъ корпусныхъ офицеровъ, едва-ли обладавшему необходимыми для преподавателя свѣдѣніями, что, разумѣется, не могло оставаться долго тайной для кадетъ. Скоро было замѣчено, что новаго «астронома» нерѣдко ставили въ большое затрудненіе вопросы, предлагавшіеся способными и сообразительными учениками. Въ началѣ нѣсколько сконфуженный преподаватель обѣщалъ отвѣтить на нихъ въ «слѣдующій разъ», т.-е., когда самъ справится съ учебникомъ, но потомъ даже и не обѣщалъ, а прямо запрещалъ задавать вопросы.

И новому «астроному» вдобавокъ къ прозвищу: «колбаса» пристегнули еще прилагательное: «астрономическая», и разъясненій уже не просили.

Но среди этихъ ремесленниковъ-педагоговъ было два-три человѣка, горячо любившіе и знавшіе свое дѣло, и къ числу этихъ «пріятныхъ исключеній» принадлежалъ И. А. Алымовъ, выдающійся, талантливый преподаватель и необыкновенно свѣтлая личность, память о которой, вѣроятно, чтится бывшими его учениками.

Надо было видѣть этого маленькаго, худощаваго человѣка съ большой головой и дѣтски-кроткимъ взглядомъ разсѣянныхъ мечтательныхъ глазъ, когда, бывало, онъ читалъ свой предметъ—теоретическую механику! Съ какою любовью и съ какимъ мастерствомъ онъ читалъ, увлекаясь за уроками и весь поглощенный желаніемъ, чтобы всѣ его понимали и чтобы всѣ знали его предметъ. И это увлеченіе невольно передавалось и слушателямъ. Кротко-незлобиваго, добросовѣстнаго и правдиваго, его всѣ любили, а извѣстно, что нерѣдко любовь къ учителю заставляетъ любить и преподаваемый имъ предметъ. И у него почти весь классъ занимался хорошо. Сдѣлавши какую-нибудь выкладку, или изложивъ какой-нибудь законъ, онъ обязательно требовалъ, чтобы непонявшій заявилъ, если чего не понялъ, и съ какимъ страстнымъ усердіемъ онъ разъяснялъ непонятое, и только тогда продолжалъ урокъ, когда убѣждался, что всѣ поняли. Онъ былъ многосторонне образованный математикъ и много работалъ, отдавая большую часть времени любимой имъ наукѣ. Разсѣянный, онъ нерѣдко въ классѣ, вмѣсто платка, вытиралъ лицо губкой, а доску, вмѣсто губки, платкомъ, и дѣтски-удивленно щурилъ глаза, когда въ классѣ раздавался смѣхъ и, наконецъ, самъ хохоталъ, какъ ребенокъ, убѣждаясь въ своей разсѣянности.

Это былъ совсѣмъ не отъ міра сего человѣкъ и доброты рѣдкой. Кадеты обращались къ нему со всевозможными просьбами и нерѣдко

брали у него даже деньги. Во время своихъ дежурствъ, какъ корпуснаго офицера, онъ обыкновенно читалъ или занимался какими-нибудь вычисленіями. А то ходилъ, не обращая ни на что вниманія, по залѣ и самъ съ собой словно разговаривалъ, повторяя математическіе термины. Это онъ думалъ вслухъ. А случалось, эти термины вдругъ замѣнялись какимъ-нибудь духовнымъ гимномъ, который онъ напѣвалъ. Но эти странности не удивляли кадетъ. Всѣ знали, что И. А. Алымовъ очень религіозный человѣкъ и ведетъ, какъ говорили, самую аскетическую жизнь. Но онъ никогда не говорилъ объ этомъ, и его религіозное чувство, доходившее иногда до экзальтаціи, когда онъ по нѣсколькимъ недѣлямъ постился и вообще умерщвлялъ свою плоть, — нисколько не сдѣлало его суровымъ и не мѣшало ему относиться къ кадетамъ съ самой трогательной терпимостью. И кадеты положительно боготворили его, и во время его дежурствъ берегли своего любимца, не позволяя себѣ какихъ-нибудь особенныхъ шалостей.

За-то надоѣдали ему безконечно, не стѣсняясь отрывать его отъ занятій... То кто-нибудь попроситъ его объяснить задачу по астрономіи или помочь изъ физики, то подойдетъ къ нему просто затѣмъ, чтобъ «полясничать».

И кроткій добрякъ, со своимъ блѣднымъ лицомъ, напоминавшимъ лица мучениковъ, никого не прогонялъ, ни на кого не сердился. Онъ охотно объяснялъ задачу и «лясничалъ» съ кадетами, причемъ всегда какъ-то сводилъ разговоръ на разсказъ о любимомъ имъ Лавуазье и на любимую имъ теорію «наименьшаго сопротивленія воды», которой онъ тогда занимался...

Говорилъ онъ всегда съ какою-то увлекательной восторженностью и всегда далекій отъ пошлыхъ житейскихъ дрязгъ, которыя, казалось, ему были совсѣмъ и чужды. Ни о карьерѣ, ни о чинахъ, ни о прочихъ благахъ жизни никогда не заводилъ онъ рѣчи, а любилъ поговорить о дѣятеляхъ науки и объ ихъ самоотверженіи. Вспоминая теперь этого чуднаго человѣка, освободившаго, какъ я слышалъ, своихъ крестьянъ еще до освобожденія, можно только удивляться, какимъ образомъ сохранилъ свою свѣжесть этотъ человѣкъ среди окружающей его среды. Разумѣется, его спасла наука, въ которой онъ искалъ и нашелъ спасенье. Не испортили его даже и эти маленькіе разбойники кадеты, которые нерѣдко добрыхъ доводили до раздраженія и подъ конецъ дѣлали этихъ добрыхъ обыкновенными «корпусными крысами».

Нечего и прибавлять, разумѣется, что совсѣмъ ребенокъ въ жизни,

не понимавшій, что значитъ интрига и пролазничество, И. А. Алымовъ не умѣлъ приспособляться къ средѣ и не особенно преуспѣвалъ. Карьера этого талантливаго математика и благороднѣйшаго человѣка была не изъ блестящихъ и жизнь—неустаннымъ, плохо вознаграждаемымъ трудомъ, пока болѣзнь не свела его въ могилу далеко еще не въ старыхъ годахъ.

VII.

— А ты, свѣтъ, коли, что смекаешь, смекай про себя. Если тебѣ кажется, что на песцѣ нельзя возвести строенія, не смущай тѣхъ, которые сіе считаютъ вполнѣ возможнымъ. Пусть ихъ!

Такъ, бывало, говорилъ своимъ тихимъ и мягкимъ, слегка пѣвучимъ голосомъ нашъ корпусный батюшка, шутливо грозя своимъ высохшимъ костлявымъ пальцемъ. При этомъ его умное старческое лицо, изрытое морщинами, свѣтилось выразительной, тонкой улыбкой, которая, казалось, досказывала не вполнѣ высказанную мысль...

Такимъ языкомъ говорилъ онъ съ немногими, которыхъ отличалъ и иногда звалъ къ себѣ на квартиру, гдѣ угощивалъ чаемъ съ вареньемъ и велъ оживленныя, полныя ума и юмора, бесѣды, покуривая хорошія гаванскія сигары.

Этотъ батюшка пользовался большимъ авторитетомъ, и его побаивалось корпусное начальство, такъ какъ въ случаѣ какой-нибудь вопіющей несправедливости онъ являлся заступникомъ и предстателемъ обиженныхъ кадетъ. И когда случался какой-либо чрезвычайный казусъ съ кадетомъ, онъ всегда шелъ искать послѣдней защиты у батюшки, который-таки часто вызволялъ отъ наказанія. Особенно боялся его преподаватель физики, совсѣмъ лысый капитанъ 1 ранга, очень умный и хорошій преподаватель, но большой циникъ, ставившій хорошіе баллы кадетамъ не столько по степени ихъ знанія, сколько за смазливость ихъ физіономій. Этого эстетика особенно не долюбливалъ батюшка, какъ и «физикъ», въ свою очередь, терпѣть не могъ «стараго іезуита», какъ честилъ онъ за глаза батюшку за то, что тотъ любилъ и почитывать свѣтскія книги, и пофилософствовать, и выкурить хорошую сигару, а между тѣмъ видъ, какъ выражался физикъ, имѣлъ «самый постный».

Преподавалъ батюшка терпимо и не былъ особенно требователенъ.

— Не въ попы тебѣ, свѣтъ, идти, а въ морскіе офицеры,—снисходительно говорилъ онъ, замѣчая нетвердость въ текстахъ.—Будешь въ морѣ, Господа Бога и безъ текста вспомнишь и помолишься.

*

А не помолишься, тебѣ-же хуже, ибо тяжко, свѣтъ мой, жить на свѣтѣ совсѣмъ безъ вѣры... Да хранитъ тебя Господь отъ такого несчастья!

И батюшка самымъ послѣднимъ ученикамъ не ставилъ менѣе восьми балловъ.

Словоохотливый старикъ любилъ иногда въ классѣ разсказать что-нибудь изъ своего, богатаго воспоминаніями, прошлаго и обыкновенно начиналъ свой разсказъ словами: «Это было, друзья мои, не такъ давно, лѣтъ тридцать тому назадъ»,—вызывавшими улыбку на лицахъ юныхъ слушателей. Говорилъ батюшка краснорѣчиво и не безъ юмора, и мы, бывало, съ удовольствіемъ слушали его разсказы, иногда даже во второмъ и третьемъ изданіи. Съ восторженнымъ умиленіемъ говорилъ онъ объ освобожденіи крестьянъ и нерѣдко совѣтовалъ намъ, будущимъ офицерамъ, «не ожесточаться въ служебномъ гнѣвѣ» и всегда помнить, что сила въ правдѣ и любви, которую и подневольный матросъ чувствуетъ. И, случалось, разсказывалъ по этому поводу какую-нибудь исторію.

Я пользовался расположеніемъ батюшки и изрѣдка получалъ отъ него приглашенія зайти къ нему.

Обратилъ онъ на меня свое вниманіе по слѣдующему случаю:

Однажды во время его урока въ среднемъ гардемаринскомъ классѣ я читалъ, держа книгу на партѣ,—«Современникъ», принесенный мною въ корпусъ отъ однихъ знакомыхъ. Должно быть, я очень увлекся чтеніемъ, потому что не замѣтилъ, какъ въ классѣ наступила тишина. Толчокъ въ бокъ товарища заставилъ меня поднять голову и увидать возлѣ себя батюшку.

— Что это, свѣтъ мой, ты такое читаешь. Видно, очень интересное, что своего батюшку не слушаешь?

Я подалъ батюшкѣ книгу.

— А!.. «Современникъ»!..—не безъ изумленія проговорилъ онъ, пристально взглядывая на меня...—Критическая статья? А я думалъ, ты какимъ-нибудь романомъ зачитываешься и только воображеніе нудишь...

Батюшка сталъ машинально перелистывать книгу и замѣтилъ тамъ исписанный листокъ моихъ виршей, въ которыхъ я съ усердіемъ обличалъ корпусное начальство.

Онъ пробѣжалъ ихъ и, возвращая книгу и стихи, промолвилъ съ улыбкой:

— Статья, конечно, поучительная. Отчего не почитать, но только лучше-бы, свѣтъ мой, не въ классѣ, а то другой наставникъ, пожалуй, и взыщетъ... А стишки ты-бы подальше припряталъ,—береже-

наго и Богъ бережетъ! Неровенъ часъ, попадутъ стихи въ другія, болѣе цѣпкія, руки, что тогда?.. Стихотворца не похвалятъ за острословіе. А перо есть, есть, братецъ. Тѣмъ паче не похвалятъ!—усмѣхнувшись, замѣтилъ батюшка.

И, понизивъ голосъ, прибавилъ:

— А ты будь спокоенъ. Я тебя не выдамъ! Я ничего не читалъ!

Послѣ класса батюшка остановилъ меня въ корридорѣ и спросилъ:

— Любишь чай съ вареньемъ?

— Люблю, батюшка.

— Такъ ты, стихотворецъ, зайди ужо вечеркомъ ко мнѣ. Чайку напьемся и побесѣдуемъ.

Батюшка занималъ казенную квартиру въ зданіи корпуса, недалеко отъ церкви. Эту квартиру хорошо знали проштрафившіеся кадеты, искавшіе у батюшки защиты или ходатайства, и среди кадетъ ходило много разсказовъ о томъ, какъ онъ избавлялъ, бывало, многихъ отъ нещадной порки или-же просилъ объ уменьшеніи числа розогъ.

Онъ былъ вдовецъ и жилъ съ двумя взрослыми сыновьями. Никто изъ нихъ не былъ священнослужителемъ, какъ отецъ. Старшій, окончившій университетъ, служилъ чиновникомъ, а младшій—морякъ кончалъ офицерскіе классы.

Я засталъ батюшку одного въ небольшомъ кабинетѣ, уставленномъ шкафами съ книгами, за письменнымъ столомъ. Онъ былъ въ подрясникѣ и скуфейкѣ, прикрывавшей его большую лысину, и читалъ, съ очками на глазахъ, какую-то книгу. Какъ теперь помню, меня поразило и обиліе книгъ, и то, что онѣ были все свѣтскаго содержанія, и многія на иностранныхъ языкахъ, и гравюры, портреты, среди которыхъ не видно было ни одного портрета духовнаго лица. И вообще вся обстановка, мало напоминающая о санѣ хозяина, меня удивила тогда.

Я нѣсколько минутъ простоялъ на порогѣ, оглядывая и комнату, и письменный столъ, на которомъ, между прочимъ, стояло большое серебряное Распятіе, и цвѣты на окнахъ, и самого батюшку, который здѣсь, въ своемъ кабинетѣ, какъ будто казался не такимъ, какимъ бывалъ на урокахъ, въ широкой рясѣ, съ наперснымъ крестомъ на груди.

Наконецъ, я догадался кашлянуть. Батюшка повернулъ ко мнѣ свое старое, дышавшее умомъ, лицо и радушно и ласково привѣтствовалъ меня.

Когда я, приблизившись къ батюшкѣ, хотѣлъ поцѣловать его желтую, сухощавую руку, онъ отдернулъ ее и, потрепавъ меня по плечу, весело проговорилъ:

— Ну, садись, садись... Радъ тебя видѣть. Дѣтей дома нѣтъ и я одинъ... Сейчасъ будемъ чай пить. Вотъ, видишь-ли, и я почитываю книжки, да только не въ классѣ,—улыбнулся ласково старикъ,—отодвигая какую-то французскую книгу. А стишки припряталъ?

— Припряталъ, батюшка.

— То-то, оно и лучше. Да и совсѣмъ-бы ихъ держать въ корпусѣ не слѣдовало... лучше домой снеси. Чего, свѣтъ, гусей дразнить. Скоро, вѣдь, въ офицеры выйдешь... А мѣтко, братецъ, мѣтко... Любишь, значитъ, бумагу марать?

— Люблю, батюшка.

— Что-жъ, марай, марай, Богъ дастъ, что-нибудь и выйдетъ... кто знаетъ? Вотъ, посмотри, то-же бумагу марали. Великіе писатели были... Вотъ это — Шекспиръ... Вотъ Гёте,—перечислялъ батюшка, указывая на портреты.—Можетъ, слышалъ?

— Кое-что и читалъ, батюшка,—поспѣшилъ я похвастать.

— А это, свѣтъ, Спиноза. Большой философъ былъ... И его когда-нибудь прочтешь... Читать, братецъ, полезно... Умнѣе станешь, какъ съ умными-то людьми бесѣдуешь въ книгѣ... И скуки не будешь знать. И въ морѣ не одурѣешь. Васъ-то здѣсь къ чтенію не пріохачиваютъ, а ты, видно, охочъ, даже у батюшки въ классѣ читаешь... Ну, ну, вѣдь, я шучу... А ежели ты ужъ такой любитель, я тебѣ книгами одолжать буду, если ты аккуратенъ... Вотъ, на первый разъ «Мертвыя души» тебѣ дамъ... Великая это книга, другъ мой...

Скоро мы пошли пить чай. Батюшка мнѣ наложилъ цѣлую тарелочку варенья и вообще былъ внимателенъ и добръ безъ конца. Послѣ чаю онъ закурилъ сигарку, и мы вернулись въ кабинетъ.

Нечего и говорить, что я вернулся отъ батюшки очарованный, съ «Мертвыми душами» въ рукахъ и съ твердымъ намѣреніемъ въ сердцѣ прочитать какъ можно болѣе книгъ.

Съ той поры батюшка иногда звалъ меня къ себѣ, угощалъ чаемъ и съ снисходительнымъ терпѣніемъ слушалъ мои разсужденія о прочитанныхъ книгахъ.

VIII.

Кадетская жизнь въ морскомъ корпусѣ проходила однообразно, съ обычными внѣшними порядками закрытыхъ учебныхъ заведеній. Время было точно распредѣлено. За этимъ внѣшнимъ порядкомъ, главнымъ образомъ, и слѣдили. До внутренней нашей жизни, до того, какъ мы проводимъ свободное время, разумѣется, никому не было ни

малѣйшаго дѣла, и едва-ли корпусные педагоги дѣйствительно знали кого-нибудь изъ своихъ питомцевъ. Въ психологическія тонкости тогда не входили, да, можетъ быть, и къ лучшему, принимая во вниманіе эту обоюдоострую психологію педагоговъ новѣйшаго времени.

Кадеты вставали въ 6 часовъ утра. Унтеръ-офицеры въ ротахъ позволяли себѣ проспать лишніе полчаса. Это-же дѣлалъ и старшій курсъ, т.-е. старшіе гардемарины, пользовавшіеся, по традиціи, нѣкоторыми особенными правами и, между прочимъ, правомъ притѣснять своихъ младшихъ товарищей: среднихъ и младшихъ гардемаринъ. На нашемъ курсѣ отразилось, впрочемъ, вліяніе шестидесятыхъ годовъ, и мы, старшіе гардемарины, въ значительномъ большинствѣ, добровольно отказались отъ правъ гегемоніи и, такимъ образомъ, притѣсненія значительно смягчились.

Большинство кадетъ нанимали дневальныхъ, которые чистили платье, сапоги и наводили блескъ на мѣдныя пуговицы куртокъ и мундировъ и содержали въ порядкѣ аммуницію. Меньшинство все это дѣлало само. Къ семи часамъ, послѣ шумнаго мытья въ большой «умывалкѣ», всѣ были готовы и шли фронтомъ въ громадный залъ морского корпуса. Послѣ обычной молитвы, пропѣтой хоромъ пятисотъ человѣкъ, садились за столы и выпивали по кружкѣ чая и съѣдали по свѣжей булкѣ.

Эти вкусныя, горячія булки являлись иногда большимъ соблазномъ для унтеръ-офицеровъ, особенно въ младшихъ ротахъ. Желаніе съѣсть вмѣсто своей, одной законной, еще и другую, а то и третью булку вліяло на чувство справедливости обжоръ и влекло за собой по истинѣ варварское наказаніе: «остаться безъ булки» и выпить чай пустой. Этого наказанія кадеты боялись пуще всего и ненавидѣли унтеръ-офицеровъ, выискивающихъ предлоги, чтобы съѣсть чужую булку.

Въ восемь часовъ мы были въ классахъ, гдѣ оставались до одиннадцати, послѣ двухъ полуторачасовыхъ уроковъ. Въ началѣ двѣнадцатаго, ощущая уже аппетитъ, возвращались въ роту и тамъ получали по два тонкихъ ломтя чернаго хлѣба, чтобъ заморить червяка передъ обѣдомъ. Счастливцы, имѣвшіе деньги или пользовавшіеся кредитомъ въ мелочной лавочкѣ, обыкновенно въ это время уписывали за обѣ щеки булку или пеклеванникъ съ сыромъ, колбасой или вареньемъ, заблаговременно заказанный дневальному. За пять копѣекъ (три копѣйки пеклеванникъ, а на двѣ начинка) получался весьма удовлетворительный для невзыскательнаго кадетскаго желудка завтракъ, и шаршавая колбаса и подозрительный сыръ изъ мелочной ла-

вочки не возбуждали никакихъ брезгливыхъ сомнѣній. Въ понедѣльники и вообще послѣпраздничные дни завтраки были и обильнѣе, и роскошнѣе, и кадеты «кантовали» на широкую ногу, уничтожая принесенныя изъ дома яства и дѣлясь съ друзьями, ибо, по кадетскимъ правиламъ, съ другомъ обязательно слѣдовало дѣлиться всѣмъ поровну.

Время до часу обыкновенно проходило въ обязательныхъ занятіяхъ фронтовымъ ученьемъ, гимнастикой или танцами, или въ пригонкѣ разныхъ вещей. Если ожидали какого-нибудь почетнаго посѣтителя — суета шла отчаянная и все принимало, разумѣется, блестящій видъ. Мы облекались въ новыя куртки, одѣяла стлались новыя, на парадной лѣстницѣ появлялся новый коверъ, ротный командиръ озабоченно бѣгалъ по ротѣ, оглядывая, все-ли чисто, все-ли въ порядкѣ, и щи въ такіе дни бывали жирнѣй, «говядина» какъ будто сочнѣе, и экономъ, жирный и полный корпусный офицеръ съ маленькими заплывшими глазками, какъ будто озабоченнѣе и напряженнѣе. Случалось, что подобное ожиданіе длилось по нѣсколько дней, держа нервы начальства въ напряженномъ состояніи, а его самого въ подначальномъ трепетѣ. Кадеты, разумѣется, видѣли всѣ эти сцены ожиданія и пріема, привыкали считать ихъ необходимымъ явленіемъ, и сами потомъ, сдѣлавшись начальствомъ, пускали пыль въ глаза и такъ-же трепетали... Уроки не пропадали даромъ.

Эта показная суматоха, къ сожалѣнію, обычная въ учебныхъ заведеніяхъ и которая такъ развращающе дѣйствуетъ на дѣтей, пріучая ихъ къ лицемѣрію и обману, была, какъ я слышалъ, уничтожена въ морскомъ корпусѣ при директорѣ В. А. Корсаковѣ. При немъ, кого-бы ни ожидали, ничто не мѣнялось, и почетные посѣтители могли видѣть учебное заведеніе въ его обычномъ, будничномъ видѣ, и кадетъ—въ ихъ старыхъ курткахъ, а не въ видѣ прилизанныхъ, пріодѣтыхъ благонравныхъ мальчиковъ, обожаемыхъ попечительнымъ начальствомъ и обожающихъ доброе начальство. Но это «новшество» умнаго адмирала на привилось, какъ не привились и другія его благотворныя педагогическія идеи. Съ его смертью, снова, въ ожиданіи пріѣзда морскаго министра, появились новые ковры, новыя куртки, словомъ, показная комедія и чуть-ли не устраивались цѣлыя балетныя представленія.

Обѣдали мы въ часъ. Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ по разъ составленному росписанію: супа, щей съ кашей или гороха, жареной говядины или котлетъ и слоеныхъ пироговъ съ мясомъ, капустой и вареньемъ. По праздникамъ прибавлялось четвертое блюдо. Черный хлѣбъ и превосходный квасъ, который мы пили изъ двухъ серебря-

ныхъ старинныхъ стопъ, стоявшихъ на каждомъ столѣ для двадцати человѣкъ,—à discretion.

Не принимая даже въ соображеніе кулинарной неприхотливости кадетъ и ихъ постояннаго аппетита, надо сказать, что кормили насъ въ морскомъ корпусѣ вообще недурно (а при Римскомъ-Корсаковѣ, говорятъ, и отлично), и при мнѣ, сколько помнится, изъ-за пищи не было ни одного серьезнаго недоразумѣнія. Такъ называемые безпорядки или, какъ въ старину называли, «бунты» происходили въ корпусахъ единственно по этому поводу, и опытные экономы отлично знали мѣру долготерпѣнія кадетскихъ утиныхъ желудковъ. При мнѣ ходила легенда объ одномъ изъ такихъ «бунтовъ» въ морскомъ корпусѣ, начавшемся изъ за отвратительной каши и кончившемся не особенно пріятно для эконома, на голову котораго была вылита миска щей, и еще непріятнѣй для многихъ кадетъ, нещадно выпоротыхъ, и для двухъ, «записанныхъ», какъ тогда выражались, въ матросы.

Эти легенды о «бунтахъ», традиціонно передававшіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе, держали, такъ сказать, на извѣстной высотѣ цивическія требованія кадетъ отъ эконома и, въ свою очередь, не забывались и экономами, какъ внушительные уроки прошлаго.

Небольшія недоразумѣнія—въ видѣ окурка въ пирогѣ или черезчуръ большого обилія жилъ въ котлеткѣ—разрѣшались обыкновенно тихо и мирно, къ обоюдному удовольствію. Экономъ приказывалъ подать новые пироги или новыя котлетки на столъ протестантовъ, и тѣмъ дѣло кончалось. Вообще экономъ нашъ былъ очень любезный, обязательный на соглашенія человѣкъ, что, впрочемъ, не избавляло его—уже по своему званію эконома, кадетами не очень уважавшемуся — отъ преданія «анаѳемѣ» во время ежегоднаго традиціоннаго празднованія старшимъ курсомъ дня «равноденствія», когда голый Нептунъ, въ сопровожденіи наядъ и тритоновъ, прочитываетъ параграфъ изъ астрономіи и затѣмъ предаетъ анаѳемѣ по очереди все начальство, за исключеніемъ нѣкоторыхъ избранныхъ. Впрочемъ, объ этомъ характерномъ празднованіи равноденствія въ морскомъ корпусѣ будетъ разсказано подробно впереди.

До трехъ часовъ послѣ обѣда время было свободное и можно было располагать имъ по усмотрѣнію. Прилежные готовили уроки или дѣлали задачи, немногіе читали; большинство бродило по корридорамъ, по ротной залѣ и собиралось курить въ ватеръ-клозетѣ, предварительно поставивъ часового. Близкіе пріятели и друзья ходили попарно и «лясничали», хотя самое обычное время для этого былъ вечеръ. Въ эти-же часы обыкновенно приходили навѣщать родственники, и

кадеты навѣщали своихъ больныхъ пріятелей въ лазаретѣ. Собственно говоря, настоящихъ больныхъ было мало, и большинство находящихся въ лазаретѣ «огурялось». На жаргонѣ кадетъ «огурнуться» значило избавиться отъ уроковъ, почему-либо непріятныхъ и обѣщающихъ единицу, изъ-за которой можно въ субботу не попасть «за корпусъ», то-есть, домой.

Маленькіе кадеты передъ тѣмъ, что «огурнуться», обыкновенно усердно натирали себѣ глаза, набивали ударомъ локтя по столу пульсъ, отчаянно мотали головой и являлись на пріемъ съ самыми постными рожами. Врачи большей частью ихъ принимали въ лазаретъ въ качествѣ больныхъ, а старшій докторъ, старикъ нѣмецъ, при осмотрѣ добросовѣстно осматривалъ языки и щупалъ пульсы.

Но случалось—особенно, если въ лазаретѣ было довольно больныхъ, — что огурнуться нельзя было, несмотря на всѣ ухищренія. Особенно одинъ врачъ изъ молодыхъ любилъ устраивать кадетамъ каверзы. Бывало, придетъ кадетикъ какъ будто больной, продѣлавъ всѣ манипуляціи, и, видя ласковое на видъ лицо доктора, преисполненный надежды, что его примутъ, съ особенно жалобнымъ видомъ начинаетъ распространяться, какъ у него голова болитъ.

— А еще что?..—спрашиваетъ, повидимому, вполнѣ сочувствуя, докторъ.

— Ломитъ всего...

— А правый бокъ болитъ?—продолжаетъ съ тою-же серьезностью каверзный человѣкъ.

— Болитъ.

— И лѣвый глазъ покалываетъ?

— Покалываетъ.

— И правая нога какъ будто болитъ.

— Болитъ,—добросовѣстно поддакиваетъ не подозрѣвающій подвоха кадетикъ.

— Такъ ступайте вонъ! Вы все врете!—вдругъ мѣняетъ тонъ докторъ, и опѣшившій «больной» уныло возвращается въ классъ.

Воспитанники старшихъ классовъ прямо-таки просились отдохнуть и, если мѣста были, ихъ принимали въ лазаретъ на день, на другой, и на доскахъ у ихъ кроватей писалось обычное «febris catharalis».

Послѣ вечернихъ классовъ, продолжавшихся отъ трехъ до шести, кадеты должны были готовить до ужина уроки и сидѣть въ ротномъ залѣ у своихъ конторокъ. Занимайся или нѣтъ, но сиди! Это принудительное сидѣнье, разумѣется, не по нутру было кадетамъ, и они то и дѣло перебѣгали одинъ къ другому или уходили въ умывалку

поболтать и покурить въ своемъ излюбленномъ мѣстѣ—въ этомъ кадетскомъ клубѣ, гдѣ всегда топился каминъ и всегда шли оживленныя бесѣды. Если дежурный офицеръ былъ изъ «любимыхъ», не ловилъ въ куреніи, не придирался, то и ему было покойно, но если на дежурствѣ былъ «злой»—положеніе его было далеко не изъ пріятныхъ. Кадеты выдумывали самыя разнообразныя штуки, чтобы только насолить «корпусной крысѣ». Среди тишины, вдругъ раздавалось мяуканье или собачій лай, и только-что бросится «крыса» въ одну сторону, какъ на противоположной сторонѣ раздается пѣтушиный крикъ, и офицеръ мечется, какъ ошпаренный котъ, пока не догадается уйти въ дежурную комнату, поставивъ наугадъ нѣсколькихъ человѣкъ «подъ часы». Но тогда начинались пререканія. Наказанные утверждають, что они не успѣютъ приготовить уроковъ и принуждены будутъ объяснить инспектору причину. А то вдругъ къ дежурному офицеру, завѣдомо не знающему никакихъ наукъ, начинають являться съ просьбами разъяснить задачу или объяснить изъ аналитики. Являются кадеты одинъ за другимъ и всѣ говорятъ съ самымъ невиннымъ видомъ:

— Адольфъ Карлычъ, покажите... Адольфъ Карлычъ, не можете-ли объяснить?

Адольфъ Карлычъ, старая корпусная крыса изъ остзейскихъ нѣмцевъ, долговязый, сухопарый и жесткій человѣкъ, озлобленный противъ кадетъ, дѣйствительно, отравлявшихъ ему жизнь, какъ, въ свою очередь, отравлялъ и онъ кадетамъ,—обыкновенно сперва выдерживалъ хладнокровно первыя нападенія. Сохраняя свой обычный, нѣсколько величественный видъ, онъ говоритъ со своимъ нѣмецкимъ акцентомъ, что не его дѣло показывать, что онъ не желаетъ показывать и не будетъ показывать, ибо порядочные ученики сами должны понимать все безъ помощи, а дураковъ, все равно, не научишь. Но, видя насмѣшливыя лица, которыя недовѣрчиво улыбались, и замѣчая, что вмѣсто уходившихъ кадетъ являлись новые и все съ тѣми-же просьбами: «показать» и «объяснить», долговязый Адольфъ Карловичъ, наконецъ, терялъ самообладаніе. Весь красный, трясясь отъ злобы, онъ бѣшено кричалъ: «въ карцеръ, въ карцеръ!» и, вцѣпившись въ руку кадета, на которомъ изливался его гнѣвъ, самъ тащилъ его въ карцеръ—маленькій, темный закутокъ, позади цейхгауза.

А во время этого спектакля сзади раздавались голоса:

— Ревельскій болванъ!

— Неучъ! Ничего не смыслитъ!

— А туда-же: «Не хочу объяснять»!

И дьявольскій гоготъ сопровождалъ эти любезныя замѣчанія.

Подобныя «исторіи» бывали почти постоянно во время дежурства «ревельскаго болвана», который дѣйствительно былъ ограниченъ и, главное, золъ. И онъ, въ свою очередь, мстилъ кадетамъ и, считая ихъ своими врагами, съ особеннымъ удовольствіемъ излавливалъ ихъ, ставилъ подъ часы, сажалъ въ карцеръ, жаловался ротному командиру и злорадствовалъ, когда кадета наказывали.

Но онъ давно служилъ въ корпусѣ и его держали, пока не назначенъ былъ директоромъ корпуса Римскій-Корсаковъ и не произвелъ чистки. Да и многихъ держали подобныхъ-же наставниковъ, мѣсто которыхъ было, гдѣ угодно, но только не около живыхъ маленькихъ людей.

Въ гардемаринской ротѣ, гдѣ были большей частью юноши и молодые люди, уже брившіе бороды, отношенія между дежурными офицерами и гардемаринами являлись, такъ сказать, въ видѣ вооруженнаго нейтралитета. Обѣ стороны соблюдали свое достоинство и не особенно придирались другъ къ другу. Офицеры дѣлали видъ, что не замѣчаютъ курящихъ гардемаринъ, снисходительно относились къ опаздываніямъ изъ отпуска и даже иногда къ черезчуръ веселому виду возвратившагося гардемарина, а гардемарины, съ своей стороны не устраивали офицерамъ скандаловъ и дѣлали ихъ жизнь на дежурствахъ болѣе или менѣе спокойною.

Въ восемь часовъ ужинали (супъ и макароны или какая-нибудь каша) и въ десять часовъ ложились спать. Это время послѣ ужина и до отхода ко сну было самымъ любимымъ временемъ для разговоровъ и интимныхъ бесѣдъ будущихъ моряковъ.

Нельзя сказать, чтобъ эти бесѣды отличались отвлеченнымъ характеромъ и имѣли въ виду рѣшеніе какихъ-нибудь общихъ вопросовъ, волновавшихъ въ то время общество. Какъ я уже упоминалъ, развитіе кадетъ того времени было довольно слабое, чтеніе было не въ особенномъ фаворѣ, да и домашняя среда, въ которой вращались кадеты по праздникамъ, едва-ли могла дать богатый матеріалъ для этого. Среда эта, по большей части, были моряки николаевскаго времени, суровые деспоты, смотрѣвшіе на свои квартиры, какъ на корабли, а на домочадцевъ, какъ на подчиненныхъ, обязанныхъ трепетать. И, разумѣется, всѣ эти реформы, вводимыя тогда въ морскомъ вѣдомствѣ, всѣ эти слухи объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній не могли вызывать сочувствія у старыхъ моряковъ, привыкшихъ къ линьку и розгѣ. Очень малочисленный кружокъ, который читалъ и интресовался коечѣмъ, не пользовался никакимъ авторитетомъ, а на двухъ изъ насъ,

писавшихъ стихи, смотрѣли съ снисходительнымъ сожалѣніемъ, какъ на людей, занимающихся совсѣмъ пустымъ дѣломъ. И только стихотворенія, обличавшія начальство, имѣли еще нѣкоторый успѣхъ.

Но, тѣмъ не менѣе, разговоры и споры, которые велись, имѣли, въ большинствѣ случаевъ, предметомъ: молодечество, удаль, самоотверженіе. Многіе закаливали себя: ходили по ночамъ на Голодай и на Смоленское поле. Въ разговорахъ молодыхъ людей того времени не слышно было той доминирующей нотки, которая слышится у теперешнихъ морскихъ юнцевъ. Правда, спорили и очень часто спорили о томъ, слѣдуетъ-ли повѣсить двухъ, трехъ матросовъ, если взбунтуется команда, или слѣдуетъ ихъ просто-на-просто отодрать, какъ сидоровыхъ козъ, спорили: прилично-ли настоящему моряку влюбиться, или нѣтъ, разсуждали объ открытіи сѣвернаго полюса, но никто не говорилъ о карьерѣ, о выгодныхъ мѣстахъ, никто не смотрѣлъ на плаваніе, какъ на возможность получить лишнюю копѣйку, и никто не смѣлъ даже заикнуться о достиженіи успѣховъ по протекціи. Многіе, конечно, все это потомъ и продѣлывали, но тогда, на зарѣ своей жизни, все-таки имѣли возвышенные идеалы, хотя и ограниченные въ тѣсной служебной рамкѣ...

И хотя-бы за это одно можно помянуть добромъ духъ прежняго морского корпуса.

Пока въ ротѣ, сидя на своихъ кроватяхъ, гардемарины лясничали, нѣсколько смѣльчаковъ были въ «бѣгахъ» изъ корпуса.

Побѣги эти обыкновенно совершались во время ужина. Оставшись въ ротѣ, доставали пальто, на пуговицы надѣвали чехольчики, на бѣлые погоны нашивали черный коленкоръ или просто ихъ выворачивали, на голову нахлобучивали припасенную штатскую шапку и, давши дневальному двугривенный, айда изъ дверей и, разумѣется, не на главный подъѣздъ, а во дворъ, а тамъ по дворамъ въ однѣ изъ многочисленныхъ воротъ на улицу и—на свободѣ...

Я самъ два или три раза «бѣгалъ» такимъ образомъ изъ корпуса къ знакомымъ студентамъ и, признаюсь, всегда испытывалъ какое-то радостное и вмѣстѣ съ тѣмъ жуткое чувство, когда, пробираясь къ воротамъ, на каждомъ шагу рисковалъ опасностью неожиданной встрѣчи съ кѣмъ-нибудь изъ корпуснаго начальства. Тоже чувство не оставляло, пока, бывало, не минуешь морского корпуса и не очутишься, наконецъ, на Николаевскомъ мосту. Однажды, уже успокоившись, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ директоромъ корпуса. Онъ, казалось мнѣ, пристально взглянулъ на меня, но прошелъ мимо далекій, вѣроятно, отъ мысли, что могъ встрѣтить переодѣтаго кадета.

Возвращеніе было относительно безопаснѣе. Осторожность требовала возвращаться поздно, часу въ первомъ и, пробравшись въ роту, спрятать чехольчики и шапку и идти спать...

Эти «побѣги» такъ и прошли незамѣченными, да хранитъ Богъ бдительность начальства морского корпуса! А сколько они доставили наслажденія!

Экзамены окончены. Мы — старшіе гардемарины, и черезъ годъ покинемъ корпусъ, а пока собираемся въ лѣтнее плаваніе на одномъ изъ кораблей. Я въ числѣ другихъ товарищей попалъ въ этомъ году на 84-хъ-пушечный корабль «Орелъ», которымъ командовалъ заслуженный севастопольскій герой и хорошій морякъ Ѳ. К. Кернъ.

Эти недолгія плаванія должны были пріучать будущихъ моряковъ къ морской жизни, и каждое лѣто кадеты расписывались по судамъ флота послѣ того, какъ прежняя кадетская эскадра была упразднена.

К. Станюковичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мечты и дѣйствительность въ вопросахъ гигіены и воспитанія.

Когда одного мальчика спросили, почему онъ читаетъ съ такою охотою сказки и не любитъ описаній того, что есть на самомъ дѣлѣ, наивный ребенокъ отвѣчалъ: «то, что бываетъ на самомъ дѣлѣ, онъ узнаетъ и помимо книжекъ; сказки-же ему даютъ понятіе о томъ, что когда-то будетъ, а это знать гораздо интереснѣе». Сказочное, фантастическое у этого ребенка почему-то отождествилось въ его понятіи съ тѣмъ, что сбывается, но въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. На такую мысль его натолкнуло, какъ оказалось, неумѣренное чтеніе Жюля Верна и другихъ подобныхъ ему авторовъ, и ребенокъ жилъ въ убѣжденіи, что немногимъ людямъ дано предугадывать будущее и воплощать его въ сказочномъ разсказѣ, что рано-ли, поздно-ли, однако, весь сказочный элементъ долженъ превратиться въ реальную дѣйствительность. Наивный одиннадцатилѣтній мечтатель думалъ, что и путешествіе къ центру земли, и путешествіе на луну, и многое другое въ этомъ духѣ не только возможны, но навѣрное когда-либо осуществятся. Сравнивая возможное въ настоящее время съ тѣмъ, что можетъ осуществиться лишь въ будущемъ, этотъ юный поклонникъ Жюля Верна отдавалъ предпочтеніе послѣднему и увлекался мечтами, оставаясь совершенно равнодушнымъ къ дѣйствительно существующему.

Среди взрослыхъ людей есть не мало такихъ-же точно мечтателей, какъ этотъ мальчикъ. Будничная жизнь, эта «сѣрая дѣйствительность», имъ кажется настолько мало привлекательной, настолько мало имѣющей задатковъ къ быстрому прогрессу, что они и не пробуютъ стремиться къ улучшенію многихъ ея сторонъ путемъ хотя-бы и мало замѣтныхъ, но настойчиво проводимыхъ усовершенствованій и полезныхъ нововведеній. Они цѣликомъ отдаются своимъ мечтамъ и живутъ въ мірѣ идеаловъ, не замѣчая

даже того хорошаго вокругъ ихъ, что постепенно приближаетъ общество къ этимъ идеаламъ. Относясь скептически и съ недовѣріемъ ко всему, что теперь-же въ состояніи хотя-бы на одинъ шагъ подвинуть общество впередъ, они полны интереса къ блестящимъ картинамъ человѣческаго счастья, которыя рисуются передъ ихъ восторженными взорами, благодаря вѣрѣ въ прогрессъ человѣческихъ знаній. Этотъ прогрессъ ихъ единственно и трогаетъ, къ практическому-же приложенію добытыхъ знаній они остаются довольно равнодушны. Страстно желая осуществленія своихъ идеаловъ, эти люди строятъ предположенія относительно того, въ какомъ видѣ они осуществятся, и кончаютъ тѣмъ, что пробѣлы въ знаніяхъ дорисовываютъ воображеніемъ, смѣшиваютъ фактъ съ вымысломъ и одинаково твердо вѣрятъ въ возможное и невозможное.

Какъ въ разсказахъ Жюля Верна дѣйствительность настолько перепутана съ фантазіей, что факта нельзя отличить отъ выдумки, такъ и въ широкихъ планахъ этихъ фантазеровъ реальное и достижимое перемѣшано съ воображаемымъ и недоступнымъ.

Такихъ фантазеровъ, появляющихся на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности, порождаетъ общественная жизнь, поставленная въ очень тѣсныя рамки и условія, слишкомъ неблагопріятныя для развитія частной и общественной инипіативы. Миніатюрность результатовъ, которыхъ добиваются люди недюжиннаго ума и желѣзной воли, пугаетъ ихъ, и они роняютъ изъ рукъ дѣло, которому отдавались было всей душой. Для примѣра, возьмемъ хотя-бы симпатичное дѣло служенія страждущему человѣчеству на поприщѣ охраненія его здоровья. Этому дѣлу служатъ и врачи, и не врачи, и для того, чтобы провести многія полезныя и разумныя требованія общественной гигіены въ жизнь, необходимо, по крайней мѣрѣ, сознательное отношеніе къ нимъ значительной части общества. Безъ этого условія даже самыя разумныя и простыя мѣропріятія не приведутъ къ цѣли, хотя-бы они и встрѣтили серьезную поддержку въ административныхъ сферахъ даннаго общества.

Нужно сознаться, что путь для проведенія въ жизнь гигіеническихъ мѣропріятій весьма долгій: чтобы проникнуться идеею полезности данной мѣры, надо видѣть хорошіе результаты ея примѣненія а для этого нужно сдѣлать пробу въ широкихъ размѣрахъ. Но на опыты могутъ рѣшиться лишь люди, сильно убѣжденные и обладающіе къ тому-же всѣми необходимыми средствами для того, чтобы сдѣлать опытъ доказательнымъ. Выполнить эти условія весьма и весьма трудно, а потому и симпатіи къ разнымъ полезнымъ мѣрамъ

завоевываются въ обществѣ крайне медленно. Общество всегда консервативно относится къ разнымъ новшествамъ, и среди многихъ другихъ причинъ, играющихъ, можетъ быть, еще болѣе видную роль въ медленномъ прогрессѣ гигіеническихъ условій жизни, значительный консерватизмъ несомнѣнно занимаетъ не послѣднее мѣсто. Съ этимъ консерватизмомъ, тормазящимъ быстрое поступательное движеніе новыхъ идей, надо считаться, и гдѣ коренныя реформы, сразу устраняющія много дурныхъ вліяній, невозможны, тамъ должно прибѣгать временно къ компромиссамъ, ведущимъ къ незначительнымъ только улучшеніямъ, такъ какъ и ихъ бываетъ иногда достаточно для доказательства полезности тѣхъ или другихъ болѣе широкихъ мѣръ. А разъ подобное завоеваніе сдѣлано, разъ общество начинаетъ проникаться новыми идеями, то можно надѣяться и на большее.

Въ послѣднее время много говорятъ и пишутъ о желательности самыхъ широкихъ реформъ въ образованіи дѣтей. Критикѣ подвергается рѣшительно все, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ этому вопросу. Къ какимъ-же выводамъ приходятъ эти протестующіе голоса? Приблизительно, къ слѣдующимъ: наше школьное образованіе никуда не годится, такъ какъ оно на каждомъ шагу нарушаетъ извѣстную гармонію въ развитіи души и тѣла. Сѣдалище умственной дѣятельности—мозгъ—излишнимъ образомъ напрягается, что ведетъ къ истощенію организма. Тѣло (мышцы) бездѣйствуетъ, и страдаетъ отъ этого бездѣйствія на столько, что не дозволяетъ правильнаго развитія и духовной дѣятельности. Словомъ, получается circulus vitiosus. Переутомляя мозгъ ребенка однообразной работой и такимъ образомъ способствуя ослабленію мышечной энергіи—отсутствіемъ достаточныхъ движеній, школа, кромѣ того, мало заботится объ устраненіи вредныхъ вліяній ученія среди обстановки, въ высшей степени негигіенической. Далѣе, школа очень мало заботится о доставленіи дѣтямъ чистаго воздуха, достаточнаго количества естественнаго и искусственнаго свѣта, мебели, которая-бы не уродовала дѣтскій организмъ и проч. Наконецъ, учебные планы въ школахъ, повидимому, совсѣмъ игнорируютъ правило гигіены: чередовать трудъ достаточными промежутками отдыха и разнообразить работу, чтобы не произвести переутомленія безпрерывно работающихъ частей организма. Таковы главнѣйшія нападки на школу.

Но и домашнее до-школьное, а также одновременное съ школьнымъ образованіе далеко не свободны отъ сильныхъ упрековъ. Родители даютъ своимъ дѣтямъ или черезчуръ пренебреженное, или черезчуръ изнѣженное воспитаніе; они, изъ тщеславія и другихъ побу-

дительныхъ причинъ, прибавляютъ къ имѣющимся уже школьнымъ занятіямъ, и безъ того обременяющимъ ихъ дѣтей, еще добавочныя занятія по языкамъ, музыкѣ и проч., которыя отнимаютъ послѣдній остатокъ ихъ свободнаго времени. Ведя сами далеко не гигіеническій образъ жизни, родители и отъ дѣтей своихъ не могутъ требовать другого, и тѣмъ способствуютъ развитію у послѣднихъ различныхъ болѣзней, которыя мѣшаютъ правильному физическому, духовному и нравственному развитію дѣтей. Словомъ, при массѣ недостатковъ семейнаго и школьнаго воспитанія, требующихъ, очевидно, глубокихъ реформъ, легко заразиться скептицизмомъ. Но такъ какъ человѣку свойственно вѣрить и надѣяться на лучшую долю, то скептики являются въ то-же время крайними идеалистами, которые, будучи разочарованы въ настоящемъ, отвергаютъ полезность постепенныхъ улучшеній и вѣрятъ въ цѣлесообразность лишь радикальныхъ реформъ въ области воспитанія. Скептицизмъ, какъ было уже указано, возбуждается слишкомъ явными недостатками современнаго воспитанія, задѣвающими, такъ сказать, «за живое» всякаго, кто имѣетъ къ нему близкое соприкосновеніе.

Этотъ скептицизмъ по отношенію къ условіямъ современнаго домашняго и школьнаго образованія доведенъ какъ у насъ, такъ и въ сосѣднихъ съ нами странахъ до крайности: всѣхъ въ высокой степени поражаетъ плохое состояніе здоровья молодого учащагося поколѣнія, съ каждымъ годомъ ухудшающееся. Врачи указываютъ на поразительное развитіе близорукости и многихъ другихъ школьныхъ болѣзней, оставляющихъ свой глубокій слѣдъ даже въ зрѣломъ возрастѣ, и недоумѣваютъ предъ той перспективой, которая рисуется въ будущемъ. Педагоги замѣчаютъ, что и умственныя способности дѣтей, несмотря на то, что онѣ-то всего болѣе и культивируются въ школѣ, въ сравненіи съ болѣе отдаленными временами скорѣе ослаблены, чѣмъ развиты. На это указываетъ, между прочимъ, фактъ меньшей сравнительно съ прошлымъ выносливости дѣтей при одинаковомъ почти напряженіи умственныхъ силъ. Словомъ, основаній для мрачнаго направленія мыслей много, и скептицизмъ по отношенію къ вопросамъ воспитанія въ обществѣ замѣтно увеличивается.

Рядомъ съ этимъ развивается и другое настроеніе, которое вѣрнѣе всего назвать мечтательностью. Въ обществѣ начинаютъ прислушиваться къ тѣмъ рѣчамъ, которыя высказываютъ не одно только дурное про воспитаніе, но и обрисовываютъ новыя перспективы, подающія надежды на лучшее будущее. Общество стало необыкновенно отзывчиво къ вопросамъ этики и психологіи, играющимъ важную роль

въ воспитаніи человѣка. Оно, словно, почувствовало шаткость устоевъ образованія, не основаннаго на знаніяхъ человѣческой души, и ищетъ этихъ знаній. Сознавая свои ошибки по отношенію къ физическому здоровью дѣтей, общество съ большимъ вниманіемъ относится также ко всѣмъ вопросамъ здоровья и его охраненія. При этомъ замѣчается, однако, сильное тяготѣніе къ частной гигіенѣ, оберегающей здоровье одного (любого) индивидуума, и слишкомъ еще малый интересъ къ вопросамъ общественной гигіены, гдѣ на первомъ планѣ ставится благо цѣлыхъ группъ людей.

Мѣры частной или, вѣрнѣе, индивидуальной гигіены, какъ болѣе выполнимыя, многими съ усердіемъ примѣняются; къ мѣропріятіямъ же общественной гигіены большинство относится довольно равнодушно, очевидно, не сознавая еще хорошо, къ какимъ выгоднымъ результатамъ они могутъ повести.

Такое равнодушіе или малый интересъ къ вопросамъ общественной гигіены—явленіе вполнѣ естественное. Гигіеническія знанія еще очень недавно начали проникать въ среду неспеціалистовъ, и потому не успѣли еще укорениться. Процессъ этотъ, какъ ни желательно было-бы его ускорить, требуетъ времени, и многимъ оно вполнѣ естественно кажется необыкновенно продолжительнымъ. Не позаботившись о томъ, чтобы самыя существенныя гигіеническія знанія сдѣлались достояніемъ большинства, многія лица впадаютъ въ крайность, требуя немедленнаго осуществленія всѣхъ задуманныхъ мѣръ и не допускаютъ компромиссовъ. Во всѣхъ областяхъ гигіены можетъ представиться случай провѣрить на дѣлѣ, до какой степени такая прямолинейность можетъ быть непрактичной и на сколько она можетъ тормазить самыя реформы.

Для примѣра, возьмемъ отдѣлъ школьной гигіены.

Какъ извѣстно, причинъ плохого развитія силъ у учащихся дѣтей очень много, и потому устраненія той или иной изъ нихъ слишкомъ недостаточно для того, чтобы получился вполнѣ замѣтный эффектъ, убѣждающій общество въ цѣлесообразности принятыхъ мѣръ. Основываясь на этомъ, многіе предлагаютъ не останавливаться на подобныхъ мѣрахъ, а выжидать, пока можно будетъ произвести сразу крупныя реформы, кореннымъ образомъ измѣняющія весь строй воспитанія въ гигіеническомъ отношеніи. Такія лица разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ. Здоровье учениковъ въ школахъ портится, такъ какъ они подолгу сидятъ на одномъ мѣстѣ, дышутъ испорченнымъ воздухомъ, пользуются плохой мебелью, читаютъ и пишутъ при плохомъ освѣщеніи и, наконецъ, переутомляютъ свой мозгъ непосильной и мало инте-

ресной для нихъ работой. Что толку въ томъ, если изъ суммы многихъ вредныхъ вліяній одно изъ нихъ будетъ устранено? Какая польза,—говорятъ эти люди,—для учениковъ отъ хорошей, дорого стоющей мебели, если всѣ другія вредныя вліянія продолжаютъ дѣйствовать? Какая польза въ движеніяхъ послѣ утомительныхъ занятій, требующихъ полнаго отдыха, въ особенности въ томъ случаѣ, когда эти движенія совершаются дѣтьми въ пыльной, плохо провѣтриваемой комнатѣ?

Указывая на то, что только полное удовлетвореніе всѣхъ требованій гигіены можетъ приблизить насъ къ идеалу, эти защитники его вполнѣ правы. Для того, что существуетъ въ идеалѣ, нѣтъ и не можетъ быть компромиссовъ; но они должны быть при осуществленіи идеаловъ на практикѣ, такъ какъ формы жизни измѣняются, приближаясь къ идеальнымъ, и одни только факты остаются неизмѣнными. При быстрой-же смѣняемости однѣхъ формъ и условій жизни другими весьма важно, чтобы всѣ измѣненія совершались въ хорошую сторону, и потому все то хорошее, что получается при постепенномъ, хотя и медленномъ улучшеніи существующихъ условій, имѣетъ огромную цѣну: оно обыкновенно служитъ началомъ новыхъ измѣненій въ желательномъ направленіи, и игнорировать этотъ постепенный прогрессъ и стремиться къ немедленному осуществленію своихъ идеаловъ во всемъ ихъ объемѣ значитъ ставить себѣ невыполнимыя задачи, т.-е., превратиться въ мечтателя, теряющую почву подъ ногами.

Требуя слишкомъ многаго заразъ: т.-е. въ данномъ случаѣ—полнаго измѣненія учебныхъ плановъ, упорядоченія школьныхъ помѣщеній, классной мебели и проч., эти мечтатели, при всей законности своихъ мечтаній, рискуютъ напугать слишкомъ большими требованіями болѣе консервативные элементы общества, останавливающіеся и предъ расходами, и предъ всякимъ препятствіемъ къ осуществленію этихъ мѣръ, и, очевидно, еще не достаточно убѣжденные, если не въ ихъ полезности, то въ ихъ огромной важности для здоровья.

Если мечты основаны на фактахъ, то онѣ, рано или поздно, осуществятся; но это не всегда бываетъ, и въ вопросахъ школьной гигіены, какъ и во всѣхъ вопросахъ воспитанія, могутъ найтись такіе проекты, которые, кромѣ своей смѣлости, не будутъ отличаться никакими другими достоинствами. Воздушный замокъ, характеризующійся необыкновенною легкостью постройки, укрѣпитъ мысль о необходимости консерватизма, и чѣмъ больше появится такихъ проектовъ, тѣмъ консервативное большинство будетъ относиться къ нимъ осторожнѣе.

На этомъ основаніи, когда въ обществѣ проводятся новыя идеи

и желательно ихъ возможно быстрое осуществленіе на практикѣ, едва-ли выгодна мечтательность. Она своими слишкомъ широкими и смѣлыми планами возстановляетъ практику противъ теоріи и тормазитъ прогрессъ.

Въ наше время довольно значительнаго развитія скептицизма, посѣяннаго въ обществѣ по отношенію къ практикѣ воспитанія, намъ нужны прочные идеалы, а не безпочвенныя мечтанія. Но, чтобы эти идеалы установились, и затѣмъ сдѣлались достояніемъ большого круга людей, нужно еще много потрудиться надъ собираніемъ фактовъ. Относиться отрицательно къ дѣйствительности не значитъ еще понимать ее. Огульное отрицаніе ведетъ нерѣдко къ тому, что пшеницу не отличаютъ отъ плевелъ и уничтожаютъ и то, и другое. Только на почвѣ терпѣливаго изученія фактовъ можно установить истину и положить конецъ отчаянному пессимизму, который большею частью является результатомъ шаткости мыслей и скудости прочно усвоенныхъ фактовъ. Мы переживаемъ теперь время, когда пессимизмъ въ вопросахъ семейнаго и школьнаго воспитанія доходитъ до крайностей и когда чувствуется сильная потребность въ коренномъ измѣненіи основъ воспитанія человѣка. Естественно, что въ такой періодъ накопилось много жгучихъ вопросовъ, которые ждутъ правильнаго рѣшенія.

Многіе мечтатели порѣшили, однако, съ этими вопросами; имъ они представляются ясными, потому что причины ненормальныхъ явленій, по ихъ мнѣнію, точно изслѣдованы, а для леченія недуговъ требуются самыя радикальныя мѣры, которыя, чтобы онѣ имѣли успѣхъ слѣдуютъ примѣнить всѣ сразу.

Этотъ взглядъ намъ кажется невѣрнымъ. Во-1-хъ, нашъ фактическій матеріалъ пока еще не настолько богатъ, чтобы мы могли сказать, что знаемъ всѣ причины ненормальныхъ явленій и въ состояніи указать, какимъ путемъ ихъ легче всего устранить; во-2-хъ, жизнь не ждетъ теоретическаго рѣшенія вопросовъ и отвѣчаетъ на нихъ по своему, сообразуясь съ теоріей только отчасти; поэтому медленный путь постепеннаго усовершенствованія, приближающій насъ къ нашимъ идеаламъ, есть путь самый надежный, такъ сказать, естественно-историческій.

Большія метаморфозы хотя и встрѣчаются въ природѣ, но представляютъ явленіе далеко не такое частое, какъ постепенное измѣненіе формъ. Той-же участи подлежатъ, повидимому, и всѣ явленія въ области семейнаго и общественнаго воспитанія. Улучшенія совершаются едва замѣтно для глазъ, и хорошо, если этотъ медленный кризисъ зависитъ не отъ случайностей, а отъ тѣхъ эволюцій, которыя

совершаются въ умахъ людей подъ вліяніемъ научныхъ истинъ. Вотъ эта точка зрѣнія, какъ намъ кажется, и должна быть обязательной для тѣхъ, кто своимъ трудомъ можетъ способствовать улучшенію современнаго воспитанія.

Условія современнаго воспитанія таковы, что физическое здоровье дѣтей отъ нихъ очень страдаетъ. Этотъ печальный фактъ, можно сказать, общепризнанъ, и вотъ являются два коренныхъ вопроса: въ чемъ искать причину этихъ явленій и какъ найти выходъ изъ этихъ неблагопріятныхъ условій?

Для рѣшенія этихъ вопросовъ намъ нужно знать хорошо матеріальную, нравственную и умственную обстановку нашихъ дѣтей, какъ растущихъ въ семьяхъ до школы, такъ и посѣщающихъ школу, для того, чтобы мы могли отдѣлять дурныя вліянія школы на здоровье отъ того, въ чемъ школа неповинна и что пріобрѣтается въ семьѣ. Этотъ вопросъ порождаетъ массу разнорѣчивыхъ мнѣній, и фактъ этотъ самъ по себѣ уже показываетъ, что фактическій матеріалъ недостаточенъ, иначе наши представленія о причинахъ дурныхъ вліяній были-бы болѣе ясны и не вызывали-бы столько разнорѣчивыхъ толковъ.

Что касается вопроса о томъ, что надо дѣлать, чтобы упрочить физическое здоровье дѣтей, то удовлетворительное рѣшеніе его зависитъ также отъ рѣшенія предъидущаго, такъ какъ многія мѣры могутъ вести къ улучшенію, но лучшія изъ нихъ будутъ тѣ, которыя вытекаютъ изъ потребностей и условій мѣста и времени данной среды. Общія мѣры для очень большихъ группъ всегда будутъ страдать односторонностью и, не соотвѣтствуя чисто мѣстнымъ условіямъ, могутъ приносить даже больше вреда, чѣмъ пользы. Словомъ, по пути, который ведетъ къ осуществленію нашихъ идеаловъ воспитанія, намъ предстоитъ преодолѣть еще не мало трудностей, и чтобы облегчить себѣ этотъ путь, мы должны по возможности не строить воздушныхъ за̀мковъ, а собирать матеріалъ, нужный еще для уясненія многихъ сторонъ гигіены и воспитанія. Прежде всего, намъ не достаетъ свѣдѣній о многихъ условіяхъ жизни ребенка въ кругу его семьи. Правда, много уродливыхъ явленій беретъ свое начало и развивается на этой почвѣ, но было-бы несправедливо забывать о томъ, насколько часто представители семьи, отецъ и мать (и въ особенности послѣдняя), стоятъ на стражѣ интересовъ каждаго члена семьи, охраняя его здоровье отъ антигигіеническихъ и антипедагогическихъ вліяній. Если, при полной заботливости и стараніяхъ съ ихъ стороны и при достаточномъ знакомствѣ, надо прибавить, съ основами гигіены и педагогики, усилія ихъ ни къ чему не приводятъ, то въ этомъ мо-

гутъ быть повинны другія вліянія, и прежде всего, конечно, вліяніе школы.

Въ нашихъ глазахъ понятіе «школа» гораздо болѣе опредѣленное, чѣмъ семья; первая представляетъ гораздо меньше разновидностей, чѣмъ вторая, и изучать ее на этомъ основаніи легче; поэтому хотя относительно и скудны наши знанія о вліяніи школы на организмы, но ихъ, все-таки, достаточно, чтобы можно было себѣ составить довольно вѣрное понятіе о наиболѣе вредныхъ условіяхъ школьнаго воспитанія и антигигіеническихъ условіяхъ самой школы.

Что касается семьи, то вопросъ о вліяніи ея на развитіе ребенка физическое, умственное и нравственное едва-ли можно назвать выясненнымъ, такъ какъ у насъ нѣтъ почти никакихъ научныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было-бы составить себѣ вѣрное и безпристрастное сужденіе по этому вопросу.

Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ выводу, что для борьбы съ праздною мечтательностью и отчаяннымъ пессимизмомъ въ вопросахъ гигіены воспитанія и обученія въ высокой степени необходимы весьма обширныя и точныя изслѣдованія съ санитарной точки зрѣнія условій жизни учениковъ дома и въ школѣ. Только такія изслѣдованія въ состояніи представить намъ всѣ тѣ доказательства, которыя необходимы для широкихъ и коренныхъ реформъ въ воспитательномъ дѣлѣ.

Краснорѣчивѣе научнымъ путемъ добытыхъ фактовъ ничего не можетъ быть, и когда ихъ накопится настолько много, что на основаніи ихъ можно будетъ построить прочные выводы, то путь, по которому должны пойти реформы, выяснится самъ собою.

На этомъ основаніи необходимо стремиться къ тому, чтобы фактическій матеріалъ былъ поскорѣе собранъ.

Этою задачей въ настоящее время воодушевлено, между прочимъ, Русское Общество охраненія народнаго здравія въ Петербургѣ. Въ 10-й секціи (по школьной гигіенѣ и воспитанію) Общества была организована особая коммиссія, состоящая изъ врачей и педагоговъ, которой было поручено составить подробную программу изслѣдованія санитарнаго состоянія учебныхъ заведеній, ученія и учащихся дѣтей.

Труды этой коммиссіи давно закончены и были уже разсмотрѣны въ общемъ собраніи Общества, которое и постановило напечатать выработанную ею программу, дабы она могла послужить руководствомъ при производствѣ изслѣдованій по опредѣленному плану. Единообразіе въ собираніи свѣдѣній, какъ извѣстно, имѣетъ огромное значеніе для правильности выводовъ; вотъ почему и желательно, чтобы программа

эта нашла возможно большее распространенie среди лицъ, желающихъ посвятить себя названнымъ изслѣдованiямъ.

Укажемъ на нѣкоторыя соображенiя, которыя были положены въ основу программы ея составителями.

«1. Программа (см. 4 стр.) должна быть составлена наивозможно подробнѣе, чтобы отчетливо указывала направленie и пути, какихъ слѣдуетъ держаться при строго-научной постановкѣ дѣла изслѣдованiя санитарнаго состоянiя школы и здоровья учащихся.

«2. Программа должна касаться всей матерiальной обстановки школы: гигiеническихъ подробностей преподаванiя; анатомо-физiологическихъ данныхъ тѣлесной организацiи учащихся; тѣлесной, умственной и нравственной обстановки учащихся въ школѣ и въ родительскомъ домѣ; подробностей бiографическихъ ученика и отношенiй болѣзненности учащихся въ до-школьной и школьный перiоды ихъ жизни.

«Для болѣе точнаго выясненiя, что̀ слѣдуетъ приписать влiянiю школы и что̀ влiянiю домашней и бытовой обстановки, необходимо, съ одной стороны, производить, если представится къ тому удобный случай, параллельныя изслѣдованiя неучащихся дѣтей школьнаго возраста, съ другой-же стороны, желательны также продолжительныя изслѣдованiя, производимыя перiодически надъ небольшой группой учениковъ въ теченiи нѣсколькихъ лѣтъ ихъ пребыванiя въ школѣ».

Составители вышеуказанной программы справедливо полагаютъ, что когда будетъ собранъ достаточно обильный матерiалъ въ формѣ обстоятельныхъ и точныхъ отвѣтовъ, по крайней мѣрѣ, на важнѣйшiе вопросы, тогда можно будетъ дѣлать вполнѣ научныя обобщенiя на счетъ всего, что задерживаетъ правильное развитie дѣтей и юношества. Рядомъ съ этимъ выяснятся кратчайшiе и вѣрнѣйшiе пути къ достиженiю намѣченныхъ идеаловъ воспитанiя. Нужно внести побольше свѣта въ тѣ вопросы, которые очень многихъ волнуютъ и еще большаго числа непосредственно касаются, и тогда самъ собою разсѣется тотъ туманъ, который скрываетъ дѣйствительность и порождаетъ неясныя мечты и непрочныя надежды на лучшее будущее.

В. Гориневскiй.

ПЕДАГОГИ И ВЗАИМОПОМОЩЬ.

(Окончаніе).

IX.

Въ послѣдніе годы и русскіе педагоги, особенно столичные, прониклись сознаніемъ необходимости выйти изъ своего затруднительнаго экономическаго положенія. Необходимость такой перемѣны особенно сильно чувствуется за послѣднее время тяжелаго экономическаго гнета, причемъ новыя матеріальныя условія жизни указали, что тѣхъ средствъ къ улучшенію экономическаго положенія, къ какимъ педагоги прибѣгали въ недавнее время, теперь далеко недостаточно. И вотъ, столичные педагоги, какъ наиболѣе отзывчивые и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе испытывающіе затруднительность положенія, пріурочиваясь къ новымъ запросамъ и условіямъ жизни, обратились къ новымъ способамъ и средствамъ самопомощи. Убѣдившись на опытѣ въ своемъ безсиліи въ единичной борьбѣ за существованіе, педагогическій міръ начинаетъ охватываться идеей о необходимости объединенія, съ цѣлью совокупными силами положить начало улучшенію своего матеріальнаго существованія.

Итакъ, честь примѣненія принципа коопераціи принадлежитъ столичнымъ педагогамъ, московскимъ и петербургскимъ. Въ настоящее время мы и переходимъ къ очерку того, что̀ сдѣлано ими въ указанномъ отношеніи и что̀ является задачею ихъ дѣятельности въ области самопомощи въ ближайшемъ будущемъ.

Иниціатива дѣла самопомощи педагоговъ въ Москвѣ принадлежитъ извѣстному педагогу И. Я. Герду, брату незабвенной памяти А. Я. Герда, и относится къ началу восьмидесятыхъ годовъ. При содѣйствіи нѣсколькихъ видныхъ московскихъ педагоговъ, И. Я. Гердъ задумалъ устроить Общество взаимнаго вспоможенія лицамъ педагогическаго званія въ Москвѣ. Для этой цѣли былъ выработанъ уставъ,

который и получилъ утвержденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія. По 1-му параграфу этого устава, цѣль Московскаго Общества взаимной помощи заключается «въ возможномъ обезпеченіи лицъ, дѣйствующихъ на учебно-воспитательномъ поприщѣ, въ случаѣ продолжительной или неизлечимой болѣзни, несчастія, преклонныхъ лѣтъ и неспособности къ труду, равно какъ обезпеченіе ихъ вдовъ и сиротъ. Для этой цѣли Общество выдаетъ: а) пожизненныя и единовременныя пособія; б) производитъ денежныя пособія въ случаѣ смерти кого-либо изъ членовъ кассы, или ихъ женъ; в) выдаетъ на извѣстные сроки за опредѣленные проценты ссуды и принимаетъ отъ участниковъ вклады. Ради достиженія указанныхъ функцій Общества при немъ учреждена вспомогательная касса, состоящая изъ трехъ отдѣловъ: кассъ *пенсіонной*, *похоронной* и *ссудосберегательной*. Такимъ образомъ, московское Общество представляетъ собою весьма сложную организацію. Въ то же время,—въ этомъ надо отдать справедливость составителямъ устава,—эта организація отличается единствомъ, которое, между прочимъ, выразилось въ составѣ Общества и въ правахъ его членовъ. Общество состоитъ изъ трехъ разрядовъ членовъ: дѣйствительныхъ, почетныхъ и благотворителей. Въ почетные члены избираются лица, оказавшія Обществу особыя услуги, званіе благотворителей получаютъ лица всѣхъ сословій, сдѣлавшія въ пользу Общества единовременное пожертвованіе не менѣе пятисотъ рублей или обязавшіяся вносить ежегодно не менѣе двадцати рублей, причемъ члену-благотворителю предоставляется право давать своему пожертвованію спеціальное назначеніе. Но ядро и главная сила Общества заключается въ составѣ его дѣйствительныхъ членовъ. Въ число послѣднихъ допускаются «лица обоего пола, занимающіяся воспитаніемъ или обученіемъ въ казенныхъ или частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также въ частныхъ домахъ». Сверхъ того, «жена каждаго дѣйствительнаго члена имѣетъ право также сдѣлаться дѣйствительнымъ членомъ, хотя-бы она и не занималась ни воспитаніемъ, ни обученіемъ дѣтей». Это послѣднее право намъ представляется глубоко симпатичнымъ и цѣлесообразнымъ. Оно расширяетъ права членовъ-педагоговъ, дѣлаетъ болѣе прочнымъ, устойчивымъ, а слѣдовательно, и болѣе продуктивнымъ положеніе каждаго члена педагога-семьянина, наконецъ, сразу увеличиваетъ составъ Общества, и притомъ не номинальными членами, а дѣйствительными—въ самомъ серьезномъ смыслѣ этого слова.

Всѣ дѣйствительные члены Общества могутъ принадлежать одновременно ко всѣмъ его отдѣламъ, или-же быть членами одного или нѣсколькихъ отдѣловъ.

Что касается средствъ Общества, то и въ этомъ отношеніи въ организаціи его проведена также тѣсная взаимная связь между отдѣлами. Денежныя средства Общества состоятъ изъ капиталовъ: основного неприкосновеннаго, запаснаго и оборотнаго. Первый составляется изъ: а) суммъ, спеціально пожертвованныхъ съ этою цѣлью; б) пожертвованій, хотя и не получившихъ спеціальнаго назначенія, но превышающихъ 1-000 руб. сер., за отчисленіемъ 50% съ каждаго пожертвованія въ основной пенсіонный капиталъ; в) 30% съ суммъ, выручаемыхъ отъ концертовъ, спектаклей и тому подобныхъ доходовъ; г) 10% съ чистой годовой прибыли ссудо-сберегательной кассы и д) части ежегодныхъ остатковъ съ оборотнаго капитала Общества, не свыше половины, причемъ половина отчисленной суммы передается въ основной пенсіонный капиталъ. Запасный капиталъ составляютъ всѣ суммы пенсіонной кассы, за исключеніемъ основного капитала этой кассы, и запасный капиталъ ссудо-сберегательной кассы. Оборотный капиталъ образуется изъ: а) процентовъ съ основного капитала, б) частныхъ пожертвованій, не получившихъ спеціальнаго назначенія и не превышающихъ 1.000 руб., за указаннымъ выше исключеніемъ 50%, в) 30% съ суммъ, выручаемыхъ отъ концертовъ, спектаклей, публичныхъ чтеній и т. п., г) взносовъ членовъ-благотворителей, если имъ не было дано спеціальнаго назначенія, д) суммъ похоронной кассы, предназначенныхъ къ выдачѣ наслѣдникамъ умершихъ членовъ, а также поступившихъ въ теченіе года, и е) оборотнаго капитала ссудо-сберегательной кассы.

Такое-же единство отдѣловъ Общества проведено и въ организаціи управленія дѣлами его. Главнымъ хозяиномъ являются общія собранія всѣхъ членовъ Общества, которые раздѣляются на обыкновенныя годовыя и чрезвычайныя. Общее собраніе избираетъ членовъ правленія и ревизіонную коммиссію, утверждаетъ инструкціи для тѣхъ и другихъ, разсматриваетъ и утверждаетъ отчеты по дѣламъ Общества, разрѣшаетъ всѣ вопросы, превышающіе власть правленія, разрѣшаетъ недоразумѣнія между правленіемъ и ревизіонной коммиссіей и проч. Тѣ особенности въ правахъ общаго собранія, которыми выражается указанное нами выше единство и на которыя мы желали-бы обратить вниманіе, состоятъ въ томъ, что это собраніе устанавливаетъ сроки собраній отдѣльныхъ кассъ для обсужденія дѣлъ, касающихся этихъ послѣднихъ. Постановленія такихъ частныхъ собраній вносятся на разсмотрѣніе и утвержденіе общаго собранія Общества и безъ его санкціи силы не имѣютъ; наконецъ, на общихъ-же собраніяхъ рѣшается вопросъ и о самомъ закрытіи дѣйствій отдѣльныхъ

кассъ, откуда слѣдуетъ, конечно, заключить, что и самое открытіе этихъ дѣйствій происходитъ также по постановленію общихъ собраній.

То-же самое нужно сказать и относительно правленія, которое завѣдуетъ текущими дѣлами Общества. Оно состоитъ изъ предсѣдателя, его товарища, секретаря (онъ-же секретарь общаго собранія), главнаго казначея, а также директоровъ главныхъ кассъ, ихъ помощниковъ, казначеевъ и секретарей. Въ члены правленія могутъ быть выбираемы только дѣйствительные члены Общества, лицо-же, завѣдывающее какою-либо отдѣльною кассою, должно быть членомъ именно этой кассы и избирается исключительно членами ея. Наконецъ, всѣ члены правленія и ревизіонная коммиссія отвѣтственны въ своихъ дѣйствіяхъ передъ общимъ собраніемъ.

Единство проведено и въ организаціи каждаго отдѣла общества— въ его кассахъ: пенсіонной, похоронной и ссудо-сберегательной. Мы дадимъ краткій очеркъ ихъ устройства въ виду того, что эти кассы представляютъ организацію, могущую быть примѣненною къ дѣятельности и вновь возникшаго «Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи».

X.

Наиболѣе важнымъ изъ отдѣловъ Московскаго Общества, несомнѣнно, является *пенсіонная* касса. Въ самомъ дѣлѣ, сроки и условія выслуги педагогами пенсій, а равнымъ образомъ и размѣры ея не могутъ быть названы правомѣрными и нормальными. Вспомнимъ, въ общихъ чертахъ, главное основаніе нынѣ дѣйствующаго пенсіоннаго устава*) для лицъ, служащихъ по учебной и воспитательной частямъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

На основаніи дѣйствующаго устава, полный окладъ пенсіи для лицъ, безупречно прослужившихъ по учебной части Министерства Нар. Просв., полагается за 25 лѣтъ службы, причемъ размѣры полной пенсіи колеблются между 300 и 750 руб. сер. Лица, прослужившія отъ 20 до 25 лѣтъ, при тѣхъ-же условіяхъ безупречности службы, получаютъ только половинный окладъ полной пенсіи. Сверхъ того, за каждыя пять лѣтъ, выслуженныя свыше двадцатипятилѣтія, прибавляется къ слѣдующей за этотъ срокъ полной пенсіи одна пятая часть ея, причемъ, прежде окончательной выслуги каждаго такого пяти-

*) Сводъ Законовъ изд. 1876 г., т. III, Уставъ о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ, ст. 361—384.

лѣтія, причитающаяся за него прибавка ни въ какомъ случаѣ не назначается. Оставляющіе службу ранѣе 20 лѣтъ, но прослужившіе болѣе 10 лѣтъ, получаютъ лишь въ единовременное пособіе окладъ годового жалованья, изъ тѣхъ-же окладовъ, какъ и сама пенсія. Исключенія изъ этого правила, т.-е. сокращеніе лѣтъ службы, дающихъ право на полученіе пенсій и пособій, допускаются «во вниманіе къ происшедшимъ отъ отлично-усерднаго исполненія должности болѣзненнымъ припадкамъ, не позволяющимъ оставаться на службѣ временно или продолжительно». Что-же касается до лицъ, выходящихъ въ отставку по совершенно разстроенному здоровью, то они получаютъ въ пенсію: прослужившіе отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ одну треть оклада, отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ—двѣ трети оклада, полный-же окладъ только послѣ службы въ 20 лѣтъ и болѣе *).

Таковы, въ главныхъ чертахъ, условія выслуги и размѣры пенсій для педагоговъ. Говоря относительно, эти условія должны быть признаны льготными сравнительно съ другими родами гражданской и даже военной службы. Установленіемъ этихъ исключительныхъ льготъ законодатель, очевидно, стремился соблюсти правомѣрность, такъ какъ, дѣйствительно, полный непрерывнаго упорнаго физическаго и нравственнаго напряженія трудъ педагога не можетъ идти въ сравненіе съ трудомъ другихъ видовъ государственной службы. Но изъ этихъ прерогативъ вытекаютъ слѣдующія неизбѣжныя и естественныя послѣдствія.

Гражданская служба другихъ родовъ даетъ право на полную пенсію по истеченіи 35-ти лѣтъ государственной службы; до этой нормы обыкновенно большинство служащихъ и остается на службѣ; даже плохіе работники, изъ чувства человѣколюбія, оставляются на службѣ до этого термина, чтобы дать имъ возможность имѣть подъ старость обезпеченный кусокъ хлѣба. Въ этотъ продолжительный періодъ достаточно оплачиваемой государственной дѣйствительной службы чи-

*) Дополняемъ главныя статьи устава о пенсіи еще нѣкоторыми подробностями. Лица, выходящія въ отставку по разстроенному совершенно на службѣ здоровью, прослужившія менѣе 10-ти лѣтъ, а равнымъ образомъ одержимыя тяжкими неизлечимыми болѣзнями, лишающими не только возможности продолжать службу, но и обходиться безъ постояннаго посторонняго ухода, и прослужившія менѣе 5-ти лѣтъ, — получаютъ въ единовременное пособіе окладъ годового жалованья. Если оставившій службу по тяжкимъ болѣзнямъ имѣетъ семейство, то сверхъ назначенія пенсіи или выдачи единовременнаго пособія собственно ему, выдается еще въ единовременное пособіе окладъ полнаго жалованья его семейству. Если таковые чиновники по тяжкимъ, болѣзнямъ ихъ, находятся на казенномъ содержаніи въ богоугодныхъ заведеніяхъ, то слѣдующая имъ пенсія или пособіе остается ихъ семействамъ.

новникъ успѣваетъ поставить на ноги всѣхъ членовъ своего семейства, дать дѣтямъ приличное воспитаніе и образованіе и даже, нерѣдко, сдѣлать ихъ вполнѣ самостоятельными людьми. Выходя въ отставку, такой чиновникъ чаще всего оказывается въ такомъ семейномъ положеніи, что ему остается забота только о себѣ и о своей женѣ. Для существованія двухъ лицъ,—конечно, при скромныхъ требованіяхъ,—совершенно достаточно тѣхъ средствъ, какія даетъ честно заслуженная государственная пенсія.

Въ совершенно иномъ положеніи оказывается педагогъ. Наступленіе пенсіоннаго срока черезъ 25 лѣтъ службы является, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, фактическимъ окончаніемъ его общественной дѣятельности. Правда, педагогъ не лишается права продолжать службу и долѣе, онъ можетъ просить объ оставленіи на дополнительное пятилѣтіе, а по истеченіи таковаго — на новое и т. д.,—мы знаемъ примѣры пятидесятилѣтней педагогической дѣятельности, но это рѣдкія исключенія, о которыхъ знаетъ чуть-ли не вся Россія. Въ обычномъ-же порядкѣ вещей, на педагога, дослужившагося до полной пенсіи, смотрятъ, какъ на человѣка, уже мало пригоднаго для продолженія его напряженной и трудной работы. И дѣйствительно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, къ концу двадцатипятилѣтней службы еще не старый по годамъ педагогъ настолько устаетъ и физически, и морально, что вполнѣ естественнымъ является желаніе отдыха, и мы на самомъ дѣлѣ видимъ, что продолженіе службы сверхъ указаннаго срока является, какъ мы сказали, рѣдкимъ исключеніемъ. Отсюда происходитъ слѣдующее явленіе. Неоспоримо установлено, что педагоги вообще вступаютъ въ бракъ въ болѣе позднемъ возрастѣ, сравнительно съ лицами другихъ профессій, которые притомъ и службу начинаютъ въ болѣе раннемъ возрастѣ, уже хотя-бы и потому, что педагоги начинаютъ дѣйствительную службу не ранѣе 25-ти лѣтъ, по окончаніи образованія. Такимъ образомъ, при выходѣ въ отставку послѣ двадцати-пятилѣтней службы, педагогъ обыкновенно еще продолжаетъ нести всю тяжесть семейныхъ обязанностей; у него на рукахъ, въ большинствѣ случаевъ, имѣются несовершеннолѣтнія дѣти, которыхъ ему предстоитъ довоспитывать и дообразовывать въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. И онъ долженъ теперь это дѣлать не на тѣ средства, какія давала ему дѣйствительная служба и на какія онъ привыкъ существовать, а на скудную пенсію, которой, конечно, далеко недостаточно для выполненія всѣхъ обязанностей добраго и просвѣщеннаго отца и семьянина; сбереженій-же у педагога обыкновенно не бываетъ,

потому что ихъ дѣлать не изъ чего. Намъ скажутъ, что законъ предоставляетъ педагогамъ извѣстныя льготы по воспитанію и образованію ихъ дѣтей, но кому-же неизвѣстно, что этихъ льготъ далеко недостаточно для установленія равновѣсія въ новомъ матеріальномъ положенія, т.-е. при жизни въ отставкѣ.

Вотъ на основаніи какихъ соображеній мы и говоримъ, что организація пенсіонной кассы въ Московскомъ Обществѣ взаимной помощи педагоговъ является дѣломъ первостепенной важности, какъ одно изъ средствъ, способныхъ внести болѣе или менѣе существенную поправку въ дѣйствительно трудное экономическое положеніе бывшихъ педагоговъ. Обратимся теперь къ знакомству съ организаціей кассы.

XI.

Мы уже видѣли, что каждый дѣйствительный членъ Общества по уставу можетъ сдѣлаться и дѣйствительнымъ членомъ пенсіонной кассы. Для этого онъ долженъ подать въ правленіе заявленіе, въ которомъ, между прочимъ, обязанъ указать: 1) возрастъ; 2) гдѣ и чѣмъ занимается, холостъ или женатъ; въ первомъ случаѣ онъ долженъ извѣстить правленіе, если онъ вступитъ въ законный бракъ, во второмъ—обязанъ давать знать о всякой перемѣнѣ въ его семействѣ; 3) по какому отдѣлу пенсіонной кассы онъ желаетъ производить свои взносы. Каждый дѣйствительный членъ дѣлаетъ единовременные и ежемѣсячные или полугодовые взносы; невнесшіе причитающихся денегъ въ теченіе года лишаются права участія въ кассѣ; лица-же, вносившія болѣе трехъ лѣтъ установленные взносы и заявившіе о своемъ желаніи выйти изъ кассы, могутъ, если пожелаютъ, получить обратно свои взносы въ размѣрѣ 4/5 всей суммы своихъ членскихъ взносовъ, за исключеніемъ перваго—единовременнаго и безъ процентовъ.

Всѣхъ разрядовъ въ пенсіонной кассѣ четыре. По 1-му разряду единовременный взносъ равняется 11-ти руб., ежемѣсячный—одному рублю, полугодовой 6-ти руб.; по 2-му—единовременный 21-му руб., ежемѣсячный 2 р. 50 к., полугодовой 12 р. 50 к.; по 3-му разряду—единовременный взносъ равенъ 31 руб., ежемѣсячный 4 р. 50 к., полугодовой 25 руб. и, наконецъ, по 4-му разряду—единовременный взносъ равняется 41 руб., ежемѣсячный 8 р. 50 к. и полугодовой 50 руб. Дѣйствительные члены имѣютъ право участвовать одновременно въ нѣсколькихъ разрядахъ, или удваивать, утраивать и т. д. свои взносы,—въ такомъ случаѣ соотвѣтственно этому увеличиваются и размѣры ссудъ и пенсіи, получаемыхъ ими изъ кассы.

Средства пенсіонной кассы состоятъ изъ основного, запаснаго и оборотнаго капиталовъ. Первый образуется изъ единовременныхъ вступительныхъ взносовъ, изъ 50% съ пожертвованій, поступающихъ въ основной капиталъ Общества, изъ 40% съ суммъ, полученныхъ отъ спектаклей, концертовъ, публичныхъ чтеній и т. п. доходовъ, изъ 50% съ пожертвованій, не получившихъ спеціальнаго назначенія и не превышающихъ 1.000 р., наконецъ, изъ суммъ, пожертвованныхъ со спеціальною цѣлью въ пенсіонную кассу. Второй составляется: изъ періодическихъ членскихъ взносовъ и изъ доходовъ съ оборотовъ и процентовъ съ основного капитала пенсіонной кассы. Третій капиталъ составляется изъ суммъ, ассигнованныхъ въ текущемъ году на выдачу пенсій.

Главную операцію пенсіонной кассы составляетъ выдача пенсій. Послѣдняя соразмѣряется съ количествомъ взносовъ и времени нахожденія въ Обществѣ дѣйствительнаго члена кассы. Размѣры пенсій по разрядамъ и срокамъ наглядно представитъ намъ слѣдующая таблица:

	Условно получають пенсію черезъ 15 лѣтъ.	20 лѣтъ.	Безусловно черезъ 25 лѣтъ.
1-й разрядъ	25 р.	45 р.	80 р.
2-й »	50 »	90 »	150 »
3-й »	100 »	180 »	300 »
4-й »	200 »	360 »	600 »

Пенсіей за 15 и 20 лѣтъ члены могутъ воспользоваться въ случаяхъ своей неспособности къ труду, особаго несчастія и, наконецъ, по достиженіи 60-лѣтняго возраста; по минованіи первыхъ двухъ причинъ—пенсія прекращается и членъ продолжаетъ свои взносы до полныхъ 25 лѣтъ. Признаніе или непризнаніе дѣйствительности этихъ причинъ зависитъ отъ общаго собранія.

Уставъ пенсіонной кассы допускаетъ и сокращеніе сроковъ полученія пенсіи на пять лѣтъ. Это право дается единовременнымъ взносомъ всей суммы причитающихся за опредѣленный срокъ взносовъ: такъ, напримѣръ, внесшій единовременно сумму, равную платежамъ за пятнадцать лѣтъ, можетъ получить пенсію черезъ десять лѣтъ; внесшій за двадцать лѣтъ—черезъ пятнадцать и т. д. Далѣе, участники кассы высшаго разряда могутъ переходить на низшій, и наоборотъ; въ первомъ случаѣ излишекъ внесенной платы принимается въ счетъ слѣдующихъ членскихъ взносовъ, исключая перваго единовременнаго взноса, а во второмъ случаѣ—членъ обязанъ внести всю не-

достающую сумму, съ причисленіемъ къ ней шести сложныхъ процентовъ. Наконецъ, выходъ изъ кассы ранѣе трехлѣтняго періода лишаетъ члена права на полученіе обратно внесенныхъ денегъ и послѣднія могутъ быть возвращены только въ исключительныхъ случаяхъ и по постановленію общаго собранія; въ случаѣ-же смерти члена, участвовавшаго въ кассѣ не менѣе трехъ лѣтъ, жена покойнаго и малолѣтнія законныя дѣти получаютъ всю сумму взносовъ, исключая единовременнаго, и также безъ процентовъ.

Приведенные выше размѣры пенсій, конечно, не могутъ быть названы совершенно достаточными для поддержки членовъ, особенно въ глубокой старости, когда нѣтъ возможности дополнить скудную пенсію какимъ-либо производительнымъ трудомъ. Вотъ почему уставъ кассы предусмотрительно устанавливаетъ такъ-называемыя «добавочныя пенсіи». Онѣ производятся какъ членамъ, такъ, въ случаѣ ихъ смерти, и ихъ вдовамъ и сиротамъ. Средства для этихъ добавочныхъ пенсій берутся изъ доходовъ отъ пенсіонной кассы, а размѣры могутъ дойти до удвоенія въ слѣдующихъ случаяхъ: по достиженіи 60-ти лѣтъ возраста (въ случаѣ увеличенія средствъ Общества этотъ возрастъ можетъ быть пониженъ до 55-ти и даже до 50-ти лѣтъ), послѣ пребыванія 25-ти лѣтъ членомъ кассы, по неспособности къ труду и въ случаяхъ особаго несчастія. Въ первыхъ двухъ случаяхъ правленіе выдаетъ пенсію на основаніи инструкціи; въ двухъ-же послѣднихъ—это дѣлается по постановленію общаго собранія членовъ пенсіонной кассы. Само собою разумѣется, что добавочныя пенсіи въ двухъ послѣднихъ случаяхъ съ прекращеніемъ причинъ прекращаются. При назначеніи этихъ пенсій уставъ рекомендуетъ общему собранію, руководствуясь существующими правилами и состояніемъ средствъ кассы, быть особенно снисходительнымъ къ престарѣлымъ или несчастнымъ членамъ, а также къ ихъ вдовамъ и сиротамъ.

Кромѣ этой главной функціи пенсіонной кассы, имѣющей придти въ дѣйствіе только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, уставъ допускаетъ и текущую эксплоатацію средствъ кассы въ формѣ выдачи срочныхъ ссудъ. Ссуды выдаются членамъ, пробывшимъ въ кассѣ не менѣе трехъ лѣтъ, на срокъ отъ одного до шести мѣсяцевъ, въ размѣрѣ не болѣе половины внесенныхъ каждымъ членскихъ взносовъ, изъ 6% годовыхъ и съ разсрочкою платежа. Членъ, не погасившій въ опредѣленный срокъ своего долга кассѣ, считается выбывшимъ, причемъ ему возвращается оставшаяся половина его взносовъ въ кассу, съ удержаніемъ лишь установленнаго штрафа.

На такія-же ближайшія задачи направлены и средства оборотнаго

капитала кассы взаимопомощи. Изъ доходовъ съ этого капитала Общество выдаетъ вспомоществованія какъ членамъ Общества, такъ и ихъ семействамъ. Эти пособія бываютъ единовременныя и ежегодныя, и выдача ихъ, конечно, обставлена наличностью извѣстныхъ условій. Надо, однако, отдать справедливость заботливости и предусмотрительности устава и въ этомъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, на основаніи правилъ, общее собраніе имѣетъ право назначить единовременное пособіе дочери умершаго дѣйствительнаго члена кассы въ случаѣ ея выхода замужъ; далѣе, по достиженіи 18-ти лѣтъ возраста сыновья умершаго члена вообще лишаются пособія, но оно можетъ быть имъ продолжено для окончанія образованія и т. д. Никто не станетъ отрицать, что всѣ эти стороны носятъ въ высшей степени симпатичный характеръ и свидѣтельствуютъ о вполнѣ разумномъ, сердечномъ и практически-жизненномъ отношеніи къ дѣлу.

XII.

Переходимъ къ очерку организаціи второго отдѣла Московскаго Общества—къ *похоронной кассѣ*. Этотъ видъ взаимопомощи за послѣднее время пріобрѣлъ у насъ особенно широкое распространеніе, какъ самая доступная форма страхованія. Достаточно сказать, что въ одномъ Петербургѣ существуетъ девять подобныхъ кассъ, въ общемъ сходныхъ по своей организаціи. Такому широкому распространенію этой формы коопераціи много способствовали простота ея устройства и доступность для самыхъ скромныхъ матеріальныхъ средствъ. Въ своемъ мѣстѣ мы дадимъ очеркъ организаціи одной изъ такихъ похоронныхъ кассъ въ Петербургѣ, а именно «8-й», извѣстной также подъ именемъ «педагогической», такъ какъ идея и организація этой кассы, а равнымъ образомъ и веденіе дѣла за все время ея существованія, всецѣло принадлежатъ педагогамъ одной изъ здѣшнихъ гимназій (именно третьей) и большинство членовъ ея—лица такъ или иначе причастныя къ дѣлу воспитанія и обученія. На этомъ примѣрѣ мы намѣрены выяснить важное значеніе и качества подобныхъ кооперативныхъ учрежденій. Къ сожалѣнію, нельзя съ такою-же похвалою отозваться относительно похоронной кассы московскихъ педагоговъ. Вотъ главныя основанія ея устройства.

Въ члены похоронной кассы принимаются лица обоего пола, не старѣе 45 лѣтъ, занимающіяся воспитаніемъ или обученіемъ. Лицо, старѣе 45 лѣтъ, можетъ быть принято въ члены лишь въ томъ случаѣ, если внесетъ, кромѣ 6 р. при вступленіи, еще по 2 р. за каждый

происшедшій смертный случай въ той группѣ, въ которую онъ поступаетъ, съ тѣхъ поръ, какъ ему минуло 45 лѣтъ, до дня его вступленія въ члены. Члены похоронной кассы раздѣляются на группы, состоящія не менѣе какъ изъ 101 человѣка въ каждой. Число группъ неограниченное. Если число членовъ не дѣлится безъ остатка на 101, то излишекъ равномѣрно распредѣляется между образовавшимися группами до тѣхъ поръ, пока этотъ излишекъ, со вновь вступившимъ, не достигнетъ требуемаго числа для образованія новой группы. При этомъ наибольшее число членовъ, которое можетъ содержать каждая группа, опредѣляется общимъ собраніемъ. Но группа можетъ состоять и изъ меньшаго (чѣмъ 101) числа членовъ, если она пожелаетъ начать свои дѣйствія согласно уставу. Желающій поступить въ число членовъ долженъ внести въ списокъ свое имя, фамилію, мѣсто жительства, обозначить — женатъ онъ, или нѣтъ, гдѣ служитъ и сколько ему лѣтъ. Въ сомнительныхъ (болѣзненныхъ) случаяхъ онъ остается кандидатомъ до перваго общаго собранія; если-же никакихъ сомнѣній нѣтъ, то правленіе зачисляетъ его членомъ въ одну изъ образовавшихся группъ или, если всѣ группы переполнены, кандидатомъ, до образованія новой группы или до открытія вакансіи въ одной изъ существующихъ.

Каждый членъ долженъ вносить: а) при вступленіи въ Общество единовременно 6 руб., б) при каждомъ смертномъ случаѣ кого-либо изъ членовъ группы или жены члена 5 руб. Единовременные взносы ни при какихъ условіяхъ не возвращаются. Для взноса денегъ дается двухнедѣльный срокъ со дня отправки правленіемъ письменнаго сообщенія. Если по истеченіи этого срока означенныя деньги не будутъ внесены, то членъ, кромѣ установленной суммы, долженъ заплатить еще по 50 к. за каждый просроченный мѣсяцъ. Если въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ взносъ съ причитающимся штрафомъ не будетъ сдѣланъ, то членъ исключается изъ Общества, съ потерею всѣхъ сдѣланныхъ имъ платежей, исключая того случая, когда членъ уже сдѣлалъ 51 взносъ и впалъ въ бѣдность. Пособіе касса выдаетъ по смерти мужа—женѣ, и обратно, или ихъ дѣтямъ. Членъ, не имѣющій жены (ни мужа), ни дѣтей, ни родителей, долженъ дать правленію письменное указаніе, кому въ случаѣ его смерти слѣдуетъ выплатить его долю.

Самыя пособія выдаются въ видѣ долей, которыя вычисляются слѣдующимъ образомъ:

За 1— 20 взносовъ выдается доля въ 200 рублей
» 21— 40 » » » » 300 »

За 41— 60	взносовъ	выдается	доля въ 400	рублей
» 61— 80	»	»	» » 500	»
» 81—100	»	»	» » 600	»

Членъ, сдѣлавшій 100 взносовъ, освобождается отъ дальнѣйшихъ платежей. Такимъ образомъ открывается вакансія для поступленія въ число членовъ. Если какой-либо членъ послѣ 51-го взноса такъ обѣднѣетъ, что будетъ не въ состояніи продолжать взносы по похоронной кассѣ, то собраніе членовъ кассы можетъ освободить его отъ дальнѣйшихъ взносовъ, не лишая права на его долю; но доли эти выдаются въ слѣдующихъ размѣрахъ: за 51—70 взносовъ выдается доля въ 400 р., за 71—85 взносовъ выдается доля въ 500 р., за 86—100 взносовъ выдается доля въ 600 р. Въ случаѣ второго брака, членъ кассы, если пожелаетъ обезпечить себя на случай смерти этой жены, долженъ внести единовременно 6 р. и за каждый смертный случай со времени его поступленія въ число членовъ по 2 рубля. Членъ, желающій увеличить долю, слѣдуемую ему послѣ смерти, можетъ быть участникомъ двухъ и болѣе группъ. Если кто пожелаетъ выйти изъ кассы, то долженъ заявить объ этомъ письменно правленію, и тогда онъ, не позже какъ черезъ три мѣсяца, получаетъ, за вычетомъ вступительной суммы и могущихъ числиться за нимъ недоимокъ, половину сдѣланныхъ имъ взносовъ, и безъ процентовъ. Если-же этотъ членъ уже получилъ долю послѣ смерти своей жены, то ему выдается только половина его взносовъ, сдѣланныхъ имъ послѣ смерти супруга. Дѣлами похоронной кассы завѣдуютъ: директоръ, его помощникъ, секретарь и казначей, избранные изъ членовъ кассы общимъ собраніемъ этихъ членовъ.

Таковы главныя основанія похоронной кассы московскихъ педагоговъ. Къ существеннымъ ея недостаткамъ, на нашъ взглядъ, относится, прежде всего, обременительность взносовъ какъ вступительныхъ (6 руб.), такъ и за каждый смертный случай (5 руб.). Между тѣмъ явной необходимости въ этомъ не представляется, ибо на выполненіе главной (а мы скажемъ—единственной) функціи похоронной кассы—выдачи посмертныхъ пособій—идетъ только половина поступающихъ взносовъ, такъ какъ другая подлежитъ возврату въ случаѣ выхода члена изъ кассы. Эта примѣсь элемента сбереженія въ похоронной кассѣ московскихъ педагоговъ, по нашему мнѣнію, вовсе неумѣстна, нарушаетъ единство ея дѣйствій и служитъ причиною того, что размѣры операцій кассы не отвѣчаютъ въ должной мѣрѣ потребностямъ. Въ замѣчаніяхъ къ отчету Московскаго Общества за 1890 годъ мы, напримѣръ, читаемъ: «Въ истекшемъ отчетномъ году прав-

леніе Общества намѣревалось устроить въ похоронной кассѣ вторую сотню. Съ этою цѣлью были сдѣланы публикаціи о вызовѣ желающихъ записаться кандидатами группы. Но вслѣдствіе крайне незначительнаго числа заявленій составленіе второй сотни въ этомъ году не состоялось».

Второй существенный недостатокъ организаціи названной похоронной кассы заключается въ несоотвѣтствіи долей съ количествомъ взносовъ; это отношеніе таково, что приближаетъ кассу, по характеру дѣйствій ея, къ коммерческимъ страховымъ предпріятіямъ, тогда какъ главнымъ и неоспоримымъ достоинствомъ кооперативныхъ предпріятій въ области взаимопомощи являются: доступность, необременительность въ текущихъ матеріальныхъ расходахъ, а въ особенности—отсутствіе коммерческаго духа. Мы далеки отъ мысли приписывать составителямъ устава пенсіонной кассы московскихъ педагоговъ намѣреніе придать этой формѣ взаимопомощи чуждый ей коммерческій характеръ, но считаемъ долгомъ указать на слабыя, по нашему мнѣнію, стороны этого дѣла, въ видахъ огражденія отъ подобнаго рода промаховъ могущее возникнуть однородное предпріятіе въ сферѣ дѣятельности Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимопомощи.

XIII.

Переходимъ къ третьему отдѣлу Московскаго Общества—къ *кассѣ ссудо-сберегательной.*

Организація ея имѣетъ большое сходство съ однородными ей учрежденіями, существующими при нѣкоторыхъ изъ столичныхъ и провинціальныхъ учебныхъ заведеній. Вотъ ея главныя основанія. Поступающій въ члены ссудо-сберегательной кассы вноситъ единовременно три рубля въ запасный капиталъ ея, и затѣмъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно. Кромѣ того, каждый членъ кассы можетъ дѣлать добровольные вклады въ нее, на которые выдается не дивидендъ, а только нѣкоторый процентъ, заранѣе опредѣляемый правленіемъ на каждые шесть мѣсяцевъ. Всѣ суммы ссудо-сберегательной кассы раздѣляются на: 1) оборотный капиталъ, предназначаемый въ ссуду членамъ, и 2) запасный, служащій единственно для пополненія могущихъ быть убытковъ и расходуемый только съ разрѣшенія общаго собранія членовъ кассы. Всякій членъ, если не состоитъ уже поручителемъ, имѣетъ право получить въ ссуду сумму, не превышающую его взносовъ, безъ особаго на то разрѣшенія правленія. Всякій членъ, представивъ поручительство двухъ сочленовъ, можетъ получить изъ кассы въ ссуду

сумму не свыше утроеннаго капитала, хранящагося въ кассѣ на имя этого члена. Лица, служащія въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, могутъ получать въ ссуду сумму, равную ихъ двухмѣсячному содержанію, и безъ поручительства, если только представятъ обязательство производить вычеты на покрытіе долга. Ссуда выдается или съ уплатою всей суммы въ опредѣленный срокъ, или съ уплатою ежемѣсячно, по извѣстнымъ частямъ. Проценты на ссуду назначаются общимъ собраніемъ членовъ разъ на цѣлый послѣдующій годъ. Членъ, взявшій ссуду безъ ручательства сочленовъ и не уплатившій ее въ указанный имъ срокъ, подвергается установленному штрафу; въ крайнемъ случаѣ, неисправный членъ считается выбывшимъ изъ кассы и всѣ его взносы, за вычетомъ долга и штрафа, возвращаются ему обратно. Добровольные вклады возвращаются по требованію вкладчика во всякое время и не позже трехъ дней послѣ его письменнаго заявленія. Оставленіе ссудо-сберегательной кассы возможно во всякое время, причемъ, если на членѣ нѣтъ никакихъ обязательствъ, то онъ получаетъ обратно, не позже мѣсяца послѣ подачи о томъ заявленія, всѣ внесенныя имъ суммы съ наросшими на нихъ процентами (только за прошедшій отчетный годъ), за исключеніемъ трехъ руб., внесенныхъ единовременно въ запасный капиталъ. Для управленія дѣлами ссудо-сберегательной кассы избираются, на общемъ собраніи, членами ея: директоръ, его помощникъ, секретарь и казначей. Въ концѣ каждаго года правленіе представляетъ общему собранію подробный отчетъ, причемъ изъ чистой прибыли кассы $10^0/_0$ отчисляется въ основной капиталъ Общества, извѣстная часть, не менѣе $5^0/_0$, по опредѣленію общаго собранія, отчисляется въ запасный капиталъ кассы, остальная сумма выдается членамъ какъ дивидендъ на внесенный ими капиталъ, пропорціонально обязательнымъ взносамъ и количеству мѣсяцевъ дѣйствительнаго обращенія капитала.

Мы уже говорили, что организація кассы представляетъ подобіе однородныхъ кассъ, существующихъ при нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и отличается тѣми-же слабыми сторонами. Однимъ изъ такихъ недостатковъ, на нашъ взглядъ, является право полученія ссуды въ размѣрѣ суммы своихъ взносовъ. Изъ практики однородныхъ московской ссудо-сберегательныхъ кассъ намъ извѣстно, что это право, въ большинствѣ случаевъ, лишаетъ кассу характера «сберегательной», и что положеніе дѣла сводится къ вѣчной задолженности членовъ кассы въ размѣрѣ суммы взносовъ, и почти всѣ операціи кассы, по отношенію къ такимъ членамъ (а ихъ большинство), ограничиваются переписываніемъ ссуды изъ одного срока въ другой,

съ уплатою лишь причитающихся процентовъ, или даже припискою ихъ къ суммѣ долга.

Признаніе этого недостатка въ организаціи кассы мы находимъ въ одномъ изъ отчетовъ о дѣятельности Московскаго Общества, а именно въ уже цитированныхъ нами «замѣчаніяхъ къ отчету за 1890 годъ». Здѣсь указывается на то, что въ отчетномъ году самое незначительное приращеніе въ суммахъ произошло въ основномъ капиталѣ Общества, такъ какъ обыкновенный ростъ этого капитала находится въ прямой зависимости отъ количества прибыли въ ссудо-сберегательной кассѣ. Въ отчетномъ-же году въ капиталѣ ссудо-сберегательной кассы произошло значительное уменьшеніе по слѣдующимъ причинамъ:

«До сихъ поръ платежи по ссудамъ изъ кассы,—говорится въ «замѣчаніяхъ».—въ виду облегченія заемщиковъ, допускались съ нѣкоторыми пересрочками. Такое послабленіе, какъ показала практика нѣсколькихъ лѣтъ, по существу своему нисколько не облегчало заемщика, пріучая его откладывать свои обязательства по отношенію къ кассѣ въ дальній ящикъ, и иногда доводя его до того, что онъ забывалъ о цыфрѣ своего долга, такъ какъ въ данный моментъ для него была важна только цыфра процентовъ, которые онъ долженъ уплатить за отсрочку. Между тѣмъ обстоятельства складывались иногда такъ, что онъ нуждался въ новомъ кредитѣ, и послѣдствіемъ такого положенія была серьезная тяжесть уплачивать заемъ, который былъ давно уже сдѣланъ.

«Кромѣ того, отъ такого порядка вещей капиталъ кассы сосредоточивался въ рукахъ нѣсколькихъ заемщиковъ, и касса оказывалась пуста именно въ такое время, когда къ ней предъявляли требованія о займѣ члены, которые ни разу еще не воспользовались ея услугами, или которые желали получить свои взносы обратно: касса прямо была не въ состояніи оказывать своимъ сочленамъ быстрый и дешевый кредитъ.

«Поэтому правленіе Общества постановило: кредитовать членовъ кассы въ законномъ размѣрѣ только на 6 мѣсяцевъ, съ обязательною ежемѣсячною уплатою, и только одинъ разъ за все это время допускать отсрочку на одинъ мѣсяцъ.

«Въ силу такой мѣры многіе заемщики оказались въ весьма затруднительномъ положеніи. Для ихъ облегченія правленіе постановило разсрочить уже прежде взятыя суммы на десять мѣсяцевъ, и кромѣ того предоставило членамъ право перевести часть своихъ обязательныхъ взносовъ въ уплату долга, но съ тѣмъ, чтобы этихъ взносовъ оставалось въ кассѣ нѐ менѣе 50 рублей. Это-же право предоставлено и прочимъ членамъ, т.-е. члены кассы могутъ брать обратно изъ своихъ взносовъ всѣ суммы свыше 50 рублей.

«Вотъ вслѣдствіе этой мѣры суммы изъ взносовъ перешли въ уплату по ссудамъ, и оборотный капиталъ уменьшился».

Вторая слабая сторона устава касается добровольныхъ вкладовъ. Намъ кажется странной щепетильность составителей устава, устранившихъ выдачу дивиденда на эти вклады и замѣнившихъ его «нѣ-

которымъ процентомъ, опредѣляемымъ заранѣе правленіемъ на каждые шесть мѣсяцевъ». Въ самомъ дѣлѣ, воспитательная задача ссудо-сберегательныхъ кассъ заключается въ прививкѣ навыка и склонности къ сбереженію; въ этомъ-же дѣлѣ—главнымъ средствомъ является увѣренность и разсчетъ на правильность и постепенное приращеніе капитала путемъ опредѣленнаго, но неизмѣннаго процента. Въ уставѣ-же Московской кассы не установлено никакихъ основаній зависимости размѣра этого «нѣкотораго процента» на вклады, потому что нельзя-же считать таковымъ личное соображеніе правленія. Ссудо-сберегательная касса, какъ предпріятіе чисто экономическое, не допускаетъ подобныхъ неясностей и неопредѣленностей, и присутствіе ихъ въ уставѣ кассы Московскаго Общества свидѣтельствуетъ о томъ, что тутъ составителями привнесенъ элементъ благотворительный, вовсе чуждый организаціямъ подобнаго рода.

XIV.

Намъ остается сказать еще о четвертомъ отдѣлѣ Общества взаимной помощи московскихъ педагоговъ—о *капиталѣ вдовъ и сиротъ*. Вотъ что разсказывалъ о возникновеніи этого дѣла И. Я. Гердъ въ 1890 году въ одномъ изъ весеннихъ засѣданій Учебнаго отдѣла Московскаго Общества распространенія техническихъ знаній.

«Лѣтъ пять тому назадъ, я высказалъ здѣсь мысль о необходимости учрежденія капитала для вспомоществованія вдовамъ и сиротамъ лицъ педагогическаго званія. Мысль эта была принята очень сочувственно и въ сравнительно короткое время было собрано на этотъ предметъ около 4.000 р. Деньги эти были обращены въ процентныя бумаги и положены на храненіе въ Московское отдѣленіе Государственнаго Банка. Но, взявъ со всѣхъ извѣстныхъ мнѣ и моимъ знакомымъ лицъ все, что можно было взять, я рѣшительно не зналъ, какъ дѣйствовать дальше. Между тѣмъ собранный капиталъ оказывался только каплею въ морѣ тѣхъ бѣдствій, которыя окружаютъ насъ. Мы, преподаватели, можемъ заботиться только о томъ, чтобы свести концы съ концами, думать-же о томъ, чтобы что-нибудь отложить на черный день, намъ трудно, а иногда и невозможно. Получаемое нами вознагражденіе очень и очень не велико сравнительно съ нашими потребностями. Поэтому преподаватели, умирающіе до выслуги пенсіи, зачастую оставляютъ свою семью безъ всякихъ средствъ. Между тѣмъ жены преподавателей—большею частью лица интеллигентныя, привыкшія къ извѣстной обстановкѣ, къ извѣстнымъ требованіямъ, а потому всѣ лишенія чувствуются ими очень тяжело. И въ этой средѣ я видѣлъ такую нищету, о которой страшно и подумать. Такъ, однажды приходитъ ко мнѣ мальчикъ и приноситъ записку, написанную карандашемъ на клочкѣ бумаги, слѣдующаго содержанія: «Добрѣйшій Иванъ Яковлевичъ! Спасите.

Я погибаю, и погибаю съ дѣтьми. На васъ одна надежда. Спасите. Такая-то». Разумѣется, услышавъ такой отчаянный вопль, я сейчасъ-же отправился съ мальчикомъ, и на одномъ изъ заднихъ, зловонныхъ дворовъ спустился въ подвалъ, гдѣ занимала уголъ вдова учителя Б. Я засталъ ее больною, лежащею на кровати, прикрытою какими-то лохмотьями. Подлѣ нея лежалъ грудной ребенокъ и тутъ-же возились двое другихъ маленькихъ дѣтей. Тяжело, очень тяжело было видѣть молодую, образованную женщину въ такомъ крайнемъ положеніи, но еще тяжелѣе было сознавать, что я лично тутъ почти ничѣмъ помочь не могу.

«Все сильнѣе и сильнѣе крѣпло во мнѣ убѣжденіе въ необходимости такого капитала, который хотя-бы нѣсколько ограждалъ нашихъ вдовъ и сиротъ отъ нищеты. И вотъ въ прошедшемъ году мы отпечатали обращеніе къ преподавателямъ и воспитателямъ съ просьбою удѣлять хотя по 5 к. въ мѣсяцъ изъ своего содержанія въ пользу вдовъ и сиротъ. Обращеніе это было встрѣчено очень сочувственно, и въ послѣднее время въ болѣе крупныхъ центрахъ образуются кружки, которые принимаютъ на себя обязанность: собирать пожертвованія, пересылать ихъ къ намъ въ Москву, пропогандировать объ этомъ дѣлѣ и собирать всѣ необходимыя для насъ справки. Петербургъ отозвался также сочувствено, но тамъ родилась мысль объ учрежденіи своей отдѣльной, подобной-же кассы. Я возсталъ противъ этого, такъ какъ, по моему мнѣнію, такая сепаративная касса совсѣмъ не желательна. Въ провинціи подобной самостоятельной кассы учредить невозможно, а между тѣмъ наибольшее число нуждающихся обыкновенно и встрѣчается тамъ. Поэтому касса вдовъ и сиротъ должна быть одна центральная, и самое подходящее для нея мѣсто Москва, тѣмъ болѣе, что здѣсь уже положено начало такой кассы. Многіе изъ петербургскихъ педагоговъ согласились съ моимъ мнѣніемъ и въ настоящее время работаютъ на пользу нашего дѣла».

Въ прошломъ, послѣднемъ, отчетномъ году капиталъ вдовъ и сиротъ возросъ до 8.669 руб. 41 к. Это свидѣтельствуетъ, что своимъ гуманнымъ назначеніемъ онъ особенно привлекаетъ вниманіе общества, изъ прилагаемаго-же при отчетѣ списка пожертвованій видно, что значительная доля ихъ поступаетъ изъ провинціи.

Обратимся въ заключеніе къ результатамъ дѣятельности «Общества взаимной помощи лицамъ педагогическаго званія въ Москвѣ». Дѣло это, хотя и медленно, но развивается. Такъ, къ 1-му января прошлаго отчетнаго года въ Обществѣ состояло 186 членовъ и оно обладало капиталомъ въ 23.438 руб. 12 коп. При этомъ, въ Обществѣ дѣйствовали всѣ его отдѣлы; пенсіонная касса считала 6 членовъ, съ капиталомъ въ 2.531 руб. 67 коп., похоронная касса—107 членовъ съ капиталомъ въ 7.420 руб. 44 коп., ссудо-сберегательная касса въ составѣ 61 члена съ капиталомъ въ 4.912 руб. 35 коп.; о размѣрѣ капитала вдовъ и сиротъ мы уже сообщили выше.

Съ самаго начала возникновенія Общества взаимнаго вспоможенія лицамъ педагогическаго званія въ Москвѣ предсѣдателемъ его состоялъ по-

печитель Московскаго учебнаго округа, графъ Капнистъ, а когда онъ, по многочисленности своихъ занятій, къ общему сожалѣнію, долженъ былъ отказаться отъ этой обязанности, тогда былъ избранъ на его мѣсто почетный опекунъ П. А. Сиверсъ, который и состоитъ предсѣдателемъ Общества въ настоящее время. Изъ членовъ Общества и правленія наиболѣе дѣятельное участіе по прежнему проявляетъ И. Я. Гердъ, по справедливости могущій быть названнымъ душою этого благого дѣла.

Н. Арепьевъ.

Пенсіонное обезпеченіе народныхъ учителей.

I.

Въ газетѣ «Русская Жизнь» (отъ 12 декабря 1892 года № 337) мы прочли слѣдующее отрадное извѣстіе: «Въ настоящее время въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія уже получены отзывы отъ всѣхъ учреждевій, на заключеніе которыхъ былъ разосланъ проектъ положенія объ эмеритально-пенсіонной кассѣ для преподавателей начальныхъ училищъ въ имперіи. Большинство заключеній сдѣлано въ вполнѣ благопріятномъ для проекта духѣ, и потому можно надѣяться, что проектъ будетъ окончательно утвержденъ не позже первой половины 1893 года. Какъ извѣстно, проектъ, примѣнительно къ общему закону, устанавливаетъ для пріобрѣтенія правъ на пенсію три срока, въ 15, 20 и 25 лѣтъ службы на поприщѣ народнаго образованія». Къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія далеко невполнѣ успокоиваютъ насъ, ибо подобныя добрыя вѣсти проникали въ печать почти ежегодно въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, между тѣмъ дѣло пенсіоннаго обезпеченія народныхъ учителей въ дѣйствительности мало подвинулось впередъ, и отдѣльные труженики въ этой области, выброшенные изъ колеи водоворотомъ жизни и сдѣлавшіеся неспособными къ труду, а также и оставшіяся послѣ смерти сельскихъ учителей семьи остаются попрежнему безправными и являются предметомъ филантропіи частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій. Несмотря на крайнюю шаткость и необезпеченность народныхъ учителей, число этихъ тружениковъ, удержавшихся продолжительное время на своихъ мѣстахъ, все возрастаетъ. Такъ, изъ отчета о педагогическихъ курсахъ народныхъ учителей въ г. Старой Русѣ, Новгородской губерніи, въ 1892 г., мы узнаемъ, что изъ числа 43 присутствовавшихъ на курсахъ учителей находились на службѣ: 6 учителей отъ 10 до 14 лѣтъ, одинъ 17 лѣтъ, одинъ 19 и одинъ даже 23 года. Насущная и неотложная потребность въ обез-

печеніи судьбы земскихъ служащихъ вообще и въ томъ числѣ народныхъ учителей сознается давно и обращаетъ на себя вниманіе общественныхъ учрежденій и печати. Въ подробной корреспонденціи изъ Новгорода еще въ 1885 году по поводу разработки эмеритуры въ новгородскомъ губернскомъ земствѣ говорится: «Жизненные факты съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе подтверждаютъ необходимость обезпечить лицъ, посвятившихъ земству свои силы и время. Съ одной стороны, мы видимъ, что многіе лучшіе труженики въ земствѣ изъ среды врачей, учителей и другихъ лицъ, въ силу необезпеченности своего будущаго, а также и своихъ семействъ, принуждены бываютъ оставить земскую службу и перейти въ другія вѣдомства. Съ другой стороны, многіе изъ нихъ, прослуживъ земству 10, 15 и даже болѣе лѣтъ или оставивъ службу по болѣзни, выходятъ со службы нищими и буквально выбрасываются на улицу. Жалкія и случайныя пособія, которыя еще приходится выпрашивать, какъ подачку «изъ милости», не могутъ удовлетворить служащихъ и ихъ семейства. Пора обезпеченіе земскихъ работниковъ поставить на условіяхъ права и договора, а отнюдь не милости и усмотрѣнія» *). Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что вопросъ этотъ послѣ 1885 года еще болѣе обострился и жизнь представила еще болѣе наглядныя и неопровержимыя доказательства печальнаго положенія нашихъ народныхъ учителей. Достаточно познакомиться съ мнѣніями и указаніями самихъ сельскихъ учителей въ ихъ спеціальномъ органѣ—«Русскомъ начальномъ учителѣ», который въ 1892 г. посвящалъ этому вопросу многія страницы, чтобы понять, какъ тяжело отзовется на труженикахъ педагогахъ дальнѣйшая проволочка дѣла и какъ разрушительно должна она подѣйствовать на успѣхи и развитіе начальнаго народнаго образованія. По словамъ одного изъ учителей по причинамъ, указаннымъ нами выше, сельскимъ труженикамъ народнаго просвѣщенія «грозитъ голодъ и учителя бѣгутъ на другое дѣло». Авторъ статьи «О фондѣ учащихъ въ народныхъ школахъ» говоритъ: «Потребности все растутъ. Многіе учителя прослужили уже большое число лѣтъ, многіе имѣютъ дѣтей, силы падаютъ, а впереди... ничего» **).

Первыми учрежденіями, обратившими вниманіе на это печальное положеніе народныхъ учителей и принявшими мѣры для обезпеченія семействъ умершихъ тружениковъ и самихъ педагоговъ на случай ихъ нетрудоспособности, были уѣздныя и губернскія земства. Находясь близко къ потребностямъ дѣйствительной жизни, такъ сказать, въ са-

*) «Русскій Курьеръ» 1885 г. № 23.

**) «Русскій начальный учитель» 1892 г., мартъ, стр. 272.

момъ огнѣ жизненной битвы, земство и его лучшіе дѣятели не могли не замѣтить важности этого вопроса и необходимости путемъ справедливаго обезпеченія судьбы своихъ сотрудниковъ привлечь въ свою среду самыхъ достойныхъ и полезныхъ дѣятелей. Поэтому созданіе эмеритуры и пенсій для народныхъ учителей является постояннымъ желаніемъ и самымъ обыденнымъ вопросомъ большинства земскихъ собраній съ первыхъ лѣтъ земской дѣятельности. Конечно, учительская эмеритура разрабатывалась земствомъ чаще всего какъ общій вопросъ обезпеченія всѣхъ вольнонаемныхъ, не выборныхъ служащихъ въ уѣздѣ и губерніи, ибо тѣ-же потребности и нужды были и у прочихъ дѣятелей этого рода, какъ-то: земскихъ врачей, статистиковъ, секретарей и дѣлопроизводителей управъ и проч. Поэтому, желая въ общихъ чертахъ охарактеризовать дѣятельность земства въ этой области, мы вынуждены коснуться земской эмеритуры вообще для всѣхъ служащихъ и указать на главные моменты въ движеніи этого вопроса.

Въ новгородскомъ губернскомъ земствѣ вопросъ объ обезпеченіи пенсіями служащихъ былъ возбужденъ еще въ первый годъ его дѣятельности. Губернская управа представила очередному собранію 1865 года докладъ, въ которомъ обращала вниманіе на недостатокъ способныхъ и опытныхъ лицъ, желающихъ поступить по найму на земскую службу, и на необходимость для привлеченія на нее «людей трудолюбивыхъ, способныхъ и добросовѣстныхъ» составить капиталъ для выдачи пенсій. Собраніе, соглашаясь съ мнѣніемъ управы, рѣшило образовать капиталъ для выдачи пенсій служащимъ въ канцеляріяхъ земскихъ управъ изъ ежегодныхъ взносовъ въ смѣту губернскаго сбора 2% съ суммы, опредѣляемой на содержаніе губернской и уѣздныхъ управъ. На этотъ разъ заслуживающая полнаго сочувствія мысль была осуществлена въ узкой формѣ и въ кругъ будущихъ пенсіонеровъ были не включены такіе необходимые и полезные земскіе сотрудники, какъ врачи и народные учителя. Этотъ пропускъ для 1865 года вполнѣ понятенъ, ибо въ то время народныя здравіе и образованіе были весьма слабо развиты въ уѣздахъ, и земству не предстояло необходимости заботиться о судьбѣ лицъ, которыя еще не проявили своей полезной дѣятельности на благо населенія. Въ такой-же формѣ пенсіонный вопросъ возникалъ и дебатировался въ земскихъ собраніяхъ другихъ губерній въ первые годы земской дѣятельности, но нигдѣ дѣло не получило прочнаго и широкаго устройства. Очевидно, что оно еще недостаточно назрѣло и выяснилось въ самой жизни. Только съ 1875 года уже начинаютъ появляться систематическіе проекты земской эмеритуры и дѣлаются болѣе частыми слу-

чаи возбужденія и разсмотрѣнія этого вопроса въ земскихъ собраніяхъ. Такъ, бессарабское губернское собраніе 1876 года утвердило проектъ эмеритальной кассы всѣхъ служащихъ въ земствѣ какъ по выборамъ, такъ и по найму. Основный капиталъ кассы былъ опредѣленъ въ 5.000 рублей, а ежемѣсячные вычеты служащихъ должны были составлять 5% получаемаго служащими жалованья. Въ томъ-же году херсонскій съѣздъ врачей ходатайствовалъ объ учрежденіи эмеритальной кассы и для составленія ея капитала призналъ возможнымъ производить обязательные вычеты изъ жалованья въ размѣрѣ 5%. Острогожское уѣздное собраніе Воронежской губерніи, признавая пенсіонную кассу непосильною для одного уѣзда, постановило ходатайствовать объ учрежденіи эмеритуры предъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Владимірское губернское собраніе 1876 года, признавая въ принципѣ полезнымъ учрежденіе эмеритальной кассы, поручило управѣ выработать подробный ея проектъ. Олонецкое губернское земское собраніе передало вопросъ на обсужденіе и заключеніе уѣздныхъ собраній губерніи. Великолуцкое уѣздное собраніе Псковской губерніи рѣшило въ 1876 году учредить уѣздную пенсіонную кассу, капиталъ которой составлялся изъ ежегодныхъ взносовъ земства въ размѣрѣ 1% жалованья служащихъ и изъ вычетовъ 5% ихъ содержанія; въ пособіе кассѣ должны были идти, кромѣ того, пени, взимаемыя за недоимки съ земскихъ плательщиковъ. Псковское губернское собраніе въ томъ-же году постановило: просить математическій факультетъ Московскаго университета провѣрить составленную управою таблицу разсчетовъ пенсіонныхъ выдачъ, а уставъ эмеритуры разослать на заключеніе уѣздныхъ собраній. Петербургское уѣздное земское собраніе прямо приступило къ осуществленію дѣла на практикѣ и въ 1876 году учредило эмеритальную кассу уѣзднаго земства, а на образованіе ея капитала рѣшило вносить въ теченіе 20 лѣтъ по 5.000 рублей ежегодно. Въ этомъ-же году земство обратило особенное вниманіе на положеніе народныхъ учителей. Очевидно, что и въ этой средѣ выяснилась дѣйствительная и настоятельная потребность обезпечить судьбу инвалидовъ учительской арміи. Наиболѣе дѣятельно и тепло отнеслось къ этому жизненному вопросу курское губернское земское собраніе. Въ 1876 году оно утвердило проектъ устава пенсіонной кассы учителей и учительницъ начальныхъ земскихъ школъ. Капиталъ кассы долженъ былъ составиться изъ ежегодныхъ въ теченіе 10 лѣтъ взносовъ губернскаго земства по 7.250 р., 2% вычетовъ изъ жалованья участниковъ, 5% удержанія изъ выдаваемыхъ имъ наградъ и изъ частныхъ пожертвованій. Правомъ на

полученіе пенсіи пользуются лица, прослужившія земству отъ 15 до 25 лѣтъ, при чемъ размѣръ пенсіи опредѣляется: за 15 лѣтъ въ 100 рублей, за 20 лѣтъ—150 и за 25 лѣтъ въ 200 рублей. Вдова получаетъ половину оклада на себя лично и на каждаго ребенка по одной шестой его части. Все это такія солидныя и разумныя основанія, съ которыми трудно не согласиться и которыя обѣщали надлежащую прочность вновь созидаемому учрежденію.

Изъ журналовъ земскихъ собраній за 1877 годъ мы можемъ почерпнуть много интересныхъ данныхъ какъ о дальнѣйшемъ развитіи этого вопроса, такъ и о причинахъ, тормазившихъ дѣло. Первою и важнѣйшею причиною медленнаго осуществленія земской эмеритуры была новизна самаго дѣла и незнакомство земскихъ представителей какъ съ теоретической постановкой вопроса, такъ и съ данными жизненнаго опыта, что ясно подтверждается частыми порученіями земскихъ собраній управамъ разработать вопросъ и составить болѣе обстоятельные систематическіе доклады и проекты. Такія порученія въ 1877 году были даны управамъ собраніями: вологодскимъ, самарскимъ и другими. Второю причиною медленности являлось отсутствіе общихъ правилъ для земскихъ эмеритальныхъ кассъ и нормальнаго ихъ устава, такъ что каждому земскому собранію приходилось представлять новое ходатайство правительству объ утвержденіи устава кассы, а какъ медленно двигались и неохотно уважались подобныя ходатайства, можно видѣть, между прочимъ, изъ постановленія рязанскаго губернскаго земскаго собранія 1877 года, которое, внося въ смѣту 5.000 рублей въ основный капиталъ кассы, постановило: вновь ходатайствовать предъ правительствомъ объ утвержденіи «трижды представленнаго проекта пенсіонной кассы». Третьимъ-же препятствіемъ къ осуществленію земской эмеритуры, вытекавшимъ уже изъ самой жизни, были еще не вполнѣ опредѣлившійся характеръ земской службы и непрочность положенія наемныхъ сотрудниковъ, въ томъ числѣ и народныхъ учителей. Такъ, напримѣръ, льговское, Курской губерніи, земское собраніе признало устройство кассы преждевременнымъ «по неопредѣленности и неясности отношеній служащихъ къ земству». Но реальныя нужды не могли исчезнуть отъ бумажной проволочки и такъ или иначе вынуждали наши общественныя учрежденія на дѣйствительныя для удовлетворенія ихъ мѣры, а потому, не имѣя возможности устроить правильныя эмеритальныя кассы, нѣкоторыя земства пытались удовлетворить потребности обезпеченія служащихъ другими, хотя-бы и менѣе дѣйствительными, способами. Такъ, нѣкоторыя земства открыли ссудосберегательныя кассы служащихъ. Вспо-

могательная касса учителей Полтавской губерніи имѣла уже къ 1 января 1877 года 6.394 рубля. Самарское губернское собраніе 1879 года также утвердило проектъ ссудо-сберегательной кассы.

Въ эти-же годы все чаще стали появляться эмеритальныя классы исключительно для народныхъ учителей. Протекло уже около 14 лѣтъ со дня введенія земскаго положенія, а потому заслуженные труженики народной школы составляли весьма замѣтное число въ средѣ земскихъ служащихъ. Наибольшую извѣстность получила мужская С.-Петербургская уѣздная учительская касса, уставъ которой утвержденъ земскимъ собраніемъ въ 1879 году. Составляется она изъ вычетовъ изъ содержанія учителей въ размѣрѣ 10%, чего нельзя не признать обременительнымъ, несмотря на сравнительно высокія (отъ 480 до 840 руб. въ годъ) нормы содержанія народныхъ учителей въ С.-Петербургскомъ уѣздѣ. Полный окладъ пенсіи составлялъ 180 руб. и выдавался за 20 лѣтъ, а половинный (90 р.) за 15 лѣтъ. Въ случаѣ выхода участника кассы изъ земской службы до наступленія этихъ сроковъ всѣ взносы возвращаются ему безъ начисленныхъ на нихъ процентовъ. Точно также существуетъ пенсіонная касса народныхъ учителей въ Московскомъ губернскомъ земствѣ. Проектъ ея утвержденъ земскимъ собраніемъ 24 января 1884 г. Средствами для кассы служатъ основный фондъ, вносимый по частямъ губернскимъ земствомъ, въ размѣрѣ 152.000 рублей, и вычеты изъ жалованья народныхъ учителей. Эти послѣднія удержанія производятся въ размѣрѣ 3% не съ дѣйствительнаго, а съ нормальнаго оклада содержанія, который опредѣленъ въ 200 рублей и составляетъ въ то-же время нормальный окладъ полной пенсіи. Полный окладъ пенсіи выдается за 25 лѣтъ, 20 лѣтъ—¾ оклада и за 15 лѣтъ—половина его. Въ случаѣ оставленія службы по тяжкой болѣзни и старости сроки эти сокращаются на пять лѣтъ. Въ случаѣ смерти пенсіонера право на пенсію переходитъ къ дѣтямъ, супругѣ и родителямъ его, если эти послѣдніе не имѣютъ другихъ средствъ къ существованію. Опредѣляемый уставомъ срокъ выслуги пенсіи нельзя не признать слишкомъ продолжительнымъ: принимая во вниманіе суровыя условія жизни сельскихъ учителей и крайнюю тяжесть и утомительность ихъ труда, мы рѣшаемся утверждать, что исключительно здоровыя и крѣпкія натуры могутъ отработать полный двадцатипятилѣтній срокъ. Во время личнаго завѣдыванія школами въ сѣверной полосѣ Россіи мы убѣдились, что учителя, усердно потрудившіеся 15 лѣтъ, уже имѣютъ надломленное здоровье: слабую грудь, нервныя страданія и т. под. Не мало сельскихъ учителей, вышедшихъ изъ крестьянской среды и

имѣвшихъ до поступленія на службу крѣпкое, иногда, казалось, могучее здоровье, на десятомъ или двѣнадцатомъ году умирали отъ легочной чахотки или другой полученной на службѣ болѣзни. Поэтому высшій срокъ учительской пенсіи не долженъ, по нашему мнѣнію, превышать двадцати лѣтъ, что при условіи уменьшенія на пять лѣтъ въ случаѣ тяжкой болѣзни даетъ такой служебный періодъ, который не превышаетъ силы и выносливости средняго человѣка. Къ этому, полагаемъ, вполнѣ справедливому требованію болѣе подходитъ уставъ кассы пенсій и единовременныхъ пособій таврическаго губернскаго земства, который имѣетъ и нѣкоторыя другія интересныя черты. Уставъ этотъ утвержденъ земскимъ собраніемъ 1877 года. Къ средствамъ для образованія капитала между прочими отнесены вычетъ 10% изъ наградъ и единовременное удержаніе разницы новаго и стараго оклада жалованья при повышеніи. Полный окладъ пенсіи выдается за 21 годъ и равняется половинѣ суммы, полученной отъ шестипроцентнаго вычета за все время службы. Въ случаѣ смерти лица, прослужившаго не менѣе 5 лѣтъ, выдается единовременное пособіе въ размѣрѣ полугодоваго жалованья. Въ случаѣ смерти пенсіонера женѣ выдается 1/2 оклада, а дѣтямъ по 1/6. Круглыя сироты получаютъ 1/3 оклада. Право на пенсію, пріобрѣтенную личною службою, не прекращается замужествомъ.

Болѣе систематическія правила даетъ уставъ тверской эмеритальной кассы, утвержденный земскимъ собраніемъ 1877 года. По первоначальному проекту народные учителя не входили въ кругъ лицъ, пользовавшихся кассою, но съ 1878 года ихъ участіе признано обязательнымъ. Срокъ для выслуги полной пенсіи опредѣленъ въ 25 лѣтъ; за 20 лѣтъ выдается 80% оклада, а за 15 лѣтъ—половина. Прослужившимъ не менѣе 5 лѣтъ выдается единовременное пособіе. Въ случаѣ-же прослуженія не менѣе 10 лѣтъ и выхода по болѣзни изъ службы сроки на полученіе пенсіи сокращаются. По смерти пенсіонера пенсія переходитъ его женѣ и дѣтямъ до достиженія послѣдними 21 года. Вычетъ изъ жалованья равенъ 3% и соотвѣтствуетъ постоянному ежегодному взносу самого земства. Но пенсіи выдаются лицамъ, безпорочно прослужившимъ свой срокъ, при чемъ безпорочность удостовѣряется аттестатомъ земской управы. Едва-ли выраженіе «безпорочность» въ достаточной мѣрѣ гарантируетъ интересы служащихъ. По своей неопредѣленности и растяжимости «порочность» представляетъ понятіе неудобное для пенсіоннаго устава и должно быть замѣнено по крайней мѣрѣ такимъ выраженіемъ, что «право на пенсію имѣютъ всѣ служащія въ земствѣ лица (народные учителя, въ

данномъ случаѣ), не подвергавшіяся наказанію по суду за преступленія должности». Подобная поправка можетъ кореннымъ образомъ устранить всякій личный произволъ аттестующаго начальства и всегда связанныя съ нимъ недоразумѣнія и погрѣшности.

5 апрѣля 1883 года обнародовано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, заключающее въ себѣ главныя основанія учрежденія земскихъ эмеритальныхъ кассъ. Подобныя кассы должны открываться по ходатайству губернскихъ земскихъ собраній и съ предварительнаго согласія всѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраній губерніи. Обязательства кассы обезпечиваются всѣми средствами губернскаго земства. Въ кассѣ принимаютъ участіе всѣ служащіе въ земствѣ по найму. Средства кассы составляются изъ ежегодныхъ взносовъ земства, не превышающихъ 3% всѣхъ земскихъ расходовъ, и изъ вычетовъ изъ содержанія участниковъ эмеритальной кассы. Остальныя подробности опредѣляются губернскимъ земскимъ собраніемъ и составленный имъ уставъ подлежитъ утвержденію Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Казалось-бы, эти правила, по ихъ общности и отсутствію излишней регламентаціи, не должны были служить препятствіемъ къ развитію пенсіоннаго дѣла въ земствѣ и, открывая облегченный путь для удовлетворенія вполнѣ назрѣвшей жизненной потребности, должны были встрѣтить сочувствіе органовъ самоуправленія. Но на дѣлѣ вышло какъ разъ наоборотъ, ибо со времени изданія ихъ дѣло стало развиваться еще болѣе медленно и туго. Въ новыхъ правилахъ было столько крупныхъ недостатковъ, устранить которые было не по силамъ земству, при всемъ добромъ желаніи его дѣятелей. Первымъ изъ этихъ недостатковъ является требованіе непремѣннаго согласія всѣхъ уѣздныхъ земствъ на учрежденіе эмеритальной кассы въ губерніи. По сравнительной новизнѣ у насъ, въ Россіи, мѣстнаго самоуправленія и при частой смѣнѣ партій завѣдываніе общественными дѣлами въ нѣкоторыхъ уѣздахъ нерѣдко находится въ рукахъ корыстныхъ и недостаточно развитыхъ людей, которые, мѣряя земскіе интересы аршиномъ своекорыстія и ссылаясь на «добровольную» куплю человѣческаго труда, предложеніе котораго, по ихъ словамъ, всегда превышаетъ спросъ, не расположены улучшать участь той массы вольнонаемныхъ тружениковъ, которая исполняетъ черную работу въ земскомъ муравейникѣ. Созданіе эмеритальной кассы требуетъ отъ земскихъ гласныхъ и общественнаго безкорыстія, и предусмотрительности, и того общаго интеллектуальнаго развитія, которое всегда присуще большинству гласныхъ губернскаго собранія, но далеко не всегда имѣется на лицо въ уѣздныхъ собраніяхъ, притомъ

еще часто измѣняющихся въ своемъ составѣ. Поэтому получить единодушное мнѣнiе по вопросу о земской эмеритурѣ отъ десяти и даже нерѣдко пятнадцати уѣздныхъ собранiй является почти невозможнымъ. На практикѣ дѣло доходило здѣсь просто до курьезовъ. При разсмотрѣнiи вопроса по предложенiю губернскаго собранiя, напр., девять собранiй изъ десяти высказывались за эмеритуру, а одно противъ. Въ слѣдующемъ году вопросъ, въ болѣе разработанномъ видѣ и съ новыми мотивами, передавался вновь на уѣздныя земскiя собранiя. Несоглашавшееся уѣздное собранiе присоединилось къ мнѣнiю большинства, но вдругъ изъ ранѣе соглашавшихся собранiй одно или два мѣняли свои мнѣнiя и брали назадъ свои согласiя. Вопросъ передавался въ третiй разъ, но дѣло не получало благопрiятнаго исхода, такъ какъ духъ несогласiя переходилъ въ одинъ изъ слѣдующихъ уѣздовъ. И такъ исторiя шла изъ года въ годъ, напоминая сказку про бѣлаго быка. Вотъ, напримѣръ, какова была судьба, постигшая этотъ вопросъ въ Новгородской губернiи. Когда были изданы правила 5 апрѣля 1883 года, губернская земская управа, желая ускорить разрѣшенiе этого насущнаго вопроса, въ томъ-же году передала его на обсужденiе уѣздныхъ земскихъ собранiй. Изъ одиннадцати уѣздныхъ собранiй выразили свое согласiе только девять. Отказавшiяся-же отъ эмеритуры собранiя ссылались на стѣснительность правилъ 1883 г., на опасность гарантировать операцiи кассы «всѣми средствами земства» и на неудобство исключенiя изъ состава пенсiонеровъ лицъ, служащихъ по выборамъ. Губернское собранiе, надѣясь, что соглашенiе между уѣздными земствами еще возможно, вновь передало вопросъ въ уѣздныя собранiя—и снова оказались два земскiя собранiя, уже изъ числа ранѣе соглашавшихся, которыя не пожелали учрежденiя кассы, и изъ нихъ череповецкое отклонило вопросъ объ эмеритурѣ въ принципѣ и безусловно, признавъ, что пенсiи для земскихъ служащихъ создадутъ новое неравенство между земскими служащими и прочимъ населенiемъ уѣзда, устанавливая привиллегiи первыхъ на счетъ средствъ послѣдняго. Мнѣнiе это отличается большою оригинальностью и остроумiемъ, но малою основательностью. Новгородское губернское собранiе сессiи 1884 года, послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ, вынуждено было оставить вопросъ открытымъ, и губернiя по сiе время не имѣетъ никакой правильно организованной земской эмеритуры *). Для избѣжанiя подобныхъ случаевъ необходимо было-бы измѣнить правила въ томъ смыслѣ, чтобы для

*) «Земская эмеритура». «Юридическiй Вѣстникъ» 1886 г., февраль, стр. 372.

учрежденія земской эмеритальной кассы или вовсе не требовалось-бы предварительнаго согласія уѣздныхъ собраній, или-же было-бы достаточно согласія большинства уѣздовъ. Въ составѣ губернскаго собранія принимають участіе представители всѣхъ уѣздовъ, а потому интересы каждой мѣстности охраняются съ достаточнымъ вниманіемъ и серьезностью.

Вторымъ тормазомъ для развитія пенсіоннаго вопроса въ земствѣ по правиламъ 5 апрѣля 1883 года было, какъ мы уже говорили выше, устраненіе отъ участія въ эмеритурѣ лицъ, занимавшихъ выборныя должности. При старомъ порядкѣ вещей это устраненіе было явною несправедливостью по отношенію главнѣйшаго и имѣвшаго наибольшее вліяніе на дѣла элемента служащихъ. Нынѣ, послѣ изданія земскаго положенія 12 іюня 1890 года, когда выборные служащіе получили права государственной службы со включеніемъ и права на пенсіи, этотъ недостатокъ устраненъ инымъ путемъ, но ранѣе это обстоятельство серьезно охлаждало рвеніе земскихъ дѣятелей, заботившихся объ учрежденіи эмеритальныхъ кассъ. Дѣйствительно, необходимо было особое самоотверженіе, чтобы люди, сами лишенные эмеритальнаго обезпеченія, хлопотали о созданіи его для другихъ, и притомъ на средства, выплачиваемыя изъ ихъ-же собственнаго кармана.

II.

Прежде чѣмъ изложить общія основанія эмеритальнаго обезпеченія народныхъ учителей, мы считаемъ полезнымъ сказать нѣсколько словъ о частныхъ попыткахъ разрѣшить вопросъ путемъ организаціи взаимной помощи самихъ преподавателей. Нечего говорить, что эти попытки были и немногочисленными, и были задуманы въ скромныхъ размѣрахъ.

Такъ, еще около десяти лѣтъ тому назадъ преподаватель С.-Петербургскаго учительскаго института и редакторъ-издатель журнала «Русскій начальный учитель» В. А. Латышевъ написалъ и напечаталъ въ своемъ журналѣ статью «Основы проекта кассы учащихъ въ сельскихъ школахъ». Статья эта получила весьма широкую огласку и, между прочимъ, была разослана авторомъ во всѣ уѣздныя и губернскія земства, отзывами и содѣйствіемъ которыхъ имѣлъ въ виду воспользоваться ея составитель. При статьѣ былъ приложенъ и самый проектъ пенсіонной кассы. Касса эта по идеѣ составителя проекта должна была основаться въ Петербургѣ при Комитетѣ грамотности или при постоянной коммиссіи Педагогическаго музея, но дол-

жна была обнимать сельскихъ учителей всей Россіи, которые пожелали-бы принять въ ней участіе. Однимъ словомъ, все въ ней: средства, организація и управленіе — должно было быть плодомъ частной инипіативы, на условіяхъ взаимопомощи самихъ учителей и энергичнаго матеріальнаго и духовнаго содѣйствія просвѣщеннѣйшихъ представителей общества. При указанныхъ условіяхъ проектъ этотъ по необходимости отличался, съ одной стороны, грандіозностью общаго замысла, а съ другой — многими мелочными и весьма стѣснительными, а потому и невыгодными для будущихъ участниковъ кассы подробностями. Дѣйствительно, если-бы группѣ почтенныхъ и благонамѣренныхъ лицъ удалось создать для учителей всей Россіи столь необходимое пенсіонное учрежденіе, которое еще въ полной мѣрѣ не удалось осуществить ни одному изъ тридцати трехъ губернскихъ земствъ, обладавшихъ и большими личными силами, и матеріальными средствами, въ предѣлахъ губернскихъ потребностей, то получилось-бы зрѣлище, доселѣ невиданное и достойное удивленія. Вотъ почему этотъ проектъ, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ серьезнаго вниманія всѣхъ, кто намѣренъ изучать и проводить въ жизнь пенсіонное дѣло народныхъ учителей. Мы считаемъ полезнымъ сообщить нашимъ читателямъ основныя черты этого проекта съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями на нихъ.

Весь проектъ заключается въ 26 статьяхъ и озаглавленъ «Проектъ пенсіонной кассы учащихъ въ начальныхъ школахъ». Въ первомъ параграфѣ говорится, что «касса учреждается съ цѣлью обезпеченія будущности учащихъ въ начальныхъ школахъ». Полагаемъ, что для всякаго очевидна неопредѣленность понятія «будущность», которымъ охарактеризована цѣль кассы, и изъ дальнѣйшаго изложенія читатель убѣдится, насколько реальные результаты не могли соотвѣтствовать такой весьма широкой цѣли. На основаніи 2 ст. устава, членами кассы, какъ мы уже говорили, могутъ быть всѣ учащіе въ начальныхъ школахъ имперіи, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ. Источникомъ денежныхъ средствъ кассы являются ежегодные взносы участниковъ, а также пожертвованія (ст. 3). Члены кассы вносятъ ежегодно 5% съ получаемаго жалованья или съ нормальнаго оклада, опредѣляемаго въ 300 рублей (ст. 4). На просроченные взносы насчитывается 6% пени. Члены кассы, не сдѣлавшіе взносовъ въ теченіе двухъ лѣтъ, считаются выбывшими и всѣ ихъ прежніе взносы поступаютъ въ полную собственность кассы (ст. 6). Выбывшіе члены могутъ вновь вступить въ кассу, если со времени выхода ихъ прошло не болѣе 5 лѣтъ, уплативъ за пропущенное время

полуторные взносы (ст. 7). Полная пенсія выдается за 30 лѣтъ участія въ кассѣ въ размѣрѣ 1/3 оклада, съ котораго выплачивались 5%, т.-е. при 300 р. нормальномъ окладѣ 100 р., за 25 лѣтъ—3/4 оклада пенсіи, за 20 лѣтъ—1/2 и за 15 лѣтъ—1/3 оклада (ст. 8 и 9). Въ случаѣ тяжкой болѣзни, «удостовѣренной медицинскимъ свидѣтельствомъ, подписаннымъ также пятью участниками кассы, всѣ эти сроки могутъ сокращаться на пять лѣтъ (ст. 10). Послѣ умершаго пенсіонера пенсія переходитъ къ его супругу въ половинномъ размѣрѣ и къ его дѣтямъ въ томъ-же размѣрѣ (ст. 11). Участники кассы, платившіе болѣе 5 лѣтъ и вышедшіе ранѣе 15 лѣтъ, получаютъ половину внесенной ими суммы безъ начисленія процентовъ (ст. 12 и 13). Лица, получившія пенсію за 15, 20 и 25 лѣтъ, временно лишаются ея, если вновь поступятъ на службу, и могутъ получить ее лишь послѣ новаго срока. Если-же такой пенсіонеръ скроетъ свое поступленіе на службу, то онъ навсегда лишается права получать пенсію (ст. 16). Правило это является весьма жестокимъ по отношенію участниковъ, не пожелавшихъ соблюсти своего рода капризъ кассы по отношенію неполныхъ пенсіонеровъ. Если участникъ кассы, получивъ новую службу (можетъ быть, весьма непрочную и временную), самъ предпочитаетъ неполную, но дѣйствительно получаемую пенсію—полной и еще ожидаемой, то нѣтъ никакого основанія для самой кассы насильственнымъ образомъ переводить подобнаго пенсіонера на высшій окладъ. Наказывать-же за неувѣдомленіе о поступленіи на службу лишеніемъ всѣхъ правъ (на пенсію, конечно)—уже явно несправедливо и нелогично. При подобномъ правилѣ пенсіонная касса уступала-бы гарантіи, предлагаемой обыкновенными обществами страхованія жизни, на которыя, по своему духу и общему направленію, въ значительной степени походила проектированная пенсіонная касса.

На основаніи 18 ст. проекта, для управленія дѣлами кассы избирается правленіе, состоящее изъ пяти лицъ, изъ коихъ одно назначается Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, другое — С.-Петербургскимъ Комитетомъ грамотности изъ среды его членовъ, третье—постоянной коммиссіей Педагогическаго музея, четвертое—собраніемъ учредителей кассы и пятое — учащими начальныхъ школъ города Петербурга. По ст. 19, составъ правленія можетъ быть усиленъ членами отъ тѣхъ земствъ, которыя внесутъ въ пользу кассы не менѣе 10.000 руб. единовременно или не менѣе 1.000 р. ежегодно въ теченіе 12 лѣтъ, и тѣми частными лицами, которыя сдѣлаютъ такой-же взносъ (ст. 19). Правленіе составляетъ инструкцію своихъ дѣйствій

и публикуетъ ее въ газетахъ и въ одномъ изъ педагогическихъ журналовъ, издаваемыхъ для начальныхъ школъ, и ежегодно печатаетъ отчеты по приходу и расходу суммъ (ст. 22). Жалобы на дѣйствія правленія приносятся въ судъ въ обыкновенномъ порядкѣ гражданскаго иска (ст. 24). Ревизія отчета и наличности суммъ производится особыми ревизорами, назначенными тѣми учрежденіями, которыя имѣютъ представителей въ правленіи (ст. 25). Проектъ измѣненій устава, составленный по инициативѣ правленія или по заявленію 1/10 участниковъ кассы, печатается при отчетѣ и черезъ годъ, если не поступитъ протеста отъ большинства участниковъ кассы, представляется правленіемъ на утвержденіе правительства (ст. 26).

Нельзя не сознаться, что управленіе дѣлами кассы (ст. 18—26) является наиболѣе слабой частью устава. Прежде всего, изъ столь разнообразнаго состава, какой предполагается въ проектѣ, трудно создать правленіе, обладающее необходимымъ для успѣха дѣла единодушіемъ и усердіемъ. Необходимо имѣть въ виду, что при успѣшномъ развитіи дѣла кассы должны были-бы принять огромные размѣры, при этомъ трудъ членовъ предполагался совершенно безплатнымъ, за исключеніемъ вольнонаемныхъ служащихъ, на вознагражденіе которыхъ 21 ст. устава разрѣшала тратить % съ капитала, если они будутъ получены сверхъ 5%, идущихъ на приращеніе самого пенсіоннаго капитала. Затѣмъ, что это за странная инструкція, издаваемая правленіемъ самому себѣ (?), и не будетъ-ли она своеобразною формою якобы законнаго произвола? Наконецъ, неслыханнымъ доселѣ представляется и способъ измѣненій устава, которыя послѣ опубликованія правленія будутъ считаться всѣми одобренными, если въ теченіе года «не будетъ прислано протеста отъ большинства участниковъ кассы». Здѣсь мнѣнія собираются со всѣхъ концовъ Россіи путемъ почтовыхъ сношеній, а всѣ умолчавшія лица считаются тѣмъ самымъ согласившимися на проектированныя измѣненія, хотя-бы не знали объ ихъ существованіи и не имѣли возможности прочесть предположеній правленія. Ясно, что при такой неустойчивости самаго устава дѣятельность кассы исключала серьезную надежду на прочность и основательность.

Названный проектъ былъ разосланъ во всѣ земства, отъ которыхъ поступило нѣсколько отзывовъ, и въ редакціи періодическихъ изданій. Практическихъ послѣдствій проектъ не имѣлъ, но тѣмъ не менѣе возбужденный вопросъ не заглохъ и продолжалъ обсуждаться въ печати и между практическими дѣятелями, сочувствующими судьбѣ сельскихъ учителей. Въ 1885 г. появился проектъ Комитета грамотности, составленный на основаніяхъ кассы Московскаго земства и разосланный

также на обсужденіе уѣздныхъ и губернскихъ земствъ. Мысль объ основаніи особаго «фонда помощи учащимъ въ народныхъ школамъ и ихъ семьямъ» при Комитетѣ грамотности разсматривалась и обсуждалась въ журналѣ «Русскій начальный учитель» еще въ прошломъ году. Фондъ долженъ былъ составиться изъ пожертвованій и изъ вычетовъ изъ жалованья учителей. Вычеты должны были производиться земскими управами и высылаться непосредственно въ Комитетъ грамотности. По проекту, выдача пенсій и пособій должна была производиться по постановленію Совѣта Комитета, состоящаго изъ семи членовъ, съ участіемъ редакторовъ педагогическихъ журналовъ. Сами народные учителя, столь долго оставляемые на произволъ судьбы и тѣснимые суровыми условіями дѣйствительной жизни, вполнѣ справедливо придавали особое значеніе взаимной поддержкѣ и самопомощи. Кромѣ матеріальной помощи, они видѣли въ нихъ и дѣйствительный способъ поднять свой падавшій въ непосильной борьбѣ духъ и поддержать свои нравственныя силы. Въ случаѣ успѣха и накопленія значительнаго фонда они надѣялись этимъ заложить прочный фундаментъ для созданія учительской эмеритуры въ будущемъ. По справедливому замѣчанію одного изъ народныхъ учителей, «большой фондъ вызоветъ уваженіе и сочувствіе къ скромнымъ труженикамъ» *). Энергичные люди, выступавшіе на этотъ цѣлесообразный путь, продолжали работать, и результатомъ ихъ трудовъ явилось дѣйствительное полезное учрежденіе, а именно С.-Петербургское Педагогическое Общество взаимной помощи, уставъ **) котораго утвержденъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 21 декабря 1892 года. Не задаваясь черезчуръ обширными, а потому и недостижимыми цѣлями, Общество, на основаніи 1 ст. устава, имѣетъ въ виду оказывать помощь нуждающимся членамъ Общества и ихъ семействамъ: 1) единовременными и ежемѣсячными пособіями, 2) доставленіемъ медицинской помощи, 3) помѣщеніемъ малолѣтнихъ дѣтей членовъ Общества въ учебныя заведенія, и 4) пріисканіемъ для членовъ постоянныхъ и временныхъ занятій. Трудно сомнѣваться въ достижимости этихъ скромныхъ, но симпатичныхъ цѣлей. Средства Общества составляются изъ ежегодныхъ и единовременныхъ взносовъ его членовъ, изъ пожертвованій и изъ доходовъ отъ изданія литературныхъ и ученыхъ трудовъ, публичныхъ лекцій, спектаклей, концертовъ и т. п. На основаніи 10-го параграфа устава, дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица педагогическаго званія обоего пола, преподаватели высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній правитель-

---

*) «Русскій нач. учитель», мартъ 1892 г., стр. 274.

**) Уставъ напечатанъ въ журналѣ «Русская Школа», январь 1893 г.

ственныхъ, общественныхъ и частныхъ города С.-Петербурга и его пригородовъ, а также домашніе учителя и учительницы, гувернеры и гувернантки, занимающіеся педагогическою практикою не менѣе трехъ лѣтъ. Ежегодный взносъ членовъ опредѣляется въ три рубля. Правда, это Общество имѣетъ въ виду заботиться исключительно о городскихъ учителяхъ, но въ томъ числѣ о преподавателяхъ низшихъ школъ, а судьба ихъ весьма подходитъ къ положенію сельскихъ учителей. Для народныхъ-же учителей С.-Петербургской губерніи, также въ 1892 году, учреждено «Общество взаимнаго вспомоществованія», уставъ котораго утвержденъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 27 марта 1892 года *). Уставъ этого Общества совершенно однороденъ съ предъидущимъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ, но далеко небезполезныхъ особенностей. Такъ, въ число цѣлей его введено содѣйствіе пополненію сельскими учителями ихъ педагогическихъ знаній. Число членовъ пополнено еще званіемъ членовъ-соревнователей, которыми могутъ быть всѣ совершеннолѣтнія лица, сочувствующія цѣлямъ Общества. Кромѣ того, лица, уплатившія единовременно 50 р. или вносившія безпрерывно въ теченіе 15 лѣтъ по 3 руб. ежегодно, освобождаются отъ дальнѣйшихъ взносовъ и считаются пожизненными членами Общества (параграфъ 8 устава). Общество открыло свои дѣйствія 21 ноября 1892 года и въ число членовъ его при самомъ открытіи записалось уже 73 лица, внесшихъ въ его кассу 793 рубля **). Желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ вопросомъ о самопомощи учителей мы можемъ рекомендовать обстоятельную статью Н. Ѳ. Арепьева «Педагоги и взаимопомощь» ***). Перечисленныя нами и иныя попытки этого рода несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что этотъ насущный вопросъ вышелъ изъ того положенія, въ которомъ можно было-бы его игнорировать и замалчивать. Онѣ несомнѣннно принесутъ нѣкоторую, если не особенно существенную, то все-же и не малую пользу при разрѣшеніи и устраненіи отдѣльныхъ тяжелыхъ случаевъ учительской жизни путемъ посильной коллективной помощи товарищей по профессіи. Наибольшій успѣхъ этихъ Обществъ взаимопомощи зависитъ отъ сочувствія къ нимъ наиболѣе сильныхъ представителей педагогическаго міра, отъ увеличенія числа ихъ членовъ до значительнаго размѣра, отъ выбора для завѣдыванія дѣлами особенно ревностныхъ и опытныхъ лицъ и отъ содѣйствія всего нашего просвѣщеннаго и пользующагося педагогическими услугами общества. Желая наиболѣе полнаго и скораго

*) Уставъ напечатанъ въ журналѣ «Русская Школа» за 1892 г., №№ 7 и 8

**) «Русскій нач. учитель», декабрь 1892 года, стр. 422.

***) «Русская Школа» февраль и мартъ 1893 года.

успѣха этимъ добрымъ начинаніямъ, мы все-же полагаемъ, что полное и справедливѣйшее обезпеченіе пенсіями народныхъ учителей должно совершиться и можетъ быть достигнуто лишь путемъ общаго обязательнаго закона, который тяжелое, но необходимое и въ общественномъ смыслѣ плодотворное бремя пенсіоннаго расхода возложилъ-бы частью на казну, и частью на наши общественныя учрежденія, участвующія въ организаціи и содержаніи сельскихъ и городскихъ школъ.

III.

Рядъ приведенныхъ нами выше соображеній и краткая исторія вопроса, полагаемъ, въ достаточной степени доказываютъ неотложность и насущность вопроса о пенсіонномъ обезпеченіи народныхъ учителей и въ то-же время намѣчаютъ то направленіе, которое должно принять это дѣло въ интересахъ его дѣйствительнаго и справедливаго разрѣшенія. Теперь намъ остается указать главныя основанія подобнаго обезпеченія, то-есть, разсмотрѣть вопросъ о справедливѣйшей формѣ его, уставѣ, источникѣ средствъ для пенсій, условіяхъ ихъ назначенія и выдачи и объ управленіи пенсіоннымъ дѣломъ.

Послѣ долгаго и глубокаго размышленія надъ этимъ важнѣйшимъ изъ вопросовъ народнаго образованія и надъ дѣйствительными условіями службы народныхъ учителей мы полагаемъ, что справедливѣйшею и наиболѣе легкою и возможною безъ ущерба дѣлу формою обезпеченія нетрудоспособныхъ учителей и ихъ семействъ должна быть пенсія, а не эмеритура, причемъ подъ первою мы разумѣемъ обезпеченіе учителей ежемѣсячными выдачами, безъ всякихъ предварительныхъ обязательныхъ вычетовъ изъ ихъ содержанія на образованіе пенсіоннаго капитала, а подъ второю—составленіе этого капитала исключительно или преимущественно изъ обязательныхъ взносовъ самихъ пенсіонеровъ. Кто знаетъ близко матеріальное положеніе нашихъ сельскихъ учителей, тотъ пойметъ, что при окладѣ годового жалованья, начинающемся отъ 200 рублей и рѣдко превышающемъ 300 рублей, безусловно невозможно дѣлать сбереженія и выплачивать эмеритальные вычеты. Вопросъ о годовомъ бюджетѣ сельскаго учителя, объ его необходимыхъ расходахъ и потребностяхъ и о постоянной скудости, въ которой онъ вынужденъ пребывать и съ которою онъ обыкновенно безуспѣшно борется во время всей своей труженической жизни, мы уже подробно разсмотрѣли на страницахъ этого журнала, въ статьѣ «Общественное и юридическое положеніе сельскаго учителя» («Русская Школа», октябрь и ноябрь 1892 года).

По самымъ скромнымъ и осторожнымъ разсчетамъ одного опытнаго учителя, «минимальный бюджетъ» народнаго учителя составляетъ 380 руб. При нормальномъ окладѣ въ 300 руб. это даетъ ежегодный дефицитъ въ 80 рублей, слѣдовательно, сельскій учитель и безъ всякихъ эмеритальныхъ вычетовъ вынужденъ ограничивать свои потребности и долженъ урѣзывать свои расходы на пищу, одежду и прежде всего на свои духовныя потребности, какъ заявляющія о себѣ не столь настойчиво. Въ упомянутомъ минимальномъ бюджетѣ на всѣ духовныя потребности, до поѣздки на родину и церковныхъ обрядовъ включительно, назначено 32 рубля, поэтому, если-бы обязательный эмеритальный вычетъ составлялъ $5^0/_0$, т.-е. 15 руб. на 300 руб., то духовныя потребности сельскому учителю пришлось-бы сократить на половину, что при большомъ напряженіи душевныхъ силъ, требующемъ отдыха и обновленія, и нежелательно, и невозможно. Если-же допустить предположеніе, что эмеритальные взносы будутъ выплачиваться не изъ жалованья, нынѣ получаемаго сельскими учителями, а изъ средствъ учрежденій, которыя содержатъ школы, тогда и получится та форма пенсій, которую должно рекомендовать и необходимо устроить для обезпеченія народныхъ учителей и ихъ семействъ. Расходъ на пенсіонное обезпеченіе, по нашему мнѣнію, только часть самыхъ необходимыхъ расходовъ на дѣло народнаго образованія вообще, ибо безъ него нельзя ожидать вполнѣ усердной и производительной дѣятельности отъ учительскаго персонала и трудно удержать на учительскихъ мѣстахъ выдающихся по своимъ способностямъ дѣятелей. Этотъ расходъ долженъ падать на общество, пользующееся услугами народныхъ учителей, и не можетъ пополняться изъ того незначительнаго содержанія, которое получаютъ сами преподаватели народныхъ школъ.

Источникомъ, изъ котораго сельскіе учителя должны получать пенсіи, по нашему мнѣнію, будутъ тѣ учрежденія, которыя содержатъ школы, гдѣ они преподавали, то-есть, правительство по отношенію къ министерскимъ школамъ, земства—по отношенію къ земскимъ и городскія общества—городскимъ. Пенсіонныя выдачи должны составлять лишь часть смѣтнаго расхода на школьное дѣло. Правда, и нынѣ, когда не существуетъ никакого пенсіоннаго устава, земства и города не отказываютъ бывшимъ народнымъ учителямъ и ихъ семьямъ во временныхъ пособіяхъ и въ ежегодныхъ выдачахъ, но эта дѣятельность носитъ безпорядочный и случайный характеръ, зависящій отъ того или другого состава земскаго собранія или городской думы, а также носитъ на себѣ непріятную для пенсіонера и нежелательную печать оказываемой ему милости, при-

чемъ вопросъ о заслугѣ и права отдаляется на задней планъ и забывается. Мы знаемъ случаи, когда сельскимъ учителямъ и учительницамъ земскія собранія назначали ежегодныя пенсіи по 300 рублей, и рядомъ факты выдачи 50 рублей пособія семьѣ умершаго учителя, прослужившаго пятнадцать лѣтъ. Несомнѣнно, для своего дѣйствительнаго и правильнаго примѣненія пенсіонный принципъ нуждается въ признаніи его законодательствомъ, а это обстоятельство находится въ связи съ уравненіемъ общественной службы народнаго учителя до извѣстной степени и въ извѣстныхъ предѣлахъ съ государственною службою. Мы говоримъ «въ извѣстныхъ предѣлахъ» на томъ основаніи, что есть многія преимущества государственной службы, которыя до нѣкоторой степени безразличны для сельскаго учителя и даже нежелательны для него, какъ, напримѣръ, права на чинопроизводство и пожалованіе орденами... Подобныя привиллегіи были-бы обременительны для скромныхъ тружениковъ—по недостатку средствъ на представительство и оплату пожалованій орденомъ и, возбуждая суетное тщеславіе, не могли-бы оказывать особенно благотворнаго вліянія на нравственную сторону учительскаго званія. Совершенно иной характеръ имѣетъ право на пенсію, имѣющее существенное и реальное значеніе и олицетворяющее собою лишь долгъ справедливости общества по отношенію къ труженикамъ, затратившимъ свои силы и жизнь на общественное служеніе. Съ этой точки зрѣнія право на пенсію народныхъ учителей и ихъ семействъ можетъ и должно быть признано правительствомъ съ отнесеніемъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ расхода на средства казны, земства или городского общества.

Переходя къ уясненію основныхъ правилъ пенсіоннаго устава для народныхъ учителей, мы полагаемъ, что нормальный пенсіонный уставъ долженъ быть выработанъ правительствомъ—во избѣжаніе излишняго разнообразія въ его основныхъ чертахъ и уклоненія отъ минимума необходимой справедливости. Организовать пенсіи для преподавателей министерскихъ училищъ несравненно легче, нежели для учителей земскихъ и городскихъ школъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ имѣется на лицо вполнѣ организованное и рѣдко измѣняющееся по личному составу управленіе и единство пенсіоннаго источника на всю Россію, между тѣмъ какъ земскія и городскія школы находятся въ завѣдываніи выборныхъ управъ, составъ которыхъ довольно часто мѣняется, а также источники содержанія земскихъ и городскихъ школъ разные, измѣняющіеся по уѣздамъ и городамъ. Послѣднее обстоятельство, напримѣръ, приводитъ къ важному практическому неудобству, включаемому въ правила земской эмеритуры и заключающемуся въ томъ, что право на пенсіи въ земствѣ имѣютъ лишь учителя, прослужившіе весь

установленный срокъ въ школахъ данной губерніи, причемъ при переходѣ въ другую губернію они лишаются всякаго обезпеченія. Несправедливость такого положенія очевидна и для исправленія его вредныхъ послѣдствій представляется необходимымъ предоставить пенсію земскимъ учителямъ, прослужившимъ 20 лѣтъ хотя-бы и въ разныхъ губерніяхъ, причемъ окладъ распредѣлялся-бы между соотвѣтствующими земствами по числу прослуженныхъ учителемъ лѣтъ въ каждомъ изъ нихъ. По отношенію къ смежнымъ губерніямъ, мы полагаемъ, такіе разсчеты могли-бы быть игнорируемы, ибо въ той и другой губерніи встрѣчались-бы учителя, начавшіе свой трудъ въ одной губерніи и окончившіе службу въ другой. Нормальнымъ окладомъ пенсіи слѣдуетъ признать, по меньшей мѣрѣ, половину средняго оклада жалованья (300 руб.), т.-е. 150 рублей. Сроки для выдачи пенсій, въ виду всѣми признанной тяжести труда народныхъ учителей и неблагопріятныхъ условій ихъ жизни, въ особенности въ деревнѣ, слѣдовало-бы назначить по возможности ограниченные, напримѣръ, для выдачи полнаго оклада—20 лѣтъ, $^2/_3$ оклада—15 л. и половины его—10 лѣтъ съ нѣкоторыми сокращеніями для лицъ, оставляющихъ службу по тяжкой и пріобрѣтенной на службѣ болѣзни. Въ случаѣ смерти пенсіонера пенсія должна переходить его супругѣ въ половинномъ размѣрѣ и его дѣтямъ въ размѣрѣ хотя-бы $^1/_4$ оклада на каждаго. Такимъ образомъ супруга покойнаго учителя или супругъ учительницы, обладающіе двумя или болѣе дѣтьми, получали-бы полный окладъ, что при полномъ отслуженномъ срокѣ составитъ 150 руб. въ годъ. Дѣти, конечно, должны получать ихъ долю пенсіи до совершеннолѣтія. Мы полагаемъ, что при этихъ общихъ основаніяхъ расходъ на пенсіонное обезпеченіе народныхъ учителей, принося огромную пользу школьному дѣлу и являясь актомъ необходимой справедливости по отношенію къ потерявшимъ трудоспособность учителямъ, не будетъ обременительнымъ для учрежденій, которыя содержатъ народныя школы и столь ревностно о нихъ заботятся. Расходъ этотъ, по нашему мнѣнію, не долженъ привысить 8 или 10% суммы, нынѣ расходуемой на жалованье народныхъ учителей. Между тѣмъ, при проведеніи въ жизнь этой полезной мѣры устранится одно изъ серьезнѣйшихъ и крупнѣйшихъ препятствій къ успѣшному развитію народно-школьнаго дѣла.

Что касается управленія пенсіоннымъ дѣломъ народныхъ учителей, то оно не вызоветъ почти никакихъ новыхъ расходовъ и должно находиться: по отношенію министерскихъ школъ—въ рукахъ соотвѣтствующихъ органовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, по отношенію-же общественныхъ школъ — въ мѣстныхъ земскихъ и город-

скихъ управахъ, которыя также имѣютъ вполнѣ установившійся штатъ служащихъ и въ состояніи справиться съ этимъ дѣломъ безъ какихъ-либо значительныхъ дополнительныхъ расходовъ и ассигнованій. По нашему мнѣнію, централизація пенсіоннаго управленія и помѣщеніе его въ Петербургѣ не желательны по многимъ причинамъ. Прежде всего, удаленіе его отъ пенсіонеровъ должно вызвать излишне формальное отношеніе и значительную проволочку въ взаимныхъ сношеніяхъ власти и заинтересованныхъ лицъ, разсѣянныхъ по многочисленнымъ городамъ и даже селамъ Россіи. Затѣмъ, сосредоточеніе всѣхъ многочисленныхъ дѣлъ этого рода въ одномъ центральномъ учрежденіи должно потребовать особые и, по всей вѣроятности, значительные расходы на личный составъ и иную обстановку пенсіоннаго управленія.

Заканчивая нашу статью, мы вынуждены оговориться и сознаться въ значительной неполнотѣ имѣвшагося у насъ матеріала, а потому и въ недостаточной обоснованности нѣкоторыхъ выводовъ. Здѣсь не малымъ препятствіемъ для насъ служила самая новизна вопроса, о которомъ, несмотря на его полную необходимость для дѣйствительной жизни и, такъ сказать, бытовую его назрѣлость, почти нѣтъ ни одного обстоятельнаго труда. Мы увѣрены, что и наша малая лепта не будетъ здѣсь лишнею. Мы успокоиваемъ себя тѣмъ обстоятельствомъ, что старались разсмотрѣть вопросъ съ тою серьезностью, какой онъ заслуживаетъ, не стѣсняли себя формальностями и по совѣсти указали на тѣ измѣненія въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ, которыя необходимы для широкой, разумной и вполнѣ справедливой постановки пенсіоннаго обезпеченія народныхъ учителей въ той мѣрѣ, на сколько позволяютъ это сдѣлать устанавливающіеся въ этой области обычаи и наличныя матеріальныя средства какъ правительства, такъ и нашихъ общественныхъ учрежденій. Пора двинуть и практически осуществить это серьезное и симпатичное дѣло и по отношенію къ нему отрѣшиться отъ обычныхъ проволочекъ и замедленій. Мы глубоко вѣримъ, что отъ плодовъ пенсіоннаго обезпеченія пожнутъ и получатъ дѣйствительную пользу не одни нынѣ нуждающіеся и бѣдствующіе «инвалиды» учителя и оставшіяся послѣ нихъ семьи, но и все наше общество, которому они служатъ на самомъ дорогомъ и отвѣтственномъ поприщѣ дѣятельности. Уплата долга по отношенію къ общественнымъ работникамъ и высшая справедливость должны быть непремѣнными условіями улучшенія и расширенія того пути, по которому можетъ идти впередъ наше отечественное народное образованіе.

А. Тютрюмовъ.

Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

(Продолженіе).

V.

Женщины-юристы.

Лишь во второй половинѣ текущаго столѣтія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки женщины стали допускаться къ занятіямъ адвокатурой. Какъ извѣстно, Соединенные Штаты представляютъ собою союзъ республикъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ собственную конституцію, собственное законодательное собраніе (сенатъ и палата представителей) и судебную организацію. Прежде чѣмъ излагать, какимъ образомъ женщины добились права вести дѣла на судѣ, укажемъ, по крайней мѣрѣ, общую схему судебныхъ инстанцій штата и федеральныхъ судовъ, пользуясь для этого книгой Брайса: «Въ составъ судебныхъ учрежденій каждаго штата входятъ три разряда судовъ—верховный или апелляціонный судъ, высшіе суды, мѣстные суды; въ различныхъ штатахъ далеко неодинаковы какъ названія и взаимныя отношенія этихъ трибуналовъ, такъ и способы производства дѣлъ... Каждый штатъ признаетъ обязательную силу судебныхъ постановленій другихъ штатовъ, полагается на его оффиціальные акты и протоколы и выдаетъ имъ преступниковъ, спасавшихся бѣгствомъ отъ ихъ обвинительныхъ приговоровъ. Судъ какого-нибудь штата не обязанъ ни закономъ, ни обычаемъ слѣдить за судебными рѣшеніями другого штата... (т. II, стр. 93—94). Въ цѣляхъ единообразнаго толкованія основныхъ законовъ судами различныхъ штатовъ, въ цѣляхъ гармоніи относительно толкованія ими федеральной конституціи и федеральныхъ статутовъ, кромѣ того, для рѣшенія дѣлъ, въ которыхъ затрогиваются интересы жителей различныхъ штатовъ,

для разрѣшенія споровъ между двумя или нѣсколькими штатами существуетъ, кромѣ судебныхъ учрежденій отдѣльныхъ штатовъ, еще особая сложная система федеральной юстиціи. Федеральные суды раздѣляются на слѣдующіе 3 разряда: верховный судъ, засѣдающій въ Вашингтонѣ, 9 областныхъ судовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Союза и 55 окружныхъ судовъ, составляющихъ третій и низшій разрядъ федеральныхъ судовъ. Члены всѣхъ этихъ федеральныхъ судовъ назначаются президентомъ республики и американскимъ сенатомъ. Члены-же судовъ отдѣльныхъ штатовъ или выбираются непосредственно народомъ (въ 25 штатахъ), или-же законодательнымъ собраніемъ штата, иногда при участіи губернатора» (т. I, стр. 255—257).

Первая женщина, которая обратилась въ судъ за разрѣшеніемъ заниматься адвокатурой (admission to the bar), была Арабелла Мансфильдъ. Она выдержала экзаменъ въ судѣ штата Іова (Iowa) на столько хорошо, что когда затѣмъ дѣло о допущеніи ея къ адвокатурѣ было передано на разсмотрѣніе особаго комитета, то этотъ послѣдній высказался въ пользу г-жи Мансфильдъ и прибавилъ, что ему особенно пріятно рекомендовать ее не только потому, что это первая женщина штата, обратившаяся съ такою просьбою, но что и успѣшность ея экзамена можетъ служить лучшимъ аргументомъ противъ людей, отрицающихъ за женщинами способность заниматься судебной практикой. Въ то-же самое время Sapreme Court штата Иллинойса отказалъ въ подобномъ ходатайствѣ г-жѣ Брадуэлль, которая приготовилась къ экзамену на адвоката, занимаясь со своимъ мужемъ, бывшимъ судьей. Мотивируя свое рѣшеніе, судъ написалъ, что ни въ Англіи, законы которой перешли въ колоніи, ни въ Соед. Штатахъ въ теченіе дальнѣйшей самостоятельной судебной практики женщины не занимались адвокатурой. «Всѣми принималось за аксіому, что Богъ предназначилъ обоимъ поламъ различныя занятія, и что только мужчинѣ подобаетъ издавать, комментировать и примѣнять законы. Можетъ быть, это было заблужденіе, но нельзя отрицать, что оно раздѣлялось всѣми... Если мы согласимся допустить къ адвокатурѣ г-жу Брадуэлль, то подобнымъ рѣшеніемъ какъ будто-бы подтвердимъ своимъ судейскимъ авторитетомъ, что такой поступокъ согласуется съ духомъ нашего законодательства, что женщины въ правѣ занимать всякія гражданскія должности, какъ-то: судей, губернаторовъ, шерифовъ и т. п. Мы, однако, несогласны съ этимъ. Есть нѣкоторыя отрасли юридической профессіи, которыми было-бы вполнѣ умѣстно заниматься и женщинамъ. Намъ кажется, однако, вопросомъ, заслуживающимъ самаго серьезнаго обсужденія со стороны самихъ женщинъ, удобно-ли имъ выступать въ

адвокатурѣ, участвовать въ горячихъ дебатахъ сторонъ въ присутствіи многочисленной публики, съ нетерпѣніемъ ждать судебныхъ вердиктовъ, увѣнчивающихъ труды адвоката, или ихъ разбивающихъ? Не повлечетъ-ли это за собою уменьшенія въ уваженіи и въ готовности услужить, которыя считаются обязательными для представителей сильнаго пола въ обращеніи съ болѣе слабымъ?»

Г-жа Брадуэлль апеллировала въ федеральный Supreme-Court, который, однако, утвердилъ рѣшеніе Иллинойскаго суда. Въ 1872 году законодательное собраніе штата Иллинойсъ издало законъ, по которому «никому не должно быть отказываемо въ занятіи какой-бы то ни было должности (исключая военной службы) только на основаніи пола претендента». Брадуэлль въ это время стала успѣшно издавать «Chicago Legal News» и „Сводъ рѣшеній апелляціоннаго штата Иллинойсъ», и потому не возобновляла своего ходатайства. 5-го апрѣля 1870 года въ «Chicago Legal News» было напечатано слѣдующее: «Намъ очень пріятно сообщить читателямъ, что верховный судъ штата Иллинойсъ по собственной иниціативѣ единогласно постановилъ дать г-жѣ Брадуэлль право заниматься адвокатурой въ судахъ штата».

Въ 1877 году г-жа Лавинія Гуделль была допущена къ веденію дѣлъ въ одномъ изъ окружныхъ судовъ штата Висконсинъ. Когда, въ слѣдующемъ году, г-жа Гуделль обратилась на этомъ основаніи въ верховный судъ штата съ просьбой о разрѣшеніи вести дѣла на этомъ судѣ, ей было отказано. Мы не можемъ не привести нѣкоторыхъ мѣстъ изъ подробно мотивированнаго рѣшенія суда. Авторъ статьи о женщинахъ-юристахъ, г-жа Битенбиндеръ, видитъ въ нихъ лишь курьезъ, образчикъ допотопныхъ понятій, которыя возможны были у американскихъ судей 15 лѣтъ назадъ и которыя, по ея словамъ, уже окончательно отжили въ этой странѣ свой вѣкъ. «Мы считаемъ разумнымъ,—писали судьи,—что обычай исключаетъ женщинъ изъ юридической профессіи. Эта важная профессія требуетъ отъ человѣка напряженія всѣхъ его силъ. Природа опредѣлила женщинѣ рожденіе и воспитаніе дѣтей, а равно и наблюденіе за порядкомъ домашней жизни... Всякія постороннія занятія, отвлекающія женщинъ отъ исполненія этого естественнаго ея назначенія, нарушаютъ указанный естественный законъ и, если дѣлаются добровольно, являются жестокимъ его нарушеніемъ. Стеченіе несчастныхъ обстоятельствъ постигаетъ одинаково оба пола и можетъ иногда освободить женщину отъ исполненія ея естественнаго долга... Однако, есть занятія, вполнѣ пригодныя собственно для женщинъ. Юридическая профессія, конечно, не принадлежитъ къ таковымъ. Особенности женскаго характера:

мягкость, чувствительность, возбуждаемость, деликатность, импульсивность, стремленіе подчиняться чувству,—стремленіе, заглушающее часто доводы разсудка,—все это, конечно, такія качества, которыя дѣлают ее непригодной для публичныхъ состязаній. Природа такъ-же мало приспособила женщину для состязаній въ залѣ суда, какъ и для физической борьбы на полѣ сраженія. Женщинѣ назначено заниматься лучшими, болѣе благородными дѣлами. При занятіяхъ въ судѣ приходится имѣть дѣло не со святыми этого міра: напротивъ того, мы, судьи, постоянно видимъ передъ собою все, что есть въ жизни себялюбиваго, злого, подлаго, преступнаго, грубаго, жестокаго и безстыднаго. Было-бы отвратительно для невинной, святой души женщины, было-бы непріятно для самихъ мужчинъ, привыкшихъ соединять съ женщиной все, что есть дорогого въ человѣческой жизни, видѣть, что женщины, въ силу своей профессіи, знакомятся въ жизни со всею грязью, которая доходитъ до судовъ, со всѣми изворотами и плутнями, что ей приходится вникать въ подробности дѣлъ о соблазнѣ, изнасилованіи, кровосмѣшеніи, прелюбодѣяніи, незаконномъ прижитіи ребенка, проституціи, дѣтоубійствѣ, умерщвленіи плода, разводѣ». Странны, конечно, такія сужденія: разъ всѣ перечисленныя явленія возможны и часты въ жизни, — неужели женщины могутъ этого не видѣть, не знать и даже совершенно избѣжать вліянія всей этой грязи жизни? Совершенно вѣрно замѣчаетъ при этомъ г-жа Битенбиндеръ: «Именно, дорогіе судьи, для того, чтобы, въ силу своей профессіи, узнать всѣ отвратительныя проявленія общественной жизни, многія женщины и добиваются права веденія дѣлъ. Во всѣхъ перечисленныхъ грязныхъ дѣлахъ женщина часто является потерпѣвшей, или обвиняемой, или-же такъ или иначе прикосновенной къ дѣлу. И какъ это будетъ прекрасно, если эта женщина найдетъ въ судѣ другую женщину, имѣющую всѣ законныя полномочія, и потому умѣющую помочь своей сестрѣ въ тяжеломъ затрудненіи. Присутствіе на судѣ незапятнанной женщины-адвоката не удержитъ-ли иногда грубый смѣхъ или жесткую шутку, возможную, какъ показалъ опытъ, въ такихъ случаяхъ?» Дѣйствительно, судьи далеко не были въ данномъ случаѣ выразителями общественнаго мнѣнія, такъ какъ скоро прошелъ въ законодательномъ собраніи штата законъ, которымъ женщинамъ предоставлялось право заниматься адвокатурой. Другая американка, г-жа Локвудъ, окончивъ курсъ на юридическомъ факультетѣ въ Національномъ университетѣ въ Вашингтонѣ (такъ-называемая юридическая школа Національнаго университета), допущена была въ 1873 году къ веденію дѣлъ въ верховномъ судѣ округа Колумбія (включающемъ Вашингтонъ и городъ

Джоржтаунъ; въ немъ всего 64 квадр. мили). Однако, когда г-жа Локвудъ обратилась въ федеральный Court of Claims за разрѣшеніемъ вести въ немъ дѣла, ей было въ этомъ отказано. Такъ-же точно ей было отказано въ разрѣшеніи вести дѣла въ верховномъ федеральномъ судѣ, причемъ судъ, въ заключеніе своего рѣшенія, выразился такъ: «Судъ не считаетъ себя уполномоченнымъ вводить столь важное измѣненіе въ существующихъ обычаяхъ, пока не издано федеральнымъ правительствомъ соотвѣтствующаго закона или пока обычай предоставлять женщинамъ веденіе дѣлъ не будетъ болѣе распространенъ въ верховныхъ судахъ отдѣльныхъ штатовъ». Г-жа Локвудъ продолжала заниматься дѣлами въ судахъ округа Колумбія и въ другихъ судахъ, кромѣ федеральныхъ, пока не прошелъ въ конгрессъ 1879 года законъ, постановляющій: «что всякая женщина, занимавшаяся не менѣе трехъ лѣтъ судебной практикой въ Верховномъ судѣ какого-нибудь штата, территоріи или округа Колумбія и сохранившая незапятнанной свою репутацію, имѣетъ право, по представленіи вышесказанныхъ доказательствъ, вести дѣла въ верховномъ федеральномъ судѣ». Г-жѣ Локвудъ принадлежитъ починъ общественнаго движенія, подавшаго поводъ къ изданію этого закона, и она-же была первая, воспользовавшаяся имъ. Федеральный Court of Claims самъ сообщилъ ей о разрѣшеніи вести въ немъ дѣла. Авторъ статьи, служащей намъ источникомъ, былъ также одною изъ первыхъ женщинъ, воспользовавшихся новымъ закономъ. Въ настоящее время большія юридическія школы въ Соединенныхъ Штатахъ допускаютъ женщинъ.

Иногда, впрочемъ, женщинамъ приходилось добиваться этого права съ бою. Какъ примѣръ, можно указать на г-жу Фольцъ. Будучи очень несчастной въ замужествѣ, поддерживая всю семью своею мастерской модъ, она, по совѣту одного знакомаго адвоката, стала заниматься изученіемъ законовъ, затѣмъ занималась нѣкоторое время практически въ конторѣ присяжнаго повѣреннаго. Разведясь съ мужемъ и получивъ послѣ экзамена право на веденіе дѣлъ въ судѣ, она отправилась въ Санъ-Франциско для того, чтобы прослушать нѣкоторые предметы въ Hastings Law School. Совѣтъ этой юридической школы не допустилъ, однако, ея къ слушанію лекцій: Совѣтъ нашелъ, что «неразумно, неудобно и несогласно съ интересами самого учебнаго заведенія допускать въ число слушательницъ женщинъ». Тогда г-жа Фольцъ заявила, что будетъ все-таки слушать лекціи, если не по доброму соглашенію, то насильно, и подала жалобу въ судъ. Судъ высказался въ пользу г-жи Фольцъ. Тогда директора апеллировали въ верховный судъ штата.

И здѣсь г-жа Фольцъ настаивала на своемъ правѣ слушать лекціи въ Hastings Law School, основываясь на томъ, что эта школа есть часть университета города Санъ-Франциско, а университетъ по закону доступенъ обоимъ поламъ. Верховный судъ нашелъ, что «нельзя отказать въ пріемѣ въ Hastings Law School, имѣя въ виду только полъ желающаго поступить въ эту школу». Такимъ образомъ, г-жѣ Фольцъ удалось все-таки прослушать необходимыя ей лекціи и получить ученую степень. Правду говоритъ г-жа Л. А., что «американки, начавъ дѣло, его не бросаютъ, пока не добьются желаемаго», и что это ее особенно поразило («Вѣстникъ Европы», 1881 г. № 9). Къ чести американокъ надо прибавить, что онѣ выказываютъ такую настойчивость не только тогда, когда добиваются признанія собственныхъ правъ, но и тогда, когда убѣждены въ незаконномъ лишеніи правъ другихъ. У того-же Брайса мы читаемъ о роли женщинъ въ агитаціи за освобожденіе негровъ: «въ числѣ самыхъ ревностныхъ и самыхъ полезныхъ участниковъ въ агитаціи было не мало женщинъ. Онѣ мужественно выносили не только пересуды, но и серьезныя опасности при исполненіи такого долга, который считали священнымъ. Онѣ поступали членами въ общества, организованныя съ цѣлью добиться освобожденія негровъ, и массами являлись на конгрессы аболиціонистовъ. Вскорѣ онѣ были допущены къ участію въ подачѣ голосовъ и къ занятію должностей въ тѣхъ обществахъ. Самые робкіе или самые консервативные приверженцы аболиціонистовъ протестовали противъ такого расширенія женскихъ правъ; нѣкоторые изъ нихъ даже отказались отъ дальнѣйшаго участія въ агитаціи. Но и во всякомъ наступательномъ движеніи, точно такъ-же, какъ и во всякой революціи, тотъ вѣрнѣе достигаетъ цѣли, кто смѣлѣе идетъ впередъ. Защитниками женскихъ притязаній были самые энергичные изъ тѣхъ людей, которые руководили агитаціей противъ рабовладѣнія. Женщины отстояли свое право на участіе въ опасностяхъ борьбы и на долю славы послѣ одержанной побѣды» (томъ III, стр. 223).

До сихъ поръ, однако, есть еще юридическія школы, не допускающія женщинъ, но число такихъ школъ уменьшается съ каждымъ годомъ. Г-жа Кемринъ-Шпири, швейцарка, окончившая курсъ на юридическомъ факультетѣ Цюрихскаго университета въ 1887 году и которой на ея родинѣ не позволено было заниматься адвокатурой, эмигрировала въ Америку и открыла черезъ нѣсколько времени женскую юридическую школу въ Нью-Іоркѣ.

Такимъ образомъ, женщины въ настоящее время могутъ вести дѣла во всѣхъ судахъ отдѣльныхъ штатовъ и въ федеральныхъ судахъ; когда-же судебныя учрежденія штатовъ отказывали имъ въ разрѣше-

ніи вести дѣла, законодательное собраніе обыкновенно немедленно издавало законы, предоставляющіе женщинамъ право заниматься адвокатурой. Нѣкоторые суды назначали женщинъ для производства экзамена на право заниматься судебной практикой. Такъ, напримѣръ, г-жа Хэддокъ была назначена въ 1878 и 1879 годахъ верховнымъ судомъ штата Іовы экзаменаторомъ окончившихъ курсъ въ университетѣ и желающихъ заниматься адвокатурой. Женщины въ послѣднее время занимали и нѣкоторыя другія судебныя должности. Главная юридическая газета Чикаго и всего Запада—«Chicago Legal News»—издается женщиной, уже упомянутой выше Брадуэль; другая женщина, г-жа Уайтъ, издаетъ «Chicago Law Times».

Въ своей статьѣ г-жа Биттенбиндеръ перечисляетъ книги по юридическимъ вопросамъ, написанныя женщинами, и приводитъ отзывы двухъ декановъ юридическаго факультета разныхъ университетовъ; эти отзывы удостовѣряютъ полную успѣшность занятій студентовъ-женщинъ юридическими науками. Въ 1886 году образовалось первое общество женщинъ-юристовъ—«The Eofuity Club». Другое—«Woman's International Bar Association», т.-е. «международное общество женщинъ-адвокатовъ»—было основано въ 1888 году. Оно имѣетъ цѣлью: 1) открывать учебныя заведенія, въ которыхъ женщины могли-бы получать спеціальное юридическое образованіе, 2) устранять препятствія къ занятію женщинъ адвокатурой или къ исполненію ими обязанности судей, 3) распространять свѣдѣнія о современномъ юридическомъ положеніи женщинъ и 4) стремиться къ улучшенію ихъ юридическаго положенія.

Мужчины-юристы чрезвычайно охотно принимаютъ женщинъ въ свои «общества». Такъ-же радушно ихъ встрѣчаютъ мужчины товарищи въ адвокатурѣ; судьи и присяжные относятся къ нимъ съ величайшею вѣжливостью. Вліяніе присутствія женщинъ на судебную процедуру самое хорошее, общій тонъ выраженій становится сдержаннѣе и приличнѣе, особенно въ случаяхъ разсмотрѣнія преступленій противъ нравственности. «Остается желать,—говоритъ г-жа Биттенбиндеръ,—чтобы женщины были не только адвокатами, но чтобы онѣ входили въ составъ присяжныхъ, тогда только обнаружатся всѣ благія послѣдствія совмѣстной работы обоихъ половъ въ судѣ!»

VI.

Американскія женщины въ качествѣ проповѣдницъ.

Прежде чѣмъ говорить о женщинахъ-проповѣдницахъ или пасторахъ, укажемъ на положеніе духовенства въ Соединенныхъ Штатахъ.

«Изъ всѣхъ различій между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ,—говоритъ Брайсъ,—едва-ли не самое выдающееся заключается въ томъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ правительству нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до церковныхъ учрежденій и церковныхъ вопросовъ... Тамъ нѣтъ господствующей церкви. Всѣ религіозныя корпораціи безусловно равны передъ закономъ; онѣ получаютъ легальное право на существованіе только въ качествѣ добровольныхъ ассоціацій между частными людьми» (т. III, 358). Тѣмъ не менѣе, вліяніе религіи и вліяніе духовенства «болѣе сильно и болѣе распространено въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ въ какой-либо части Западной Европы»... Не получая никакой поддержки отъ свѣтской власти, «религія кажется даже болѣе непоколебимой, потому что для всякаго ясно, что она держится только своими собственными силами» (тамъ-же, стр. 373). «Въ Америкѣ,—продолжаетъ Брайсъ,—почти вовсе не существуетъ того взаимнаго недоброжелательства, которое происходитъ отъ неравенства въ соціальномъ положеніи духовенства различныхъ вѣроисповѣданій».

Будучи, такимъ образомъ, «добровольными ассоціаціями между частными людьми», религіозныя общества совершенно самостоятельно рѣшаютъ всякіе вопросы догмы или церковнаго управленія, почему мы и находимъ много разнообразія въ отношеніи разныхъ религіозныхъ исповѣданій, сектъ и толковъ къ занимающему насъ вопросу о религіозномъ проповѣдничествѣ женщинъ.

Не всегда, однако, отношенія государства къ церкви въ Америкѣ были таковы, какими онѣ изображены выше; они приняли такую форму лишь въ теченіе нынѣшняго столѣтія. Извѣстно, что религіозныя преслѣдованія на родинѣ заставили пуританъ искать новаго отечества въ «Новой Англіи», и нѣтъ ничего удивительнаго, что столь сильная, почти фанатическая привязанность къ извѣстнымъ религіознымъ вѣрованіямъ имѣла послѣдствіемъ сильнѣйшую религіозную нетерпимость. Исторія разсказываетъ, какъ въ 1634 г. пріѣхала въ Бостонъ изъ Англіи извѣстная проповѣдница Хутчинсонъ, имѣла большой успѣхъ среди извѣстной части населенія, вызвала такую-же ненависть въ другой части и среди всего духовенства и была вскорѣ изгнана изъ предѣловъ Массачусэтса. Такая-же участь постигла черезъ 20 лѣтъ двухъ женщинъ-квакерпъ, которыя проповѣдывали свое ученье въ Новой Англіи; въ настоящее-же время среди квакеровъ насчитывается до 250 женщинъ-проповѣдницъ. Такъ называемые «шэкеры», отдѣлившіеся отъ квакеровъ въ концѣ прошлаго столѣтія, также имѣютъ женщинъ-проповѣдницъ.

Католическая церковь рѣшительно отрицаетъ право женщинъ быть духовнымъ пастыремъ вѣрующихъ. Такъ-же относятся къ женщинамъ и методисты, несмотря на то, что распространенію этого ученія много помогли нѣкоторыя высокодаровитыя женщины, такъ что сами методисты иногда называютъ Сусанну Весли (Wesley) въ Англіи и Варвару Хекъ въ Америкѣ истинными основателями методизма. Нѣкоторыя мелкія подраздѣленія методизма, однако, допускаютъ женщинъ къ проповѣдничеству. Такъ-же поступаетъ часть баптистовъ, пресвитеріанъ и конгрегаціоналистовъ. Недавно то-же движеніе началось и у такъ-называемыхъ «универсалистовъ» (Universalits Church); теперь въ этой церкви насчитывается до 50-ти женщинъ-проповѣдницъ, къ которымъ, кстати сказать, относятся вполнѣ сочувственно ихъ мужскіе собратья. Богословскія школы различныхъ вѣроисповѣданій начинаютъ открывать двери для женщинъ, и нѣкоторыя женщины, получивъ спеціальное образованіе, занимаютъ должности пасторовъ. Извѣстный историкъ народнаго образованія въ Америкѣ Бунъ (Boone, Education in the Un. St.) говоритъ, что уже въ 1880 году 165 церковныхъ каѳедръ были заняты женщинами. Въ церкви моравскихъ братьевъ (къ которой принадлежалъ знаменитый славянскій педагогъ Амосъ Коменскій) былъ случай занятія женщиной даже епископской каѳедры (Boone, стр. 375).

Послѣднія 8 лѣтъ въ Бостонѣ происходилъ ежегодно съѣздъ женщинъ-проповѣдницъ всякихъ религіозныхъ исповѣданій, а въ 1882 г. образовалось общество женщинъ, занимающихся проповѣдничествомъ (Woman's Ministeriale Conference). Секретарь этого общества, г-жа Боульсъ (Bowles), авторъ статьи о женщинахъ-проповѣдницахъ, помѣщенной въ книгѣ г-жи Мейеръ *).

Въ заключеніе г-жа Боульсъ напоминаетъ читателю заслуги женщинъ въ первые вѣка христіанства (женщины-дьяконисcы), и затѣмъ въ средніе вѣка, когда отъ женщинъ иногда исходила иниціатива крещенія цѣлыхъ народовъ (Франція, Англія, Испанія, Венгрія, Польша, Россія).

Насколько значительно сочувствіе общества предоставленію женщинамъ возможности получать богословское образованіе и заниматься

*) «Въ Америкѣ, — говоритъ профессоръ и членъ англійскаго парламента Брайсъ,—между лицами духовнаго званія различныхъ исповѣданій, со включеніемъ и католическаго, замѣтно болѣе дружелюбія, болѣе готовности преслѣдовать общими силами благотворительныя цѣли, чѣмъ между католиками и протестантами во Франціи и Германіи или между англиканами и нонконформистами въ Англіи» (т. III, стр. 374).

проповѣдничествомъ съ церковной каѳедры, можно судить по слѣдующему факту: недавно въ Чикаго собрано 500.000 руб. (250.000 долларовъ) добровольныхъ пожертвованій для основанія богословской школы, одинаково доступной какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, хотя и теперь уже всѣ женщины, занимающіяся въ настоящее время проповѣдничествомъ, получили въ бо́льшей или меньшей степени спеціальное образованіе въ богословскихъ школахъ различныхъ вѣроисповѣданій или-же въ нѣкоторыхъ большихъ университетахъ (Boone, стр. 375).

VII.

Государственная дѣятельность американскихъ женщинъ; роль ихъ во время войны за независимость и въ движеніи къ освобожденію негровъ.

Американскія женщины играли очень видную роль въ двухъ самыхъ капитальныхъ событіяхъ національной исторіи: въ войнѣ за независимость во второй половинѣ прошлаго столѣтія и въ освобожденіи негровъ, совершившемся въ теченіе нашего вѣка.

Мы очень хорошо помнимъ краснорѣчивыя страницы, которыя посвящаетъ женщинамъ, уже разъ цитированный нами, американскій историкъ Хиджинсонъ въ своей «Исторіи Соединенныхъ Штатовъ» (Higginson, A larger history of the United States of America. 1885). Этотъ историкъ разсказываетъ, какъ американскіе патріоты, руководившіе движеніемъ, закончившимся провозглашеніемъ независимости колоній отъ Англіи, находили не только глубокое сочувствіе среди своихъ женъ, но часто даже возбужденіе къ большой смѣлости и рѣшительности дѣйствій, въ высшей степени разумные совѣты въ критическія минуты. Такова была, напр., роль г-жи Уорренъ (Varren) и Абигаль Адамсъ, жены второго президента Соединенныхъ Штатовъ. Насколько многочисленны примѣры высокаго героизма женщинъ во время войны за независимость, можно судить по тому, что въ 1853 году Эллетъ выпустила въ свѣтъ трехтомное сочиненіе «Женщины американской революціи», въ которомъ помѣстила болѣе полутораста біографій женщинъ этой крайне любопытной эпохи (г-жа Цебрикова перевела на русскій языкъ часть этого труда; см. Эллетъ, Американки XVIII вѣка. Спб. 1871 г.). Не надо при этомъ терять изъ виду недостаточность образованія у этихъ женщинъ: читатель, можетъ быть, припомнитъ цитированныя нами въ началѣ статьи слова той-же самой г-жи Адамсъ о недоступности образованія для женщинъ ея времени.

Послѣ войны за независимость начались серьезныя заботы женщинъ о расширеніи собственнаго образованія.

Какъ ни поразительна картина участія женщинъ въ войнѣ за независимость, все-же въ поступкахъ женщинъ надо видѣть проявленіе пониманія важности общей защиты, огражденія отъ произвола и эксплоатаціи метрополіи. Все революціонное движеніе носитъ характеръ дѣятельности самозащиты, продиктованной націи чувствомъ самосохраненія и чувствомъ собственнаго достоинства, которыя и оказались въ женщинахъ не ниже, чѣмъ у мужчинъ. Бо́льшую славу стяжали себѣ американскія женщины нашего вѣка, когда выступили защитницами негровъ, проповѣдницами ихъ освобожденія. Великую честь американскимъ женщинамъ дѣлаетъ то, что самый вопросъ о государственной и общественной дѣятельности возникъ въ первый разъ въ связи съ проповѣдью аболиціонизма (уничтоженія рабовладѣнія). Стремленіе къ огражденію чужихъ правъ, а не своихъ—вывело женщинъ на общественную арену.

Еще въ 1833 году дѣвица Крэндалль открыла школу для обученія негровъ въ Коннектикутѣ и претерпѣла за это массу оскорбленій, насмѣшекъ, даже одно время была заключена въ тюрьму. Около этого-же времени сестры Гримке оставили родительскій домъ въ Чарльстонѣ, не будучи въ состояніи видѣть около себя язву рабовладѣнія. Онѣ отправились на сѣверъ къ квакерамъ, обнародовали нѣсколько брошюръ и писемъ противъ рабовладѣнія, обращаясь къ жителямъ южныхъ штатовъ. Родители сестръ Гримке были предупреждены, что ихъ дочери будутъ немедленно арестованы, если вздумаютъ вернуться домой. Публичныя лекціи сестеръ Гримке противъ рабовладѣнія вызвали всеобщее порицаніе даже среди квакеровъ: такъ велико было убѣжденіе въ неприличіи для женщины такого поступка. Вотъ начало вопроса объ общественной и государственной дѣятельности женщинъ. На всемірный конвентъ противъ рабовладѣнія (World's Antislavery Conventin), происходившій въ Лондонѣ въ 1840 году, между другими делегатами изъ Америки явилось 8 женщинъ, къ большому неудовольствію англійскихъ аболиціонистовъ, которые и отказались допустить этихъ женщинъ къ участію въ конвентѣ. Среди мужчинъ-делегатовъ нашлось двое, которые послѣ этого уже сами отказались отъ участія въ конвентѣ и заняли мѣста зрителей. Между делегатами на лондонскомъ конвентѣ была знаменитая аболиціонистка квакерша Лукреція Моттъ. Жизнь этой женщины, такъ-же какъ и жизнь ея современницы Аббы Келли, представляютъ поразительные примѣры полной преданности идеѣ до самой смерти.

Происшествіе въ Лондонѣ убѣдило Лукрецію Моттъ и другихъ женщинъ, что пока онѣ не добьются признанія за женщинами права на общественную дѣятельность, онѣ не будутъ имѣть большого успѣха и въ своемъ стремленіи помочь другимъ. Результатомъ этого убѣжденія явилась организація ежегодныхъ «конвентовъ» въ Америкѣ для обсужденія вопроса о женскихъ правахъ (Woman's Right Convention); душою всего движенія была та-же Лукреція Моттъ. Число членовъ этихъ собраній съ годами увеличивалось и среди нихъ можно было встрѣтить немало выдающихся писателей и другихъ общественныхъ дѣятелей страны.

Въ то-же время не прекращалась и дѣятельность женщинъ въ пользу негровъ. Онѣ устраивали комитеты для помощи бѣжавшимъ (въ Канаду) рабамъ, собирали деньги на проповѣдь аболиціонизма, издавали и распространяли брошюры противъ рабовладѣнія, устраивали базары для доставленія средствъ на дѣло благотворенія неграмъ, на что жертвовали часто значительную часть и собственнаго заработка.

Когда, въ 1861 году, началась между сѣверными и южными штатами гражданская война изъ-за освобожденія негровъ, женщины приняли въ ней дѣятельное участіе: какъ сестры милосердія, онѣ ухаживали за больными въ госпиталяхъ, слѣдовали за арміями на поля сраженій, чтобы быть всегда готовыми къ помощи; онѣ старались помочь бѣдствующимъ семьямъ, въ которыхъ работники пошли на войну. Въ это время общество забыло свое предубѣжденіе противъ общественной дѣятельности женщины: слишкомъ очевидна была польза и даже крайняя необходимость такой дѣятельности. Проповѣдь женщинъ противъ рабовладѣнія не прекращалась и во время войны. Такъ подготовлялись умы къ окончательному освобожденію рабовъ, происшедшему 1-го января 1863 г. Особенно большой успѣхъ умѣли лекціи и рѣчи, произнесенныя противъ рабовладѣнія г-жей Анной Дикинсонъ, молодой дѣвушкой-квакершей. Она значительно помогла успѣху кандидатуры Линкольна на президентскій постъ. «Когда кандидатура Линкольна восторжествовала,—говоритъ Мэкри («Американцы у себя дома», стр. 447),—Аннѣ Дикинсонъ не стало проходу отъ привѣтственныхъ криковъ, отъ серенадъ и букетовъ цвѣтовъ... Когда она пріѣхала читать свои лекціи въ Вашингтонъ, зданіе представителей, соотвѣтствующее англійской палатѣ общинъ, было, по единогласному рѣшенію собранія, предоставлено въ ея распоряженіе; самъ вице-президентъ Соединенныхъ Штатовъ провелъ ее на предсѣдательское мѣсто, и съ этого-то мѣста Анна Дикинсонъ говорила свои пламенныя рѣчи передъ трехтысячнымъ собраніемъ законодателей, воиновъ и

другихъ гражданъ, между которыми находился и самъ президентъ Линкольнъ. Не забудемъ также и того, что за 11 лѣтъ до этого, въ 1852 году, появилось сочиненіе г-жи Бичеръ-Стоу «Хижина дяди Тома», успѣхъ котораго былъ такъ великъ, что въ одной Америкѣ въ теченіе года было продано 300.000 экземпляровъ. Эта книга имѣла громадное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, какъ это признано теперь всѣми. Такимъ образомъ, и въ области художественнаго творчества со стороны женщины раздался самый горячій и самый краснорѣчивый протестъ противъ рабовладѣнія.

Исходъ войны крайне благопріятно отразился на положеніи женщинъ: мы уже видѣли, какъ онѣ стали все въ большихъ и большихъ размѣрахъ заниматься медициной, юридической практикой и церковнымъ проповѣдничествомъ. Но этимъ далеко не ограничивалась сфера дѣятельности женщинъ: мы ихъ видимъ служащими въ окружныхъ управленіяхъ (county clerk), въ управленіяхъ по выдачѣ государственныхъ пенсій, въ тюремныхъ комитетахъ городовъ и штатовъ, въ городскихъ попечительствахъ о бѣдныхъ, въ публичныхъ библіотекахъ, содержимыхъ на счетъ разныхъ штатовъ, въ школьныхъ комитетахъ, на почтѣ и въ канцеляріяхъ, при законодательныхъ собраніяхъ различныхъ штатовъ. Послѣ войны стали открывать высшія учебныя заведенія для женщинъ, а старые университеты понемногу открывали для нихъ свои двери. Альтруистическія чувства женщинъ нашли себѣ исходъ въ организаціи образованія для негровъ на югѣ, куда множество женщинъ, преимущественно молодыхъ дѣвушекъ изъ сѣверныхъ штатовъ, отправилось вслѣдъ за окончаніемъ войны.

Съ 70-хъ годовъ было основано два общества, которыя поставили себѣ цѣлью добиться для женщины политическихъ правъ, т.-е. участія въ выборѣ президента Союза и членовъ законодательныхъ собраній штата и всего Союза (федеральныхъ). Въ теченіе 20 лѣтъ женщины пользовались одинаковыми съ мужчинами политическими правами въ территоріи Віомингъ, и эти права остались за ними, когда въ 1890 году эта территорія была признана со стороны конгресса штатомъ; такимъ образомъ, женщины, по крайней мѣрѣ, въ этомъ новомъ штатѣ будутъ пользоваться всѣми правами американскаго гражданина. Во многихъ штатахъ женщины участвуютъ при выборѣ членовъ школьныхъ комитетовъ (отъ которыхъ всецѣло зависитъ организація народнаго образованія), а въ нѣкоторыхъ и сами могутъ быть выбраны на любую должность въ этихъ комитетахъ; мы уже знаемъ широкое участіе женщинъ въ самой педагогической дѣятельности

какъ въ низшей, такъ и въ средней школѣ. Въ штатѣ Канзасъ женщины участвуютъ въ муниципальныхъ выборахъ.

Профессоръ и членъ англійскаго парламента Брайсъ отказывается высказать рѣшительное сужденіе по поводу участія американскихъ женщинъ въ политической жизни страны, однако воздерживается и отъ осужденія ея. Вотъ, какъ онъ заключаетъ главу «о предоставленіи женщинамъ права голоса» (Американская демократія, т. III, 232): «Безпристрастный наблюдатель сомнѣвается, чтобы право участія во всѣхъ политическихъ выборахъ, отдѣльное отъ права участія въ выборахъ школьныхъ и городскихъ, было предоставлено женщинамъ во многихъ штатахъ въ теченіе *слѣдующихъ 30 лѣтъ*. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ терять изъ виду того факта, что уже сдѣланъ значительный шагъ впередъ и что разъ предоставленное женщинамъ право нигдѣ не отнималось назадъ, за исключеніемъ Утаха» (вслѣдствіе предположенія, что жены живущихъ тамъ мормоновъ будутъ пользоваться имъ по указанію своихъ мужей и, стало быть, будутъ усиливать партію, отстаивающую многоженство). Пусть читатель приметъ во вниманіе, что эти строки написалъ человѣкъ, который недавно (въ маѣ 1892 г.), какъ членъ англійскаго парламента, при голосованіи билля о дарованіи женщинамъ права голоса подалъ свой голосъ противъ билля *).

Дѣло не въ томъ, совершится-ли уравненіе политическихъ правъ черезъ 30 или черезъ 50 лѣтъ — этого сказать никто не можетъ, а въ томъ, что таково несомнѣнно стремленіе нашего вѣка въ Америкѣ и что, даже по мнѣнію Брайса, «защитники женскихъ правъ (въ Америкѣ) имѣютъ нѣкоторое основаніе разсчитывать на побѣду» (т. III, стр. 232—233).

П. Мижуевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Всего противъ билля оказалось большинство лишь въ 20 съ чѣмъ-то голосовъ.

ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧЕНИКОВЪ.

(Окончаніе).

Неуспѣвающіе ученики.

Имя и фамилія ученика—Василій Степановъ. Будемъ звать его Васей. Отецъ мальчика занимался торговлей; дома его рѣдко видѣли: съ утра до вечера онъ сидѣлъ въ своемъ магазинѣ. Домашнимъ хозяйствомъ занималась мать мальчика,—женщина добрая, но слабая характеромъ. За Васей некому было слѣдить, онъ былъ предоставленъ самъ себѣ. Два старшіе брата его учились въ городскомъ училищѣ, и отецъ въ недалекомъ будущемъ ожидалъ найти въ нихъ себѣ помощниковъ въ торговомъ дѣлѣ; Васю-же рѣшили родители «пустить по ученой части». Кой-какъ читать и писать научился онъ дома отъ своихъ братьевъ, а затѣмъ его отдали въ частный пансіонъ съ цѣлью подготовить для поступленія въ гимназію. Три года пробылъ Вася въ пансіонѣ и за это время многому научился; свѣдѣній вынесъ оттуда, правда, немного, такъ что едва-едва могъ поступить въ первый классъ гимназіи, но съ шалостями, со школьными продѣлками, посредствомъ которыхъ проводятся учителя и родители, познакомился довольно основательно. Съ первыхъ-же шаговъ въ гимназіи Степановъ обнаружилъ свою опытность: мѣсто въ классѣ выбралъ онъ на задней скамейкѣ, подальше отъ взоровъ преподавателей; уговорилъ одного ученика, который былъ сравнительно большаго роста, сѣсть впереди себя, чтобы за спиной его можно было продѣлывать разныя штуки. Скоро Степановъ сдружился съ однимъ товарищемъ, такимъ-же опытнымъ ученикомъ, и вмѣстѣ начали тонъ задавать классу и свои порядки заводить въ немъ, знакомить товарищей съ кодексомъ своей морали, вынесенной ими изъ подготовительныхъ учебныхъ заведеній. Началось списываніе уроковъ, подсказываніе, подскабливаніе отмѣтокъ въ свидѣтельствѣ; начались ссоры и

драки, которыя продолжались иногда и послѣ окончанія уроковъ, уже на улицѣ. Въ классѣ стали пропадать ручки, карандаши и перочинные ножички. На классныхъ доскахъ, на стѣнахъ стали появляться иногда дурныя слова. Степановъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ извѣстность въ заведеніи: то ученики жаловались на него, то воспитатель говорилъ, что съ нимъ никакого сладу нѣтъ, то преподаватель сообщалъ, что Степановъ ничего не дѣлаетъ ни въ классѣ, ни дома. Не проходило дня, чтобы Степановъ не былъ записанъ въ штрафной журналъ. Приведемъ нѣсколько замѣчаній изъ журнала: «На урокѣ чистописанія Степановъ брызгалъ чернилами и запачкалъ своимъ сосѣдямъ тетради». «Во время урока ариѳметики Степановъ свистѣлъ, за что былъ выгнанъ изъ класса». «Дурно велъ себя Степановъ во время урока Закона Божія, за что былъ поставленъ къ стѣнѣ». «Степановъ принесъ въ классъ какую-то «американскую тетку», купленную имъ на вербѣ, и этой игрушкой смѣшилъ весь классъ во время урока рисованія. Прошу оставить Степанова на часъ послѣ уроковъ».

Описаніе всѣхъ подвиговъ Степанова потребовало-бы очень много времени, и мы ограничимся приведенными. Всѣ эти записи изъ штрафного журнала аккуратно переписывались класснымъ наставникомъ въ «дневникъ» ученика, чтобы родители мальчика могли слѣдить за поведеніемъ его въ гимназіи и съ своей стороны своевременно воздѣйствовать на исправленіе его. Но Степановъ, какъ мы уже сказали, былъ опытный ученикъ: онъ всѣ эти непріятности предвидѣлъ и своевременно позаботился предупредить ихъ. Онъ пріобрѣлъ себѣ въ магазинѣ письменныхъ принадлежностей «дневникъ», очень мало отличавшійся отъ казеннаго, выставлялъ въ немъ отмѣтки по предметамъ, какія ему нравились, расписывался за класснаго наставника, и показывалъ родителямъ свой дневникъ. Надо быть справедливымъ къ Степанову: онъ скромно пользовался отмѣтками и выставлялъ себѣ пятерки только за поведеніе, по учебнымъ-же предметамъ излюбленные его баллы были три съ плюсомъ, три съ половиною и четыре съ минусомъ; выше этихъ отмѣтокъ Степановъ себѣ никогда не ставилъ. Родители, ничего не подозрѣвая, подписывались, въ свою очередь, въ этомъ дневникѣ и считали, что дѣло шло, какъ слѣдуетъ. Но недолго имъ пришлось быть въ пріятномъ заблужденіи: отецъ нашего героя былъ вызванъ повѣсткой въ гимназію, и дѣло разъяснилось. Степановъ былъ наказанъ и дома, и въ гимназіи. Первое время послѣ этой исторіи Степановъ присмирѣлъ и нѣсколько дней велъ себя безукоризненно, а затѣмъ постепенно опять вошелъ въ свою роль. Это былъ типъ уличнаго мальчика, нравственно распущеннаго; заинтере-

совать его занятіями, втянуть въ работу не было никакой возможности; мысли всѣ его были отрывочны, между ними не было прочной ассоціаціи; чувства были мелки, поверхностны: смѣхъ и слезы быстро смѣнялись, и даже иногда были одновременно; заставить себя приняться за работу онъ былъ не въ состояніи, такъ какъ собою онъ совсѣмъ не могъ управлять и жилъ только мимолетными ощущеніями, которыхъ, если можно такъ выразиться, совершенно не переваривалъ, не ассоціировалъ съ другими ощущеніями, не сравнивалъ, не приводилъ въ порядокъ. Въ немъ была какая-то боязнь мысли, боязнь внутренней работы и полное безсиліе владѣть своими чувствами. Школа съ такими дѣтьми ничего не въ состояніи сдѣлать, въ особенности, если нѣтъ серьезной помощи въ семьѣ. Не будемъ дальше слѣдить за развитіемъ Степанова, скажемъ только кратко о его дальнѣйшей судьбѣ. Степановъ пробылъ въ гимназіи еще два года. Его приводили въ гимназію, и затѣмъ по окончаніи уроковъ отводили домой, чтобы не дать ему возможности шалить на улицѣ. Дома съ нимъ каждый день занимался репетиторъ. За каждый проступокъ мальчика строго наказывали. Но дѣло все-таки не пошло. Степановъ былъ похожъ на лампу безъ масла, которую сколько ни зажигай, она все-таки будетъ гаснуть, потому что въ ней нечему горѣть. Изъ второго класса директоръ предложилъ родителямъ взять мальчика изъ гимназіи.

Но не все шалуны и лѣнтяи въ третьей группѣ; среди неуспѣвающихъ встрѣчаются также и старательные ученики, за которыми дома слѣдятъ, у которыхъ дома и гувернантки, и репетиторы—и тѣмъ не менѣе они идутъ въ хвостѣ класса, остаются по два года въ одномъ классѣ и въ большинствѣ случаевъ не кончаютъ гимназическаго курса. Вотъ два ученика перваго класса—Александровъ и Барановъ; они большіе пріятели между собой: рядомъ въ классѣ сидятъ, вмѣстѣ въ перемѣны ходятъ, и даже преподаватели въ большинствѣ случаевъ ихъ обоихъ одновременно вызываютъ. Товарищи прозвали ихъ Сіамскими близнецами. Александровъ—хилый мальчикъ, съ узкой, рахитической грудью; Барановъ нѣсколько полнѣе, но полнота эта какая-то нездоровая, причемъ голова ужъ очень большая сравнительно съ туловищемъ. Сидятъ они въ классѣ спокойно, повидимому, внимательно слушаютъ, но стоитъ учителю спросить ихъ о предметѣ, разбираемомъ въ классѣ, стоитъ задать имъ два—три вопроса, чтобы убѣдиться, что они ничего не понимаютъ. Дома они постоянно носятся съ учебниками; къ ихъ услугамъ родители, гувернантки, репетиторы, которые растолковываютъ имъ каждое слово, которые вмѣстѣ съ

ними выучиваютъ уроки, но не смотря на все, изъ этой огромной работы ничего не выходитъ. То, что сейчасъ выучено, черезъ часъ забывается, память не можетъ удержать факты, мысль не въ состояніи уловить отношеніе между ними; напрасно напрягаютъ силы, напрасно тратятъ время: гимназическій курсъ имъ не по силамъ. Но родителямъ трудно примириться съ мыслью, что дѣти ихъ останутся безъ средняго и высшаго образованія, останутся безъ диплома—этого волшебнаго фонаря, посредствомъ котораго освѣщается и расчищается жизненный путь. Сердце родительское не можетъ примириться съ фактами, въ глубинѣ его ютится надежда, что рано или поздно проснутся духовныя силы въ ихъ дѣтяхъ, преодолѣютъ они всѣ трудности, необходимыя для того, чтобы завоевать себѣ какое-нибудь положеніе въ свѣтѣ. Какая радость въ семьѣ, когда сынъ принесетъ удовлетворительную отмѣтку изъ гимназіи: надежда родителей окрыляется, заботы и попеченія о дѣтяхъ еще усиливаются. Но вотъ сынъ опять началъ приносить двойки, вотъ наступаютъ экзамены, и мальчикъ оставленъ въ томъ-же классѣ. Положеніе школы по отношенію къ такимъ дѣтямъ довольно неловкое и неправильное: школа сознаетъ, что пища, которую она предлагаетъ дѣтямъ, не соотвѣтствуетъ ихъ организму, что они не въ состояніи ее переварить, что для такихъ дѣтей нужны особыя условія для образованія, особые курсы, приноровленные для ихъ силъ, что положеніе дѣтей въ школѣ не только не полезно для нихъ, но даже вредно въ нравственномъ, умственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Но что-же могутъ предложить педагоги взамѣнъ гимназіи? Гдѣ такія заведенія, въ которыхъ-бы развитіе физическихъ и духовныхъ силъ ребенка стояло-бы на первомъ планѣ и не имѣло-бы никакого обязательнаго значенія выполненіе программъ? Причины неуспѣха ученика могутъ корениться въ физическихъ особенностяхъ организма его, но въ такихъ вопросахъ рѣчи педагогическаго персонала для родителей не убѣдительны: преподаватели могутъ ошибаться, не изслѣдовавъ природу ребенка научнымъ путемъ. Въ подобныхъ случаяхъ гораздо авторитетнѣе для родителей будетъ слово врача, который при каждомъ учебномъ заведеніи имѣется. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ положеніе врача въ учебномъ заведеніи крайне неопредѣленно. Подробнаго осмотра дѣтей врачъ, въ большинствѣ случаевъ, не производитъ и состоянія здоровья дѣтей не знаетъ; роль его въ открытыхъ заведеніяхъ ограничивается поданіемъ первой помощи при внезапномъ заболѣваніи дѣтей.

Такое положеніе врачей въ заведеніи едва-ли можно назвать правильнымъ. Причины неуспѣха нерѣдко бываютъ—тугость слуха у дѣ-

тей, близорукость,—причины, которыя, если нельзя совсѣмъ удалить, то въ значительной степени ослабить, принявъ мѣры при поступленіи ребенка въ заведеніе; причины неуспѣха бываютъ—малокровіе у дѣтей, дурное питаніе организма и другія острыя и хроническія болѣзни дѣтей. Весьма возможно, что неуспѣшность Александрова и Баранова обусловливается тоже тѣми или другими физическими особенностями ихъ организмовъ. Преподаватель можетъ только дѣлать предположенія на основаніи внѣшнихъ впечатлѣній о физическихъ причинахъ неуспѣшности воспитанника, можетъ только догадываться; врачъ-же, изслѣдовавъ природу ребенка, можетъ уже сказать болѣе опредѣленно: вліяетъ-ли та или другая особенность организма воспитанника на психическій процессъ его.

Не будемъ распространяться о необходимости болѣе живого, дѣятельнаго участія врача въ школьной жизни, такъ какъ этотъ вопросъ не входитъ прямо въ задачу нашей статьи; удержимся также и отъ приведенія интересныхъ статистическихъ данныхъ германскихъ врачей, краснорѣчиво говорящихъ, что въ физическомъ воспитаніи дѣтей въ школахъ далеко не все обстоитъ благополучно и что остается много, много желать лучшаго.

Закончимъ наши «характеристики учениковъ» пожеланіемъ, чтобы врачи стали дѣйствительными членами учебно-воспитательнаго персонала, а не фиктивными, какъ они въ настоящее время, и чтобы школа въ своемъ полномъ составѣ шла дружно, рука-объ-руку, съ семьей.

Ѳ. Матвѣевъ.

О мѣрахъ къ поднятію уровня сочиненій абитуріентовъ.

(Окончаніе).

3. Saepe vertere stylum.

Вотъ мудрое правило древнихъ, которое учениками нашихъ гимназій не соблюдается, да при существующемъ порядкѣ выполненія и исправленія ученическихъ сочиненій и не можетъ соблюдаться. А этотъ порядокъ никакъ нельзя назвать нормальнымъ; причина-же анормальности его кроется, главнымъ образомъ, въ чрезмѣрномъ количествѣ выполняемыхъ въ теченіе года, по заказу педагогическаго совѣта, темъ. Какъ видно изъ печатныхъ отчетовъ, гимназіи стараются перещеголять другъ друга болѣе или менѣе солидной цыфрой написанныхъ въ году учениками сочиненій. Такъ, ученики 8-го класса одной изъ гимназій въ 1890—1891 г. подали 16 сочиненій—цыфра столь почтенная, что диву даешься: когда, какъ и какимъ образомъ и безъ того обремененные урочными занятіями въ выпускномъ классѣ ученики смогли одолѣть 16 темъ въ теченіе какихъ-нибудь 7-ми мѣсяцевъ? Во всякомъ случаѣ, не только при такомъ, но и вдвое меньшемъ обиліи темъ не можетъ быть ни достаточнаго побужденія, ни возможности для учениковъ строго и неуклонно слѣдовать при составленіи сочиненій основному правилу древнихъ, которому вполнѣ соотвѣтствуетъ и русская, не менѣе мудрая пословица: «семь разъ примѣрь, а одинъ разъ отрѣжь». Несомнѣнно, что въ данномъ примѣрѣ выполненія гимназіей 16 темъ ставятся въ счетъ не одни домашнія сочиненія, но и классныя; безспорно также, что если изъ 30 уроковъ въ году, полагая въ немъ 30 учебныхъ недѣль, половину первыхъ (15), согласно учебному плану, вмѣняющему въ обязанность въ 6, 7 и 8 классахъ въ часъ, еженедѣльно предназначенный для письменныхъ упражненій, чередованіе сочиненія съ переводомъ съ древняго языка, посвящать сочиненіямъ, то можно выполнить однѣхъ классныхъ темъ 15, что съ домашними сочиненіями,

полагая по одному въ мѣсяцъ (7 учебн. мѣсяцевъ), даетъ цыфру 22: можно, слѣдовательно, не 16, а цѣлыхъ 22 темы выполнить. Но эта цыфра, по нашему мнѣнію, говоритъ не о количествѣ темъ, могущихъ быть рѣшенными учениками въ теченіе учебнаго года, а о количествѣ работъ, долженствующихъ быть выполненными учащимися. Ибо несомнѣнно, что чѣмъ чаще ученики упражняются письменно, тѣмъ лучшіе результаты достигаются въ дѣлѣ письменнаго изложенія, или, точнѣе, сочинительства: gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo; sic homo doctus fit non vi, sed saepe discendo. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что чѣмъ больше рѣшено учениками темъ по русскому языку, тѣмъ лучше они научатся писать сочиненія. Не нужно забывать, что для классннаго сочиненія имѣется въ распоряженіи всего одинъ урокъ или, точнѣе, 55 минутъ; тема сочиненія—не математическая задача и не отрывокъ для перевода изъ древняго автора. Данную задачу, если она не заключаетъ въ себѣ ничего загадочнаго, равно и небольшой отрывокъ латинскаго или греческаго текста легче и вполнѣ возможно одолѣть въ теченіе одного урока. Иное дѣло сочиненіе: это—работа весьма сложная и, заключая въ себѣ три акта, требуетъ трехъ процессовъ, которые состоятъ, во-первыхъ, въ изобрѣтеніи мыслей, во-вторыхъ, въ распланировкѣ ихъ и, въ-третьихъ, въ развитіи и вмѣстѣ словесномъ ихъ выраженіи (тоже сложный процессъ). И если ученики на экзаменѣ зрѣлости въ продолженіе 5 часовъ едва успѣваютъ, сообразно своимъ силамъ и нравственному развитію, выполнить данную тему и переписать сочиненіе, а нѣкоторые даже не успѣваютъ перебѣлить его, то спрашивается, могутъ-ли они въ 55 минутъ (даже не битый и часъ), еще начиная съ 6 класса, все то продѣлать, для чего на экзаменѣ зрѣлости едва хватаетъ битыхъ 5 часовъ? Очевидно, для ученика (а можетъ, и учителя) это вещь невозможная, хотябы ученикъ и былъ освобожденъ отъ первыхъ двухъ процессовъ сочиненія сообщеніемъ со стороны учителя плана сочиненія, ибо и на это сообщеніе плана потребно время, долженствующее быть вычтеннымъ изъ времени одного урока, или 55 минутъ.

Здѣсь мы говоримъ, конечно, о сочиненіяхъ-разсужденіяхъ, выполняемыхъ учениками старшихъ классовъ, вполнѣ соглашаясь, что болѣе элементарные виды классныхъ сочиненій, каковы періодъ, повѣствованіе и изложеніе содержанія прочитаннаго, могутъ быть исполнены въ продолженіе одного урока. Но у насъ вошло въ обычай, даже въ обязательное правило требовать, чтобы ученикъ volens-nolens по прошествіи какихъ-нибудь 55 минутъ подалъ учителю законченное раз-

*

сужденіе на данную въ началѣ урока тему. Мы, опытные педагоги, сами тратящіе по обязанностямъ службы цѣлые часы на приготовленіе какой-нибудь программы или протокола—работу не головоломную, чуть не механическую, требуемъ безапелляціонно, чтобъ неопытный ученикъ въ одинъ, даже не битый часъ произвелъ на свѣтъ цѣльное, полное разсужденіе!

Если при такомъ порядкѣ и легко въ теченіе года разрубить до 16 гордіевыхъ узловъ, каковой представляетъ для ученика каждая тема-разсужденіе, то во всякомъ случаѣ такой порядокъ-безпорядокъ приводитъ ежегодно къ одному печальному знаменателю на экзаменѣ зрѣлости: абитуріенты наши, въ теченіе 5 часовъ корпя и пыхтя надъ сочиненіями, чуть не лопаются съ натуги, но создаютъ такія произведенія, которыя въ окружныхъ рецензентахъ ежегодно вызываютъ скрежетъ зубовный, а на учителя русскаго языка накликаютъ нахлобучку.

Надобно сказать правду, что погоня за количествомъ выполняемыхъ въ году темъ по русскому языку усилилась въ особенности съ 1890 года, когда были введены новые учебные планы; до этого времени ученики и не могли исполнять такого количества сочиненій въ году, какое практикуется теперь. Тогда особыхъ уроковъ для классныхъ сочиненій не было предназначено, и преподаватель при многочисленности уроковъ русскаго языка, но съ цѣлью провѣрить степень успѣховъ учениковъ въ сочинительствѣ, могъ едва одинъ урокъ въ концѣ четверти уэкономить безъ ущерба проходимому курсу для класснаго сочиненія. Для практики въ сочиненіяхъ полагались достаточными домашнія въ нихъ упражненія, къ которымъ классныя сочиненія примыкали, какъ контролирующія самостоятельность домашнихъ и влекущія за собою утвержденіе или пониженіе отмѣтки за домашнія сочиненія. Такой порядокъ имѣлъ свой смыслъ, но цѣли, конечно, не достигалъ: и самостоятельно писавшіе дома сочиненія, и подававшіе чужую работу одинаково не успѣвали въ часовой срокъ приготовить сколько-нибудь удовлетворительное сочиненіе, лишь за рѣдкими исключеніями, къ каковымъ принадлежатъ особенно талантливые воспитанники. Такимъ образомъ, въ оцѣнкѣ успѣховъ ученика въ авторствѣ приходилось поневолѣ основываться, главнымъ образомъ, на домашнихъ сочиненіяхъ, такъ какъ по скороспѣлымъ, въ теченіе урока скомканнымъ работамъ трудно и почти невозможно было отличить самостоятельно трудящагося дома надъ сочиненіями отъ подающаго чужія или списанныя работы.

Очевидно, Министерство Народнаго Просвѣщенія, замѣтивъ этотъ

важный пробѣлъ при составленіи новыхъ учебныхъ плановъ, весьма предусмотрительно указывая виды «практическихъ упражненій въ высшихъ классахъ» (37 — 38 стр.), внесло слѣдующій пунктъ (6): «Въ трехъ высшихъ классахъ *по одному уроку въ недѣлю въ каждомъ изъ нихъ* посвящается *исключительно* классными письменнымъ упражненіямъ, состоящимъ преимущественно въ переводахъ съ древнихъ языковъ на русскій и въ изложеніяхъ на темы, заимствованныя изъ читаемыхъ въ гимназіяхъ образцовыхъ произведеній классической и отечественной литературъ». Но можно-ли этотъ пунктъ понимать такъ, какъ поняли и практикуютъ его въ нашихъ гимназіяхъ, поставивъ правиломъ выполненіе въ счетъ уроковъ письменныхъ упражненій большаго противъ прежняго, даже удвоеннаго количества темъ? *) Если урокъ вообще не долженъ состоять въ одномъ спрашиваніи учениковъ, какъ это разъяснилъ истинно благодѣтельный для учащихся недавній циркуляръ о необремененіи ихъ домашними занятіями, то и въ частности урокъ письменныхъ упражненій ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть исключительнымъ экзаменомъ учениковъ въ сочинительствѣ. Но если устный урокъ, болѣе доступный для самостоятельнаго приготовленія его на дому ученикомъ, по упомянутому циркуляру, требуетъ предварительнаго классная разъясненія его учителемъ, то тѣмъ болѣе урокъ письменныхъ упражненій, не какъ простого письменнаго выраженія пройденныхъ устныхъ уроковъ (таковы повѣствованіе, изложеніе), но какъ самостоятельнаго воспроизведенія устныхъ уроковъ — собственно сочиненій, долженъ проходить подъ непосредственнымъ руководствомъ, а не полицейскимъ только надзоромъ учителя. Однимъ словомъ, урокъ письменныхъ упражненій, какъ и всякій урокъ, долженъ имѣть не сурово-дидаскальскій, а строго-дидактическій характеръ. Притомъ урокъ устный провѣряется только во время урока и, слѣдовательно, не исключительно дидактическій; письменныя-же упражненія на урокѣ исправляются внѣ урока: слѣдовательно, письменный урокъ исключительно дидактическій. Иначе сказать, долгъ учителя на урокѣ письменныхъ упражненій не только учить учениковъ saepe vertere stylum, или искусству сочинять, но и самому saepe vertere stylum учениковъ, съ цѣлью выработать ихъ собственный стиль, подобно тому, какъ старинные учителя чистописанія, не зная и не имѣя нужды знать смѣнившаго позже ихъ прекрасную методу огульнаго тактоваго письма по командѣ, безъ вниманія къ физіологическимъ осо-

*) Кстати, въ учебныхъ планахъ нигдѣ не упоминается ни о количествѣ темъ, ни тѣмъ болѣе объ увеличеніи этого количества: исчисляются лишь виды письменныхъ упражненій по русскому языку.

бенностямъ отдѣльныхъ учениковъ, умѣли вырабатывать въ своихъ ученикахъ правильный и красивый почеркъ, зорко слѣдя за письмомъ каждаго ученика и при этомъ то водя рукою одного, неумѣющаго держать перо, то исправляя каракули другого, то заставляя третьяго водить перомъ по написанному самимъ учителемъ карандашомъ, и тому подобное. Такъ точно и при обученіи сочинительству, требуя на урокѣ одновременнаго выполненія данной темы—значитъ держаться губительной манеры тактоваго письма, подгонять учащихся подъ одну мѣрку и оставлять безъ вниманія, что въ классѣ столько-же умовъ, сколько головъ. Не лучше-ли и не плодотворнѣе-ли и при веденіи письменныхъ упражненій примѣнить забытую методу, дидактическіе пріемы обученія каллиграфіи старинныхъ педагоговъ? Правда, у нихъ одинъ вырабатывалъ почеркъ раньше, другой—гораздо позже; одинъ писалъ быстро, другой медленно, въ чемъ, конечно, не вина ихъ, а двойная заслуга: они знали, что это происходитъ не отъ методы, а отъ натуры и различія мускульной силы и ловкости ученическихъ рукъ, но они имѣли право гордиться тѣмъ, что у нихъ каждый писалъ если не каллиграфически, то чистымъ и правильнымъ почеркомъ. Такъ точно и въ вопросѣ выработки ученическаго стиля нужно прежде всего признать тотъ фактъ, что каждый ученикъ отличается отъ другихъ учениковъ не только физіологическими особенностями, но и ему одному свойственнымъ характеромъ и степенью умственныхъ, интеллектуальныхъ и творческихъ способностей. Одинъ мыслитъ и соображаетъ быстро и дѣловито, но его мысль съ трудомъ облекается въ соотвѣтствующую фразу; другой легко справляется съ выраженіемъ, но мыслью скользитъ по поверхности предмета или уклоняется отъ него въ сторону; третій и соображаетъ съ потугами, и не обладаетъ даромъ слова, и тому подобное. Поэтому на урокѣ письменнаго упражненія необходимо каждому ученику дать полную свободу, не стѣсняя его требованіемъ и обязательствомъ выполнить въ одинъ урокъ данную тему: достаточно, если ученикъ, не разбрасываясь и не боясь неоканчанія сочиненія, напишетъ въ теченіе урока одинъ планъ, а если послѣдній данъ, то только часть сочиненія, откладывая продолженіе или окончаніе сочиненія до слѣдующаго урока: достоинство работы, исполненной въ продолженіе 55 минутъ, не въ объемѣ ея, а во внутреннемъ ея качествѣ. И если она съ этой точки зрѣнія будетъ оцѣниваться безъ отношенія къ тому, какая часть темы выполнена, то и ученики отвыкнутъ отъ торопливости, поверхностности и небрежности при написаніи сочиненія. А это отразится плодотворно и на домашнихъ сочиненіяхъ ихъ: пріобрѣтя на урокахъ письменныхъ упражне-

ній навыкъ въ постепенной, осмотрительной и тщательной работѣ надъ сочиненіями, они и дома не будутъ ни откладывать сочиненій до конца срока, ни писать ихъ съ размаху, за одинъ присѣстъ или много за два пріема; пунктуальность и сосредоточенность, выработанныя въ классѣ, непремѣнно скажутся и въ домашнихъ работахъ.

Переходя теперь къ способу исправленія ученическихъ сочиненій, обыкновенно практикуемому, мы тоже находимъ, что этотъ способъ не выдерживаетъ критики. Онъ состоитъ или въ дѣйствительномъ исправленіи рукой учителя всѣхъ промаховъ, грамматическихъ, стилистическихъ и логическихъ, или въ простомъ ихъ подчеркиваніи. Въ первомъ случаѣ ученику вмѣняется въ обязанность просмотрѣть ошибки и неудачныя выраженія, запомнить ихъ и въ слѣдующихъ работахъ избѣгать ихъ. Во второмъ случаѣ учитель имѣетъ въ виду заняться на урокѣ разборомъ сочиненій, призывая къ участію въ немъ не только авторовъ разбираемыхъ сочиненій, но и цѣлый классъ. Но оба эти вида исправленія сочиненій хотя и приносятъ пользу, но лишь частную— для нѣкоторыхъ учениковъ. При первомъ видѣ исправленія большинство учащихся, за исключеніемъ усердныхъ изъ нихъ, интересуется главнымъ образомъ полученною отмѣткой, мало или вовсе не обращая вниманія на поправки учителя, въ случаѣ-же неудовлетворительной отмѣтки, надѣясь на будущей темѣ не ударить въ грязь лицомъ и получить лучшую отмѣтку. При второмъ видѣ исправленія и соединенномъ съ нимъ устномъ разборѣ сочиненія на урокѣ цѣль еще менѣе достигается: лишь авторъ разбираемаго сочиненія волей или неволей внимательно относится къ замѣчаніямъ и поправкамъ учителя; остальные ученики, мало заинтересованные чужими промахами въ сочиненіи, относятся или безучастно къ объясненіямъ учителя, или, наскуча слышать часто уже имъ извѣстное, или лично ихъ не касающееся, предпочитаютъ предаватся или собственному теченію мыслей, или зѣвать. Не говоримъ уже о томъ, что въ этомъ случаѣ не могутъ быть разобраны всѣ сочиненія на урокахъ, и большая ихъ часть выдаются на руки ученикамъ съ голымъ подчеркиваніемъ ошибокъ, а ученики, посмотрѣвъ полученную отмѣтку, этимъ и ограничиваются.

По нашему мнѣнію, добытому горькимъ опытомъ, самый цѣлесообразный и плодотворнѣйшій способъ исправленія ученическихъ сочиненій долженъ состоять не въ чемъ другомъ, какъ въ характеристикѣ на поляхъ тетради оказавшихся въ сочиненіяхъ ошибокъ во всѣхъ отношеніяхъ,—грамматическомъ, стилистическомъ и логическомъ. Напримѣръ: 1) въ отношеніи грамматическомъ: нарушеніе управленія, ошибка въ согласованіи, неправильное соподчиненіе (сокращеннаго

съ полнымъ предложеніемъ), недостаетъ дополненія, или обстоятельства, или сказуемаго, ошибка въ склоненіи, спряженіи, видѣ, времени, неправильное раздѣленіе слова на слоги при переносѣ изъ одной строки въ другую, ошибка въ знакѣ, см. § по Гроту и тому под. 2) Въ отношеніи стилистическомъ: неясно, неточно, двусмысліе, тавтологія, неблагозвучіе, повтореніе, однообразіе выраженія, тривіально, архаизмъ, провинціализмъ, многословіе, неполнота выраженія, ослабленіе рѣчи, несоотвѣтствіе выраженія данной мысли, плеоназмъ, многосоюзіе, тавтологическій параллелизмъ, общее мѣсто, и такъ далѣе. 3) Въ отношеніи логическомъ: противорѣчіе, съуженіе, расширеніе понятія, нарушеніе логической связи, отсутствіе перехода отъ одной части къ другой, не вытекаетъ изъ предыдущаго, внѣ темы, не относится къ предмету разсужденія, пропускъ посредствующей мысли, ложная мысль, предыдущее вмѣсто послѣдующаго, эпизодическая мысль (или клинъ — безъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ), ложный выводъ, логическая несообразность, и тому подобные логическіе промахи. Если-же тема сочиненія содержанія историческаго, то и промахи историческіе должны быть охарактеризованы по тому-же типу, напримѣръ: ошибка въ хронологіи, поразительное незнаніе общеизвѣстнаго факта, историческая невѣрность, смѣшеніе лицъ, эпохъ, анахронизмъ, недостатокъ исторической справки, недостаетъ примѣра, несоотвѣтствующій примѣръ, и многое тому подобное.

На слѣдующемъ урокѣ письменныхъ упражненій ученики, получивъ исправленную такимъ способомъ работу, приступаютъ не къ новой работѣ, въ видѣ ея продолженія, и тѣмъ паче не къ новой темѣ, а къ переработкѣ предыдущей работы согласно примѣчаніямъ учителя, притомъ подъ его непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ. Въ случаяхъ затрудненія въ выраженіи, непониманія характеристики ошибки, незнанія факта, логическаго недомыслія они по очереди заявляютъ о своихъ недоразумѣніяхъ учителю, который и даетъ имъ соотвѣтственныя объясненія или помогаетъ путемъ намека, наведенія, сравненія, а при полномъ невѣдѣніи ученика и прямымъ подсказываніемъ, какъ именно выйти изъ затрудненія. Вотъ тутъ-то учитель отечественнаго языка и является, подобно стариннымъ учителямъ чистописанія, такъ сказать, пѣстуномъ пера, направляющимъ и укрѣпляющимъ ихъ нетвердую руку, вдохновителемъ ихъ мысли, витіею ихъ слова, — однимъ словомъ, своего рода Аполлономъ, требующимъ ихъ къ священной жертвѣ. Этотъ-же способъ исправленія сочиненій долженъ примѣняться и къ домашнимъ работамъ, которыя на дому исправляются по уже извѣстнымъ ученикамъ изъ практики классныхъ упражненій

пріемамъ и вновь подаются учителю въ исправленной редакціи. При этомъ неудачно выполненный планъ домашняго сочиненія можетъ быть, если понадобится, переработанъ на урокѣ письменныхъ упражненій, и затѣмъ ученики передѣлываютъ сочиненіе по этому утвержденному учителемъ плану. Само собою разумѣется, что тѣ изъ учениковъ (конечно, лучшихъ), которыхъ первоначальная работа вполнѣ удовлетворительна и не требуетъ исправленія, на слѣдующемъ урокѣ не остаются праздными, а продолжаютъ или оканчиваютъ развитіе и выполненіе начатой темы.

Никакой мастеръ, будетъ-ли то сапожникъ, портной или слесарь, не дастъ своему ученику въ руки новаго матеріала и не допуститъ его къ новой подѣлкѣ, прежде чѣмъ онъ не научится какъ слѣдуетъ чинить старое, а затѣмъ не пріучится по частямъ выполнять новыя вещи, иначе сказать—пока онъ не станетъ подмастерьемъ. Такъ-же точно не можетъ быть допускаемъ и переходъ ученика отъ начатой имъ разработки данной темы къ новой, прежде чѣмъ онъ путемъ исправленія подъ руководствомъ учителя не доведетъ начатой темы до конца, т.-е. до степени, по крайней мѣрѣ, относительной удовлетворительности. Пусть онъ изучитъ и переживетъ всѣ стадіи творчества мысли и созиданія слова на одной и той-же темѣ, постепенно, но настойчиво переходя отъ хаоса мыслей и неустроеннаго слова къ сочиненію, построенному по всѣмъ правиламъ логической и стилистической архитектоники. И если ученикъ, которому плохо дается процессъ выработки на данную тему болѣе или менѣе сноснаго сочиненія, посвятилъ одной и той-же темѣ не мѣсяцъ, а цѣлое полугодіе, тѣмъ менѣе онъ можетъ быть допущенъ къ сочиненію на новую тему. Дѣло, какъ и выше говорено, не въ количествѣ темъ, выполненныхъ ученикомъ, а въ количествѣ дидактическихъ работъ, еженедѣльно исполняемыхъ. Притомъ, если отнять у ученика право переходить къ новой темѣ, не доведя прежней до конца, или до степени удовлетворительности, то чувство соревнованія предъ товарищами побудитъ его приложить все стараніе къ тому, чтобы искусъ его на одной темѣ не тянулся безъ конца и отсталость отъ товарищей какъ можно скорѣе стала для него укоромъ не въ настоящемъ, а пережитымъ преданіемъ.

Только при такомъ способѣ веденія письменныхъ упражненій учениковъ въ сочиненіяхъ они научатся и пріобрѣтутъ не только привычку, но и потребность при своихъ сочиненіяхъ saepe vertere stylum, а вмѣстѣ съ ними и умѣнье писать на экзаменѣ зрѣлости сочиненія, свидѣтельствующія о зрѣлости мысли и навыкѣ въ литературномъ ихъ изложеніи и удовлетворяющія требованіямъ университетскаго образованія.

4. Козелъ отпущенія.

Вотъ уже идетъ 22-й годъ, какъ дѣйствуетъ Высочайше утвержденный въ 1871 году уставъ классическихъ гимназій; но начавшіяся еще съ первыхъ годовъ жизнедѣятельности этихъ гимназій сѣтованія и жалобы на малограмотность и авторскую несостоятельность не только гимназистовъ и абитуріентовъ, но и студентовъ университета не перестаютъ раздаваться. Какъ мы уже въ началѣ статьи упоминали, это печальное явленіе происходило до 1890 года вслѣдствіе второстепеннаго и сиротливаго положенія русскаго языка въ ряду прочихъ предметовъ гимназическаго курса: такъ, по правиламъ объ испытаніяхъ, утвержденнымъ въ 1872 году, и примѣрной таблицѣ средняго вывода изъ четвертныхъ отмѣтокъ, выработаннымъ Московскимъ учебнымъ округомъ и утвержденнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ 1874 году, ученикамъ гимназій предоставлялось право перехода изъ первыхъ двухъ классовъ въ слѣдующіе съ отмѣткой $2^1/_4$ по русскому языку, а изъ 3-го и 4-го класса съ отмѣткой $2^1/_2$, изъ старшихъ-же классовъ съ $2^3/_4$, отмѣтка-же 2 давала право на переходъ въ слѣдующій классъ лишь подъ условіемъ выдержанія испытанія послѣ каникулъ. Если послѣднее условіе, побуждая ученика заняться отечественнымъ языкомъ на каникулахъ, въ извѣстной мѣрѣ не допускало перевода учениковъ въ высшіе классы безъ достаточныхъ знаній въ этомъ предметѣ, то гораздо болѣе частые случаи первыхъ условій перевода учениковъ безъ экзамена съ невполнѣ удовлетворительной годовой отмѣткой по родному языку прямо-таки служили разсадникомъ малограмотности и бѣдности мыслей и языка въ сочиненіяхъ гимназистовъ. Еще большему укорененію этого зла способствовалъ наплывъ въ наши гимназіи коверкавшихъ на всѣ лады родную рѣчь гимназистовъ. Не менѣе 50% преподавательскаго состава во многихъ гимназіяхъ, просвѣщая русское юношество въ древнихъ и новыхъ языкахъ, захватило въ свои руки легальное право проводить русскихъ дѣтей сквозь убійственный строй уродованія и калѣченія ими русскаго разговорнаго и литературнаго языка. И въ настоящее время наши гимназисты еще не вполнѣ освободились отъ ферулы этихъ пришлыхъ педагоговъ: еще французики изъ Бордо и нѣмчики изъ остзейцевъ, невозбранно продолжающіе вступать въ ряды русскихъ педагоговъ, по прежнему потѣшаютъ нашихъ гимназистовъ на урокахъ своими, введенными съ 1890 года въ старшихъ классахъ, переводами съ французскаго и нѣмецкаго на яко-бы русскій и во всякомъ случаѣ не отечественный языкъ, а каждымъ по своему состряпанный изъ русскихъ

словъ жаргонъ. Въ особенности французики изъ Бордо ходко идутъ на педагогическомъ поприщѣ русскихъ гимназій: провинціальные гимназисты не успѣютъ насладиться ихъ лицезрѣніемъ и вдоволь натѣшиться ихъ лицедѣйствомъ, какъ они пробираются не то въ губернскій, даже въ университетскій городъ, оставляя по себѣ живую и веселую память пущенныхъ ими въ ходъ между бывшими воспитанниками анекдотическихъ фразъ и выраженій. По совѣсти говоря, могъ-ли учитель русскаго языка, не встрѣчая притомъ содѣйствія своему дѣлу даже въ небольшомъ кружкѣ соотечественниковъ-педагоговъ, занятыхъ лишь сообщеніемъ знаній ученикамъ по своему предмету, въ отношеніи-же ихъ грамотности и склада рѣчи державшихся принципа: «моя хата съ краю»,—могъ-ли онъ пробить хотя малѣйшую брешь сквозь толстую стѣну, воздвигаемую вопреки его стремленію утвердить учениковъ въ грамотности и литературномъ складѣ рѣчи презрительнымъ отношеніемъ къ русскому языку иноплеменныхъ педагоговъ и равнодушіемъ къ нему со стороны русскихъ собратовъ по оружію? Нѣтъ, плетью обуха не перешибешь, и единоличный трудъ учителя русскаго языка оставался-бы только Сизифовою работой.

Но рокъ судилъ обрушить на того-же учителя русскаго языка и исключительную отвѣтственность за то зло, котораго онъ ни создать, ни отвратить не могъ,—отвратить по только-что упомянутой причинѣ, создать-же потому, что ни одинъ въ мірѣ учитель отечественной рѣчи по самому существу преподаваемаго имъ предмета не можетъ оставаться равнодушнымъ къ грамматическимъ и стилистическимъ ошибкамъ своихъ учениковъ, тѣмъ болѣе ихъ поощрять, если только онъ велъ (а онъ не могъ не вести) письменныя упражненія своихъ учениковъ, а не ограничивался изученіемъ правилъ и теоріи своего предмета. И оффиціальныя кары, и неоффиціальныя обвиненія, и указыванія пальцемъ со стороны товарищей-педагоговъ не только до, но и послѣ 1890 года дождемъ сыпались и сыплются на голову единственно учителя русскаго языка, заставляя его подставлять свою спину за вину общую, такъ что одинъ педагогъ, созидающій то, что всѣ прочіе разрушаютъ, роковымъ образомъ является козлищемъ отпущенія за зло, причиняемое цѣлой корпораціей *).

Откуда-же установился такой превратный взглядъ и чрезмѣрныя требованія отъ учителя русскаго языка и словесности? Во-первыхъ, отъ самой терминологіи, приданной педагогу, призванному обучать

*) Послѣдніе два-три года, слѣдуетъ замѣтить, учитель русскаго языка не былъ лишенъ содѣйствія себѣ со стороны преподавателей древнихъ языковъ, какъ и они его помощи въ общемъ дѣлѣ веденія письменныхъ переводовъ.

учениковъ законамъ и правиламъ родной рѣчи; во-вторыхъ, отъ пересадки на русскую почву нѣмецкаго строя классическихъ учебныхъ заведеній во многихъ случаяхъ безъ вниманія и установленія исторической преемственной связи съ прежними типами русскихъ учебныхъ заведеній классическаго типа. Терминъ учителя русскаго языка и словесности—терминъ слишкомъ широкій для преподавателя отечественной рѣчи, можно сказать—всеобъемлющій, энциклопедическій, обнимающій собою не только спеціальность этого учителя, но и спеціальности всѣхъ прочихъ преподавателей русскаго учебнаго заведенія. Каждый учитель русской школы, какого-бы она типа ни была и какой-бы предметъ онъ ни читалъ, есть въ то-же время учитель русскаго языка и словесности. Читаетъ-ли онъ древніе языки, или исторію, или математику, онъ можетъ не иначе вести свой предметъ какъ на родномъ языкѣ, по общимъ для всѣхъ правиламъ и законамъ русской рѣчи и родного словосочиненія; какъ его устная рѣчь въ области его спеціальности, такъ и учебники и руководства подчиняются всеобщимъ законамъ построенія родного слова и представляютъ собой или какой-нибудь видъ, или подраздѣленіе общаго понятія «русская словесность», или, въ области языковъ, особый видъ не оригинальной, а переводной словесности. Долгъ каждаго преподавателя стремиться къ тому, чтобы его предметъ излагался ученикамъ не только устно, но, если нужно, и письменно, правильной и не противорѣчащей законамъ русскаго слова рѣчью. Между тѣмъ, у насъ вошло въ обычай, чуть не правило—предъявлять эти требованія только къ учителю русскаго языка. Прочіе-же преподаватели восхитили себѣ право сообщать ученикамъ лишь свѣдѣнія по своему предмету, безъ особаго вниманія къ словесной формѣ, въ которой излагаются ученикамъ эти свѣдѣнія, и безъ обязательства требовать отъ учениковъ изложенія пріобрѣтенныхъ знаній какъ устно, такъ и письменно по законамъ и правиламъ того-же русскаго языка и словесности.

Учитель-же русскаго языка и словесности, будучи по стольку-же преподавателемъ этихъ предметовъ (даже логики) въ ихъ практическомъ употребленіи, по скольку и учители всѣхъ прочихъ предметовъ гимназическаго курса, самъ по себѣ, вь отдѣльности, какъ спеціалистъ, есть преподаватель только русской грамматики, теоріи словесности (и теоріи логики, если онъ ее читаетъ) и исторіи словесности. Поэтому его личная отвѣтственность и должна ограничиваться лишь кругомъ его вѣдѣнія, какъ и учителя исторіи, математики и прочихъ спеціалистовъ. Если ученики, при устномъ и письменномъ выраженіи своихъ мыслей, обнаруживаютъ незнаніе правилъ русской

грамматики и стилистики, формъ сочиненія, видовъ словесныхъ произведеній и главныхъ фактовъ исторіи словесности—это его личная вина, ни съ кѣмъ не раздѣлимая. Въ практическомъ-же примѣненіи учениками этихъ теоретическихъ знаній родного языка и словесности, лежащихъ, главнымъ образомъ, на обязанности учителя отечественнаго языка, будетъ-ли это примѣненіе устное или письменное, этотъ учитель отвѣтственъ не единолично, но наравнѣ со всѣмъ преподавательскимъ персоналомъ того-же учебнаго заведенія; а если онъ въ своей области ревностно исполняетъ свои обязанности, не встрѣчая ни въ комъ содѣйствія себѣ или пользуясь имъ лишь отчасти (въ лицѣ только учителей древнихъ языковъ, какъ это имѣетъ мѣсто съ 1890 г.), то и вовсе не отвѣтственъ, такъ какъ его каторжный трудъ представляетъ ту-же Сизифову работу. Если, по выраженію Посошкова, онъ одинъ въ гору тянетъ, всѣ-же остальные или большинство тащутъ подъ гору, то какой можетъ быть успѣхъ отъ самой напряженной его дѣятельности? Безсиліе учителя русскаго языка въ особенности сказывается въ случаяхъ малограмотности большей или меньшей части его учениковъ: рѣдкій ученикъ, допустившій въ своемъ сочиненіи грубыя ошибки, не въ состояніи не только исправить, но и объяснить ихъ, иначе сказать, онъ имѣетъ свѣдѣнія въ русской грамматикѣ, но тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ свою малограмотность. Неужели и это можетъ быть поставлено въ вину одному учителю русскаго языка? Чѣмъ виноватъ краснорѣчивый проповѣдникъ, вызвавшій слезы умиленія въ своихъ слушателяхъ, если они по выходѣ изъ храма, соблазнившись заманчивыми вывѣсками кабаковъ и трактировъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу по пути домой, забываютъ слова его назиданія и, не дошедши до дома, завернутъ въ эти вертепы?

И такого ошибочнаго взгляда на призваніе и роль учителя русскаго языка,—взгляда, который сложился вмѣстѣ съ учрежденіемъ классическихъ гимназій по уставу 1871 г. и, къ сожалѣнію, доселѣ господствуетъ, весьма неблагопріятно отзываясь на учебномъ и образовательномъ строѣ этихъ заведеній, не только въ предшествующей 1871 году средней школѣ съ классическимъ характеромъ не существовало, но и въ гораздо болѣе раннюю эпоху, еще въ стародавнія времена господства схоластической науки и образованія на Руси.

Еще въ Кіевской коллегіи, преобразованной Петромъ Могилой изъ братской школы въ 1633 году, между прочими предметами преподавались грамматика, реторика и піитика, но учители этихъ предметовъ не могли называться учителями русскаго языка и словесности уже по одному тому, что преподавательскимъ языкомъ большей части наукъ

былъ тогда латинскій языкъ, господствовавшій и послѣ того въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ вплоть до 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда въ семинаріяхъ и академіяхъ латинскій языкъ, на которомъ излагались науки, смѣнился отечественнымъ языкомъ. Но и въ это сравнительно недавнее время, до самаго преобразованія духовныхъ семинарій по нынѣшнему ихъ типу, какъ въ нихъ, гдѣ преподавалась словесность, такъ и въ духовныхъ училищахъ, гдѣ проходилась русская грамматика, терминъ учителя русскаго языка и словесности въ неоффиціальной рѣчи не употреблялся. Въ духовныхъ училищахъ преподававшій русскій языкъ назывался по-прежнему учителемъ русской грамматики, а въ семинаріяхъ обучавшій словесности именовался по-старому профессоромъ реторики, какъ и тотъ классъ, гдѣ онъ ее преподавалъ, оффиціально именуемый низшимъ отдѣленіемъ, сохранилъ въ устной рѣчи прежнее названіе реторики.

Какъ-бы то ни было, но въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ стараго типа дѣло обученія русскому языку и словесности шло гораздо проще, безхитростнѣе, но правильнѣе, чѣмъ въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ. Учитель русской грамматики, сообщая ученикамъ правила грамматики и обучая ихъ грамматическому разбору, при веденіи практическихъ упражненій не зналъ и не имѣлъ нужды прибѣгать ни къ какимъ азбукамъ правописанія или сборникамъ малосмысленныхъ или нарочно досужими педагогами измышленныхъ фразъ для диктанта, по клѣточкамъ пріуроченныхъ въ чрезмѣрномъ излишествѣ къ каждому грамматическому правилу. Научивъ учениковъ не только устно, но и письменно склоненіямъ и спряженіямъ, онъ прямо переходилъ къ подручной книгѣ или хрестоматіи, изъ которой статарно и курсорно диктовалъ ученикамъ не стряпню самозванныхъ сочинителей фразъ и пустопорожнихъ статей, но отрывки изъ образцовыхъ авторовъ. Насиловать-же учениковъ до 15-лѣтняго возраста рановременными потугами сочинительства въ духовныхъ училищахъ и въ умъ не приходило: никакихъ изложеній, описаній и повѣствованій, кромѣ обыкновеннаго диктанта, ученикамъ ни на урокахъ, ни тѣмъ паче на домъ не давалось. Но за-то по древнимъ языкамъ очень часто практиковались письменные переводы на русскій языкъ, тщательно исправлявшіеся и въ грамматическомъ, и въ стилистическомъ отношеніяхъ. Въ нашихъ-же гимназіяхъ, наоборотъ, прибѣгаютъ къ этимъ переводамъ въ старшихъ классахъ, когда чутье родной рѣчи уже выкурено въ низшихъ классахъ варварами-педагогами. Ученики, признававшіеся слишкомъ юными, чтобы насиловать ихъ самостоятельнымъ натуженіемъ несложившейся мысли, учить до поступ-

ленія въ семинарію умѣнью воспроизводить въ духѣ русскаго языка чужія, но зрѣлыя мысли древнихъ авторовъ, встрѣчая въ своихъ педагогахъ, родныхъ по языку и духу, блюстителей чистоты и ненарушимости отечественнаго языка. Поэтому и въ устной рѣчи, дома и на урокахъ, ученики съ низшаго до высшаго класса не отчуждались отъ стихіи чистаго и правильнаго родного языка, на которомъ только и говорили и писали всѣ педагоги безъ изъятія: ни одной искалѣченной фразы или формы они не слышали изъ устъ педагога. И это, такъ сказать, дышаніе въ исключительной атмосферѣ чистаго, безупречнаго и родного языка продолжалось вплоть до окончанія семинарскаго курса. Въ семинаріяхъ даже новые языки преподавались тѣми-же русскими педагогами академическаго образованія, и приглашать для этого несвѣдущихъ въ русской грамотѣ и рѣчи французовъ и нѣмцевъ никому изъ духовнаго начальства и въ мысли не приходило. Прежде чѣмъ перейти къ преподаванію словесности въ семинаріяхъ, мы еще разъ обратимся къ духовнымъ училищамъ. Въ нихъ и чистописаніе преподавалось не кѣмъ другимъ, какъ учителемъ русской грамматики, слѣдовательно, блюстителемъ грамотности учениковъ и на урокахъ чистописанія. Въ гимназіяхъ-же, по примѣру отживающихъ уѣздныхъ училищъ, чистописаніе по непонятной причинѣ ввѣрено свободнымъ художникамъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, отличаясь художническими вольностями въ области грамотности, прививаютъ ихъ наравнѣ съ варварами-педагогами и своимъ ученикамъ.

Только съ переходомъ въ духовную семинарію ученики духовно-учебныхъ заведеній, приступая къ изученію реторики (теоріи словесности; исторія словесности не проходилась), вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи не моложе 15 лѣтъ, начинали первые опыты и въ сочинительствѣ. На обязанности профессора словесности лежало, и только въ теченіе двухъ лѣтъ, практически ознакомить и по возможности научить своихъ учениковъ главнымъ формамъ сочиненія: періоду, описанію, повѣствованію и хріи (прямой и превращенной). Однако, и въ классѣ реторики онъ не былъ единственнымъ учителемъ сочиненій: большинство и другихъ профессоровъ одинъ разъ въ полугодіе требовало отъ учениковъ подачи сочиненія, на которомъ, главнымъ образомъ, основывалась оцѣнка успѣховъ учениковъ и составленіе разрядныхъ списковъ. При такомъ порядкѣ упражненія учениковъ въ сочиненіяхъ роль и отвѣтственность учителя словесности получала совершенно иной характеръ, чѣмъ въ нашихъ гимназіяхъ. Будучи лишь однимъ изъ сѣятелей письменнаго слова учениковъ, онъ ни награды себѣ за успѣхъ не могъ требовать, ни за неуспѣхъ не являлся един-

ственнымъ отвѣтчикомъ. Притомъ личное неуспѣшное или неумѣлое веденіе имъ сочинительства учениковъ въ большей или меньшей степени парализовалось коллективнымъ соучастіемъ въ разборѣ и исправленіи сочиненій большинства его сотоварищей по классу. А разнообразіе рецензій, способовъ разбора и исправленія сочиненій, притомъ соотвѣтственными спеціалистами, а не энциклопедистомъ, какимъ является въ области сочиненій гимназическій учитель словесности, несомнѣнно пополняло пробѣлы и нерадѣніе одного - двухъ учителей умѣлымъ и талантливымъ веденіемъ дѣла прочими рецензентами ученическихъ сочиненій. Притомъ упражненіе въ сочиненіяхъ не ограничивалось реторическимъ классомъ, но проходило чрезъ весь семинарскій курсъ, принимая въ высшемъ богословскомъ классѣ новую спеціальную для будущаго пастыря форму проповѣди (поученія и слова). И обязательство подать одно сочиненіе въ полугодіе почти каждому изъ профессоровъ обязательныхъ предметовъ сохраняло свою силу въ продолженіи всего семинарскаго курса. Эта прекрасная, кажется, и доселѣ практикующаяся въ семинаріяхъ, мѣра, вырабатывая въ ученикахъ настоящіе авторитеты, вмѣстѣ съ тѣмъ служила наивѣрнѣйшей пробой степени зрѣлости и умственнаго развитія учениковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовала равномѣрной оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ по всѣмъ или большинству предметовъ. Плохой авторъ, хотя и самый исправный при прекрасной памяти ученикъ, не могъ опередить и захватить пальму первенства у товарища не съ столь счастливой памятью, но отличающагося выдающимся умственнымъ развитіемъ и дѣловитыми сочиненіями.

Что въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, при всемъ ихъ жестоко-суровомъ режимѣ, бурсацкомъ складѣ и другихъ отошедшихъ въ область преданія крупныхъ недостаткахъ, не было недостатка въ истинно-дѣльныхъ педагогахъ, того, надѣюсь, никто оспаривать не будетъ, какъ факта общеизвѣстнаго. Даже по свидѣтельству г. Потапенка, помѣстившаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» текущаго года свои очерки бурсы подъ заглавіемъ «До и послѣ» и отрицающаго всякую педагогику въ духовныхъ училищахъ «до» эмансипаціи, «послѣ» же ея открылся въ той-же бурсѣ настоящій разсадникъ образцовыхъ и гуманныхъ педагоговъ. И если-бы, при преобразованіи гимназіи въ 1871 году и послѣдовавшемъ за тѣмъ по тому-же уставу открытіи новыхъ гимназій и прогимназій, обратились за учительскими силами не за море-океанъ, а въ духовныя училища и семинаріи *), то изъ нихъ, до приготовленія

*) Подобно тому, какъ при открытіи учительскихъ семинарій на первое время весьма разумно допускали въ нихъ лучшихъ учителей уѣздныхъ училищъ.

филологическими институтами специальныхъ педагоговъ, могли-бы до извѣстной степени заимствовать дѣльныхъ, опытныхъ и знающихъ древніе языки педагоговъ, которые не испортили-бы дѣла упроченія классическаго образованія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, и въ послѣднихъ во всякомъ случаѣ пахло-бы Русью. Но вторженіе въ новоявленныя классическія школы двадесяти языковъ внесло и укоренило въ нихъ нерусскій духъ, почему къ нимъ вполнѣ примѣнимы слова сказки: «фу-фу, русскаго духа слыхомъ не слыхать, видомъ не видать».

И потому доселѣ, несмотря на прекращеніе нашествія иноплеменниковъ-дидаскаловъ на наши гимназіи, этотъ чуждый духъ даетъ себя чувствовать, какъ запахъ крыловской винной бочки, ибо только всего 2—3 года прошло, какъ наши гимназіи вступили въ новую, болѣе плодотворную и болѣе національную эру. Съ другой стороны, если въ настоящее время столько накопилось собственныхъ и невыписныхъ педагогическихъ силъ для гимназій, что не предстоитъ надобности обращаться за ними въ духовно-учебныя заведенія, какъ это слѣдовало-бы сдѣлать при нарожденіи гимназій, то въ области правильной постановки преподаванія отечественнаго языка и авторства на немъ учениковъ теперь всего болѣе не мѣшало-бы заимствовать изъ практики старыхъ семинарій преполезный обычай руководить сочиненіями учениковъ сонмомъ педагоговъ, сложивъ съ плечъ учителя русскаго языка часть этого бремени и большую часть его отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ.

Оставивъ на обязанности учителя русскаго языка дидактическую сторону руководства сочиненіями учениковъ по нашему методу «saepe vertere stylum», для чего назначеніе еженедѣльныхъ письменныхъ упражненій на урокахъ въ 3 старшихъ классахъ представляетъ обширнѣйшее поле для выработки ученическихъ мысли и стиля въ рукахъ каждаго мало-мальски опытнаго учителя, назначеніе домашнихъ сочиненій въ этихъ-же классахъ должно возложить не на одного учителя русскаго, но и на другихъ нѣкоторыхъ преподавателей, каковы: законоучитель и учителя древнихъ языковъ и исторіи. Прежде всего законоучитель, при своемъ академическомъ образованіи и знаніи семинарскихъ порядковъ руководства сочиненіями, можетъ сослужить въ этомъ дѣлѣ великую службу; притомъ въ оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ по Закону Божіему онъ не будетъ ограничиваться только ихъ памятью и твердымъ изученіемъ уроковъ. Такую-же пользу и такія-же выгоды при оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ пріобрѣтетъ и учитель исторіи, давая имъ и лично исправляя историческія темы, будучи въ этомъ гораздо компетентнѣе учителя русскаго языка. А учителямъ

древнихъ языковъ тѣмъ справедливѣе понести крестъ, возложенный на учителя словесности, что онъ и безъ того уже облегчаетъ съ 1890 года ихъ бремя, раздѣляя съ ними не легкій трудъ веденія письменныхъ переводовъ съ древнихъ языковъ на отечественный, даже болѣе ихъ работаетъ въ этомъ отношеніи, обязанный и въ классѣ вести эти переводы, отъ назначенія и исправленія которыхъ въ этомъ классѣ они освобождены.

Обремененія-же учениковъ этими домашними сочиненіями происходить не можетъ, во-1-хъ, потому, что, по благодѣтельному циркуляру М—ва Н. П. о необремененіи учениковъ домашними занятіями, требуется отъ нихъ, чтобъ они подали небольшое сочиненіе по подручнымъ источникамъ; во-2-хъ, совершенно достаточно, если ученики 5 преподавателямъ подадутъ въ теченіе года по одному сочиненію, два-же, или по одному въ полугодіе уже много. Притомъ назначеніе сочиненія каждымъ изъ 5 преподавателей должно быть не одновременное, а поочередное, полагая срокомъ для написанія сочиненія двѣ-три недѣли. При такихъ условіяхъ и недостаточно умѣлое веденіе письменныхъ упражненіи учителемъ словесности мало повліяетъ на успѣхи учениковъ въ сочинительствѣ и во всякомъ случаѣ небрежность учителя словесности или котораго-нибудь изъ остальныхъ 5 лицъ не можетъ укрыться при взаимной и коллективной ихъ работѣ и установленіи особыхъ административно-учебныхъ мѣръ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Обвинять-же одного учителя словесности въ малограмотности и авторской неумѣлости гимназистовъ такъ-же справедливо, какъ обвинять земскихъ начальниковъ въ холерныхъ бунтахъ: одинъ въ полѣ не воинъ. Кстати, какъ-бы въ подтвержденіе всей нашей рѣчи, газеты только-что обнародовали отзывъ профессора Флоринскаго о сочиненіяхъ абитуріентовъ Кіевскаго учебнаго округа за прошлый учебный годъ: «кромѣ общей незрѣлости мысли и плохого знанія литературныхъ матеріаловъ, касающихся заданной темы, оказалась еще *почти поголовная безграмотность въ гимназіяхъ всего округа.* И даже кіевскія гимназіи не оказались въ этомъ отношеніи выше другихъ гимназій округа». При этомъ приводится знаменательное для подтвержденія нашихъ мыслей мнѣніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа: «Главную причину малоуспѣшности воспитанниковъ гимназіи въ одномъ изъ важнѣйшихъ предметовъ общаго образованія слѣдуетъ видѣть, какъ я уже упоминалъ въ прошлогоднемъ отчетѣ, въ ненормальномъ и приниженномъ положеніи, какое все еще занимаетъ предметъ русскаго языка и словесности въ ряду другихъ предметовъ гимназическаго

курса. *Я остаюсь при глубокомъ убѣжденіи, что пока не измѣнится это положеніе, не измѣнятся къ лучшему и общіе результаты испытаній зрѣлости по русскому языку*» («Новое Время», № 6010).

И въ самомъ дѣлѣ, неужели въ цѣломъ Кіевскомъ округѣ не найдется ни одного порядочнаго учителя по русскому языку и словесности?

II.

Административно-учебныя мѣры.

1. Боевая готовность.

Если войско прекрасно обучено по всѣмъ военнымъ правиламъ маршировкѣ, мѣткой стрѣльбѣ, строевому движенію и точному и быстрому выполненію всѣхъ воинскихъ манипуляцій по командѣ, то значитъ-ли, что оно пріобрѣло и боевую готовность, что въ случаѣ войны оно и на полѣ сраженія, въ виду убійственнаго огня, окажется на высотѣ военнаго искусства, непреклонной стойкости, геройской храбрости и безпримѣрной неустрашимости? Если-бы такъ всегда было, и образцово обученное по всѣмъ воинскимъ артикуламъ войско никогда не обращало своего тыла непріятелямъ, отъ командира до послѣдняго солдата стоя грудью противъ вражескаго батарейнаго и ружейнаго огня, при встрѣчѣ-же съ врагомъ лицомъ къ лицу принимая его въ штыки и въ адскомъ огнѣ и штыковомъ бою не теряя изъ своего строя ни одного военноплѣннаго, ни даже единственнаго дезертира, убывая-же въ числѣ лишь убитыхъ и тяжело раненыхъ, то знаніемъ всѣхъ тонкостей военной выправки и ограничивалась-бы боевая готовность всякаго войска. Но практика войнъ и проигранныя образцово обученными войсками сраженія доказали, что ни молодцоватой выправки каждаго солдата, ни частыхъ военныхъ смотровъ недостаточно, что нельзя прямо изъ казармъ вести солдатъ на войну; кромѣ всего этого, нужно вдохнуть въ нихъ воинскій духъ, походную выносливость и стойкость подъ огнемъ. Эти качества войска, или, что то-же, боевая его готовность вырабатываются не казарменною обстановкою и не смотрами военнаго начальства, а лагерными сборами, примѣрными походами и, главнѣе всего, маневрами. Войско, пріученное въ погоду и непогодь выносить бремя лагерной стоянки и ученія, совершать во всеоружіи во всякое время безъ устали и ослабленія силъ дальніе переходы и давать и выдерживать примѣрныя сраженія въ самыхъ неудобныхъ для этого мѣстахъ на маневрахъ, можно сказать, пріобрѣло боевую готовность и въ случаѣ объявленія войны смѣло можетъ быть двинуто противъ сильнаго и грознаго непріятеля.

А наши гимназисты, приступая къ грозному и роковому для будущей ихъ карьеры письменному экзамену зрѣлости, съ его безпощаднопрокурорской обстановкой и аттрибутами вскрытія темъ, полной изолированности, торжественнаго молчанія и недремлющаго ока депутата и наблюдателей, получаютъ-ли къ этому для нихъ чистилищу предварительную подготовку, своего рода боевую готовность? Конечно, нѣтъ. Письменныя испытанія во всѣхъ предыдущихъ классахъ не заключали въ себѣ никакихъ страховъ и ужасовъ для нихъ, происходя домашнимъ образомъ, обыденнымъ порядкомъ, при обычныхъ для нихъ условіяхъ, подъ присмотромъ одного и часто не особенно строгаго и зоркаго наблюдателя. При такой вольготной обстановкѣ и писалось легче, и, если не писалось, открывалось нерѣдко свободное поле для ухищреній и уловокъ. Что-же послѣ этого мудренаго, если подъ первымъ огнемъ одни являются на экзаменъ зрѣлости дезертирами въ разсчетѣ на запасную тему, другіе (даже въ непривычной боевой средѣ лучшіе), теряя самообладаніе и впадая въ отупѣніе, бросаютъ оружіе, не кончивъ дѣла, и сдаются военноплѣнными, третьи, окончивъ работу, уходятъ изъ зала экзаменаціоннаго въ состояніи преданныхъ военному суду, ибо двойка за сочиненіе (хотя-бы и единственная) лишаетъ права на аттестатъ. Но, описывая строгости, какими обставленъ экзаменъ зрѣлости въ особенности по сочиненію, мы, вопреки раздававшимся въ обществѣ и печати голосамъ противъ этихъ порядковъ, далеки отъ мысли порицать ихъ. Если-бы и экзамены зрѣлости не подчинялись неослабному контролю и если-бы нѣсколько лѣтъ назадъ не были приняты должныя мѣры противъ практиковавшихся и при этихъ условіяхъ разными нелегальными путями преступныхъ способовъ предварительнаго проникновенія въ тайну пакетовъ, разсылаемыхъ къ экзамену зрѣлости, то образовательный, тѣмъ болѣе авторскій уровень абитуріентовъ былъ-бы гораздо ниже, чѣмъ теперь, а недостатки и упущенія въ гимназическомъ образованіи не только не исправлялись-бы, но и оставались-бы подъ спудомъ. Мало-ли что бывало прежде: даже выдерживались экзамены и получались дипломы чрезъ подставныхъ лицъ, но и этому злу положенъ предѣлъ обязательствомъ экзаменующихся представлять свои фотографическія карточки, а начальства—свидѣтельствовать послѣднія соотвѣтственными на нихъ надписями. Слѣдовательно, объ облегченіи или ослабленіи контроля на испытаніяхъ зрѣлости и рѣчи быть не можетъ. Но необходимо, даже неизбѣжно подготовить абитуріентовъ къ этому послѣднему и роковому шагу ихъ гимназическаго житья-бытья. Должно позаботиться о томъ, чтобъ письменныя испытанія зрѣлости не были для нихъ пугаломъ, чтобъ,

приступая къ этимъ испытаніямъ, они являлись на нихъ не какъ небывавшіе въ огнѣ рекруты, но какъ боевые солдаты, не испытывающіе подъ ружейнымъ огнемъ ни дрожи, ни волненія, ни нервнаго содроганія, ни физическаго и душевнаго безсилія, но спокойно и безстрашно, точно дома, исполняющіе свой долгъ на полѣ сраженія.

Начиная еще съ 6 класса, если не каждую четверть, то каждое полугодіе ученики должны писать классное сочиненіе не 55 минутъ, а въ продолженіе 5 часовъ, какъ на экзаменѣ зрѣлости, съ соблюденіемъ въ точности всѣхъ формальныхъ условій и обстановки этого экзамена, для чего и долженъ быть въ концѣ срока выбираемъ поочередно для трехъ высшихъ классовъ одинъ изъ учебныхъ дней, съ помѣщеніемъ учениковъ на этотъ день въ экзаменаціонную залу, дающую возможность разсадить ихъ по правиламъ экзамена зрѣлости. Потеря одного дня въ полугодіе, даже четверть, ни мало не отразится на правильномъ ходѣ преподаванія; преподаватели-же рядовыхъ уроковъ, при содѣйствіи директора и инспектора, наблюдаютъ за пишущими, какъ на испытаніяхъ зрѣлости. Сочиненіе, написанное при такихъ условіяхъ, будетъ неложнымъ показателемъ успѣховъ въ грамотности и стилѣ, достигнутыхъ на дидактическихъ письменныхъ урокахъ учителя словесности и путемъ домашнихъ упражненій въ сочинительствѣ подъ руководствомъ того-же учителя и прочихъ вышеупомянутыхъ нами преподавателей. Отмѣтка за такое сочиненіе, притомъ какъ средній выводъ изъ отмѣтокъ всѣхъ руководителей въ сочиненіяхъ, во главѣ директора составляющихъ постоянную коммиссію, должна служить отмѣткою въ графѣ сочиненія за четверть, полугодіе, годъ, при чемъ сочиненіе, написанное въ концѣ года, можетъ, для избѣжанія лишней работы учениковъ и преподавателей и экономіи времени, считаться экзаменнымъ сочиненіемъ. Самая-же отмѣтка за сочиненія ни въ какомъ случаѣ въ 3 старшихъ классахъ не можетъ пристегиваться къ предмету русскаго языка, ослабляя или усиливая отмѣтку преподавателя этого предмета, но стоять въ вѣдомости, даже аттестатѣ зрѣлости самостоятельно, какъ квинтъ-эссенція всѣхъ предметовъ гимназическаго курса, свидѣтельствующая о степени зрѣлости воспитанниковъ гимназіи соотвѣтственно одному изъ трехъ старшихъ классовъ.

Только при соблюденіи такихъ условій выполненія учениками провѣрочныхъ и экзаменныхъ сочиненій въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ гимназисты будутъ являться на экзамены зрѣлости не убогими и разслабленными, но крѣпкими духомъ и съ боевою готовностью.

2. Клинъ клиномъ выбиваютъ.

Одною изъ главныхъ причинъ малограмотности и стилистической неустроенности сочиненій гимназистовъ, по нашему мнѣнію, служитъ практикующійся не только до 1890 года, но и послѣ него способъ повѣрочнаго переводнаго испытанія учениковъ, подавшихъ неудовлетворительную письменную работу по русскому языку. Не только въ младшихъ, но и въ старшихъ классахъ эта провѣрка знаній по русскому языку производится устнымъ путемъ *), притомъ въ связи съ письменной работой только въ отношеніи орѳографіи и грамматики, въ остальномъ-же безъ всякаго къ ней отношенія въ тѣхъ классахъ, гдѣ проходится словесность: ученикъ, отвѣтившій удовлетворительно на вопросы учителя изъ пройденнаго въ классѣ курса словесности, покрываетъ неудовлетворительность своего сочиненія и тѣмъ пріобрѣтаетъ право перехода въ слѣдующій классъ съ тою-же малограмотностью и тою-же логическою и стилистическою неумѣлостью въ сочиненіи. Мы уже и выше говорили, что каждый ученикъ, старшаго класса въ особенности, въ состояніи удовлетворительно объяснить оказавшіяся въ сочиненіи его ошибки, и тѣмъ болѣе, что еще по выходѣ съ экзамена онъ, хорошо помня всѣ недоразумѣнія въ правописаніи, пережитыя на испытаніи, сообщилъ о нихъ товарищамъ и получилъ несомнѣнныя разъясненія **). Покрытіе-же безпорядочнаго по мыслямъ и стилю сочиненія устнымъ отвѣтомъ изъ пройденнаго курса словесности представляетъ очевидную несообразность. Вмѣстѣ-же и то, и другое—устный отвѣтъ изъ курса и объясненіе ошибокъ—представляютъ прямое нарушеніе русской пословицы: «Клинъ клиномъ выбиваютъ». По нашему твердому убѣжденію, неудовлетворительная письменная работа по русскому языку ***) во всѣхъ классахъ, кромѣ VIII, стоящаго въ особыхъ условіяхъ, не можетъ повѣряться ни устнымъ, ни письменнымъ испытаніемъ до каникулъ по самому существу своему, такъ какъ въ короткій промежутокъ времени между ис-

*) 24 § правилъ объ испытаніяхъ: ученики всѣхъ классовъ, при удовлетворительной отмѣткѣ за годъ, получившіе неудовлетворительную отмѣтку на письменномъ испытаніи по предмету, по которому не назначено устнаго испытанія, подвергаются изъ этого предмета повѣрочному устному испытанію до каникулъ.

**) Между тѣмъ, по § 37 правилъ отъ учениковъ VI класса требуется «безукоризненное правописаніе по-русски» съ такимъ, однако, весьма растяжимымъ ограниченіемъ: «описки и вообще случайныя ошибки не принимаются во вниманіе, если ученики удовлетворительно и съ надлежащимъ объясненіемъ ихъ исправятъ».

***) Пожалуй, и по древнимъ языкамъ.

пытаніемъ и переэкзаменовкой до каникулъ ученикъ, притомъ занятый другими испытаніями, не можетъ пополнить пробѣлы въ правописаніи и улучшить стиль своего сочиненія. Къ такому ученику долженъ быть примѣненъ § 26 правилъ, съ распространеніемъ его на всѣ классы до VIII: онъ долженъ подвергнуться дополнительному письменному испытанію по русскому языку, въ какомъ-бы классѣ онъ ни былъ, послѣ каникулъ—съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: подавшій неудовлетворительную работу въ обоихъ отношеніяхъ, орѳографическомъ и стилистическомъ, послѣ каникулъ долженъ написать новое сочиненіе; такому-же испытанію подвергается и ученикъ, подавшій сочиненіе, безукоризненное по правописанію, но слабое въ стилистическомъ отношеніи; написавшій-же удовлетворительное по содержанію и изложенію сочиненіе, но съ грамматическими ошибками, обязанъ подвергнуться дополнительному испытанію послѣ каникулъ въ правописаніи, т.-е по диктанту. Впрочемъ, въ младшихъ классахъ до V, гдѣ нельзя требовать отъ учениковъ умѣнья справляться съ мыслями и стилемъ *), достаточно ограничиться повѣрочнымъ испытаніемъ послѣ каникулъ путемъ диктанта.

Со введеніемъ-же въ практику этой формы дополнительныхъ испытаній по родному языку и орѳографіи, и родители, и ученики не преминутъ плодотворно воспользоваться временемъ каникулъ, нынѣ продолженныхъ, чтобы практическими письменными упражненіями пополнить пробѣлы въ орѳографіи и стилѣ сочиненій, не говоря о томъ, что эта мѣра побудитъ учениковъ и въ теченіе года быть осмотрительнѣе въ письменныхъ работахъ, дабы избѣжать грозящаго имъ въ противномъ случаѣ каникулярнаго ограниченія отдыха и свободы.

Послѣ всего сказаннаго въ этой главѣ, намъ кажется страннымъ, если не безсердечнымъ и жестокимъ слѣдующій циркуляръ одного окружнаго начальства, разосланный въ подвѣдомственныя ему гимназіи:

«31 окт. 92, № 7516. Въ управленіи округа имѣются свѣдѣнія, что въ числѣ допущенныхъ къ испытанію зрѣлости учениковъ VIII класса нерѣдко встрѣчаются такіе, русскія сочиненія которыхъ и другія письменныя работы, помимо другихъ недостатковъ, изобилуютъ самыми грубыми орѳографическими и стилистическими ошибками и обнаруживаютъ малограмотность.

«Просматривая сочиненія и работы этихъ учениковъ, нельзя не удивляться, какъ могли ихъ авторы съ такимъ плохимъ знаніемъ русскаго языка дойти до VIII класса гимназіи.

---

*) По нашему мнѣнію, по примѣру старинныхъ духовныхъ училищъ, въ этихъ классахъ и совсѣмъ не слѣдовало-бы привлекать учениковъ къ безплоднымъ опытамъ въ сочинительствѣ, замѣнивъ его переводами съ древн. языковъ.

«Усматривая причину этого печальнаго явленія, между прочимъ, въ крайне неразборчивомъ и снисходительномъ отношеніи нѣкоторыхъ педагогич. совѣтовъ гимназій къ вопросу о переводѣ учениковъ старшихъ классовъ въ высшіе классы вообще и въ частности въ пренебрежительномъ отношеніи ихъ къ вышеупомянутому недостатку даже при оцѣнкѣ русскихъ сочиненій на испытаніяхъ зрѣлости и озабочиваясь его устраненіемъ, я честь имѣю покорнѣйше просить ваше высокородіе принять за непремѣнное правило, чтобы педагогическимъ совѣтомъ ввѣренной вамъ гимназіи отнюдь не были переводимы въ VIII классъ тѣ ученики VII класса, которые въ сочиненіяхъ, переводахъ съ древнихъ языковъ на русскій и другихъ письменныхъ упражненіяхъ, какъ годичныхъ, такъ и экзаменскихъ, обнаружатъ такія орѳографическія и стилистич. ошибки, которыя служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ ихъ малограмотности, хотя-бы ученики эти въ другихъ отношеніяхъ удовлетворяли всѣмъ требованіямъ правилъ объ испытаніяхъ. Такіе ученики должны быть оставляемы въ томъ-же классѣ на повторительный курсъ, а если на это права не имѣютъ, то увольняемы изъ заведенія, какъ неспособные къ усвоенію гимназическаго курса, а тѣмъ болѣе къ высшему образованію».

Если въ странѣ появилась чума или холера, то карантины не помогутъ бѣдствію и не спасутъ населенія отъ страшной гостьи; только гигіеническія, санитарныя и медицинскія мѣры, широко и умѣло, какъ у насъ въ Россіи въ прошломъ году, предпринятыя и проведенныя, въ состояніи не только ограничить бѣдствіе, но и потушить его быстро и съ полнымъ успѣхомъ. Такъ точно и въ дѣлѣ правописанія и стиля учениковъ гимназіи умѣстны и плодотворны не карантинныя, а дидактическія мѣры, не безпощадно административныя кары, а гуманныя административно-учебныя улучшенія. Избѣжаніе ошибокъ и грубыхъ стилистическихъ промаховъ въ сочиненіи при переходѣ изъ VII въ VIII классъ не служитъ ручательствомъ избѣжанія ихъ въ VIII классѣ и на экзаменѣ зрѣлости, какъ, наоборотъ, переходъ въ VIII классъ съ нѣкоторыми пробѣлами въ правописаніи и стилѣ сочиненія не исключаетъ возможности при усиленномъ стараніи ученика въ продолженіи года—срокъ почтенный—стряхнуть съ себя пятно малограмотности и невыдержанности стиля въ сочиненіяхъ. Мы во-очію видѣли примѣры какъ перваго, такъ и второго случая. Ученикъ, не допустившій ни одной ошибки въ сочиненіи при переходѣ изъ VII въ VIII классъ, какими-то невѣдомыми судьбами въ первомъ домашнемъ сочиненіи въ VIII классѣ не замѣтилъ цѣлыхъ 6 ошибокъ. Другой ученикъ, наоборотъ, съ грѣхомъ пополамъ (по дополнительному

испытанію) перешедшій въ VIII классъ малограмотнымъ и плохимъ стилемъ, но, понимая и предвидя грозящее ему пораженіе на экзаменѣ зрѣлости, запасся въ VIII классѣ «Русскимъ правописаніемъ» Грота по собственному почину и, штудируя его въ теченіе года на диктантѣ товарища и обративъ его въ настольную книгу при всѣхъ письменныхъ упражненіяхъ, не исключая и математики, вышелъ съ честью изъ своего опаснаго положенія, написавъ на экзаменѣ зрѣлости сочиненіе, удовлетворяющее требованіямъ какъ орѳографіи, такъ и стилистики.

Но что особенно обращаетъ на себя вниманіе въ этомъ циркулярѣ, это вмѣненіе въ обязанность гимназіямъ лишать права перехода въ VIII классъ даже тѣхъ, которые и въ годовыхъ *) письменныхъ упражненіяхъ обнаружатъ ошибки, служащія доказательствомъ ихъ малограмотности. Такихъ карательныхъ мѣръ даже за прошлые, искупленные на экзаменѣ, грѣхи не встрѣтишь ни въ одномъ уголовномъ кодексѣ, развѣ въ драконовскихъ законахъ.

Поэтому намъ кажется, что было-бы гораздо гуманнѣе и полезнѣе для дѣла, не допуская никакихъ послабленій по отечественному языку, и при переходѣ изъ VII въ VIII классъ, и во всѣхъ предыдущихъ классахъ, но и не казня учениковъ до поры до времени, примѣнять указаннымъ нами способомъ пословицу: «клинъ клиномъ выбиваютъ». А съ другой стороны, въ отношеніяхъ нашихъ къ воспитанникамъ, нечуждымъ намъ по духу, вѣрѣ и крови, не предпочтительнѣе-ли слѣдовать заповѣди Спасителя: «Тогда приступилъ къ Нему Петръ рече: Господи, коль краты, аще согрѣшитъ въ мя братъ мой, и отпущу-ли ему до седмь кратъ? Глагола ему Іисусъ: не глаголю тебѣ до седмь кратъ, но до седмьдесятъ кратъ седмерицею» (Мѳ. 18, 21—22). И это тѣмъ болѣе, что прощенія эти, и только «до седмь кратъ», даются ученикамъ, по нашему предложенію и толкованію вопроса о переходѣ изъ класса въ классъ, подъ условіемъ раскаянія и исправленія въ орѳографическихъ и стилистическихъ грѣхахъ.

3. Подальше отъ соблазна.

Опыты многихъ лѣтъ показали, что при удостоеніи абитуріентовъ аттестата зрѣлости педагогическими совѣтами гимназій не соблюдается, да и не можетъ соблюдаться общая мѣра оцѣнки грамотности, умственной зрѣлости и стилистическаго уровня, обнаруженныхъ въ сочиненіяхъ учениковъ VIII класса,—этой, повторяемъ, квинтъ-эссенціи всего гим-

*) Значитъ: хотя-бы въ экзаменскихъ и не было этихъ ошибокъ.

назическаго образованія. Отъ непомѣрной строгости при этой оцѣнкѣ, впрочемъ, весьма рѣдко встрѣчающейся, до самаго снисходительнаго отношенія къ работамъ по русскому языку, чаще всего практикуемаго, — такое разнообразіе отношенія педагогическихъ совѣтовъ къ сочиненіямъ абитуріентовъ у самыхъ, такъ-сказать, дверей университетскаго образованія представляетъ во всякомъ случаѣ явленіе ненормальное. Если первое отношеніе нежелательно, то второе, представляя главный тормазъ успѣшности и плодотворности изученія студентами университетскихъ наукъ, врядъ-ли возможно устранить тѣми временными предостереженіями, даже нахлобучками, которыя разсылаются гимназіямъ въ видѣ рецензій и отзывовъ окружного начальства о сочиненіяхъ абитуріентовъ прошлаго года. Педагогическіе совѣты, смотря по личному составу, относятся къ нимъ неодинаково: одни, понимая ихъ какъ обязательство улучшить дѣло класснаго преподаванія отечественнаго языка въ отношеніи къ слѣдующимъ выпускамъ учениковъ, въ примѣненіи къ тому курсу, который засталъ полученный изъ округа неодобрительный отзывъ, ведутъ прежнюю колею, не безъ основанія полагая, что текущій выпускъ не можетъ отвѣчать за вину предыдущаго, руководясь при выпускѣ естественнымъ чувствомъ отеческаго отношенія къ дорогимъ для нихъ питомцамъ и принимая во вниманіе прилежаніе, трудолюбіе и любознательность, при которыхъ абитуріентъ въ теченіе университетскаго курса, какъ говорится, горбомъ своимъ возьметъ то, что ему не давалось при окончаніи гимназическаго курса. И эти ожиданія во многихъ случаяхъ оправдываются: нерѣдко такіе неудачники по гимназіи оканчиваютъ университетскій курсъ съ отличіемъ. Другіе совѣты, страха ради іудейска, ошибочно думая искупить вину прошлаго года, являются по отношенію къ курсу, застигнутому плохимъ отзывомъ начальства о прошлогоднихъ сочиненіяхъ, настоящими зевсами-громовержцами, точно они имѣютъ дѣло съ вражеской ратью. Но чѣмъ виноваты ученики разгромленнаго выпуска предъ своими болѣе счастливыми предшественниками? Не являются-ли они жертвами искупленія за грѣхи не свои, а педагогическаго совѣта и абитуріентовъ прошлаго года? Да и справедливо-ли приносить въ жертву эти гетакомбы? Невольно вспомнишь поэтому стихъ той-же былины о богатырѣ-крестьянинѣ:

Головами, батюшка, играемся.

Неменьшій переполохъ ведутъ за собой на экзаменахъ зрѣлости и наѣзды къ этому времени окружныхъ инспекторовъ, рубящихъ въ этомъ случаѣ и направо, и налѣво, причемъ главные виновники — преподаватели — отдѣлываются обыкновенно страхомъ, стыдомъ и униженіемъ, оставаясь, однако, цѣлыми и невредимыми. Впрочемъ, къ чести уни-

верситетскихъ профессоровъ слѣдуетъ прибавить, что они въ качествѣ депутатовъ на экзаменѣ зрѣлости относятся къ молодымъ людямъ ровно, спокойно и гуманно, хотя для нихъ ближе всего интересы университетскаго образованія.

Нельзя обойти молчаніемъ и того, что при близости членовъ педагогическаго совѣта къ абитуріентамъ не всегда обходится безъ личныхъ отношеній къ абитуріентамъ, выражающихся или въ излишней строгости, или въ чрезмѣрномъ снисхожденіи къ ихъ сочиненіямъ.

Вотъ для предупрежденія всего этого и въ видахъ достиженія однообразной и равномѣрной оцѣнки сочиненій абитуріентовъ всѣхъ гимназій даннаго округа мы находили-бы болѣе цѣлесообразнымъ, въ интересахъ университетской науки и образованія, отмѣнить существующій порядокъ окончательной оцѣнки сочиненій абитуріентовъ гимназическими коммиссіями, освободивъ гимназіи отъ постоянныхъ нареканій общества за строгость и придирчивость, а начальства за послабленіе и пренебрежительно-снисходительное отношеніе къ абитуріентамъ. Пусть послѣдніе на присланную изъ округа тему пишутъ сочиненіе гораздо ранѣе наступленія экзаменовъ зрѣлости, не позже марта мѣсяца (одинъ или два послѣднихъ мѣсяца ничего не прибавятъ къ сомнительному искусству учениковъ и ничего въ немъ не убавятъ). Разсмотрѣнныя и оцѣненныя гимназическими совѣтами сочиненія еще въ половинѣ марта отсылаются въ округъ, который въ теченіе полутора мѣсяца, приглашеніемъ къ участію въ оцѣнкѣ сочиненій профессоровъ и спеціалистовъ-преподавателей, которыхъ не занимать стать въ любомъ университетскомъ городѣ, ко времени испытанія зрѣлости имѣютъ полную возможность поставить въ извѣстность гимназіямъ, какіе изъ допущенныхъ ими къ испытанію зрѣлости учениковъ на основаніи поданныхъ сочиненій могутъ продолжать дальнѣйшее испытаніе и которые должны быть оставлены на повторительный курсъ или вовсе уволены изъ гимназіи, какъ неимѣющіе на послѣднее права. По своему объективному характеру окончательная оцѣнка окружнымъ начальствомъ сочиненій абитуріентовъ внесетъ въ это важное дѣло однообразный и потребный уровень, ниже котораго сочиненія абитуріентовъ не могутъ давать права на поступленіе въ университетъ. Порядокъ-же оцѣнки сочиненій въ округѣ долженъ быть такой: отмѣтка окружного рецензента, согласная съ гимназической, становится окончательной, несогласная-же, т.-е. превышающая или понижающая мѣстную отмѣтку, установляется участіемъ въ разсмотрѣніи такихъ сочиненій всѣхъ членовъ попечительнаго совѣта или особо каждый разъ назначенной для этого дѣла коммиссіи. Непосред-

ственное-же участіе въ этомъ контролѣ университетскихъ преподавателей, болѣе всего въ правильности оцѣнки сочиненій заинтересованныхъ, избавитъ и университеты отъ наплыва въ нихъ не умѣтившихъ въ природныя свойства россійскаго языка, спасетъ и гимназіи отъ скрежета на нихъ зубовнаго со стороны университетскаго персонала, лично и непосредственно участвовавшаго въ наборѣ новичковъ университетскаго образованія. Нельзя забывать при этомъ, что такая мѣра не останется безъ благотворнаго воздѣйствія на гимназистовъ, часто въ разсчетѣ на то, что свои не выдадутъ, и въ послѣднемъ классѣ небрежно относящихся къ своему дѣлу.

Но и при этихъ порядкахъ оцѣнки сочиненій абитуріентовъ не исключаются случаи снисхожденія къ заслуживающимъ его абитуріентамъ. Такъ, по нашему мнѣнію, отмѣтка 2 за сочиненіе (никакъ не единица), при условіи безукоризненнаго правописанія, если о такомъ ученикѣ послѣдуетъ вѣское ходатайство со стороны педагогическаго совѣта, не должна лишать его права продолжать экзаменъ зрѣлости: бываютъ изъ лучшихъ учениковъ такіе субъекты, которымъ не дается, по разнымъ, отъ нихъ независящимъ причинамъ, стиль сочиненій. И если такой ученикъ выдержитъ испытанія зрѣлости, его не слѣдовало-бы лишать аттестата зрѣлости со всѣми правами, съ послѣднимъ соединенными, но съ ограниченіемъ права поступленія въ университетъ. Отмѣтка 2 за сочиненіе, внесенная въ аттестатъ, подвергаетъ его въ томъ-же или слѣдующемъ году, смотря по его желанію, испытанію въ сочиненіи на тему, назначенную факультетомъ, и въ случаѣ выдержанія этого важнѣйшаго испытанія онъ невозбранно поступаетъ въ университетъ *). Освобожденіе-же отъ повторительнаго курса въ гимназіи даетъ ему полную возможность исключительно заняться тѣмъ предметомъ, который временно заграждаетъ ему доступъ въ университетъ. Заповѣдь всепрощенія и тутъ имѣетъ свое мѣсто: «Глагола ему Іисусъ: не глаголю тебѣ до седмь кратъ, но до седмьдесятъ кратъ седмерицею» (Мѳ. 18, 22).

Итакъ, въ дѣлѣ поднятія уровня сочиненій абитуріентовъ потребны не походы противъ древнихъ языковъ, ни въ чемъ не повинныхъ,— походы, обыкновенно, при обнаруженіи какого-либо недостатка въ гимназіяхъ, открываемые печатью и общественнымъ мнѣніемъ,—но указанныя нами общепедагогическія и административно-учебныя мѣры.

А. Дмитревскій.

---

*) Кстати, аттестатъ зрѣлости не освобождаетъ отъ экзамена въ сочиненіи при поступленіи въ высшія спеціальныя заведенія.

БЕСѢДЫ О ПРЕПОДАВАНІИ ГЕОГРАФІИ.

(Продолженіе).

БЕСѢДА ТРЕТЬЯ.

Методы преподаванія.

Подъ именемъ метода обученія мы понимаемъ ту основную идею, которая должна проникать собою весь ходъ преподаванія даннаго предмета. Мы видѣли выше (I-я бесѣда), что наиболѣе удобнымъ способомъ изложенія всеобщей географіи нужно считать сравнительный, и что только при такомъ способѣ наилучшимъ образомъ выступаютъ мѣстныя географическія отличія земной поверхности. Этотъ способъ сравненій мы считаемъ наилучшимъ и при обученіи географіи въ школѣ. О сравненіяхъ въ элементарномъ курсѣ географіи будетъ сказано ниже, теперь-же замѣтимъ, что рѣшительное значеніе какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи имѣютъ при преподаваніи дидактическіе пріемы, особенно при обученіи дѣтей. Въ современной литературѣ по школьной географіи появилось, съ легкой руки Оберлендера *), перечисленіе такъ-называемыхъ методовъ географическаго обученія. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ видоизмѣненія въ группировкѣ учебнаго матеріала, а другіе суть ничто иное, какъ дидактическіе пріемы. Между преподавателями географіи господствуютъ два взгляда на порядокъ и самый способъ прохожденія элементарнаго курса этого предмета. Нѣкоторые полагаютъ, что слѣдуетъ начинать курсы географіи съ обозрѣнія глобуса, т.-е. съ вопроса о землѣ, какъ о цѣломъ. По глобусу изучается сначала форма, величина и движеніе земли, потомъ географическая сѣть, послѣ чего переходятъ къ поверхности земли. Послѣ общаго физическаго

*) Oberländer, Der geographische Unterricht nach der Grundsätzen der Ritter'schen Schule.

ея описанія переходятъ къ вопросу о человѣческомъ родѣ, а затѣмъ къ отдѣльнымъ частямъ свѣта и государствамъ. Этотъ порядокъ описанія земли представляетъ постепенный переходъ отъ общаго описанія большихъ пространствъ къ частному и болѣе подробному описанію отдѣльныхъ странъ.

Этотъ способъ изложенія географическаго матеріала обыкновенно называется *аналитическимъ методомъ*, что, конечно, неправильно, потому что изложеніе учебнаго географическаго матеріала въ такомъ порядкѣ имѣетъ сходство съ анализомъ развѣ только съ чисто внѣшней стороны. Этотъ способъ изложенія географическаго матеріала, причемъ отъ общаго описанія большихъ пространствъ переходятъ къ болѣе частному описанію меньшихъ, очень удобенъ для нормальнаго курса и является общепринятымъ въ школахъ и учебникахъ. Однако, строгое проведеніе этого метода представляетъ не малыя затрудненія въ началѣ курса приготовительнаго, такъ какъ изученіе глобуса безъ предварительнаго знакомства съ горизонтомъ и окружающей мѣстностью невозможно. Нужно сперва научить, какъ оріентироваться по странамъ свѣта на видимомъ горизонтѣ, а потомъ уже перейти къ оріентировкѣ на шарообразной поверхности, необходимо сначала ознакомить дѣтей съ видимымъ движеніемъ солнца и небеснаго свода, а потомъ уже перейти къ истинному движенію земли вокругъ оси и солнца. Опредѣленіе странъ свѣта не изъ центра горизонта, а прямо на глобусѣ въ высшей степени затруднительно, даже, прямо сказать, невозможно съ учениками того возраста, въ которомъ приходится начинать географію.

Другой способъ или порядокъ изложенія географическаго матеріала можно считать, въ нѣкоторомъ смыслѣ, противоположнымъ аналитическому. Онъ называется *синтетическимъ* и отличается тѣмъ, что прохожденіе курса географіи начинаютъ съ той мѣстности, гдѣ находится школа. Отъ родной мѣстности переходятъ къ сосѣднимъ округамъ, провинціи, государству, части свѣта и, наконецъ, ко всей землѣ. Строго-систематическое проведеніе этого метода требуетъ постановки въ началѣ курса такъ-называемаго *родиновѣдѣнія*. Это искусственно составленное слово есть переводъ съ нѣмецкаго Heimatskunde. Въ Германіи зародилась идея родиновѣдѣнія, какъ учебнаго курса, тамъ она получила свое осуществленіе и право гражданства. Предметъ родиновѣдѣнія есть—*мѣстожительство* и *его ближайшая окрестность*, т.-е. та часть поверхности земли, которую ученикъ можетъ самъ осмотрѣть. Задача родиновѣдѣнія двоякая—матеріальная и формальная; въ первомъ случаѣ ближайшее знакомство съ родиной есть цѣль сама по себѣ, во второмъ — оно есть средство. Къ матеріальной или веще-

ственной задачѣ родиновѣдѣнія относится: 1) знакомство со всѣми, достойными вниманія, формами природы, находящимися въ предѣлахъ родного угла; 2) развитіе пониманія наиболѣе важныхъ мѣстныхъ отношеній; 3) знакомство съ доступными дѣтямъ историческими данными родной мѣстности; 4) знакомство съ важнѣйшими общественными, промышленными и торговыми отношеніями и простѣйшими отношеніями человѣка къ природѣ и ея формамъ, силамъ и дѣйствіямъ и, наконецъ, 5) возбужденіе правильныхъ представленій о пространствѣ и времени.

Съ формальной стороны, родиновѣдѣніе имѣетъ цѣлью подготовленіе дѣтей къ курсу географіи, и съ этой точки зрѣнія оно помогаетъ ребенку: 1) оріентироваться на планѣ и картѣ; 2) изъ непосредственныхъ конкретныхъ представленій создать понятія о главныхъ элементахъ ландшафта, какъ-то: рѣкѣ, берегѣ, долинѣ, камнѣ, горѣ и т. д.; 3) добыть основанія для сравненій родной мѣстности съ другими странами; 4) изучить картографическіе способы обозначенія извѣстнаго участка земли, чтобы на этомъ впослѣдствіи основать пониманіе карты; 5) пробудить наблюдательную способность и чувство красоты природы и изощрить познавательную способность. Изученіе родины въ продолженіе курса родиновѣдѣнія основывается на наблюденіи и разсматриваніи дѣтьми всѣхъ окружающихъ предметовъ и явленій. Начинаютъ обыкновенно съ разсматриванія классной комнаты, затѣмъ—всего зданія школы, школьнаго двора и улицы, на которой находится школа, всего селенія или города, загородныхъ мѣстностей—иногда на довольно большомъ разстояніи отъ школы. Спрашивается теперь, необходимъ-ли особый курсъ родиновѣдѣнія? Не обладаютъ-ли дѣти, поступающія въ среднія школы, въ возрастѣ 10—11 лѣтъ, достаточными наглядными представленіями для того, чтобы съ успѣхомъ пройти курсъ географіи? Большинство нѣмецкихъ педагоговъ отвѣчаютъ отрицательно. Многія дѣти дѣйствительно обладаютъ знакомствомъ съ роднымъ мѣстомъ, но эти свѣдѣнія и по содержанію, и по объему требуютъ дополненій. Дитя знаетъ дома, стойла и конюшни своей деревни, всѣ улицы, закоулки и углы; онъ знаетъ поля, луга, кусты, деревья, птичьи гнѣзда, лѣса, земляничныя и малиновыя заросли, но всѣ эти представленія у него сохраняются безъ связи, понятія еще не успѣли образоваться и часто самыя представленія сбивчивы и неясны. Сверхъ того, далеко не всѣ дѣти имѣютъ одинаковыя наглядныя представленія объ окружающемъ, и въ этомъ отношеніи является обыкновенно самое пестрое разнообразіе. Кто провелъ свое раннее дѣтство въ тѣсной комнаткѣ матери-отца и, по болѣзни или недосугу родителей, рѣдко

бывалъ за городомъ, тотъ явится въ школу далеко не съ такимъ запасомъ наглядныхъ представленій о природѣ, какъ мальчикъ, часто сопровождавшій отца-крестьянина во время дѣловыхъ прогулокъ послѣдняго по полямъ и лѣсамъ. Дѣти отдаленныхъ деревень имѣютъ слабыя представленія о средствахъ и способахъ сообщенія и своеобразной городской жизни; съ другой стороны, дѣти, живущія въ фабричныхъ городахъ, имѣютъ недостаточныя понятія о лѣсѣ, полѣ, горахъ, долинахъ и т. п. Изъ 500 дѣтей до-школьнаго возраста въ Фохтландѣ 82% не имѣли никакого представленія о восходѣ и 70% о закатѣ солнца, 37% не видѣли хлѣбнаго поля, 82% не видѣли дуба, 37% не были никогда въ лѣсу, 29%—на рѣкѣ, 52%—на горѣ и 57% не были никогда въ деревнѣ. Подобный-же результатъ получился при экзаменѣ дѣтей города Берлина. Этими изслѣдованіями было доказано до очевидности, какіе пробѣлы представляютъ познанія дѣтей о ихъ родинѣ и тѣхъ явленіяхъ, которыя окружаютъ ихъ или постоянно повторяются. Задача школы и заключается въ томъ, чтобы научить дѣтей наблюдать окружающее, освѣжить неясныя представленія ихъ, расширить и углубить кругъ ихъ нагляднаго наблюденія. Курсъ родиновѣдѣнія проходится обыкновенно въ 4 года съ дѣтьми отъ 6 до 10-лѣтняго возраста въ низшихъ элементарныхъ школахъ, а въ городскихъ школахъ для него предназначается одинъ годъ. Родиновѣдѣніе дѣлится на 2 курса—общій и спеціальный. Общее родиновѣдѣніе представляетъ курсъ приготовительный къ нормальному курсу географіи. Сначала изучаютъ классную комнату и чертятъ ея планъ, а потомъ то-же самое продѣлываютъ со всѣмъ зданіемъ школы, селеніемъ или городомъ и ихъ окресностями. При этомъ обращается вниманіе на всѣ явленія физическія: холмы, горы, рѣчки, ручьи, растительность, животное царство и населеніе, а также и астрономическія: видимое движеніе небесныхъ свѣтилъ, горизонтъ и страны свѣта и т. п. Все это проходится, конечно, не по указаннымъ рубрикамъ, но безъ всякой системы—въ зависимости отъ того, какое явленіе удобнѣе разсматривать въ данный моментъ, или отъ случайнаго возбужденія вниманія учениковъ какимъ-либо явленіемъ, напримѣръ, сильнымъ дождемъ, грозой и т. д. Въ спеціальномъ курсѣ родиновѣдѣнія околотокъ изучается топографически. Даются названія мѣстечекъ, имѣній, мызъ, горъ, рѣкъ, ручьевъ. Ученикамъ дается карта округа, а затѣмъ всей провинціи или даже государства, если оно не велико. При этомъ, конечно, человѣческія отношенія отмѣчаются вскользь, такъ какъ они не могутъ быть правильно поняты дѣтьми. Отъ родного околотка, округа и провинціи переходятъ къ отечеству, а потомъ къ государствамъ Европы, преимущественно пограничнымъ.

Самое названіе «родиновѣдѣніе» возбуждаетъ вопросъ о предѣлахъ. родины, такъ какъ въ зависимости отъ этого находятся предметы курса Фингеръ *) опредѣляетъ границы родины довольно остроумно, хотя парадоксально. Родиною ребенка, по его мнѣнію, можно назвать такое пространство, которое онъ можетъ обойти самъ. Такимъ образомъ, родина расширяется въ своихъ предѣлахъ по мѣрѣ возрастанія дитяти и расширенія его кругозора.

На практикѣ нѣмецкихъ школъ оказалось, что курсъ родиновѣдѣнія былъ понимаемъ весьма различно, вслѣдствіе чего онъ часто оказывался весьма одностороннимъ. Часто, вслѣдствіе неопредѣленности понятія о родинѣ, занимались изученіемъ цѣлой провинціи или страны, такъ что родиновѣдѣніе превращалось въострановѣдѣніе. Нѣкоторые учителя употребляли слишкомъ много времени на изученіе селенія или города. Они полагали, что необходимо описать каждую улицу и переулокъ родного мѣста, какъ будто-бы дѣти прямо готовились въ извозчики или лакеи. Иные преподаватели говорили на урокахъ родиновѣдѣнія о правахъ городского головы, засѣданіяхъ и занятіяхъ думы, обязанностяхъ ея членовъ и т. п., не думая о томъ, что у дѣтей нѣтъ еще достаточно умственнаго развитія для пониманія такихъ вещей. Другіе педагоги сообщали слишкомъ много историческихъ данныхъ и преданій—для оживленія уроковъ. Нашлись и такіе которые такъ много занимались черченіемъ, что оно становилось какъ-бы цѣлью преподаванія. Изъ этого краткаго обзора тѣхъ крайностей, въ которыя впадаютъ педагоги, берущіеся за родиновѣдѣніе, можно заключить, что веденіе этого курса не представляется особенно легкимъ. То, что можно почерпнуть въ книгахъ о курсѣ родиновѣдѣнія, касается общихъ методическихъ указаній на дѣло, такъ что тутъ много зависитъ отъ способности, опытности и знаній преподавателя, который долженъ имѣть въ виду слѣдующее:

1) *Въ курсѣ родиновѣдѣнія нужно ограничиваться существеннымъ.* Здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобы дать дѣтямъ какъ можно больше знаній, но чтобы они могли ясно видѣть все, что подлежитъ наблюденію и изученію. Слѣдуетъ ознакомить дѣтей съ роднымъ мѣстомъ настолько, чтобы они могли изъ отношеній извѣстной имъ области заключать объ отношеніяхъ имъ неизвѣстнаго. Другими словами: нужно дать дѣтямъ методъ изслѣдованія всякаго другого околотка на основаніи того, что они знаютъ про свою родину. При выборѣ учебнаго матеріала для родиновѣдѣнія слѣдуетъ обращать вни-

*) Finger. Anweisung zum Unterrichte in der Heimatskunde.

маніе, главнымъ образомъ, на формальное его значеніе и заниматься болѣе окрестностями, чѣмъ самимъ городомъ или селеніемъ, потому что первыя представляютъ болѣе возможности обратить вниманіе на физическія отношенія. Въ этомъ отношеніи положеніе преподавателя въ селѣ лучше, чѣмъ въ городѣ, такъ какъ изученіе послѣдняго, отнимая много времени, не даетъ ученику необходимыхъ фактовъ изъ физической географіи.

2) *Учитель долженъ постоянно сообразоваться со способностями учениковъ*, иначе обученіе не будетъ имѣть никакого успѣха и превратится въ запоминаніе словъ безъ соотвѣтствующихъ представленій и понятій. Все, что недоступно пониманію учениковъ на этой ступени, должно быть предоставлено будущему. Преподаватель долженъ выбирать объекты для наблюденія и ученія въ подходящее для того время. Предметы, требующіе наблюденій на открытомъ воздухѣ, должны быть предоставлены вниманію учениковъ въ теплое время года. Случайныя явленія природы, какъ гроза, радуга, градъ, должны разсматриваться и по возможности разъясняться тогда, когда онѣ происходятъ. Преподаватель долженъ составить таблицу объектовъ обученія, дающихъ матеріалъ на весь учебный годъ.

3) *Преподаватель долженъ при обученіи употреблять развивающую вопросную форму изложенія курса.* Онъ даетъ дѣтямъ не готовыя понятія, которыя для нихъ имѣютъ значеніе словъ безъ смысла, но побуждаетъ ихъ самихъ составлять себѣ содержаніе понятій. Преподаватель не долженъ самъ воспроизводить въ ребенкѣ психологическій процессъ, но вызывать и поддерживать его развитіе. При этомъ преподаватель долженъ остерегаться такихъ содержательныхъ вопросовъ, которые-бы заключали самый отвѣтъ. На такіе вопросы дѣти отвѣчаютъ не задумавшись, что прямо противорѣчитъ смыслу самого катехитическаго метода веденія урока—возбуждать самодѣятельность мыслительной способности.

4) *Учебный матеріалъ во время курса родиновѣдѣнія не долженъ сообщаться ученикамъ въ системѣ.* Географическіе факты разсматриваются и изучаются въ той послѣдовательности, какъ они представляются наблюденію. Ученики не должны ограничиваться перечисленіемъ и описаніемъ фактовъ. Преподаватель долженъ стараться наводить ихъ на сравненія и взаимную зависимость между географическими фактами.

5) *Каждый отдѣльный предметъ родиновѣдѣнія долженъ быть показанъ ученикамъ на самомъ дѣлѣ* и они должны получить о немъ возможно полныя и обстоятельныя свѣдѣнія. Они должны сами ви-

дѣть и слышать, когда нужно получить наглядное представленіе о предметѣ, учитель-же долженъ дѣлать указанія и возбуждать вниманіе учениковъ, а также предлагать имъ различныя задачи, рѣшеніе которыхъ основывается на наблюденіи, счисленіи, измѣреніи, черченіи. Къ такимъ задачамъ будутъ относиться, напр., слѣдующія: осмотрѣть памятникъ на площади и прочитать на немъ надпись; осмотрѣть извѣстный домъ и разсказать, что замѣтили въ немъ особеннаго; осмотрѣть форму снѣжинокъ; измѣрить длину своего жилища, той или другой улицы; измѣрить продолжительность дня въ различныя времена года; изучить видъ луны, радугу, цвѣтъ облаковъ при хорошей погодѣ, при грозѣ, дождѣ, закатѣ солнца; измѣрить длину тѣни въ различные часы дня; наблюдать измѣненія температуры, перемѣну направленія вѣтра и др. Не нужно, чтобы всѣ ученики исполнили всѣ задачи, но чтобы рѣшеніе задачи и выводъ были предметомъ обсужденія въ школѣ.

6) *Преподаватель долженъ при курсѣ родиновѣдѣнія употреблять цѣлесообразныя учебныя пособія.* Къ такимъ пособіямъ относятся: а) планъ классной комнаты, б) планъ школы, в) планъ школы съ ближайшею окрестностью, г) планъ селенія или города, д) карта окрестностей города или селенія. Первые три плана не должно давать готовыми, а ученики должны видѣть, какъ учитель передъ ихъ глазами чертитъ планъ на классной доскѣ, и притомъ въ возможно большемъ масштабѣ. Слѣдуетъ имѣть доску очень большихъ размѣровъ, чтобы начерченный учителемъ планъ могъ остаться до другого раза и до исполненія другого чертежа, чтобы его можно было сравнить по размѣрамъ съ послѣдующимъ. Наиболѣе важности представляетъ карта окрестностей города или селенія, потому что на ней долженъ быть обозначенъ рельефъ, такъ что эта карта должна служить для введенія учениковъ въ пониманіе рельефа и вообще—карты. Всѣ упомянутыя учебныя пособія необходимо нужны для курса родиновѣдѣнія, но существуютъ и такія, которыя только желательны, какъ-то: видъ города съ птичьяго полета, виды зданій и памятниковъ, панорама окрестностей города, рельефъ окрестностей города или часть его. Итакъ, раціонально поставленный курсъ родиновѣдѣнія требуетъ непосредственнаго наблюденія извѣстнаго участка земли. Для того, чтобы расширить кругъ наблюденій необходимо совершать съ учениками экскурсіи, прогулки и даже путешествія, такъ какъ далеко не всѣ предметы, которые необходимо осмотрѣть и изучить, находятся подъ руками. Обозрѣніе окружающихъ предметовъ учениками потому важно, что такимъ образомъ они легко понимаютъ сотни предметовъ, о ко-

торыхъ ясное понятіе можетъ дать только съ трудомъ и обстоятельная книга, и краснорѣчивый разсказъ, и хорошее учебное пособіе. Особенно важны экскурсіи для дѣтей, живущихъ въ городахъ, въ тѣснотѣ, духотѣ и пыли городскихъ жилищъ. Менѣе имѣютъ значенія прогулки въ деревнѣ, гдѣ дѣти ежедневно обращаются съ природой и безсознательно превращаются въ ея друзей и изслѣдователей. За границей уже давно практикуются не только прогулки, но поѣздки и даже цѣлыя путешествія цѣлыми классами и школами. Въ бернскомъ Оберландѣ туристы постоянно встрѣчаютъ въ іюнѣ и въ іюлѣ «путешествующія» школы всѣхъ ступеней: элементарныя школы, гимназіи, семинаріи, женскія и смѣшанныя школы. Подобныя прогулки совершаются въ Саксоніи и даже въ Сербіи. Намъ кажется, что наибольшее значеніе имѣютъ прогулки съ учениками того возраста, который предшествуетъ курсу географіи. При этомъ желательно, чтобы въ прогулкахъ участвовали-бы всѣ дѣти, принадлежащія къ составу класса, а въ этомъ-то и заключается главное затрудненіе. Прежде всего нужно замѣтить, что далеко не всѣ родители понимаютъ самую цѣль прогулокъ и признаютъ ихъ пользу. Многіе посылаютъ дѣтей въ школу «учиться, а не гулять». Далѣе, какъ-бы ни было незначительно путешествіе, оно всегда требуетъ извѣстныхъ издержекъ, которыя не всегда могутъ быть приняты вполнѣ на счетъ заведенія. Съ другой стороны, школа не можетъ обязать родителей учениковъ вносить особую плату на прогулки и путешествія. Неудобство прогулокъ и малая отъ нихъ польза видна при незначительномъ по численности составѣ преподавателей. Очень трудно одному преподавателю управлять на прогулкѣ классомъ, состоящимъ изъ 50 человѣкъ или болѣе. Дѣти, очутившись на свободѣ и открытомъ воздухѣ, скорѣе склонны начать игру, и вообще бываютъ настроены далеко не такъ, какъ это требуется для отчетливаго наблюденія явленій природы. Успѣхъ прогулокъ и путешествій находится въ прямой связи съ топографическими особенностями мѣстности. Въ Швейцаріи, Саксоніи, Сербіи и другихъ подобныхъ странахъ на 25—30-верстномъ разстояніи мѣстность представляетъ большое разнообразіе природныхъ объектовъ; мѣстность-же, подобная равнинѣ Европейской Россіи, крайне неблагопріятна для школьныхъ прогулокъ и путешествій вслѣдствіе подавляющаго ея однообразія. Чтобы увидѣть настоящія горы, нужно ѣхать, напр., изъ Петербурга на Уралъ или Кавказъ. Климатическія условія большей части Россіи позволяютъ производить прогулки только въ лѣтнее время, когда большинство дѣтей разъѣзжается; въ осеннее ненастье или зимою при вѣтрѣ прогулки невозможны. Всѣмъ извѣстно, что многое, что полу-

чило право гражданства на западѣ Европы, непримѣнимо въ Россіи и, къ сожалѣнію, то-же нужно сказать о школьныхъ экскурсіяхъ и прогулкахъ. Послѣднія, въ зависимости отъ топографіи и климата Россіи, могутъ имѣть у насъ только мѣстный и случайный характеръ. Такъ, напр., продолжительная, теплая осень на югѣ Россіи необыкновенно благопріятствуетъ школьнымъ прогулкамъ, да и у насъ, даже зимою, случаются тихіе и довольно теплые дни, но во всякомъ случаѣ остается справедливымъ все сказанное о невозможности проведенія нагляднаго курса родиновѣдѣнія вполнѣ. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ, напр., гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и другихъ, совершенно невозможно ввести родиновѣдѣніе, такъ какъ тутъ въ преподаваніи участвуютъ нѣсколько учителей въ каждомъ классѣ, дающіе свои уроки по опредѣленному росписанію, измѣнять которое невозможно. Итакъ, первая ступень географическаго обученія по синтетическому методу, т.-е. родиновѣдѣніе, по различнымъ, вышеприведеннымъ, причинамъ не можетъ быть проведена, какъ слѣдуетъ, почему и не можетъ принести ожидаемой пользы. Изъ того-же обстоятельства вытекаетъ, что и синтетическій методъ на первомъ-же шагу въ своемъ примѣненіи оказывается неудобнымъ. Другое неудобство этого метода заключается въ томъ, что, по смыслу его, ученіе о землѣ, какъ цѣломъ, откладывается до поздняго времени, т.-е. до конца курса. Отъ этого происходитъ то, что ученики, пройдя весь курсъ страновѣдѣнія, не имѣютъ понятія о формѣ, движеніяхъ земли, а также и о географической сѣткѣ. Послѣднее неудобно еще и въ томъ отношеніи, что географію различныхъ странъ и частей свѣта проходятъ но картѣ, на которой начерчена сѣтка, служащая для опредѣленія географическаго положенія странъ, а географическая сѣть не можетъ быть понята безъ понятія о формѣ глобуса

Изъ предыдущаго ясно, что ни аналитическій, ни синтетическій методы не могутъ быть примѣнены безъ всякихъ измѣненій и дополненій къ курсу географіи. Первый требуетъ слишкомъ ранняго знакомства съ глобусомъ, что невозможно для неприготовленныхъ къ тому учениковъ; второй, напротивъ, отдаляетъ ученіе о глобусѣ къ концу курса, оставляя учениковъ младшаго возраста въ невѣдѣніи относительно формы, величины, движенія земли и основаній для построенія сѣтки. Предметомъ ближайшей бесѣды будетъ вопросъ о томъ, какъ сочетать оба указанные метода и какія видоизмѣненія слѣдуетъ въ нихъ произвести.

А. Соколовъ.

(Продолженіе будетъ).

Геометрія въ городскихъ училищахъ (по Положенію 31 мая 1872 г.).

Въ «малыхъ народныхъ училищахъ», первыхъ нашихъ общеобразовательныхъ элементарныхъ училищахъ, основанныхъ при Имп. Екатеринѣ II «Коммиссіей училищъ», геометріи вовсе не преподавали; въ уѣздныхъ училищахъ, по уставу 1804 г., преподавались «начальныя правила геометріи», но какъ шло дѣло—мы никакихъ указаній не нашли; учебника для введеннаго курса издано не было.

По уставу 1828 г., геометрію въ уѣздныхъ училищахъ положено преподавать одинъ годъ (въ третьемъ классѣ) «безъ доказательствъ» и только до стереометріи. Въ 1830 г. было издано Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія «Руководство къ геометріи для уѣздныхъ училищъ», составленное Ѳ. Буссе, которымъ вполнѣ и опредѣлился курсъ, существовавшій въ дѣйствительности вплоть до пятидесятыхъ годовъ.

Въ книгѣ Буссе курсу геометріи данъ въ значительной степени теоретическій оттѣнокъ, хотя очень многія теоремы и не доказываются, а въ истинности утверждаемаго предлагается убѣдиться наглядно. Тотъ и другой элементъ прямо указаны въ предисловіи. На книгѣ очень замѣтно вліяніе Дистервега, имя котораго упоминается въ предисловіи. Въ примѣчаніи къ § 14 данъ образецъ того, какъ вести работы. Рекомендуется *наведеніе* учащихся на заключеніе, въ дѣйствительности почти подсказываемое учителемъ.

О томъ, какъ преподавать геометрію, повидимому, думали тогда мало, такъ какъ мы нашли только одну (до конца пятидесятыхъ годовъ) статью по этому вопросу, напечатанную въ «Педагогическомъ Журналѣ» за 1833 г., именно переводъ введенія къ книгѣ Дистервега «Raumlehre» (описанія куба, призмъ, цилиндра, пирамидъ, конуса и шара). Въ статьѣ объясняется, почему «ученіе о пространствѣ» надо вводить въ курсъ и что должно составлять его содержаніе. Рекомендовалось преобразовать геометрію «въ элементарный видъ», такъ какъ геометрія древнихъ неспособна быть пищею для дѣтскаго ума

Описаніе формъ, должно, по мнѣнію автора статьи, развить «способность наглядности». Описанія тѣлъ, однако, нельзя считать занятіями геометріей, потому что изученія свойствъ формъ при такихъ описаніяхъ тѣлъ быть не можетъ; подобныя занятія можно считать только за упражненія, заставляющія *выработать* отчетливыя *представленія* о тѣхъ формахъ, свойства которыхъ изучаются геометріей.

Въ 1843 г. была издана геометрія Литтрова для народныхъ школъ и для подготовленія желающихъ заниматься впослѣдствіи геометріей Евклида. Въ ней геометрическія истины разъясняются наглядно, безъ доказательства ихъ путемъ разсужденія. Переходъ отъ нагляднаго усвоенія геометрическихъ фактовъ къ доказательству тѣхъ-же фактовъ разсужденіемъ въ дѣйствительности невозможенъ, особенно для дѣтей, только-что начинающихъ учиться разсужденію (а переводчикъ геометріи Литтрова думалъ, что книга полезна и для подготовки къ поступленію въ среднія учебныя заведенія). Мысль о томъ, что лучше наглядно пройти весь курсъ геометріи, чѣмъ пройти «съ доказательствами» часть предмета, справедливо только отчасти; «наглядное» усвоеніе цѣлаго предмета и усвоеніе доказательствъ—понятія различныя.

Кромѣ курса Литтрова, были изданы (до Крымской войны) еще нѣкоторые другіе для начальнаго обученія (Фуасси, Геометрія и землемѣріе для первоначальнаго обученія, народныхъ школъ и сельскихъ жителей 1842 г.; Ламе-Флери, Краткая геометрія для дѣтей, 1847 г. и др.). Значенія они не имѣли, да ихъ и нельзя назвать хорошими курсами; но они интересны для насъ въ томъ отношеніи, что появленіе ихъ выражаетъ мысль о необходимости распространить обученіе геометріи и на начальныя школы. Однако-же, эта мысль не сложилась въ какія-либо опредѣленныя формы, даже упомянутыя руководства скорѣе были лишь сокращенными теоретическими курсами, чѣмъ приспособленными къ начальному обученію. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ курсу геометріи придавали большое образовательное значеніе, но по многимъ прямымъ свидѣтельствамъ современниковъ видно, что въ дѣйствительности преподавалась она плохо. Понятно, что въ уѣздныхъ училищахъ не могла она идти хорошо. Еще въ 70-хъ годахъ намъ приходилось встрѣчать преподавателей математики въ уѣздныхъ училищахъ, которые сами не знали предмета и даже считали маленькую «Элементарную геометрію» Дистервега, переведенную на русскій языкъ въ шестидесятыхъ годахъ, *очень трудной* книжкой.

Съ оживленіемъ русскаго общества въ концѣ пятидесятыхъ годовъ развилось стремленіе улучшить обученіе въ школахъ и распространить образованіе въ массѣ народа. Всѣ усилія первое время обратились на

улучшеніе методовъ обученія, потому что до того времени школы дѣйствительно мало приспособлялись къ силамъ и развитію учащихся; тогда господствовала исключительно вѣра въ образовательную силу теоріи, только и заботились о возможно лучшемъ и простомъ изложеніи теоріи. Улучшеніе методовъ обученія въ шестидесятыхъ годахъ видѣли въ примѣненіи наглядности ко всѣмъ предметамъ обученія и постепенномъ обобщеніи наблюденій (наведенія), да еще заботились о возбужденіи интереса къ ученью. Отсюда явилось и увлеченіе преподавательскими курсами; таковые курсы предлагали почти по всѣмъ предметамъ школьнаго обученія. Эти увлеченія отразились и на геометріи. Прежде любили говорить, что геометрія—практическая логика. Теперь говорили, что обученіе геометріи надо начинать «нагляднымъ ознакомленіемъ дѣтей съ формами правильныхъ тѣлъ посредствомъ разсматриванія ихъ», о необходимости строить курсъ геометріи на обобщеніи ряда практическихъ задачъ, а иногда предполагалось и весь курсъ вести при помощи наглядныхъ пособій. Говорили собственно о томъ, какъ «начинать» преподаваніе, но на практикѣ объ этомъ забывали и вели весь курсъ съ маленькими дѣтьми одинаково «нагляднымъ путемъ». Въ статьяхъ о преподаваніи математики нерѣдко предлагалось начинать обученіе геометріи съ дѣтьми лѣтъ 10-ти и даже моложе, предлагалось вводить геометрію въ народныя школы, составлялись и соотвѣтствующія руководства, но всѣ эти размышленія примѣнялись только въ частныхъ школахъ и при домашнемъ обученіи. Въ существовавшихъ сельскихъ школахъ геометрія не преподавалась, въ уѣздныхъ училищахъ по прежнему учили по руководству Буссе, плохо его понимая, а въ гимназіяхъ (кромѣ военныхъ) дѣло шло по старому. Недостатокъ практической провѣрки высказываемыхъ взглядовъ, вѣроятно, и вызвалъ неопредѣленность и неустойчивость взглядовъ. Часто въ одной и той-же статьѣ говорилось о томъ, какъ важно путемъ наведенія доводить учащихся до усвоенія геометрическихъ истинъ и о томъ, что надо заботиться о развитіи навыка къ строгому и отвлеченному мышленію (въ геометріи—дедуктивное). Въ издававшихся руководствахъ однѣ теоремы доказывались, другія пояснялись наглядно, третьи оставлялись и безъ всякаго объясненія.

Положеніе о городскихъ училищахъ 31 мая 1872 г., по которому геометрія вводится съ 3-го года обученія и преподается 4 года, потребовало рѣшенія вопроса о томъ, какъ преподавать. Уже 17 лѣтъ существуютъ новыя училища, но до сихъ поръ для нихъ изданы только временныя программы.

Какъ поставленъ курсъ геометріи теперь въ городскихъ училищахъ? Къ чему слѣдуетъ стремиться при обученіи геометріи?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, мы намѣренно кратко указали на существовавшіе прежде взгляды на преподаваніе геометріи. Нѣсколько разъ они измѣнялись, а въ шестидесятыхъ годахъ сдѣлались неопредѣленными, даже нѣкоторые старались «совмѣстить несовмѣстимое», какъ упомянуто выше. Мы не имѣли въ виду подробно говорить о томъ, что предлагалось прежде, хотѣли только указать, что никакого опредѣленнаго взгляда установлено не было.

Чтобы отвѣтить на поставленные нами вопросы, придется начать нѣсколько издалека,—придется коснуться значенія городскихъ училищъ.

Мы думаемъ, что городское училище есть начальная общеобразовательная школа. Большинство учащихся въ ней не оканчиваетъ курса, какъ и въ другихъ общеобразовательныхъ школахъ всѣхъ степеней. (Въ начальныхъ школахъ у насъ, по отчетамъ Мин. Нар. Пр., *до* окончанія курса ежегодно выходитъ, приблизительно, вдвое больше, чѣмъ *по* окончаніи курса; впрочемъ, отношеніе это, хотя и очень медленно, но улучшается. Въ церковно-приходскихъ школахъ, насколько извѣстно по имѣющимся отчетамъ отдѣльныхъ епархій, процентъ оканчивающихъ курсъ еще много ниже). Большинство оканчивающихъ курсъ въ городскихъ училищахъ не идетъ въ другія общеобразовательныя школы, прежде всего по недостатку средствъ *), отчасти по трудности перехода въ другія учебныя заведенія, отчасти по нежеланію продолжать ученье. Чаще переходятъ изъ городскихъ училищъ въ спеціальныя (профессіональныя) училища, чтобы впослѣдствіи можно было имѣть бо́льшій заработокъ. Эти соображенія приводятъ насъ къ заключенію, что городскія училища, какъ общеобразовательныя, должны давать возможно разностороннее общее образованіе. Стремленіе къ разносторонности должно ограничиваться только работой объ основательности сообщаемыхъ знаній и развитія. Но курсъ городского училища долженъ быть законченнымъ курсомъ, не долженъ стремиться къ подготовкѣ учащихся къ поступленію въ среднія общеобразовательныя школы. Законченность курса не простая фраза; забота о законченности должна отражаться на выборѣ предметовъ обученія, какъ потомъ придется указать и относительно геометріи. При стремленіи подготовлять въ городскихъ училищахъ къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, пришлось-бы при выборѣ предме-

*) Недостатокъ средствъ нетолько мѣшаетъ тратить ихъ на обученіе, но заставляетъ еще стремиться какъ можно скорѣе имѣть заработокъ.

товъ обученія подчиняться курсу послѣднихъ; а ихъ курсъ, опираясь на возможность посвятить ему больше времени, свободнѣе выбираетъ и распредѣляетъ предметы обученія. Эта свобода, чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ большее получаетъ значеніе, такъ какъ кругъ нашихъ знаній быстро расширяется; въ то-же время становится все болѣе и болѣе необходимымъ каждому человѣку запасаться какъ можно большимъ количествомъ знаній; а потому вопросъ объ экономіи силъ учащихся, о выборѣ предметовъ обученія, о способахъ обученія пользованію знаніями такъ, чтобы не терялась изъ виду руководящая идея. Прошло то время, когда считали необходимымъ чуть не для каждаго предмета вводить «пропедевтическій курсъ». Теперь ясно, что къ усвоенію одного предмета долженъ подготовить другой предметъ, если не непосредственно, то тѣмъ, что занятія имъ развиваютъ тѣ способности и даютъ тѣ знанія, которыми необходимо уже владѣть при занятіяхъ новымъ предметомъ. Оттого свобода въ выборѣ и распредѣленіи предметовъ обученія получаетъ такое важное значеніе въ современной школѣ.

Но мы утверждаемъ, что стремленіе къ законченности курса, отказъ отъ желанія подготовлять въ городскихъ училищахъ къ поступленію въ среднія общеобразовательныя школы нисколько не мѣшаютъ сдѣлать для меньшинства, желающаго продолжать обученіе, переходъ въ среднія школы вполнѣ возможнымъ,—разумѣется, при нѣкоторомъ напряженіи силъ, такъ какъ должны потребоваться дополнительныя занятія. Никакой бѣды въ томъ, что потребуется нѣкоторое напряженіе, мы не видимъ; напротивъ, думаемъ, что оно послужитъ хорошимъ мѣриломъ силъ для самихъ учащихся. Важно, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для государства, чтобы талантливые люди въ городскихъ школахъ не терялись, имѣли-бы возможность найти себѣ дорогу. Но важно это именно относительно болѣе способныхъ или, по крайней мѣрѣ, особенно энергичныхъ людей, потому что нѣтъ ничего несчастнѣе людей, желающихъ подняться выше другихъ, но не обладающихъ на то достаточными силами; они обвиняютъ всѣхъ, плачутся на судьбу и не замѣчаютъ того, что виноваты прежде всего они сами, взявшись за дѣло, не соотвѣтствующее ихъ силамъ, и не желая отъ него отказаться. Непризнанные таланты тяжелую ведутъ жизнь. Да и другимъ людямъ пользы они не приносятъ. Истинный талантъ при нѣкоторой помощи себя проявитъ, это и есть признакъ таланта. Мы знаемъ жизненные примѣры того, что люди, учившіеся и теперь въ низшихъ школахъ, при обладаніи способностями и энергіей, успѣвали получать безъ всякаго ущерба для

себя высшее образованіе, подготовляясь къ необходимымъ для того экзаменамъ въ знаніи курса средней школы (гимназіи, реальнаго училища). Если позаботиться объ облегченіи для нихъ такого искуса, то вполнѣ можно достигнуть того, что таланты въ городскихъ училищахъ затериваться не будутъ. Если они будутъ немного запаздывать окончаніемъ курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, то и это не бѣда, по нашему мнѣнію. Мы запасаемся знаніями во время нахожденія въ учебныхъ заведеніяхъ, когда этому дѣлу посвящаемъ все время; выходя въ жизнь, принимаясь за какую-либо дѣятельность, кромѣ профессорской, лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ можемъ мы значительно расширять запасъ научныхъ знаній, потому что жизненная дѣятельность сама по себѣ требуетъ массы времени; да молодому человѣку и для себя пожить хочется. Окончаніе курса высшаго учебнаго заведенія въ 24—25 лѣтъ даетъ возможность пріобрѣсти уже, благодаря возрасту, болѣе широкій кругозоръ и бо́льшій запасъ знаній.

Но довольно объ этомъ. Надѣемся, что достаточно выяснили свою точку зрѣнія на значеніе городского училища. Будучи общеобразовательной школой, оно вовсе не должно стремиться къ выбору непремѣнно тѣхъ предметовъ, которые имѣютъ практическое значеніе, но должно быть только практично въ выборѣ, т.-е. выбирать такіе, вліяніе которыхъ на развитіе понятно или родителямъ, или самимъ учащимся, которые по силамъ учащимся, могутъ интересовать ихъ; а если будетъ удобно, то полезно показать и практическія примѣненія усвоеннаго знанія. Если-же окончившій курсъ городского училища не пріобрѣтетъ даже никакихъ практическихъ знаній, но разовьется умственно и усвоитъ гуманное отношеніе къ людямъ, уваженіе къ людямъ и ихъ труду и къ знанію, то и это будетъ важнымъ результатомъ какъ лично для окончившаго курсъ, такъ и для государства. Очень нуждается наше общество въ «просвѣщеніи». Если-же онъ вынесетъ изъ школы сознаніе необходимости честно трудиться и жить не только для себя, но помогать и другимъ, то, право, будетъ совсѣмъ хорошо, и дѣло такой человѣкъ себѣ найдетъ.

Умственное и нравственное развитіе даетъ школа. Первое дается обученіемъ собственно, второе—разъясненіемъ религіи нашей и отношеніемъ школы къ учащимся.

Значеніе каждаго учебнаго предмета въ школѣ должно прежде всего опредѣляться его свойствами. Геометрія—наука по преимуществу дедуктивная, поэтому занятія ею, кромѣ сообщенія извѣстнаго рода знаній, содѣйствуетъ развитію способности къ разсужденію дедуктивному. Таково образовательное значеніе геометріи. Для дости-

женія возможно большаго вліянія занятій геометріей необходимо разъяснить не только факты геометрическіе, но и способы усвоенія ихъ; чѣмъ тщательнѣе будутъ такія разъясненія и убѣдительнѣе для учащихся, тѣмъ глубже будутъ послѣдніе вдумываться.

Геометрическіе факты въ большинствѣ случаевъ, хотя не всѣ (напримѣръ, несоизмѣримость величинъ), могутъ быть усвоены и провѣрены наглядно. Такой путь усвоенія даже доступнѣе для начинающихъ, но онъ не наученъ, потому что не даетъ возможности достаточно провѣрить фактъ и показать его общность. То и другое зависитъ отъ того, что наглядное усвоеніе факта не раскрываетъ тѣхъ условій, отъ которыхъ онъ зависитъ, и не доказываетъ причинной связи между ними. Наглядное усвоеніе факта, не давая достаточной точности знанія, нѣкоторыя геометрическія понятія дѣлаетъ совершенно недоступными, какъ, напримѣръ, упомянутое выше понятіе о несоизмѣримости величинъ. Мѣняется способъ усвоенія фактовъ при наглядномъ изученіи геометріи, поэтому видоизмѣняется и образовательное вліяніе. Нѣтъ сомнѣнія, что и при такомъ веденіи дѣла она будетъ вліять на развитіе, но не будетъ способствовать развитію способности къ дедукціи, будетъ требовать лишь наблюденія и обобщенія—къ нимъ-то способности и будутъ развиваться. Здѣсь кстати замѣтить, что наша умственная работа опирается, главнымъ образомъ, на три элемента: наблюденіе, обобщеніе и умозаключеніе. Первое представляетъ главнѣйшій и основной источникъ нашихъ знаній, второе—основной источникъ обработки пріобрѣтенныхъ знаній (образованіе понятій), а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможности пользованія ими, третье—даетъ возможность человѣку внести его субъективный элементъ въ изученіе природы, не только матеріи, но и духа, расширяетъ область познанія и измѣняетъ его пріемы. Само собою понятно, что развить хотя отчасти, если только это возможно, *всѣ три* элемента весьма желательно; если какого-либо изъ нихъ не хватаетъ, развитіе учащагося будетъ очень неполное. По времени въ дѣтяхъ, прежде всего, проявляется, конечно, способность къ наблюденію, потомъ къ обобщенію, но обыкновенно въ значительной степени развивается только послѣ 3—4 лѣтъ пребыванія въ школѣ; въ значительной степени мышленіе начинаетъ развиваться еще позже, не ранѣе 14—16-лѣтняго возраста и при непремѣнномъ условіи обученія. Только особенно даровитыя натуры достигаютъ умственнаго развитія и безъ посторонней помощи; но и для нихъ руководительство опытнаго человѣка въ высшей степени полезно.

Для развитія каждаго рода способностей необходимо упражненіе,

а матеріалъ для него даетъ тотъ или другой учебный предметъ; но необходимо для успѣха дѣла, чтобы преподаваніе предмета соотвѣтствовало его свойствамъ. Элементарное обученіе можетъ упрощать и ограничивать содержаніе сообщаемыхъ знаній, но ни въ какомъ случаѣ не искажать ихъ характера. Поэтому не всякій предметъ умѣстно дѣлать предметомъ начальнаго обученія. Подготовка къ прохожденію предметовъ, требующихъ въ большей степени разсужденія, напр., логики, физики и т. п., дается просто возрастомъ.

Въ городскихъ училищахъ по Положенію 31-го мая 1872 г., какъ дающихъ законченное общее образованіе и для большинства учащихся вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательное, весьма желательно если не развить, то хотя затронуть всѣ три упомянутые элемента, необходимые для умственной дѣятельности, если только возможно сдѣлать это съ достаточною основательностью. Матеріалъ для наблюденія всегда выбрать не трудно, не мало такихъ предметовъ, которые требуютъ постоянно обобщенія въ области знаній, доступныхъ для начинающихъ, и потому удобны для введенія въ число учебныхъ предметовъ начальной школы и разовьютъ способность къ обобщенію. Но о тѣхъ и другихъ мы говорить не будемъ. Для развитія способности къ умозаключенію дедуктивному въ начальной школѣ матеріалъ найти трудно. Подходящій матеріалъ (какъ было недавно указано нами въ статьѣ о преподаваніи математики въ женскихъ гимназіяхъ *) даетъ *только геометрія.* И то съ трудомъ. Мы уже сказали, что способность къ мышленію начинаетъ сильно развиваться не ранѣе, какъ въ 14—16-лѣтнемъ возрастѣ—какъ разъ въ то время, когда большинство оканчиваетъ курсъ ученія въ городскомъ училищѣ. Однако, геометрія даетъ настолько доступный матеріалъ, что его могутъ хорошо усвоить и учащіеся въ городскихъ училищахъ. Говоримъ это на основаніи 17-лѣтнихъ наблюденій надъ учащимися нѣсколькихъ десятковъ городскихъ училищъ различныхъ губерній.

Наглядный курсъ геометріи оказать вліяніе на развитіе способности къ дедукціи не можетъ, потому что занятія имъ такой работы не требуютъ.

Мы увѣрены, что лица, близко стоящія къ дѣлу, согласятся съ нами, что колебаній въ выборѣ между теоретическимъ и нагляднымъ курсомъ быть не можетъ: въ *городскихъ училищахъ долженъ преподаваться теоретическій курсъ геометріи*, какъ единственнаго предмета, могущаго дать доступный матеріалъ для развитія необходимаго

*) См. «Русская Школа» 1892 г. октябрь, «О курсѣ математики въ женскихъ гимназіяхъ», стр. 129—143.

элемента умственной работы (дедуктивнаго умозаключенія), имѣющаго громадное значеніе и для провѣрки нашихъ знаній, безъ которой знанія всегда будутъ малоцѣнны. Индуктивной-же работы предлагать въ геометріи не слѣдуетъ.

Изъ этого положенія мы дѣлаемъ дальнѣйшія заключенія. Переходъ къ дедукціи отъ предшествовавшихъ упражненій въ наблюденіи и обобщеніи наблюденій для учащихся труденъ, такъ какъ характеръ работы долженъ совершенно измѣниться и полагаться приходится (вѣрнѣе, приходится привыкать полагаться) не на то, что видимъ, а на разсужденіе. Если разсужденіе приводитъ къ тому-же заключенію, которое непосредственно представляется зрѣнію (например, что прямые углы равны, что треугольники равны, въ случаѣ равенства ихъ сторонъ)—начинающимъ заниматься геометріей оно кажется совершенно излишнимъ и даже болѣе: затемняющимъ то, что само по себѣ понятно, страннымъ и искусственнымъ. Если разсужденіе приводитъ къ заключеніямъ, касающимся такихъ фактовъ, которые непосредственно *не* представляются глазамъ, то оно кажется очень труднымъ и на первыхъ порахъ мало интереснымъ. (Напримѣръ, возможность трехъ случаевъ при наложеніи другъ на друга треугольниковъ, имѣющихъ порознь равныя стороны; доказательство теоремы о томъ, что внѣшній уголъ треугольника больше внутренняго, съ нимъ несмежнаго и т. п.; особенно часто—отдѣльныхъ частностей доказательствъ). Нужна большая тщательность въ работѣ, чтобы постепенно разъяснить цѣну разсужденія и не испортить дѣла съ самаго начала. Если преподающій при встрѣчѣ съ затрудненіями будетъ разъясненія дѣлать наглядно, а тѣмъ болѣе, если онъ будетъ допускать цѣлыя наглядныя доказательства, то онъ поможетъ учащимся въ данную минуту, но страшно затруднитъ пониманіе разсужденій, отвратитъ отъ нихъ, т.-е. сильно испортитъ дѣло. Поэтому въ высшей степени важно *ни въ какомъ случаѣ не смѣшивать* теоретическаго курса съ нагляднымъ. Лучше совсѣмъ пропустить доказательство, сильно затрудняющее учащихся и доказывающее то, что считается учащимися само собою понятнымъ (хотя-бы упомянутое равенство прямыхъ угловъ), чѣмъ замѣнять, хотя-бы временно, разсужденіе нагляднымъ доказательствомъ, придавая этимъ послѣднему въ глазахъ учащихся бо̀льшую силу, чѣмъ разсужденію, что̀ совершенно ошибочно. Какъ можемъ мы требовать потомъ, чтобы ребенокъ призналъ преимущество темнаго для него и необычнаго разсужденія передъ яснымъ и вполнѣ убѣдительнымъ для него и привычнымъ наблюденіемъ? Разъ допустивши наглядныя доказательства, мы этимъ

самымъ заставимъ учащихся *постоянно* стремиться къ замѣнѣ разсужденія наглядностью. Мы думаемъ, что въ геометріи возможно пріучить къ разсужденію только потому, что оно касается области свойствъ и соотношеній формъ, которая до начала занятій геометріей мало обращала на себя вниманіе дѣтей и кажется имъ совершенно новою, неизвѣстною. Попробуйте заставить дѣтей разсужденіемъ приходить къ такому заключенію (изъ другой области знаній), которое имъ уже знакомо—и вы увидите, какъ это трудно сдѣлать. Вполнѣ естественно, что учащіеся, подчиняясь требованію учителя, все-же не будутъ усваивать разсужденіе, а станутъ просто его заучивать. Но тогда пользы отъ занятій геометріей будетъ очень мало.

Въ городскихъ училищахъ трудность начала занятій геометріей еще болѣе увеличивается тѣмъ, что приступать къ нимъ приходится раньше, чѣмъ-бы слѣдовало при нормальныхъ условіяхъ. Способность и склонность къ разсужденію начинаетъ развиваться лишь въ 14—16-лѣтнемъ возрастѣ, а учащіеся въ городскихъ училищахъ должны начинать занятія геометріей не позже 12—14 лѣтъ, такъ какъ 14—16 лѣтъ они уже кончаютъ ученье; а для достиженія серьезныхъ результатовъ необходимо учить геометріи непремѣнно 2—3 года, не меньше двухъ. Этого требуетъ новизна дѣла, необходимость осторожности въ веденіи дѣла и большого количества упражненій, чтобы могъ развиться хотя нѣкоторый *навыкъ* къ нимъ. Сравнительная простота геометрическихъ разсужденій, распаденіе ихъ на отдѣльныя, совершенно законченныя, но краткія разсужденія (доказательства отдѣльныхъ теоремъ) дѣлаютъ, однакоже, какъ мы уже сказали, возможнымъ основательное усвоеніе курса и даже развитіе большой любви къ занятіямъ геометріей (прямое доказательство доступности работы). Разсуждать о геометрическихъ формахъ можно только тогда, когда представленія этихъ формъ совершенно отчетливы. Въ 14—16 лѣтъ учащіеся, благодаря достигаемому къ этому времени общему развитію, обладаютъ представленіями, по крайней мѣрѣ, плоскихъ формъ. Для достиженія отчетливости представленій во всякомъ случаѣ достаточно одного-двухъ уроковъ. Нельзя того-же сказать о дѣтяхъ 12—14 лѣтъ, которыя приступаютъ къ занятіямъ геометріей въ городскихъ училищахъ, поэтому необходимо позаботиться о выработкѣ геометрическихъ представленій, прежде чѣмъ будемъ заставлять разсуждать о свойствахъ формъ, т.-е. доказывать теоремы. Представленія о формахъ могутъ быть выработаны только разсмотрѣніемъ этихъ формъ, никакими объясненіями оно создано быть не можетъ. Сколько потребуется времени и работы, чтобы такія представленія выработа-

лись, зависитъ отъ общей подготовки учащихся. Занятія разсмотрѣніемъ формъ его слѣдуетъ только считать занятіями геометріей: послѣдняя изучаетъ свойства формъ, разсматривая ихъ, какъ уже установленныя въ нашемъ сознаніи. Это замѣчаніе имѣетъ на практикѣ довольно важное значеніе. Разсмотрѣніе формъ должно *предшествовать* занятіямъ геометріей и составлять содержаніе *приготовительнаго* курса геометріи. (Оговоримся теперь-же, что мы считаемъ его неизбѣжнымъ въ городскомъ училищѣ, но вовсе не необходимымъ самимъ по себѣ; въ среднихъ школахъ считаемъ его ненужнымъ). Разсмотрѣніе формъ не равнозначуще простому *указанію* ихъ на какихъ-либо предметахъ. Въ геометріи мы изучаемъ не тѣ формы, которыя принадлежатъ дѣйствительнымъ тѣламъ, а существующія только въ нашемъ представленіи, *гипотетическія*; дѣйствительныя формы не подчиняются точнымъ соотношеніямъ, нѣтъ, напримѣръ, точныхъ круговъ, квадратовъ, а только формы, близкія къ названнымъ геометрическимъ. Такой пріемъ изученія формъ дѣлаетъ изслѣдованіе гораздо болѣе удобнымъ и общимъ, но въ то-же время и болѣе точнымъ, указываетъ и тотъ *идеалъ формы*, къ которому на практикѣ надо стремиться. Въ самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности нѣтъ даже двухъ тождественныхъ формъ; въ геометріи всѣ круги одного радіуса, вообще всякія однородныя фигуры, опредѣляемыя однѣми и тѣми-же данными, тождественны—это очень выгодно, дѣлаетъ число изучаемыхъ формъ гораздо меньшимъ, изслѣдованіе болѣе легкимъ, такъ что формы проще опредѣляются. Изслѣдованіе точной геометрической формы легко примѣняется къ существующимъ въ дѣйствительности, близкимъ къ разсмотрѣнной формѣ, но не наоборотъ. Чѣмъ ближе реально-существующая форма подходитъ къ геометрической, тѣмъ доступнѣе становится разсчетъ и опредѣленіе той роли, которую будетъ играть форма разсматриваемаго тѣла въ предстоящемъ явленіи. Напримѣръ, чѣмъ ближе форма оси механизма къ цилиндрической въ геометрическомъ смыслѣ, тѣмъ точнѣе можетъ быть разсчитано дѣйствіе механизма, тѣмъ оно будетъ правильнѣе. Понятно, что создать общія представленія о геометрическихъ формахъ невозможно простымъ указаніемъ на реально существующія формы; таковыя представленія могутъ быть только выработаны изъ ряда частныхъ представленій. Вотъ почему необходимо въ городскомъ училищѣ удѣлить нѣкоторое время на прохожденіе приготовительнаго курса.

В. Латышевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Состоянiе народнаго образованiя въ селахъ Европейской Россiи *).

(Докладъ, читанный въ извлеченiи въ С.-Петербургскомъ Комитетѣ грамотности 12 янв. 1893 г).

I.

Вопросъ о народномъ образованiи, взятый во всей его цѣлости, неизмѣримо важенъ и неизмѣримо обширенъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы беремъ на себя смѣлость коснуться только одной стороны этого великаго вопроса, именно количественной, оставляя безъ разсмотрѣнiя исторiю народнаго образованiя, его законодательство и современную организацiю, равно какъ и всю внутреннюю, качественную, педагогическую, въ тѣсномъ смыслѣ слова, сторону русской народной школы. Мы обратимъ вниманiе, почти исключительно, на число школъ и учениковъ, на распредѣленiе школъ по территорiи, на стоимость ихъ содержанiя, на отношенiя этихъ данныхъ къ пространству и населенiю различныхъ частей страны, наконецъ, на измѣненiе этихъ количествъ и отношенiй во времени. Такъ какъ, въ силу особыхъ обстоятельствъ, распространенiе въ Россiи простой грамотности представляетъ значительную важность, то мы обратимъ вниманiе и на этотъ предметъ, но опять со стороны преимущественно количественной-же, устанавливая, гдѣ будетъ нужно, связь между обоими явленiями, т.-е. школой и грамотностью. Въ послѣднiе годы появилось нѣсколько весьма почтенныхъ и важныхъ изслѣдованiй, касающихся разныхъ сторонъ нашей народной школы. Но эти изслѣдованiя обнимаютъ, почти исключительно, отдѣльныя мѣстности, губернiи и даже уѣзды, и относятся

*) Помѣщая настоящую статью почтеннаго автора, считаемъ необходимымъ замѣтить, что не можемъ вполнѣ согласиться съ его пессимистической точкой зрѣнiя по отношенiю къ вопросу объ осуществленiи у насъ идеи всеобщей грамотности и, считая этотъ вопросъ открытымъ, оставляемъ за собою право вернуться къ нему впослѣдствiи. *Ред.*

къ разнымъ эпохамъ. Цѣлой картины мы не имѣемъ. Настоящій очеркъ является посильною попыткой восполнить этотъ недостатокъ,— попыткой, конечно, очень не совершенной, но, смѣемъ думать, не безполезной для разъясненія неспеціалистамъ дѣла нѣкоторыхъ важныхъ общихъ вопросовъ, касающихся нашей народной школы. По самому характеру предлагаемаго очерка мы могли и даже должны были, при составленіи его, пользоваться опубликованными данными нашей оффиціальной статистики, такъ какъ только одна эта статистика даетъ достаточно обширный матеріалъ, обнимающій большіе районы государства и притомъ относящійся къ однѣмъ и тѣмъ-же эпохамъ. Очеркъ обнимаетъ періодъ времени отъ 1874 по 1885 гг. включительно и захватываетъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, на сколько это было возможно, по имѣющимся даннымъ, и позднѣйшіе годы, до 1892 включительно. За точку отправленія принятъ 1880 годъ.

Въ 1880 г., въ день 20-го марта, по распоряженію правительства, произведено было однодневное общее и пока единственное обслѣдованіе всевозможныхъ учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ въ 50-ти губерніяхъ Европейской Россіи (безъ Кавказа, Сѣвернаго и Южнаго) и въ 10-ти привислянскихъ губерніяхъ. Данныя этого обслѣдованія обработаны подъ редакціей А. Дубровскаго и изданы въ разное время Центр. Статистическимъ Комитетомъ *). Къ сожалѣнію, обнародованныя статистическія свѣдѣнія, касающіеся начальной ступени образованія, неполны, такъ какъ статистики низшихъ учебныхъ заведеній въ *городахъ* губернскихъ и уѣздныхъ не издано. Поэтому мы вынуждены ограничиться матеріаломъ, заключающимся въ статистикѣ сельскихъ школъ, имѣющихъ, въ виду громаднаго преобладанія въ Россіи сельскаго населенія надъ городскимъ, особенно важное значеніе.

Въ 1880 г. въ селахъ Европейской Россіи, за исключеніемъ остзейскихъ и привислянскихъ губерній **), было 18.023 училища, въ

*) «*Статистическія свѣдѣнія о сельскихъ училищахъ за 20-е марта 1880 г.*» (съ 4-мя картограммами и 4-мя діаграммами). Статистич. Временникъ Рос. Имп. Серія III. Вып. I-й. 1884 г. Другими главными источниками при составленіи настоящаго очерка служили: 1) «*Сборники свѣдѣній по Евр. Россіи за годы 1882, 1883, 1885 и 1886*»; 2) сборники о «*движеніи населенія Евр. Россіи за годы 1874—1887*»; 3) «*Свѣдѣнія по статист. нар, образованія въ Евр. Россіи*» (*1872—1874 г.*): 4) «*Всеобщая воинская повинность въ Рос. Имперіи за первое десятилѣтіе 1874—1885 г.*»; 5) «*Статист. государственныхъ финансовъ въ 1862—1884 г.*»; 6) «*Мірскіе расходы крестьянъ за 1881 г.*»; 7) «*Доходы и расходы губ. и уѣздныхъ земствъ за 1883 г.*»; 8) «*Отчеты госуд. контроля по исполненію гос. росписи за 1885—1891 г.*» *и проч.*

**) Остзейскія губерніи выдѣлены нами въ особую группу, потому что народное образованіе тамъ до послѣдняго времени стояло несравненно выше, не-

которыхъ училось 756.152 мальчика и 138.653 дѣвочки, всего 894.805 учащихся. На каждое училище приходилось 50 учащихся (собственно 49,6). Одно училище приходилось на 231 квадр. версту пространства и на 14 селеній. Наконецъ, на 100 дѣтей учебнаго возраста было учащихся: мальчиковъ — 12,9, дѣвочекъ — 2,2. Учебный возрастъ принятъ въ нашемъ источникѣ отъ 7 до 14 лѣтъ включительно, на томъ основаніи, что этотъ возрастъ имѣетъ огромное большинство учениковъ сельскихъ школъ, а именно около 95%. Замѣтимъ, однако-же, по этому поводу, что если-бы верхній предѣлъ учебнаго возраста, согласно дѣйствительности, отодвинуть далѣе, то число лицъ этого возраста значительно увеличилось-бы и вышеприведенныя процентныя отношенія — 12,9 и 2,2 подверглись-бы весьма чувствительному уменьшенію. Слѣдовательно, эти крайне малыя цыфры представляютъ дѣло еще въ лучшемъ видѣ, нежели какъ оно стояло въ дѣйствительности.

Постараемся отдать себѣ совершенно ясный отчетъ въ значеніи вышеприведенныхъ цыфръ. Женское населеніе Россіи многочисленнѣе мужскаго: отношеніе ихъ выражается числами: 103 и 100. Поэтому, при нормальномъ положеніи образованія, учащихся дѣвочекъ должно-бы быть нѣсколько больше, нежели учащихся мальчиковъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, вышеприведенныя цыфры даютъ отношеніе обратное: мальчиковъ училось 84,5%, а дѣвочекъ только 15,5%, т.-е. первыхъ было несравненно больше, а именно 1 ученица приходилась на 6 учениковъ. Цыфра 50 учениковъ на одну школу доказываетъ, что сельское населеніе вообще стремится къ образованію и наполняетъ школу, на сколько это оказывается для него возможнымъ. Цыфра 50 отнюдь не можетъ быть признана малою: при большемъ числѣ учениковъ даже и опытный и искусный учитель былъ-бы крайне затрудненъ въ веденіи дѣла. Такимъ образомъ, наши школы уже въ 1880-мъ году, въ общемъ, страдали скорѣе перепол-

---

жели гдѣ-бы то ни было въ остальной Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, до такой степени выше, что процентъ грамотности, напримѣръ, представляетъ въ этихъ губерніяхъ величину, такъ сказать, иного порядка въ сравненіи съ подобнымъ-же процентомъ для другихъ русскихъ губерній. Это и другія мѣстныя обстоятельства и особенности прибалтійскихъ губерній дѣлаютъ относящіяся къ нимъ данныя статистики образованія совершенно разнородными въ сравненіи съ данными, относящимися къ остальной Россіи. Подобныя-же обстоятельства, до нѣкоторой степени, имѣютъ мѣсто и по отношенію къ привислянскимъ губерніямъ; но мы исключили ихъ, главнымъ образомъ, потому, что для нихъ не всегда имѣются въ изданіяхъ Центр. Статист. Комитета свѣдѣнія, вполнѣ соотвѣтствующія и однородныя съ таковыми-же для прочихъ губерній Европ. Россіи.

*

неніемъ, нежели недостаткомъ учениковъ. Цыфра площади, выпадающей на одну школу—231 квадр. верста, громадна и показываетъ, какою рѣдкою сѣтью школъ покрыто наше отечество, какъ долго и какъ далеко надо идти ребенку до школы, въ непогоду и стужу, при нашей лютой и продолжительной зимѣ и при краткости нашихъ зимнихъ дней. Школа для многихъ русскихъ дѣтей является по истинѣ физически недоступной. Такое-же значеніе имѣетъ и другое изъ вышеприведенныхъ данныхъ—1 школа приходится на 14 селеній! Всѣ эти прискорбныя цыфры увѣнчиваются, наконецъ, послѣднею ихъ парою, являющеюся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ и, такъ сказать, неотвратимымъ, резюмирующимъ ихъ результатомъ: замѣняя дробныя числа равнозначущими цѣлыми находимъ, что изъ 1.000 мальчиковъ училось 129, а изъ 1.000 дѣвочекъ только 22! Остальные 871 мальчикъ и 978 дѣвочекъ оставались даже и безъ того ничтожнаго образованія, которое дается нашей начальной сельской школой.

Если-бы у кого-нибудь, изъ ознакомившихся съ изложенными печальными фактами, возникла, въ видѣ утѣшенія, мысль, что начальное образованіе можетъ быть пріобрѣтено и помимо школы, то отъ такого утѣшенія пришлось-бы отказаться послѣ первой-же попытки провѣрить справедливость этой мысли. Такая повѣрка до нѣкоторой степени возможна, и мы сейчасъ постараемся ее сдѣлать. Но прежде, чѣмъ дать ее въ формѣ осязательныхъ, неподкупныхъ цыфръ, считаемъ необходимымъ сказать, что самая мысль о замѣнѣ школьнаго образованія домашнимъ, въ примѣненіи къ сельскому населенію какой-бы то ни было страны, а тѣмъ болѣе Россіи, является совершенно несостоятельною. Школа драгоцѣнна не только тѣмъ, что просвѣщаетъ и развиваетъ умъ, даетъ облагораживающія и полезныя знанія, но столько-же, а, можетъ быть, и еще болѣе, тѣмъ, что воспитываетъ характеръ и дисциплинируетъ личность. Регулярность и правильность школьныхъ занятій, не подлежащія нарушенію въ зависимости отъ произвола личности, воспитываютъ привычку къ правильному ежедневному труду, къ порядку и стройности дѣйствій и научаютъ цѣнить время. Подчиненіе авторитету учителя, независящаго въ своихъ дѣйствіяхъ не только отъ воли ученика, но и отъ воли его родителей, являющагося представителемъ и олицетвореніемъ чистаго, неподкупнаго закона, и вытекающая изъ этого подчиненія успѣшность ученія, которое, при условіи интересности и полезности его, ощущается ученикомъ какъ удовольствіе и пріобрѣтенное благо, воспитываютъ довѣріе къ авторитету разумной власти, умѣнье сознательно и охотно ей подчиняться, привычку уважать законъ и посе-

ляютъ убѣжденіе, основанное на личномъ, ясно сознаваемомъ опытѣ, что законосообразное поведеніе ведетъ къ благу, а нарушеніе закона причиняетъ зло. Наконецъ, сообщество съ массой товарищей, которые, не взирая на всевозможныя различія ихъ родителей, зажиточныхъ или бѣдныхъ, хозяевъ или работниковъ, начальствующихъ или подчиненныхъ и т. д., передъ законами и требованіями школы и учителя всѣ равны, всѣ солидарны и тѣсно связаны между собою единствомъ нравственной и разумной цѣли, преслѣдуемой школою, является самымъ могущественнымъ, ничѣмъ незамѣнимымъ, свойственнымъ только одной школѣ, орудіемъ для воспитанія въ дѣтяхъ будущихъ гражданъ своей родины, людей, умѣющихъ подчинять личныя, эгоистическія стремленія интересамъ общества, т.-е. людей, возвысившихся до чувства долга. Могущество стоящаго въ противорѣчіи съ требованіями общественности семейнаго и личнаго эгоизма, этого источника большей части преступленій, неправдъ и жестокостей жизни, лучше и вѣрнѣе всего можетъ быть смягчено только воздѣйствіемъ общественной школы Итакъ, домашнее ученіе отнюдь не можетъ быть разсматриваемо, какъ эквивалентъ ученію школьному. Да и что оно можетъ дать въ русской крестьянской средѣ? не больше, какъ чисто механическое умѣнье читать и, въ лучшемъ случаѣ, еле-еле писать, т.-е. элементы грамотности, часто безслѣдно исчезающіе впослѣдствіи, за отсутствіемъ упражненій. Воспитательное значеніе такого пріобрѣтенія почти ничтожно. Обращаемся къ обѣщанной выше повѣркѣ. Чтобы составить понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ крестьянская семья, помимо школы, даетъ дѣтямъ элементы грамотности, слѣдовало-бы для одной и той-же эпохи и для одного и того-же возраста сравнить процентъ крестьянъ, прошедшихъ черезъ школу, съ процентомъ всѣхъ вообще грамотныхъ; разность между этими процентами и показала-бы степень участія домашняго обученія въ дѣлѣ распространенія грамотности. По несовершенству нашей статистики этотъ разсчетъ можетъ быть сдѣланъ только приблизительно. Дѣлая его, мы поведемъ свои вычисленія такъ, чтобы погрѣшность нашего результата была отрицательная, т.-е. чтобы этотъ результатъ представлялъ дѣло въ лучшемъ видѣ сравнительно съ дѣйствительностью. Въ оффиціальной статистикѣ (разрабатываемой нашимъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ) *), мы находимъ таблицы, относящіяся къ исполненію всеобщей воинской повинности населеніемъ Имперіи въ 1886 году.

---

*) Стат. Росс. Имп. X. Сборникъ свѣдѣній по Россіи. 1890. Спб. 1890 г. Табл. CLI.

Беремъ 1886 годъ, потому что въ этомъ именно году достигли призывнаго возраста старшіе изъ учениковъ народныхъ школъ, учившіеся въ 1880 году, къ которому относятся приведенныя выше школьныя цыфры. Если-бы мы взяли годы, предшествующіе 1886, то получили-бы результаты, не согласные съ поставленнымъ требованіемъ относительно характера допускаемой погрѣшности, такъ какъ по мѣрѣ удаленія назадъ отъ 1886 года процентъ грамотности въ населеніи постоянно падаетъ. По свѣдѣніямъ о новобранцахъ призыва 1886 года оказывается, что всѣхъ молодыхъ людей, принятыхъ въ военную службу изъ разсматриваемаго района Имперіи, было 195.253. Изъ нихъ *совершенно безграмотныхъ*, т.-е. *неумѣющихъ даже читать*, было 141.196, т.-е. 72,3%, почти 3/4 всего состава призывныхъ! Контингентъ лицъ, призываемыхъ къ исполненію воинской повинности, заключаетъ въ себѣ представителей всѣхъ сословій государства, между ними не дѣлается умышленно никакого подбора, въ зависимости отъ образованія; избирательнымъ аргументомъ является только опредѣленный возрастъ. Этотъ контингентъ черпается огромными массами сотенъ тысячъ людей повсюду въ странѣ, изъ всѣхъ слоевъ ея населенія, и потому степень безграмотности, обнаруживающаяся въ немъ, является вѣрнымъ показателемъ безграмотности всего населенія, достигшаго призывнаго возраста. Удручающій смыслъ факта—3/4 безграмотныхъ во всемъ поколѣніи страны, достигшемъ 20-ти-лѣтняго возраста—сдѣлается вполнѣ очевиднымъ, когда мы подумаемъ, что этотъ фактъ относится не къ отдаленному отъ насъ прошлому, что это не отвлеченный и любопытный фактъ давно пережитой исторіи, а фактъ живой, конкретный, почти современный, относящійся къ 1886 году, т.-е. къ переживаемому нами десятилѣтію; что подобный-же фактъ, смягченный, можетъ быть, на немногія, ничтожныя единицы процентовъ, существовалъ за всѣ ближайшіе къ намъ годы и существуетъ и сегодня. Легко сказать—двадцатилѣтнее мужское поколѣніе. Но вѣдь это именно тѣ молодые люди, которые на много десятилѣтій впередъ опредѣляютъ нравственный и культурный уровень народа, которымъ принадлежитъ его будущее. Цыфра 72,3% выражаетъ степень безграмотности всего русскаго населенія 20-ти-лѣтняго возраста. Собственно въ крестьянскомъ населеніи эта цыфра, очевидно, должна быть еще выше. Чтобы приблизиться къ ней, исключимъ изъ общаго числа призывныхъ всѣхъ дворянъ, лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, прочихъ лицъ, изъятыхъ отъ внесенія въ народную перепись, и купцовъ, допуская, что всѣ эти лица обладаютъ грамотностью, т.-е. умѣютъ, по меньшей мѣрѣ, читать. Если сдѣлать это

вычисленіе, на основаніи данныхъ о новобранцахъ, то окажется, что мѣщанъ, крестьянъ и прочихъ лицъ, не изъятыхъ отъ внесенія въ народную перепись, принято въ военную службу въ 1886 г. 190.984 ч. Данная выше цыфра безграмотныхъ составляетъ 73,9% послѣдней. Къ сожалѣнію, въ таблицахъ о новобранцахъ безграмотные показаны общею массою, безъ раздѣленія по сословіямъ, и потому мы лишены возможности получить въ точности цыфру процента безграмотныхъ собственно въ крестьянствѣ. Можно только съ увѣренностью сказать, что она должна значительно превосходить 73,9% (можетъ быть, она простирается до 78 и даже до 80%, какъ показываютъ нѣкоторыя, болѣе или менѣе, вѣроятныя вычисленія, о которыхъ, по ихъ сложности и не полной достовѣрности, мы здѣсь не станемъ распространяться). Это мы основываемъ на томъ, что мѣщанское сословіе, по преимуществу, населяетъ города, въ которыхъ торговая и промышленная дѣятельность несравненно болѣе развиты, нежели въ селахъ, потребность въ грамотности, побужденія къ ея пріобрѣтенію сильнѣе и средствъ достигнуть ее гораздо больше, такъ какъ и школъ въ городахъ больше и школьное дѣло въ нихъ развивается съ несравненно большею быстротою. Итакъ, безграмотность въ сельскомъ населеніи призывнаго возраста въ 1886 г. выражалась, minimum, 73,9% и, можетъ быть, простиралась даже до 78—80%, а потому грамотность того-же населенія была, maximum, 100%—73,9%=26,1%. Сравнивая эту цыфру съ данной выше 12,9% учащихся мальчиковъ на 100 дѣтей школьнаго возраста найдемъ, что на долю внѣшкольнаго пріобрѣтенія грамотности, по самой большей мѣрѣ, можно отнести въ селахъ только 26,1%—12,9%=13,2%.

Обращаясь, наконецъ, ко всему мужскому сельскому населенію, всѣхъ возрастовъ, не забудемъ, что найденная нами цыфра 73,9% безграмотныхъ относится къ молодымъ людямъ 20-ти-лѣтняго возраста, родившимся около 1866 г., достигшимъ школьнаго возраста во второй половинѣ 70-хъ годовъ, когда уже миновали такъ-называемые до-реформенные порядки: крѣпостное право было уничтожено, введены земскія учрежденія и мировые суды, изданы—законъ о всеобщей воинской повинности и главнѣйшіе изъ нынѣ дѣйствующихъ школьныхъ законовъ. Всѣ эти сравнительно благопріятныя условія общественной жизни вовсе не существовали для значительнаго большинства нынѣ живущаго взрослаго сельскаго мужскаго населенія, а именно для всей той его части, которая уже успѣла пережить свой школьный возрастъ къ эпохѣ перваго замѣтнаго подъема школьнаго дѣла въ Россіи, совпадающаго съ періодомъ времени 1864—1868 гг. Принимая во вниманіе, что огромное большинство мальчиковъ, учащихся въ началь-

ныхъ сельскихъ школахъ, а именно почти 9/10 (87,5%), прекращаетъ свое ученіе около 14-ти-лѣтняго возраста, найдемъ, что жители селъ, родившіеся въ 1851-мъ году и ранѣе, т.-е. достигшіе въ 1886 г. тридцати пяти-лѣтняго возраста, почти вовсе лишены были всякихъ способовъ для пріобрѣтенія начальнаго образованія, а потому безграмотность между ними должна выражаться несравненно большимъ процентомъ, нежели 73,9%. Слѣдовательно, общій процентъ безграмотныхъ для всего мужскаго сельскаго населенія Россіи всѣхъ возрастовъ въ 1886 г. долженъ былъ значительно превосходить эту цыфру.

До сихъ поръ мы говорили о мужскомъ населеніи. Представляется весьма интереснымъ опредѣлить вѣроятную цыфру процента безграмотныхъ и въ женскомъ населеніи. На этотъ счетъ наша статистика даетъ еще менѣе указаній. Но все-таки есть возможность, съ нѣкоторою вѣроятностью, приблизиться къ искомой цыфрѣ. Мы видѣли, что отношеніе числа учащихся въ сельскихъ школахъ дѣвочекъ къ такому-же числу мальчиковъ равно отношенію чиселъ 84,5% и 15,5%. Если допустить, что эти цыфры, относящіяся ко всей Россіи, обнимающія массу школъ и учащихся, являются относительными показателями существующей въ сельскомъ населеніи потребности въ образованіи мальчиковъ и дѣвочекъ, являются, такъ сказать, результатомъ сложившагося въ массѣ крестьянскаго населенія взгляда на значеніе грамотности для женщины, то съ достаточною вѣроятностью можно будетъ принять, что отношеніе числа грамотныхъ мужчинъ къ числу грамотныхъ женщинъ чувствительно одинаково съ отношеніями предъидущихъ чиселъ. На этомъ основаніи получимъ, что процентъ безграмотныхъ во всемъ женскомъ населеніи въ 1886 г. былъ не ниже 95,2%! Цыфра подавляющая, вынуждающая сказать, что русская женщина-крестьянка, въ крайне близкую къ намъ эпоху 1886 г., т.-е. въ исходѣ XIX столѣтія, находилась еще въ состояніи почти *поголовной* безграмотности! Это особенно прискорбно. Еще въ 1874 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Толстой во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи народнаго образованія указывалъ на крайнюю слабость развитія его въ женскомъ населеніи и высказалъ мысль, что это крайне задерживаетъ дѣло ученія. Конечно, подъемъ образованія между женщинами непремѣнно оказалъ-бы самое могущественное вліяніе на распространеніе его и во всемъ вообще населеніи страны. По свидѣтельству людей, близко соприкасавшихся съ крестьянскою жизнью, въ семьѣ, гдѣ мать грамотна, грамотны и всѣ дѣти.

Въ предъидущемъ изложеніи мы дали цыфры, выражающія состояніе начальнаго образованія во всей Россіи, дали, такъ сказать,

средній результатъ, въ которомъ крайнія минимальныя цыфры сглаживаются крайними максимальными. Но если затѣмъ обратимся къ отдѣльнымъ губерніямъ, нерѣдко весьма обширнымъ по пространству и значительно населеннымъ, то получится картина въ точномъ смыслѣ слова безотрадная. Такъ, въ Виленской губ. изъ 100 мальчиковъ учится 7,4, изъ 100 дѣвочекъ—0,2, одна школа приходится на 44 селенія, въ Псковской — подобныя-же цыфры суть: 7,3, 0,9 и 87; въ Могилевской--7,1, 0,6 и 25; въ Ковенской — 6,3, 0,4 и 61; въ Витебской—6,1, 0,3 и 83; въ Уфимской -- 5,9, 1,0 и 14. (Незначительность, относительная, послѣдней цыфры объясняется рѣдкостью населенія губерніи: въ ней одна школа приходилась почти на 500 квадр. верстъ пространства).

Если сдѣлаемъ еще шагъ дальше, углубимся въ большія подробности, возьмемъ за территоріальную единицу уѣздъ, то получимъ еще болѣе поразительныя, почти невѣроятныя цыфры. Притомъ карта Россіи повсюду окажется испещренною этими пятнами невѣжества. Мы найдемъ ихъ и въ сердцѣ ея, и повсюду кругомъ, по всѣмъ ея окраинамъ. Такъ, на самой границѣ съ Пруссіей, гдѣ все населеніе грамотно, и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ остзейскими губерніями, гдѣ грамотность стоитъ сравнительно высоко, находимъ уѣзды Ковенской губерніи: Тельшевскій и Россіенскій, въ которыхъ изъ 100 мальчиковъ училось въ первомъ—5,1, изъ 100 дѣвочекъ—0,4 и одна школа приходилась на 46 селеній, а во второмъ тѣ-же цыфры еще ниже: 4,4, 0,3 и 81. Въ самомъ центрѣ Россіи, подъ Москвой, находимъ уѣзды Каширскій (Тульской губ.) и Гжатскій (Смоленской губ.) съ такими цыфрами: для перваго — 5,2, 1,0 и 38 и для второго — 5,1, 1,3 и 57. Въ средней-же Россіи находимъ уѣзды: Спасскій (Тамбовской губ.)—5,2, 0,2 и 22; Суражскій (Черниговской губ.)—2,9, 0,3 и 27; на западѣ: Трокскій (Виленской губ.)—3,9; 0,1 и 82; Могилевской губ. уѣзды: Сеннинскій—5,0, 0,3 и 45 и Климовичскій—4,8, 0,6 и 28; Витебской губ.: Рѣжицкій—3,9, 0,1 и 99 и Люцинскій—4,2, 0,2 и 87. На востокѣ: Семеновскій уѣздъ (Нижегородской губ.)—3,2, 0,7 и 55; Уфимской губ.: Бирскій уѣздъ—4,0, 0,5 и 19 и Белебеевскій—3,4, 0,7 и 19; Самарской губ. Бугульминскій уѣздъ—3,9, 0,7 и 18. На югѣ, въ Крыму, куда ежегодно съѣзжаются тысячи русскихъ интеллигентныхъ путешественниковъ, въ Ялтинскомъ уѣздѣ, самой лучшей, прекраснѣйшей части Крыма, на южномъ его берегу—5,0, 1,7 и 9 и въ Евпаторійскомъ уѣздѣ — 4,9, 1,3 и 46. Наконецъ, въ сѣверной полосѣ, почти у самаго окна въ Европу, прорубленнаго почти 200 лѣтъ тому назадъ Великимъ Петромъ, въ Псковской гу-

берніи, административный центръ которой находится въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ переѣзда отъ столицы Имперіи по желѣзной дорогѣ, находимъ уѣзды, передъ которыми блѣднѣютъ, если только это возможно, и приведенныя сейчасъ страшныя цыфры. Въ Новоржевскомъ уѣздѣ на 100 мальчиковъ училось 5,2, на 100 дѣвочекъ—0,5; одна школа приходилась на 129 селеній; въ Холмскомъ уѣздѣ на 100 мальчиковъ училось 3,0; на 100 дѣвочекъ—0,2, на одну школу приходилось 208 селеній. Наконецъ, въ Торопецкомъ уѣздѣ на 100 мальчиковъ училось 1,5, на 100 дѣвочекъ — 0,3 и одна школа приходилась на 539 селеній! Многіе-ли изъ насъ останавливались мыслью на томъ, какъ оказывается, непреложномъ фактѣ, что еще, такъ сказать, вчера тысяча-верстный желѣзнодорожный путь, соединяющій столицу Русской Имперіи съ западно-европейской ея границей, послѣ трехъ-четырехъ часовъ переѣзда отъ Петербурга, на протяженіи многихъ сотенъ верстъ пролегаетъ по школьной Сахарѣ; что по обѣимъ сторонамъ этого пути, далеко въ глубь страны, въ громадныхъ промежуткахъ между рѣдкими городами лежатъ обширныя пространства, по величинѣ равныя цѣлымъ государствамъ культурной средней Европы, населенные народомъ, который, по своему умственному образованію, стоитъ на одномъ уровнѣ съ первобытными племенами. Подобнаго факта, подобнаго контраста, гдѣ уживаются рядомъ высшая цивилизація и первобытность жизни, нѣтъ и никогда не бывало на всей земной поверхности, за все извѣстное намъ историческое время. Гордиться-ли намъ такимъ изумительнымъ проявленіемъ нашей самобытности и нашего прогресса? Пожалуй, у кого-нибудь явится мысль сравнить насъ съ американцами Соединенныхъ Штатовъ. Американцы, дѣйствительно, перебрасывали желѣзнодорожные пути черезъ обширныя и дикія пустыни; но эти пустыни были населены бродячими, рѣдкими и враждебными цивилизаціи племенами краснокожихъ индійцевъ, а не осѣдлымъ, единоплеменнымъ, единовѣрнымъ съ ними народомъ.

Переходя отъ статистики сельскихъ школъ къ статистикѣ безграмотности въ отдѣльныхъ губерніяхъ, мы находимъ между ними много такихъ, въ которыхъ процентъ безграмотныхъ молодыхъ людей призывного возраста въ 1886 г. былъ 80% и болѣе; таковы, напримѣръ: Подольская (86,7), Оренбургская (83,8), Кіевская (83,5), Волынская (82,5), Ковенская (80,7), Виленская (80,6), Могилевская (80,0) и пять губерній, въ которыхъ земскія учрежденія введены до 1874 г.: Бессарабская (85,4), Казанская (83,6), Самарская (82,4), Пензенская (80,5) и Харьковская (80,0). Въ числѣ перечисленныхъ 12-ти губерній

мы находимъ три съ университетскими городами. Если для двухъ изъ нихъ, Казанской и Кіевской, крайняя отсталость въ грамотности объясняется, до нѣкоторой степени, для первой—разнообразіемъ племенного состава ея населенія, которое, частью, состоитъ изъ разныхъ инородцевъ и даже язычниковъ, а для второй общеизвѣстными историко-политическими обстоятельствами, то для Харьковской мы не находимъ подобныхъ объясненій и должны будемъ признать, что русскіе университеты не оказываютъ особаго вліянія на усиленіе начальнаго народнаго образованія въ массѣ населенія окружающаго ихъ района государства. Прибавимъ, наконецъ, что есть губернія, въ которой процентъ безграмотныхъ мужчинъ призывного возраста превышалъ 90, а именно Уфимская (91,5⁰/₀). Если для опредѣленія процента безграмотныхъ женщинъ примѣнить къ перечисленнымъ сейчасъ губерніямъ разсчетъ, сдѣланной выше для всей Европейской Россіи, то въ ту же весьма близкую къ намъ эпоху 1886 г. этотъ процентъ оказался-бы громаднымъ. Такъ, напримѣръ, по такимъ вычисленіямъ оказалось-бы, что въ Пензенской губ. процентъ безграмотныхъ женщинъ относительно всего женскаго населенія не ниже 96,5, въ Кіевской—97,8, въ Ковенской — 98,0, въ Подольской — 98,7, въ Уфимской—99,0⁰/₀. Дальше идти даже и невозможно.

Разсмотрѣніе деталей было-бы неполно и справедливо подлежало-бы упреку въ односторонности, если-бы, указавъ на худшую крайность, мы умолчали о болѣе утѣшительной сторонѣ дѣла, если только она существуетъ. Постараемся ее найти и для этой цѣли остановимся нѣсколько на тѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ, гдѣ начальное образованіе и грамотность были распространены наиболѣе. Въ этомъ отношеніи между губерніями Евр. Россіи на первое мѣсто надо поставить остзейскія, которыя, по распространенію въ нихъ грамотности и начальнаго образованія, столь рѣзко отличаются отъ всѣхъ остальныхъ, что мы должны въ настоящемъ очеркѣ выдѣлить ихъ въ особую группу и разсматривать ее отдѣльно. Въ остзейскихъ губерніяхъ въ 1880 г. было 2.460 шк., слѣд., одна школа приходилась на 32,9 квадр. версты. Въ школахъ училось 71.079 мальч. и 60.590 дѣв., всего 131.669. Отношеніе числа учившихся мальчиковъ къ такому-же числу дѣвочекъ равнялось отношенію чиселъ 54,0 къ 46,0 и, слѣдовательно, довольно чувствительно приближалось къ нормѣ, такъ какъ числа 54,0 и 46,0, сравнительно, мало разнствуютъ другъ отъ друга. На 100 мальчиковъ школьнаго возраста училось 39,3; для дѣвочекъ подобная-же цыфра была 29,0. Относительно числа селеній на 1 школу слѣдуетъ замѣтить, что оно не показано, потому что большинство

сельскаго населенія этихъ губерній живетъ въ отдѣльно стоящихъ дворахъ, и крестьянскихъ поселковъ изъ болѣе или менѣе значительнаго числа дворовъ, смежныхъ другъ съ другомъ, почти не встрѣчается. Вышеприведенныя цыфры для двухъ изъ губерній—Лифляндской и Эстляндской—рѣзко отличаются отъ цыфръ третьей губерніи, Курляндской, которая значительно отстала отъ первыхъ. Если исключить Курляндскую губернію, то 1 школа придется на 26,9 квадр. вер., а число учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ на 100 лицъ учебнаго возраста, отдѣльно для каждаго пола, въ Лифляндской губерніи было: для мальчиковъ 45,1 и для дѣвочекъ — 36,1, а въ Эстляндской губ.—41,2 и 37,4. Тѣ-же числа для Курляндской губерніи были: 70,5 квадр. вер., 23,3 мальч. и 11,5 дѣвоч. Процентъ безграмотныхъ между молодыми людьми призывного возраста въ 1886 г. былъ для губерніи Курляндской—20,9, Лифляндской—4,2 и Эстляндской—1,7. Двѣ послѣднія цыфры совсѣмъ напоминаютъ Европу. Относительно прибалтійскихъ губерній необходимо отмѣтить тотъ, въ высшей степени замѣчательный и поучительный для насъ фактъ, что на начальныя народныя школы этого края почти вовсе не было произведено расхода изъ государственнаго казначейства. Здѣсь умѣстно будетъ сказать, что въ прибалтійскихъ губерніяхъ средній годовой расходъ на одного учащагося былъ 3 р. 72 к., каждому жителю пришлось израсходовать на образованіе 19 коп. въ годъ. Эти цифры, по сравненію съ подобными-же для остальной Россіи, являются также довольно поучительными. Средній годовой расходъ на одного учащагося по всѣмъ губерніямъ Европейской Россіи былъ 5 р. 98 к., т.-е. почти вдвое превосходилъ подобный-же расходъ въ прибалтійскомъ краѣ. Это и естественно, если принять во вниманіе, что масса учащихся въ первомъ случаѣ несравненно больше, нежели во второмъ. Но затѣмъ весьма замѣчательно, что расходъ на образованіе, выпадающій на долю одного жителя, въ прибалтійскомъ краѣ весьма мало превосходитъ крайнія цыфры подобнаго-же расхода для нѣкоторыхъ изъ остальныхъ мѣстностей Россіи. Напримѣръ, для губерній С.-Петербургской, Новгородской, Олонецкой и Псковской, которыя, по степени развитія начальнаго образованія, не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ прибалтійскимъ краемъ, эта цыфра, въ среднемъ, простирается до 18 коп., т.-е. только на 1 коп. меньше. Изъ этого слѣдуетъ, что начальное образованіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ, ложащееся на жителей почти тѣмъ-же расходомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, давало, однако-же, несравненно большіе результаты, и потому надо признать, что оно было организовано тамъ прак-

тичнѣе и, такъ сказать, хозяйственнѣе. Въ послѣдніе годы положеніе школьнаго дѣла въ остзейскихъ губерніяхъ существенно измѣнилось въ смыслѣ примѣненія къ краю порядковъ, существующихъ въ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи. Выиграетъ-ли отъ этого народное образованіе, покажетъ время и опытъ.

Обращаемся къ русскимъ губерніямъ. Наиболѣе благопріятныя процентныя цыфры учащихся выпадали на губерніи: Петербургскую, Таврическую, Самарскую, Саратовскую и Олонецкую, въ которыхъ % учащихся мальчиковъ больше 20. Въ слѣдующей таблицѣ показаны школьныя данныя, относящіяся къ этимъ губерніямъ:

ГУБЕРНІИ.	На 100 дѣтей училось.		На 200 дѣтей училось всего.	На сколько селеній приходилось 1 училище.	На какое простран. въ кв. вер. приходится 1 училище.	Число учениковъ на 1 училище.
	Мальч.	Дѣвоч.				
С.-Петербургская	24,3	10,7	35,0	9	92,3	36
Таврическая	23,5	7,8	31,3	4	142,4	57
Самарская	21,3	9,7	31,0	3	211,7	92
Саратовская	20,7	8,3	29,0	5	168,0	113
Олонецкая	21,2	4,0	25,2	17	540,0	30

Во всѣхъ прочихъ губерніяхъ Европ. Россіи процентъ учащихся мальчиковъ меньше 20 на 100, для дѣвочекъ-же онъ еще гораздо ниже. Эти наиболѣе благопріятныя цыфры являются новымъ доказательствомъ крайней слабости школьнаго дѣла въ Россіи: оказывается, что въ наилучшемъ случаѣ (Петербургская губернія), процентъ учащихся мальчиковъ по губерніямъ не достигалъ даже четверти всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, а для дѣвочекъ поднимался только до одной десятой. Если за территоріальную единицу принять уѣздъ, то для указанныхъ сейчасъ губерній вышеприведенныя цыфры, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повышаются, но за-то въ другихъ значительно понижаются: такъ, напримѣръ: для С.-Петербургскаго уѣзда получимъ процентъ учащихся мальчиковъ 29,0, дѣвочекъ—17,5, но за-то для Гдовскаго найдемъ—15,7 и 3,3. Даемъ слѣдующую таблицу предѣльныхъ максимальныхъ и минимальныхъ процентовъ для уѣздовъ во всѣхъ вышеуказанныхъ пяти губерніяхъ.

УѢЗДЫ ГУБЕРНІЙ.	На 100 дѣтей учащихся		На 200 дѣтей всего учащихся.	На сколько селеній 1 училище.	Число учениковъ на 1 училище.
	Мальч.	Дѣвоч.			
Петербургскій уѣздъ, Спб. губ.	29,0	17,5	46,5	4	53
Гдовскій » » »	15,7	3,3	19,0	21	39
Бердянскій, Таврич. губ.	**40,3**	**13,3**	**53,6**	**1**	**57**
Евпаторійскій » »	4,9	1,3	6.2	46	36
Новоузенскій. Самарской губ.	**57,0**	**39.2**	**96,2**	**1**	**161**
Бугульминскій » »	3,9	0,7	4,6	18	52
Камышинскій, Саратовск. губ.	**53,6**	**39 1**	**92,7**	**2**	**211**
Петровскій, » »	7,3	0,6	7,9	11	54
Повѣнецкій, Олонецкой губ.	28,2	5,7	33,9	16	24
Олонецкій » »	17,4	4,0	21,4	19	27

Достойно замѣчанія, что въ Бердянскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ въ каждомъ селѣ было училище. При этомъ поражаетъ то обстоятельство, что среднее число учениковъ на 1 школу въ Новоузенскомъ уѣздѣ доходило до 161, т.-е. школы были страшно переполнены, несмотря на то, что учились не всѣ, а только около половины дѣтей школьнаго возраста (96 вмѣсто 200). Поэтому можно судить, какъ велика потребность въ школахъ и какъ недостаточна она удовлетворялась. То-же относится и къ Камышинскому уѣзду. Очень замѣтельно, что эта потребность въ школахъ недостаточно удовлетворена и въ настоящее время: еще осенью прошлаго 1892 г. въ газетахъ была напечатана телеграмма именно изъ Камышина, что «школы въ уѣздѣ переполнены, приходится отказывать желающимъ поступить въ школы»! (Газ. «Новости», № 298). Таблица показываетъ, какимъ рѣзкимъ колебаніямъ, въ предѣлахъ одной и той-же губерніи, подвергались цыфры учащихся и тѣмъ самымъ, естественно, наводитъ на вопросъ: не представляютъ-ли такія, сравнительно благопріятныя, отношенія, какъ цыфры: 40,3 для Бердянскаго, 53,6 для Камышинскаго и 57,0 для Новоузенскаго уѣздовъ, явленій вполнѣ мѣстныхъ и совершенно исключительныхъ. Для повѣрки этого предположенія мы разсмотрѣли процентныя отношенія учащихся во всѣхъ уѣздахъ Европейской Россіи и пришли къ слѣдующему результату: уѣздовъ, въ которыхъ процентъ учащихся мальчиковъ 50 и болѣе, во всей Россіи, только и существовало всего 2—это именно: Новоузенскій и Камышинскій; уѣздовъ, въ которыхъ подобная-же цыфра заключается между 40% и 50%, всего одинъ — Бердянскій 40,3. Продолжая подобное-же перечисленіе далѣе, найдемъ: съ процен-

томъ отъ 30 до 40—4 уѣзда *); съ процентомъ отъ 25 до 30—15 уѣздовъ **).

Въ остальныхъ 453-хъ уѣздахъ процентъ учащихся мальчиковъ не достигалъ даже и четвертой доли всѣхъ дѣтей школьнаго возраста!

Что касается дѣвочекъ, то положеніе ихъ самое безотрадное. Для нихъ мы находимъ двѣ максимальныя цыфры опять въ тѣхъ-же двухъ уѣздахъ: Новоузенскомъ—39,2 и Камышинскомъ—39,1; затѣмъ слѣдуютъ, значительно уже низшіе, двѣ тождественныя между собою цыфры: 21,9 для уѣздовъ Одесскаго и Аккерманскаго. Дальше представляется такая картина: съ процентомъ отъ 15 до 20 имѣлось 2 уѣда ***), отъ 10 до 15—6 уѣздовъ, отъ 5 до 10—24 уѣзда, отъ 1 до 5—246 уѣздовъ и, наконецъ, цыфра процентовъ опускалась до 0 цѣлыхъ съ дробью въ 193 уѣздахъ изъ 475!

Итакъ, наши поиски лучшихъ по постановкѣ начальнаго образованія уѣздовъ привели къ открытію только двухъ такихъ, въ которыхъ училась половина всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, и притомъ только изъ числа мальчиковъ, т.-е. и въ этихъ самыхъ лучшихъ уѣздахъ школьное дѣло находилось въ положеніи, съ которымъ не могло-бы примириться ни одно изъ культурныхъ государствъ Европы. Изъ сдѣланнаго сейчасъ обзора процентныхъ отношеній по уѣздамъ прямо слѣдуетъ еще и то, что высказанное сейчасъ предположеніе объ исключительности уѣздовъ Новоузенскаго, Камышинскаго и, до нѣкоторой степени, Бердянскаго, вполнѣ справедливо.

Коснувшись состоянія начальнаго образованія въ отдѣльныхъ уѣздахъ, невозможно пройти молчаніемъ въ высшей степени замѣчательнаго факта, что уѣзды съ университетскими городами занимали далеко не первыя мѣста въ ряду остальныхъ, за исключеніемъ до нѣкоторой степени. Одесскаго. Даже такъ-называемое сердце Россіи,

---

*) Вотъ эти уѣзды съ ихъ процентными цыфрами для мальчиковъ и дѣвочекъ: Аккерманскій—36,5 и 21,9, Новгородскій—34,0 и 5,0, Одесскій—32,3 и 21,9 и Троицкій (Оренб. губ.)—30,5 и 8,8.

**) Вотъ эти уѣзды съ ихъ цыфрами: Николаевскій (Самар.)—29,4 и 13,0, Петербургскій—29,0 и 17,5, Повѣнецкій (Олонец.)—28,2 и 5,7, Ямбургскій—28,0 и 17,6, Брестскій (Гродн.)—27,4 и 0,4, Тарусскій (Калужск.)—26,9 и 4,6, Саратовскій—26,7 и 9,4, Петергофскій—26,5 и 14,3, Царскосельскій—26,3 и 12,6, Вытегорскій (Олонец.)—26,1 и 6,6, Спасскій (Рязанской)—25,6 и 2,4, Заславскій (Волынск.)—25,4 и 3,6, Рыбинскій (Яросл.)—25,3 и 8,8, Лихвинскій (Калужск.)—25,1 и 1,0 и Ефремовскій (Тульск.)—25,0 и 1,7.

***) Петербургскій (17,5) и Ямбургскій (17,6).

Московскій уѣздъ, не выдѣлялся изъ общей убогой массы. Что касается Петербургскаго уѣзда, то онъ стоитъ довольно высоко въ спискѣ, хотя и не во главѣ его *).

Переходя къ статистикѣ грамотности, находимъ, что наиболѣе грамотный контингентъ молодыхъ людей призывного возраста въ 1886 г. былъ доставленъ Ярославской губ., а именно для нея процентъ безграмотныхъ крестьянъ, мѣщанъ и лицъ, неизъятыхъ отъ ревизіи, былъ 25,2**). Грамотные составляли больше половины всѣхъ призывныхъ только въ пяти губерніяхъ: Ярославской—74,8%, С.-Петербургской—65,9%, Московской—59,5%, Тверской—52,5% и Владимірской—51,9%. Замѣчательно, что всѣ эти губерніи принадлежатъ къ наиболѣе промышленнымъ и торговымъ. Развитіе въ нихъ грамотности вполнѣ объясняется практическими, утилитарными ея выгодами и преимуществами. Замѣчательно, что губерніи, въ которыхъ процентъ учащихся мальчиковъ наибольшій, занимаютъ очень низкое мѣсто, по проценту грамотныхъ: такъ, въ Саратовской губерніи онъ былъ 24,0, а въ Самарской еще ниже—16,8. Къ сожалѣнію, для 1886 г. мы не имѣемъ цыфръ грамотныхъ между призывными по уѣздамъ, а потому и не

---

*) Въ настоящей статьѣ, не выходя изъ предназначенныхъ, свойственныхъ общему ея характеру и цѣли, рамокъ, мы не можемъ вдаваться въ подробности, но трудно воздержаться, чтобы не привести (хотя въ подстрочномъ примѣчаніи) слѣдующихъ весьма характеристическихъ данныхъ. Въ Петербургскомъ уѣздѣ сосредоточиваются всѣ высшіе органы управленія Имперіей; то, что дѣлается въ немъ, прежде всего бросается въ глаза всѣмъ. Петербургъ—центръ правительственной и интеллигентной дѣятельности. Съ другой стороны, Самарская и Саратовская губерніи, гдѣ находятся уѣзды Новоузенскій и Камышинскій, представляютъ собою глухую, отдаленную провинцію, и вотъ что мы видимъ:

УѢЗДЫ.	Сельск. школъ (образцовыхъ) Мин. Нар. Просв.	Пособій на сельскія школы.		Общ. бюджетъ сельскихъ школъ.	Процентъ учащихся.	
		Изъ Госуд. казначейства.	Отъ церк. прих. попечительствъ и вообще духовенств. и благотв. общ.		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
С.-Петербургскій	5	37.566 р.	6.110 р.	166.994	29,0%	17,5%
Новоузенскій.	0	205 ›	0 ›	46.612	57,0%	39,2%
Камышинскій	0	0 ›	20 ›	79.195	53,6%	39,1%

**) Беремъ крестьянъ, мѣщанъ и проч. на основаніи соображеній, объясненныхъ выше для подобнаго-же случая.

можемъ выдѣлить изъ состава цѣлыхъ губерній уѣздовъ Новоузенскаго и Камышинскаго. Такимъ образомъ, въ данную минуту мы не будемъ останавливаться на пріисканіи вѣроятнаго объясненія этого факта, тѣмъ болѣе, что это вовлекло-бы насъ въ подробности, выходящія за намѣченныя рамки.

Для дополненія вышеизложеннаго общаго обзора количественнаго состава учащихся въ сельскихъ школахъ разныхъ губерній интересно сравнить губерніи, въ которыхъ земскія учрежденія введены до 1874 г., съ губерніями, гдѣ нѣтъ земскихъ учрежденій, и тѣми, гдѣ они введены послѣ 1874 г. Такую классификацію губерній принимаетъ нашъ Центральный Статистическій Комитетъ. Даемъ слѣдующую таблицу (она вычислена на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, относящихся къ тому-же 1880 году) процентнаго числа учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ на 100 дѣтей школьнаго возраста для губерній земскихъ и неземскихъ (назовемъ ихъ такъ для краткости), сгруппированныхъ по учебнымъ округамъ, и для совокупности тѣхъ и другихъ отдѣльно.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Земскія губ.		Неземскія губ.	
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
С.-Петербургскій	14,1	3,0	12,5	2,6
Московскій	13,6	1,9	—	—
Харьковскій	11,5	1,1	12,7	2,2
Кіевскій	13,0	0,9	12,9	1,5
Одесскій	15,6	4,3	—	—
Казанскій	15,4	4,6	12,5	2,6
Оренбургскій	13,4	3,6	10,9	2,4
Виленскій	—	—	9,6	0,5
Дерптскій	—	—	39,3	29,0
Для всѣхъ вообще губерній	13,8	2,6	14,1	4,5
За исключеніемъ Остзейскихъ губ.	—	—	11,3	1,4

Изъ этой таблицы видно, что, въ общемъ, не существовало сколько-нибудь чувствительной разницы между процентами учащихся въ губерніяхъ земскихъ и неземскихъ. Если выдѣлить прибалтійскія губерніи, въ которыхъ процентъ учащихся не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ подобными-же процентами для остальныхъ, то окажется, что въ земскихъ губерніяхъ учится $2^1/_2$ мальчиками и $1^1/_5$ дѣвоч-

ками больше, нежели въ губерніяхъ неземскихъ. Разница совершенно ничтожная. Притомъ весьма замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ округахъ, а именно Харьковскомъ и Кіевскомъ, въ составъ которыхъ входятъ губерніи и земскія, и неземскія, преимущество остается даже за послѣдними, такъ какъ общее число учащихся дѣтей обоего пола для Харьковскаго округа въ земскихъ губерніяхъ 12,6, а въ неземскихъ 14,9; для Кіевскаго-же въ земскихъ губерніяхъ—13,9, а въ неземскихъ—14,4. Независимо отъ существованія земства и до его возникновенія огромное большинство земскихъ губерній пользовалось несравненно болѣе выгодными мѣстными, географическими, культурными, историческими и политическими, условіями въ сравненіи съ губерніями неземскими, между которыми мы встрѣчаемъ, напримѣръ, такую, какъ Архангельская, съ ея громаднымъ пространствомъ и рѣдкимъ населеніемъ, Астраханскую, Оренбургскую, Уфимскую, стоящія въ подобныхъ-же условіяхъ; затѣмъ, довольно многочисленныя губерніи Виленскаго учебнаго округа, находящіяся въ особомъ, исключительномъ положеніи. Между тѣмъ, въ концѣ концовъ, черезъ 16-ть лѣтъ послѣ учрежденія земствъ, губерніи земскія успѣли опередить губерніи неземскія въ дѣлѣ образованія народныхъ, сельскихъ массъ лишь на столько, что въ нихъ на сто дѣтей каждаго пола учится $2^1/_2$ мальчиками и $1^1/_5$ дѣвочками болѣе, нежели въ губерніяхъ неземскихъ, и притомъ эта разница относится къ числамъ, превосходящимъ первый десятокъ сотни дѣтей только немногими единицами: для мальчиковъ—13,8 и 11,3, а для дѣвочекъ—весьма близкимъ къ нулю, 2,6 и 1,4!

Во всѣхъ предъидущихъ случаяхъ послѣ разсмотрѣнія школьныхъ цыфръ мы обращались къ цыфрамъ, выражающимъ процентъ безграмотныхъ въ той или другой группѣ населенія. Если примѣнимъ этотъ пріемъ къ губерніямъ земскимъ и неземскимъ, то на основаніи статистики новобранцевъ, обработанной такимъ-же точно образомъ, какъ мы дѣлали это выше, найдемъ, что въ неземскихъ губерніяхъ (за исключеніемъ остзейскихъ) контингентъ новобранцевъ изъ мѣщанъ, крестьянъ и проч. лицъ, не изъятыхъ отъ ревизіи, въ 1886 г. былъ 51.762 чел.; изъ нихъ совершенно безграмотныхъ оказалось 43.050, т.-е 83,1%. Для губерній земскихъ тѣ-же цыфры были: 139.222, 98.146 и 70,5%. Такимъ образомъ, въ сельскомъ населеніи неземскихъ губерній безграмотныхъ между молодыми людьми призывного возраста въ 1886 г. было не менѣе 83,1%, а въ земскихъ — не менѣе 70,5%. Обѣ эти цыфры, сами по себѣ, ужасно велики и тѣмъ болѣе печальны, что показываютъ меньше чего не могла быть степень без-

грамотности въ молодомъ поколѣніи сельскихъ жителей почти современной намъ эпохи. Сопоставленныя между собою и съ найденными передъ тѣмъ процентами учащихся въ сельскихъ школахъ, онѣ являются довольно замѣчательными и заслуживающими особеннаго вниманія. Мы сейчасъ видѣли, что по числу учащихся въ сельскихъ школахъ земскія губерніи почти не отличаются отъ неземскихъ и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, для всего Харьковскаго учебнаго округа, преимущество остается даже за послѣдними. Между тѣмъ, въ отношеніи грамотности мужскаго населенія призывнаго возраста между тѣми и другими губерніями обнаруживается весьма чувствительная разность въ пользу губерній земскихъ. Разность эта выражается цыфрою 12,6%, тогда какъ для учащихся въ школахъ мальчиковъ она равна только 2,5%. Отсюда прямо слѣдуетъ, что собственно сельская школа въ земскихъ губерніяхъ оказываетъ самое слабое, почти ничтожное вліяніе на ихъ превосходство въ отношеніи числа грамотныхъ надъ губерніями неземскими. Другими словами, пріобрѣтеніе грамотности, помимо школы, въ губерніяхъ земскихъ несравненно значительнѣе, нежели въ губерніяхъ неземскихъ, а такъ какъ контингентъ учащихся мальчиковъ въ тѣхъ и другихъ почти одинаковъ, то это превосходство губерній земскихъ надъ неземскими надо приписать не школѣ, а другимъ причинамъ и условіямъ. Обнаруженный предъидущими цыфрами фактъ свидѣтельствуетъ, что въ населеніи земскихъ губерній существуетъ бóльшая потребность въ грамотности, бóльшее къ ней стремленіе, вслѣдствіе чего населеніе, даже помимо школы, пріобрѣтаетъ грамотность самостоятельно. Возникновеніе такого стремленія вполнѣ объясняется тѣмъ, что въ земскихъ губерніяхъ болѣе развиты торговля и промыслы, въ нихъ больше городовъ, города чаще, населеніе гуще и дѣятельнѣе, пути сообщенія, и, между прочимъ, желѣзнодорожная сѣть, болѣе развиты; въ этихъ губерніяхъ давно уже дѣйствуютъ могущественные возбудители и проводники культуры, каковы: новые суды, мировыя и земскія учрежденія и пр. Неземскія губерніи во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, въ большинствѣ случаевъ, стоятъ въ условіяхъ несравненно худшихъ.

Въ очеркѣ, подобномъ настоящему, необходимо обратить вниманіе на степень наполненія школъ учащимися. Для сужденія объ этомъ предлагаемъ слѣдующую, составленную нами, таблицу числа учащихся на одну школу въ губерніяхъ земскихъ и неземскихъ, по учебнымъ округамъ:

*

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Губ. земскія.			Губ. неземскія.		
	Число школъ.	Общее число учениковъ.	Число учениковъ на 1 школу.	Число школъ.	Общее число учениковъ.	Число учениковъ на 1 школу.
С.-Петербургскій	1.518	58.297	38,4	80	3.625	45,31
Московскій	3.919	194.499	49,6	—	—	—
Харьковскій	1.940	108.396	55,9	279	16.759	60,1
Кіевскій	852	47.626	55,9	2.783	81.206	29,2
Одесскій	1.365	81.750	59,9	—	—	—
Казанскій	2.456	170.383	69,4	79	4.093	51,8
Оренбургскій	553	34.835	63,0	685	28.923	42,1
Виленскій	—	—	—	1.514	64.413	42,5
Дерптскій	—	—	—	2.460	131.669	53,5
Итого	12.603	695.786	55,2	7.880	330.688	42,0
Безъ Дерптскаго	—	—	—	5.420	199.019	36,7

Если исключить Дерптскій округъ, то на одну школу въ губерніяхъ земскихъ приходилось 55,2 учен., а въ неземскихъ—36,7 учен., т.-е. на 18,5 уч. меньше, что составляетъ весьма значительную разность. Приливъ учениковъ въ школу обусловливается многими обстоятельствами: степенью плотности населенія, числомъ школъ на извѣстное пространство, бо̀льшимъ или меньшимъ стремленіемъ къ образованію въ средѣ населенія, степенью довѣрія его къ школѣ, степенью соотвѣтствія школьнаго ученія желаніямъ и требованіямъ населенія и проч. Оцѣнка относительнаго участія всѣхъ этихъ обстоятельствъ въ производимомъ ими результатѣ, конечно, есть дѣло въ высшей степени сложное, требующее величайшей осторожности и очень спеціальнаго и детальнаго изслѣдованія, выходящаго изъ рамокъ, намѣченныхъ для настоящаго очерка. Здѣсь умѣстно будетъ ограничиться только общимъ выводомъ, что различныя обстоятельства, обусловливающія приливъ учениковъ въ русскую сельскую школу, въ общей своей совокупности сложились для школъ въ губерніяхъ земскихъ болѣе благопріятнымъ образомъ въ сравненіи съ губерніями неземскими.

Если за норму числа учениковъ на одну школу принять 50, то окажется, что въ земскихъ губерніяхъ только одинъ Московскій округъ, въ общемъ, имѣлъ нормальное число учениковъ (49,6); Харьковскій (55,9) и Кіевскій (55,9) довольно близко приближались къ нормѣ, нѣсколько превышая ее, а округа: Одесскій (59,9), Оренбургскій (63,0) и, въ особенности, Казанскій (69,4) страдали переполненіемъ школъ.

Что касается школъ Петербургскаго округа, то онѣ страдали противоположнымъ недостаткомъ, т.-е. малолюдствомъ (38,4). Это явленіе, главнымъ образомъ, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что въ составъ Петербургскаго округа входятъ губерніи съ чрезвычайно рѣдкимъ населеніемъ. Такъ, въ Олонецкой губ. приходится на 1 квадр. в. 2,6 жит., въ Вологодской—3,5, въ Новгородской—11,4. Въ самой Петербургской губ., если исключить милліонное населеніе столицы, на долю собственно сельскаго населенія останется немного,—около 13 жит. на 1 квадр. в. Наконецъ, Псковская губ., также принадлежащая къ числу губерній мало населенныхъ (25,4 жит. на квадр. в.), сверхъ того, отличается еще, какъ было объяснено выше, крайне выдающеюся отсталостью въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ общемъ, въ земскихъ губерніяхъ на 1 школу приходится 55,2 уч. Это показываетъ, что школы въ этихъ губерніяхъ во многихъ случаяхъ страдаютъ переполненіемъ. Въ неземскихъ губерніяхъ ненормальнымъ наполненіемъ пользуются школы только одного Казанскаго округа (51,8); довольно близка къ нормѣ губернія Архангельская, Петербургскаго округа (45,3). Затѣмъ слѣдуютъ Оренбургскій (42,1) и Виленскій (42,5) округа, страдающіе нѣкоторымъ малолюдствомъ школы, и, наконецъ, Кіевскій округъ (29,2), въ которомъ это малолюдство выражается наиболѣе рѣзко. Переполненіемъ школъ въ неземскихъ губерніяхъ страдаетъ въ значительной степени только одинъ Харьковскій округъ (60,1). Въ неземскихъ губерніяхъ бросается въ глаза особое малолюдство школъ Кіевскаго округа (29,2). Губерніи, составляющія неземскую часть этого округа, Кіевская, Волынская и Подольская, по плотности населеніи—однѣ изъ самыхъ благопріятныхъ во всей Россіи (67,5, 36,7, 68,1 жит. на 1 квадр. вер.), равно какъ и по пространству, выпадающему на 1 школу. Отсюда прямо слѣдуетъ, что малолюдность школы объясняется для этихъ губерній особеннымъ отношеніемъ къ ней населенія: оно или не имѣетъ достаточно развитой потребности въ образованіи, или не довѣряетъ школѣ, или, наконецъ, школа его не удовлетворяетъ и оно ищетъ образованія помимо ея. Такъ какъ рядомъ съ малолюдствомъ школы въ губерніяхъ этихъ обнаруживается очень высокій процентъ безграмотныхъ между молодыми людьми призывного возраста (83,5, 82,5 и 86,7), то съ значительнымъ вѣроятіемъ можно допустить, что малолюдство школъ объясняется здѣсь первою изъ указанныхъ сейчасъ причинъ. Если школы, имѣющія меньше 25 учениковъ, признать бѣдными по составу учащихся, а школы, имѣющія болѣе 50 учениковъ, перепол-

ненными, то, на основаніи вычисленій г. Дубровскаго *), принимая во вниманіе всѣ школы Европ. Россіи (включая Прибалтійскій край и привислянскія губерніи), окажется: первыхъ школъ—20,1%, а послѣднихъ — 36,4%. Это приводитъ къ заключенію, что русская народная школа, въ общемъ, страдаетъ скорѣе переполненіемъ, нежели малолюдствомъ, т.-е. спросъ на школу превышаетъ предложеніе.

Для завершенія очерка состоянія народнаго образованія сельской Россіи въ 1880 г. намъ остается еще сказать о финансовой сторонѣ дѣла.

На содержаніе сельскихъ школъ Европ. Россіи, безъ прибалтійскихъ и привислянскихъ губ., было ассигновано всего 5.536.710 руб. Эта сумма, по источникамъ своимъ, распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

1) Изъ государст. казначейства	689.767 р.,	12,5%
2) Отъ земствъ	2.512.113 »	45,4 »
3) Отъ сельскихъ обществъ	1.824.658 »	33,0 »
4) Отъ церков.-приходск. попечительствъ, церков. братствъ, священно и церковнослужителей и благотворит. обществъ . .	65.147 »	1,2 »
5) Отъ частныхъ лицъ	319.761 »	5,6 »
6) Отъ платы съ учащихся	89.149 »	1,6 »
7) Изъ другихъ источниковъ **)	42.350 »	0,7 »

Принимая во вниманіе, что 2, 3 и 6 источники слагаются прямо изъ средствъ самого сельскаго населенія, мы можемъ придать этой таблицѣ болѣе сжатый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе правильный видъ, а именно слѣдующій:

1) Отъ самого сельскаго населенія	4.425.920 р.,	80,0%
2) Изъ госуд. казначейства	689.767 »	12,5 »
3) Отъ частныхъ лицъ	319.761 »	5,6 »
4) Отъ церк.-прих. попеч., церк. братствъ, священно и церковно-служителей и благотворит. обществъ	65.147 »	1,2 »
5) Изъ другихъ источниковъ	42.350 »	0,7 »
Итого	5.536.710 р.	100 %
Изъ этой суммы въ дѣйствительности израсходовано	5.470.684 р.	
Слѣдовательно, осталось въ экономіи	66.026 р.,	

что составляетъ 1,2% всего бюджета.

---

*) Здѣсь нельзя не выразить сожалѣнія, что въ почтенномъ трудѣ г. Дубровскаго «Сельск. училищ. и пр.» въ табл. II принята не вполнѣ удачная классификація школъ по числовому составу учениковъ. Вмѣсто второй и третьей изъ принятыхъ имъ категорій, отъ 25—50 и 51—75 учениковъ, было-бы правильнѣе и удобнѣе принять слѣдующія подраздѣленія: 25—40, 41—50, 51—60 и 61—75 и т. д. Тогда можно было-бы съ большей опредѣленностью судить о степени малолюдности и переполненности школъ.

**) Въ трудѣ г. Дубровскаго не сказано, каковы были эти «другіе источники».

Изъ этого видно, что громадная часть бюджета школъ, а именно $^4/_5$, покрывалась изъ средствъ самого сельскаго населенія; государственное казначейство доставляло $^1/_8$ часть и частныя лица немногимъ болѣе $^1/_{20}$. Участіе церковно-приходскихъ попечительствъ, церковныхъ братствъ, священно и церковно-служителей и благотворительныхъ обществъ выражалось самою ничтожною долею, едва превышающею $^1/_{100}$ часть бюджета. Невозможно не остановиться съ крайнимъ сожалѣніемъ на весьма солидной цифрѣ 66.026 р. экономіи отъ школьнаго бюджета, и безъ того бѣднаго, въ странѣ, гдѣ надо ужасно дорожить всякой новой школой. Почти четверть всѣхъ сельскихъ школъ Россіи (23,4%) имѣетъ бюджетъ отъ 200 до 300 р. на школу (см. изслѣдованіе г. Дубровскаго стр. XXXV). Взявъ меньшую изъ этихъ цыфръ, мы получили-бы еще не самую бѣдную школу, потому что больше трети ихъ (36,2%) имѣетъ бюджетъ еще меньшій, и нашли-бы, что на экономію 66.026 р. можно открыть 330 новыхъ школъ и, принимая норму въ 50 учен., обучать въ нихъ 16.500 дѣтей. Существованіе такой экономіи прямо свидѣтельствуетъ о недостаточно внимательномъ и хозяйственномъ отношеніи къ дѣлу.

Обращаясь къ распредѣленію школьнаго бюджета, отдѣльно, въ губерніяхъ земскихъ и неземскихъ, даемъ слѣдующую таблицу, составленную для тѣхъ и другихъ, по учебнымъ округамъ.

Земскія губерніи.

Учебные округа.	Общій приходъ.	Государственное казначейство.	Земства.	Сельскія общества.	Церковно-приходскія и пр.	Частныя лица.	Плата съ учащихся.	Другіе источники.
Петербургскій	551.921	89.134	330.373	84.087	7.536	29.121	10.112	1.558
Московскій	1.307.687	132.225	697.575	277.145	14.678	169.817	11.829	4.418
Харьковскій	649.526	56.531	349.026	196 925	1.236	40.275	4.871	662
Кіевскій	252.413	21.952	157.107	52.719	3.495	11.133	5.555	452
Одесскій	589.161	45.626	139.260	337.251	4,864	7.921	36.909	17.330
Казанскій	813.796	34,722	494.436	239.717	13.075	16.314	12.688	2.844
Оренбургскій	330.098	20.218	252.162	34.901	666	19.686	97	2.368
Итого	4.494.602	400.408	2.419.939	1.222.745	45.550	294.267	82.061	29.632
		8,9%	53,8%	27,2%	1,0%	6,6%	1,8%	0,7%

Неземскія губерніи.

Учебные округа.	Общій приходъ.	Государственное казначейство.	Земства.	Сельскія общества.	Церковно-приходскія и пр.	Частныя лица.	Плата съ учащихся.	Другіе источники.
Петербургскій	31.906	12.392	—	17.936	690	888	—	—
Московскій	—	—	—	—	—	—	—	—
Харьковскій	135.543	1.626	34.695	92.433	1.330	3.465	1.925	69
Кіевскій	320.479	87.994	—	206.268	10.483	9.775	1.443	4.516
Одесскій	—	—	—	—	—	—	—	—
Казанскій	16.930	7.468	—	6.837	2.286	235	104	—
Оренбургскій	149.999	34.366	57.479	47.962	1.032	7.758	157	1.245
Виленскій	387.251	145.513	—	230.477	3.776	3.373	3.459	653
Дерптскій	247.646	1.943	—	99.944	8.756	48.582	82.186	6.235
Итого	1.289.754	291.302	92.174*)	701.857	28.353	74.076	89.274	12.718
Безъ Дерптскаго	1.042.108	289.359	92.174	601.913	19.597	25.494	7.088	6.483
		27,8%	8,8%	57,8%	1,9%	2,4%	0,7%	0,6%

Для болѣе удобнаго сравненія двухъ категорій губерній, взятыхъ въ цѣломъ, составляемъ, на основаніи этой таблицы, новую, болѣе сжатую, удерживая въ ней только процентныя отношенія:

Источники содержанія.	Земскія г.	Неземскія г.
1) Отъ самого сельскаго населенія	82,8%	67,3%
2) Изъ государственнаго казначейства	8,9 »	27,8 »
3) Отъ частныхъ лицъ	6,6 »	2,4 »
4) Отъ церк.-прих. попечит., священно и церк.-служит., церковн. братствъ и благотвор. общ.	1,0 »	1,9 »
5) Изъ другихъ источниковъ	0,7 »	0,6 »
Итого	100%	100%

Эти цыфры достаточно краснорѣчиво говорятъ сами за себя и почти не требуютъ комментаріевъ. На основаніи ихъ мы приходимъ къ весьма цѣнному выводу, что самодѣятельность населенія въ дѣлѣ народнаго образованія въ земскихъ губерніяхъ значительно выше, нежели въ неземскихъ. Это явственно выражается изъ сравненія первыхъ двухъ паръ цыфръ. Заслуживаетъ большаго вниманія фактъ, что въ земскихъ губерніяхъ частныя лица принимаютъ гораздо большее участіе въ поддержаніи сельской школы, нежели въ губерніяхъ

*) Къ числу неземскихъ губерній отнесены и тѣ, въ которыхъ земскія учрежденія введены послѣ 1874 года.

неземскихъ. Хотя это участіе, можетъ быть, заставляетъ еще желать многаго, но все-таки въ земскихъ губерніяхъ оно почти втрое напряженнѣе въ сравненіи съ губерніями неземскими.

Въ предъидущихъ двухъ таблицахъ прибалтійскія губерніи были выдѣлены, какъ и вездѣ выше, въ особую группу, къ которой не относятся сдѣланные сейчасъ общіе выводы. Останавливаясь въ частности на этихъ губерніяхъ, усматриваемъ, что школьный бюджетъ ихъ представляетъ особенности, рѣзко отличающія ихъ отъ остальныхъ губерній Россіи, что видно изъ слѣдующаго распредѣленія школьнаго дохода по источникамъ его поступленія:

1) Изъ госуд. казначейства	1.943	руб.	0,8%
2) Отъ сельскихъ обществъ	99.944	»	40,4%
3) Отъ церк.-прих. поп., церковн. братствъ, свящ. и церк.-служ., благотвор. общ. и пр.	8.756	»	3,5%
4) Отъ частныхъ лицъ:	48.582	»	19,7%
5) Платы съ учащихся.	82.186	»	33,1%
6) Изъ другихъ источниковъ.	6.235	»	2,5%
Итого . . .	247.646	руб.	100,0%

Принимая болѣе сжатую группировку, подобную установленной выше, получимъ для остзейскихъ губерній слѣдующее распредѣленіе:

1) Отъ самого сельскаго населенія	181.330	руб.	73,5%
2) Отъ частныхъ лицъ	48.582	»	19,7%
3) Отъ церк.-прих. поп., церк. братствъ, священ. и церк.-служ. и благот. общ. . . .	8.756	»	3,5%
4) Изъ разныхъ источниковъ	6.235	»	2,5%
5) Изъ госуд. казначейства.	1.943	»	0,8%
Итого . . .	247.646	руб.	100,0%
Въ дѣйствительности израсходовано	247.819	»	
т.-е нетолько не сдѣлано никакой экономіи, но еще передержано	173	руб.	

Сравнивая это распредѣленіе съ предъидущими, мы находимъ между ними рѣзкое различіе. Отъ самого населенія въ прибалтійскомъ краѣ поступаетъ немногимъ меньше, нежели въ остальной Россіи (на 6,5% при 80,0% и 73,5% общихъ итоговъ), притомъ эта статья дохода въ остзейскихъ губерніяхъ ниже только въ сравненіи съ губерніями земскими, но выше сравнительно съ неземскими (на 6,2%). Заслуживаетъ также вниманія та особенность остзейскаго бюджета, что, при значительномъ участіи въ немъ сельскихъ обществъ, родители учащихся привлекаются къ поддержанію школъ въ несравненно большей степени, нежели въ остальной Россіи, а именно: для первыхъ участіе родителей выражается цыфрою 33,1% (почти 1/3 всего

бюджета), а во-вторыхъ—цыфрою 1,6%, т.-е. почти въ 20 разъ менѣе. Это, рядомъ съ отсутствіемъ въ краѣ закона объ обязательности ученія, доказываетъ, что въ населеніи въ значительной степени укоренилось сознаніе необходимости и важности начальнаго образованія и что посылка дѣтей въ школу является достаточно прочнымъ и распространеннымъ обычаемъ. Нѣкоторое облегченіе въ сравненіи съ остальной Россией сельскихъ обществъ прибалтійскаго края въ расходахъ на поддержаніе школъ въ значительной мѣрѣ возмѣщается участіемъ въ этомъ дѣлѣ частныхъ лицъ, которыя несутъ на себѣ 1/5 часть всего школьнаго бюджета (19,7%) и въ этомъ отношеніи далеко опережаютъ русскую интеллигенцію, жертвующую на сельскую школу только 5,6% (въ земскихъ губерніяхъ 6,6%, а въ неземскихъ даже только 2,4%). Фактъ, достойный вниманія и стоящій въ явномъ противорѣчіи съ распространеннымъ у насъ мнѣніемъ о недоброжелательномъ, будто бы, и даже жестокомъ отношеніи прибалтійской интеллигенціи къ сельскому рабочему населенію. Участіе духовенства въ поддержаніи школы въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ и въ остальной Россіи, весьма незначительно, хотя и выражается цыфрою почти втрое большею (3,5% для остзейск. губ. и 1,2% для остальной Россіи). Замѣчательною чертою школьнаго бюджета прибалтійскихъ губерній является почти полное отсутствіе пособія со стороны государственнаго казначейства, которое фигурируетъ въ немъ цыфрою, недостигающею даже и 1% (0,8%),—цыфрою, до того ничтожною, что, безъ малѣйшаго обремененія остальныхъ плательщиковъ, она могла-бы совершенно незамѣтно распредѣляться между ними и вовсе исчезнуть изъ бюджета. Пособія отъ государственнаго казначейства въ школьномъ бюджетѣ Прибалтійскаго края, по всей вѣроятности, представляютъ собою явленіе совершенно случайное, судя по тому, что изъ трехъ губерній, Эстляндская не получаетъ отъ казны ни копѣйки, Курляндская—всего 55 р. и почти вся сумма пособій, т.-е. 1.888 р. выпадаетъ исключительно на долю одной только Лифляндской губерніи, нѣкоторые уѣзды которой, а именно: Валкскій и Вольмарскій, тоже не получаютъ никакихъ пособій. Наибольшее пособіе оказывается Дерптскому уѣзду (742 р.). Наконецъ, невозможно не обратить вниманіе еще на одну черту остзейскаго школьнаго бюджета—всѣ суммы, ассигнованныя на сельскую школу, дѣйствительно употребляются въ дѣло, которое ведется съ такимъ разсчетомъ, что допускается не экономія, а скорѣе передержка. Передержка эта для всего округа выражается довольно характеристичною цыфрою 173 р.!

Состояніе начальнаго образованія сельской Россіи въ 1880 году

можно, такъ сказать, резюмировать результатами вычисленій Центральнаго Статистическаго Комитета Мин. Внутрен. Дѣлъ относительно числа училищъ и расхода на нихъ, если-бы училось все населеніе учебнаго возраста. По приблизительнымъ вычисленіямъ г. Дубровскаго, основаннымъ на данныхъ школьной переписи 20-го марта 1880 г., для разсматриваемаго нами района Европейской Россіи получаются слѣдующіе результаты: если-бы училось все сельское населеніе учебнаго возраста (отъ 7 до 14 лѣтъ включительно), то школъ потребовалось-бы, вмѣсто существовавшихъ 18.023—245.075 и на содержаніе ихъ понадобилось-бы, вмѣсто 5.470.684 р.—77.191.362 р.! т.-е. число школъ слѣдовало увеличить въ 13,6, а расходъ на нихъ въ 14,1 раза. Цыфры эти, конечно, только приблизительныя, выведенныя примѣнительно къ состоянію школьнаго дѣла въ Россіи въ 1880 г. и въ зависимости отъ существовавшихъ или, вѣрнѣе, имѣвшихся въ распоряженіи Статистическаго Комитета данныхъ о сельскомъ населеніи Россіи. Данныя-же эти, по признанію самого Комитета, далеки отъ полной достовѣрности *).

Независимо отъ этого, самый способъ вычисленія, принятый почтеннымъ авторомъ изслѣдованія для опредѣленія числа сельскихъ училищъ и расхода на ихъ содержаніе, при предположеніи, что Россія достигла всеобщности школьнаго образованія, представляется намъ не вполнѣ удовлетворительнымъ. Способъ этотъ заключался въ слѣдующемъ: существовавшее число учащихся въ губерніи раздѣлялось на число существовавшихъ школъ. Такимъ образомъ получалось среднее число учениковъ на 1 школу. Затѣмъ опредѣлялось, на основаніи таблицъ народонаселенія, данныхъ академикомъ Буняковскимъ въ его «Антропобіологическихъ изслѣдованіяхъ», число всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, отъ 7 до 14 лѣтъ включительно, и это число дѣлилось на предъидущее, т.-е. на среднее число учениковъ въ одной школѣ. Частное и принималось за искомое число школъ, необходимое для осуществленія всеобщности обученія. Для опредѣленія расхода на содержаніе этихъ школъ опредѣлялся предварительно средній расходъ на 1 школу, при существующихъ условіяхъ, и затѣмъ этотъ расходъ умножался на вычисленное передъ тѣмъ общее число школъ. Такой пріемъ вычисленія вызываетъ слѣдующія возраженія: среднее число учениковъ на школу, полученное вышеуказаннымъ способомъ, не можетъ быть принято за норму для школы при условіи всеобщности

*) См. предисловіе къ послѣднему, по времени, «Сборн. свѣдѣній по Россіи» Изд. 1890 г.

обученія. Школъ въ Россіи, даже и теперь, ужасно мало. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, т.-е. въ 1880 году, къ которому относится трудъ г. Дубровскаго, ихъ было, сравнительно съ населеніемъ, еще гораздо меньше. По очевиднымъ причинамъ, о которыхъ нѣтъ надобности распространяться, существовавшія въ 1880 г. школы были сосредоточены почти исключительно въ болѣе многолюдныхъ, часто посѣщаемыхъ, лежащихъ на болѣе или менѣе оживленныхъ дорогахъ и сравнительно достаточныхъ въ матеріальномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ селахъ. Глухія, отдаленныя, малолюдныя и бѣдныя деревни вовсе не имѣли, да и до сихъ поръ не имѣютъ никакихъ школъ. При такихъ условіяхъ, тамъ, гдѣ крестьяне успѣли уже къ 1880-му году проникнуться сознаніемъ пользы образованія и гдѣ населеніе было достаточно густо, школы были переполнены *). Отъ этого средняя цыфра учащихся на 1 школу оказывается слишкомъ высокой и отнюдь не можетъ быть распространена не только на цѣлую губернію, но даже и на уѣздъ, такъ какъ въ остальной, значительно большей его части, гдѣ школъ еще нѣтъ и не было, населеніе рѣже и бѣднѣе, и школа не можетъ привлечь къ себѣ такого значительнаго числа учениковъ. Съ другой стороны, встрѣчаются такіе уѣзды, и даже цѣлыя губерніи (напр., Кіевская, Подольская, Волынская, Смоленская, Нижегородская и т. п.), въ которыхъ, при сравнительно густомъ населеніи, школы, существовавшія въ 1880 г., были далеко не полны, что, независимо отъ разныхъ другихъ причинъ, непремѣнно обусловливалось и тѣмъ, что въ населеніи не успѣла еще развиться въ достаточной мѣрѣ потребность въ образованіи. Такое отношеніе населенія къ школѣ несовмѣстно съ существованіемъ всеобщности обученія, и низкая средняя цыфра учениковъ, относящаяся къ подобному положенію дѣла, очевидно не можетъ быть принимаема за норму для эпохи, когда все населеніе получаетъ начальное образованіе. Далѣе, для эпохи всеобщности обученія нельзя принимать для элементарной, начальной школы продолжительность школьнаго возраста отъ 7 до 14-ти лѣтъ вклю-

---

*) Къ числу такихъ мѣстностей принадлежатъ, напримѣръ, что видно изъ таблицъ, приводимыхъ самимъ г. Дубровскимъ, уѣзды: Клинскій (Моск. губ.) 70 уч. на 1 шк., Угличскій (Яросл. губ.)—73 уч., Спасскій (Рязанск. губ.)—74 уч., Кромскій (Орл. губ.)—82 уч., въ Воронежской губ. уѣзды: Бобровскій—73, Валуйскій—71, Острогожскій—92, Павловскій—83 и многія другія. Есть мѣстности, гдѣ среднее число учениковъ на школу доходитъ до громадной цыфры, превышающей 100 и даже 200, напримѣръ, въ Самарской губ. уѣзды: Бузулукскій—108 и Николаевскій—161, въ Саратовской губ. уѣзды: Саратовскій—113, Камышинскій—211.

чительно. Даже самыя культурныя страны Европы, въ которыхъ существуетъ, въ силу закона, не только всеобщность, но и *обязательность* элементарнаго образованія, не простираютъ такъ далеко своихъ требованій. Во Франціи, напримѣръ, начальное образованіе обязательно для дѣтей обоего пола отъ 6-ти, исключительно, до 13-ти лѣтъ, включительно, при чемъ, если ученикъ получаетъ свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи элементарной школы до 13-ти лѣтъ, то онъ освобождается отъ дальнѣйшаго посѣщенія школы. У насъ, въ Россіи, особенно въ сѣверной ея половинѣ, дѣти физически развиваются медленнѣе, нежели въ Западной Европѣ; вмѣстѣ съ этимъ запаздываетъ и умственное развитіе ихъ. Сверхъ того, наша суровая зима, краткость зимнихъ дней и рѣдкость населенія дѣлаютъ посѣщеніе школы дѣтьми семилѣтняго возраста крайне неудобнымъ и даже невозможнымъ. Нашъ семилѣтній деревенскій ребенокъ едва-ли можетъ съ успѣхомъ пользоваться школьнымъ ученіемъ, въ многолюдномъ классѣ, наравнѣ съ болѣе взрослыми товарищами, которыхъ онъ будетъ только задерживать, отнимая отъ учителя массу времени и труда, въ ущербъ остальному классу. Съ другой стороны, едва-ли можно допустить, при существованіи всеобщности начальнаго образованія, предполагающей болѣе или менѣе серьезный взглядъ на ученіе со стороны родителей и значительную распространенность школъ по всей странѣ, чтобы родители слишкомъ запаздывали посылать дѣтей въ школы до 14, 15, 16 и даже болѣе лѣтъ, какъ это случается въ настоящее время,—тѣмъ болѣе, что при существующихъ экономическихъ и хозяйственныхъ условіяхъ сельскаго населенія подростки становятся уже полезными и даже необходимыми участниками деревенскихъ работъ. Съ другой стороны, мы еще не можемъ даже и мечтать о томъ, чтобы въ Россіи для сельскаго населенія осуществилась, даже и въ отдаленномъ будущемъ, возможность удлиннить курсъ начальной школы больше 4-хъ, 5-ти лѣтъ. Если-бы наша школа принимала дѣтей, начиная съ 8-ми лѣтъ, и регулярно удерживала—мальчиковъ до 13-ти, а дѣвочекъ—до 12-ти лѣтъ, включительно, т.-е. первыхъ 5, а вторыхъ четыре года, то и это было-бы уже громаднымъ шагомъ впередъ, при которомъ наша сельская школа могла-бы давать удовлетворительное на первое время и достаточно прочное элементарное образованіе.

Изъ изслѣдованія г. Дубровскаго и по другимъ новѣйшимъ источникамъ видно, что въ сельскихъ школахъ процентъ учащихся мальчиковъ начинаетъ сильно падать съ возраста 14-ти лѣтъ, а процентъ дѣвочекъ съ 12-ти, и особенно 13-ти лѣтъ. Это объясняется тѣмъ, что дѣвочки подростки становятся необходимыми въ крестьянской семьѣ

для домашнихъ работъ, пряжи и т. п., между тѣмъ какъ мальчики въ зимнее учебное время остаются болѣе свободными. Съ этимъ вѣками сложившимся хозяйственнымъ и семейнымъ строемъ нашей крестьянской жизни, конечно, необходимо считаться. Вотъ почему мы принимаемъ для мальчиковъ и дѣвочекъ различную продолжительность школьнаго возраста. Нѣкоторымъ коррективомъ этого неравенства условій для дѣвочекъ и мальчиковъ послужитъ болѣе раннѣе физическое и умственное развитіе первыхъ сравнительно съ послѣдними,— фактъ, если не ошибаемся, твердо установившійся въ антропологіи и замѣчаемый всѣми опытными педагогами, имѣвшими возможность въ широкихъ размѣрахъ наблюдать и сравнивать классы мужскіе съ женскими. При исчисленіи расхода на содержаніе сельскихъ школъ, въ эпоху всеобщности обученія, предполагающей предъявленіе уже довольно высокихъ требованій отъ школы со стороны населенія, невозможно, какъ намъ кажется, принимать ту низкую, минимальную норму средняго расхода, которая существовала въ 1880-мъ году. Даже и тогда, по исчисленію г. Дубровскаго, школъ, расходовавшихъ отъ 300 до 500 р., было 27,3% всего числа ихъ, расходовавшихъ отъ 500 до 700 р.—8,1% и отъ 700 до 2.000 р. и даже болѣе—15,0%, т.-е. школъ, расходовавшихъ свыше 300 руб., было немногимъ менѣе половины всего ихъ числа—42,3%. Допустивъ осуществленіе всеобщности обученія, неизбѣжно слѣдуетъ допустить и поднятіе уровня достоинства школы во всѣхъ отношеніяхъ. При такомъ допущеніи отнюдь нельзя будетъ считать преувеличеннымъ, а напротивъ, придется признать крайне умѣреннымъ для сельской школы на 50 чел. бюджетъ въ 500 р. Эта норма находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе, напримѣръ, въ томъ, что содержаніе думской начальной городской школы въ Петербургѣ, при 50 учащихся и при весьма ограниченномъ курсѣ ученія, обходится городу до 2.000 р. Норма 500 р. вчетверо меньше этой.

Безъ всякаго сомнѣнія, вопросъ объ опредѣленіи числа школъ, необходимаго для осуществленія въ Россіи всеобщности школьнаго образованія, въ высшей степени труденъ и сложенъ, даже при условіи вполнѣ удовлетворительнаго состоянія нашей статистики, чего далеко нельзя еще сказать. Можно даже безошибочно утверждать, что пока сама жизнь не рѣшитъ его на дѣлѣ, всякая попытка теоретическаго его рѣшенія непремѣнно приведетъ къ болѣе или менѣе гадательнымъ результатамъ, такъ какъ въ основу вычисленій неизбѣжно придется ввести нѣкоторыя произвольныя, вѣроятныя предположенія. Но, однако, вопросъ этотъ до такой степени интересенъ и такъ важенъ, въ смыслѣ

указанія, какую массу умственныхъ и нравственныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ необходимо затратить для достиженія всеобщности обученія и какъ далеко мы еще отстоимъ отъ этой вожделѣнной цѣли, что трудно удержаться отъ попытки нѣкотораго разъясненія его хотя-бы для того, чтобы приблизительно опредѣлить, каково должно быть *вѣроятное минимальное* число школъ, при которомъ могли-бы учиться всѣ дѣти сельскаго населенія Европейской Россіи. Намъ кажется, что въ такой упрощенной и ограниченной формѣ, при допущеніи нѣкоторыхъ вѣроятныхъ, хотя въ значительной мѣрѣ и произвольныхъ предположеній, этотъ вопросъ поддается приблизительному рѣшенію, причемъ большая или меньшая достовѣрность результата, конечно, всецѣло будетъ обусловливаться степенью достовѣрности тѣхъ статистическихъ данныхъ, касающихся народонаселенія, которыми мы можемъ располагать. Данныя-же эти, какъ указано выше, по признанію самого Центральнаго Статистическаго Комитета, далеко не могутъ быть признаны удовлетворительными. Но вѣдь, если завтра откроется для Россіи возможность осуществленія всеобщности школьнаго образованія, то для необходимыхъ въ этомъ дѣлѣ разсчетовъ пришлось-бы поневолѣ довольствоваться именно такими данными. Поэтому и намъ не остается никакого иного выхода для рѣшенія занимающаго насъ вопроса.

Итакъ, допустимъ, что школьный возрастъ ограниченъ, съ одной стороны, 8-ю, а съ другой—12-ю годами для дѣвочекъ и 13-ю—для мальчиковъ. Предѣлы эти берутся включительно. Такъ какъ оба пола начинаютъ ученіе въ одномъ и томъ-же возрастѣ, то окончаніе курса дѣвочками на годъ раньше мальчиковъ не поведетъ ни къ какому нарушенію непрерывности въ ходѣ обученія, которое можетъ оставаться общимъ для всѣхъ учениковъ. Допустимъ далѣе, что составъ сельской школы ограниченъ 50-ю учениками. Эта норма довольно близка къ существующей нынѣ дѣйствительной средней нормѣ для всей Россіи (49,6 для 1880 г., 55,9 для 1885 г.). Съ бо́льшимъ числомъ учениковъ, особенно при допущенной четырехлѣтней продолжительности курса для большинства учащихся, причемъ остается еще въ школѣ старшее, пятое, отдѣленіе мальчиковъ *), учителю почти невозможно справиться. Ученіе въ такой многолюдной школѣ подвигалось-бы крайне медленно и даже прямо не достигало-бы своей цѣли.

---

*) Едва-ли нужно дѣлать оговорку, что ничто не мѣшаетъ дѣвочкамъ, достигшимъ 12-ти лѣтъ, продолжать ученіе. Мы только не беремъ ихъ въ разсчетъ, имѣя въ виду полученіе минимальной цыфры сельскихъ школъ.

Принятіе за норму числа 50 учениковъ на школу, оправдываемое требованіями педагогическими, вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою приведетъ къ опредѣленію минимальнаго числа школъ. Дѣйствительно, въ мѣстностяхъ, достаточно густо населенныхъ, норма 50 чел. установится безъ всякаго затрудненія. Въ мѣстностяхъ-же съ рѣдкимъ населеніемъ, при значительныхъ разстояніяхъ между селами и малолюдствѣ ихъ, школа во многихъ случахъ должна будетъ ограничиться меньшимъ числомъ учениковъ. Очевидно, что въ такихъ мѣстностяхъ, при всеобщности обученія, придется устраивать школы на меньшее, нежели 50, число учениковъ, т.-е. школъ, въ дѣйствительности, окажется гораздо больше, нежели сколько ихъ получится при нашемъ теоретическомъ разсчетѣ. Слѣдовательно, число, которое мы вычислимъ, окажется меньше дѣйствительнаго, окажется минимальнымъ. Мы получимъ его, если найдемъ итогъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ принятыхъ выше предѣлахъ и раздѣлимъ этотъ итогъ на 50. При вычисленіи школьнаго населенія мы воспользуемся новѣйшими таблицами народонаселенія Россіи г. В. Борткевича, изданными Академіей Наукъ въ 1890 и 1891 гг. *). Г. Дубровскій въ своихъ вычисленіяхъ могъ пользоваться только таблицами академика Буняковскаго **), изданными почти двадцать лѣтъ тому назадъ, и потому менѣе соотвѣтствующими современному состоянію статистики нашего населенія. Замѣтимъ, что таблицы Буняковскаго дали-бы гораздо большія числа. Не вдаваясь въ изложеніе подробностей довольно утомительныхъ вычисленій, ограничиваюсь приведеніемъ ихъ существенныхъ результатовъ. Населеніе Европ. Россіи, безъ остзейскихъ и привислянскихъ губ., въ 1880 г. было 76.658.000 ***). Городское населеніе составляло около 11,5%, т.-е. 8.815.680. Слѣдовательно, сельскаго населенія оставалось 67.842.320. Въ сельскомъ населеніи на 100 мужчинъ приходилось 103,3 женщинъ. Раздѣляя цыфру сельскаго населенія пропорціонально этимъ числамъ, найдемъ, что въ немъ было

---

*) См. Владислава Борткевича: «*Смертность и долговѣчность мужскаго православнаго населенія Европейской Россіи*». Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. LXIII. Спб. 1890 г. и его-же «*Смертн. и долговѣч. женскаго прав. нас. Евр. Россіи*». Зап. Акад. Наукъ. Т. LXVI. Спб. 1891 г.

**) См. «*Антропологическія изслѣдованія и ихъ приложеніе къ мужскому населенію Россіи*». Академика В. Буняковскаго. Прил. къ XXIII тому Запис. Ак. Наукъ. Спб. 1874 г.

***) Еврейское и магометанское населеніе не исключаются на томъ основаніи, что мы дѣлаемъ разсчетъ школъ для эпохи *всеобщности* школьнаго образованія, т.-е. когда всѣ дѣти будутъ учиться, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія.

мужчинъ 33.370.540, женщинъ — 34.471.780. Пользуясь таблицами г. В. Борткевича, вычислимъ, что въ средѣ сельскаго населенія мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 8-ти до 13-ти лѣтъ, включительно, было 4.238.000, а дѣвочекъ отъ 8 до 12 лѣтъ—3.762.000. Всего дѣтей принятаго нами школьнаго возраста—8.000.000, что составляетъ только 10,4% всего населенія. Останавливаемся на указаніи этого процента умышленно, чтобы обратить вниманіе на умѣренность принимаемыхъ въ основу нашего вычисленія цыфръ. Во всѣхъ культурныхъ странахъ школьный возрастъ принимается въ гораздо болѣе широкихъ предѣлахъ сравнительно съ принятымъ выше; такъ, въ странахъ, гдѣ всеобщность и обязательность начальнаго образованія издавна и твердо установилась, а именно: въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Пруссіи, учащіеся въ низшихъ школахъ составляютъ: въ первыхъ—20,4%, а во второй—17,2% всего населенія. Во Франціи, гдѣ обязательность начальнаго образованія введена недавно, этотъ процентъ достигаетъ 14,5%. Относительная малость послѣдней цыфры объясняется тѣмъ, что во Франціи, какъ извѣстно, рождаемость довольно слаба, и потому дѣти составляютъ меньшую часть всего населенія сравнительно съ другими странами. Въ Швейцаріи, Швеціи, Англіи, Шотландіи, Саксоніи, Виртембергѣ, Баваріи и въ нашей Финляндіи подобный процентъ выше 15%. Итакъ, принявъ для Россіи 10,4%, мы беремъ весьма умѣренную цыфру школьнаго населенія и слѣд. получимъ не только не преувеличенное, но скорѣе недостаточное для эпохи всеобщности начальнаго образованія число школъ. Раздѣляя найденный выше итогъ дѣтей школьнаго возраста, 8.000.000, на нормальное число ихъ въ школѣ, т.-е. на 50, получимъ минимальное число школъ, которое необходимо было имѣть въ селахъ Россіи въ 1880 г. для осуществленія всеобщности обученія. Число это окажется равнымъ 160.000.

Считаемъ полезнымъ предупредить одно возможное замѣчаніе, которое, пожалуй, будетъ сдѣлано по поводу нашихъ вычисленій. Можетъ быть, скажутъ, что все сельское населеніе мы считали крестьянами, между тѣмъ какъ въ селахъ живутъ лица и другихъ сословій. На это отвѣчаемъ, что, безъ всякаго сомнѣнія, крестьянство въ селахъ въ своей громадной массѣ поглощаетъ всѣ сословія. Распредѣленіе населенія по сословіямъ въ точности неизвѣстно; но, приблизительно, дворянство, потомственное и личное, и чиновничество составляютъ около 2¼% всего населенія Россіи, духовенство около 1%. Остальныя 96¾% состоятъ изъ городскихъ сословій, крестьянства, военнаго сословія, иностранцевъ и лицъ, не принадлежащихъ

къ вышеисчисленнымъ группамъ. Послѣднія двѣ категоріи, въ числѣ 96³/₄%, составляютъ всего 0,8%. Принимая во вниманіе, что громадное большинство дворянъ, особенно послѣ крестьянской реформы, живетъ въ городахъ, что въ городахъ-же живетъ почти все чиновничество и значительная часть духовенства, придемъ къ заключенію, что предъидущія вычисленія не требуютъ никакой поправки въ зависимости отъ ничтожной примѣси къ сельскому населенію сословія дворянскаго, чиновническаго и духовенства. Сверхъ того, по изслѣдованію сельскихъ школъ въ 1880 г., оказалось, что въ нихъ учатся не одни только крестьянскія дѣти, но и дѣти дворянъ и прочихъ сословій, и притомъ въ довольно значительномъ числѣ, что видно изъ слѣдующей таблицы, составленной г. Дубровскимъ:

	%% учащихся:	
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
Крестьянъ	84,4	67,5
Другихъ сословій (сюда вошли, главнымъ образомъ, учащіеся питомцы воспитательныхъ домовъ и дѣти колонистовъ и казаковъ)	8,0	22,7
Мѣщанъ и цеховыхъ	3,2	4,6
Нижнихъ воинскихъ чиновъ	2,2	1,3
Священно и церковно-служителей	1,3	2,8
Почетныхъ гражданъ и купцовъ	0,3	0,5
Личныхъ дворянъ и чиновниковъ	0,3	0,4
Потомственныхъ дворянъ	0,3	0,2

По докладу о состояніи народнаго образованія въ Тверской губ. въ 1877 г. оказывается, «что въ сельскихъ школахъ число учениковъ некрестьянскаго сословія гораздо значительнѣе, чѣмъ можно было думать; въ особенности велико число учениковъ духовнаго сословія. Оказывается, что болѣе 3,34% всего числа учащихся—дѣти духовенства. Если принять во вниманіе общее число жителей обоего пола духовнаго и крестьянскаго сословій въ Тверской губ., то, по словамъ доклада, обнаруживается въ высшей степени замѣчательный фактъ, что процентъ дѣтей духовенства, учащихся въ земскихъ школахъ, больше процента дѣтей крестьянскаго сословія». Такимъ образомъ, еще до 1880 г. сельская школа, при всей ея бѣдности и несовершенствѣ, является уже мѣстомъ для первоначальнаго образованія всѣхъ сословій. Въ эпоху всеобщности школьнаго обученія, когда сельская школа достигнетъ несравненно болѣе высокаго педагогическаго уровня, она, въ своемъ районѣ, сдѣлается школою всесословною и, слѣдовательно, разбираемое нами возраженіе само собою отпадаетъ, т.-е., при предположеніи всеобщности обученія нѣтъ надобности, при

исчисленіи дѣтей школьнаго возраста исключать изъ состава сельскаго населенія дворянъ, духовенство и проч.

Итакъ, минимальное число сельскихъ школъ въ разсматриваемомъ нами районѣ Россіи для 1880 г. оказывается 160.000, т.-е. почти въ 9 разъ больше существовавшаго. Отъ числа школъ интересно и уже не трудно перейти къ ихъ бюджету. Принимая, на основаніи высказанныхъ выше соображеній, стоимость содержанія сельской школы на 50 человѣкъ въ 500 руб., найдемъ, что бюджетъ 160.000 школъ достигаетъ цыфры 80.000.000 р., которая въ 14 слишкомъ разъ (14,6) превышаетъ бюджетъ 5.470.684, существовавшій въ 1880 году. Раздѣляя эту сумму на итогъ сельскаго населенія, получаемъ цыфру расхода на одного жителя 1 руб. 17 коп., которая въ 14-ть-же слишкомъ разъ больше расхода 8 коп. въ 1880 г.

Полученныя цыфры являются приблизительными указателями того, какъ велика была въ 1880 г. отсталость Россіи въ дѣлѣ народнаго образованія и до какихъ, по истинѣ, грандіозныхъ размѣровъ надо было увеличить и число школъ, и расходъ на нихъ, чтобы дать возможность всѣмъ нашимъ деревенскимъ дѣтямъ пріобрѣтать начальное образованіе хотя-бы въ размѣрахъ крайне скромной и ограниченной учебной программы нашей сельской школы. При всей поражающей цыфрѣ необходимаго для этой цѣли школьнаго бюджета на одно только сельское населеніе, одной только Европ. Россіи, безъ ея окраинъ,—цыфрѣ, доходящей до 80 милл. руб., она, едва-ли, можетъ быть признана преувеличенной. Если обратимся къ странамъ, гдѣ общеобязательность начальнаго образованія уже прочно установилась, то увидимъ, что на одного жителя приходится расхода на начальное образованіе: въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ — 2 р. 92 к., въ Швейцаріи—1 р. 93 к., въ Пруссіи—1 р. 81 к., въ Англіи—1 р. 65 к., во Франціи — 1 р. 17 к., въ Швеціи — болѣе 1 р. 10 к. *). Всѣ эти цыфры, за исключеніемъ послѣднихъ двухъ, значительно превосходятъ найденную нами для Россіи — 1 р. 17 к. Сравнительная незначительность цыфры для Франціи объясняется указанною выше особенностью возрастнаго распредѣленія ея населенія: дѣтей во Франціи, сравнительно съ взрослымъ населеніемъ, мало. Что касается Швеціи, то дѣйствительный расходъ на 1 жителя тамъ больше показаннаго въ нашей таблицѣ, потому что, вслѣдствіе особенностей составленія шведскаго бюджета народныхъ школъ,

---

*) «*Report of the commissioner of education for the year 1888—89*». Washington. 1891.

нѣкоторая часть его ускользаетъ отъ точной оцѣнки. Принимая-же во вниманіе громадное пространство Россіи, рѣдкость ея населенія, суровость климата и другія неблагопріятныя условія, получимъ новый аргументъ въ пользу умѣренности вычисленныхъ цыфръ.

Если изложенныя выше основанія разсчета школъ распространить на всю Россію, европейскую и азіатскую, за исключеніемъ Финляндіи, которая давно уже достигла всеобщности начальнаго школьнаго образованія, и принять во вниманіе и городское населеніе, то получились-бы громадныя цыфры — не менѣе 250.000 начальныхъ школъ и 125 мил. рублей на ихъ содержаніе! И эти цыфры, съ большимъ еще основаніемъ, нежели первыя, слѣдовало-бы признать минимальными, такъ какъ пространства нашихъ азіатскихъ владѣній громадны, а населеніе въ нихъ до крайности рѣдко: въ Европ. Россіи — 21 чел. на 1 квадр. версту, на Кавказѣ (сѣв. и южн.)—17,7, въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ — 1,8 и въ Сибири — 0,4 чел. на 1 квадр. вер.

А. Страннолюбскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Д. Тихомировъ. Методика начальной ариѳметики. Руководство для учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1890 г. Цѣна 60 коп.

Курсъ ариѳметики для церковно-приходскихъ школъ программами вполнѣ опредѣленъ, но примѣненіе его въ практикѣ далеко еще не установилось, особенно въ практикѣ одноклассной школы съ двухгодичнымъ курсомъ. Мы напомнимъ, что требованія этой послѣдней по ариѳметикѣ или «счисленію» (такъ ариѳметика называется въ программахъ церковно-приходскихъ школъ) совпадаютъ съ требованіями земской школы. Въ школахъ обоихъ типовъ поставлено цѣлью изученіе четырехъ дѣйствій: въ церковно-приходскихъ—надъ числами до милліона, а въ земскихъ—надъ числами любой величины; разница, конечно, несущественная. Пройти одинъ и тотъ-же курсъ въ два года или въ три—далеко не все равно. Трудность для учащихъ церковно-приходскихъ школъ увеличивается тѣмъ, что у нихъ нѣтъ въ распоряженіи *методически* разработаннаго сборника задачъ. Восполнить этотъ пробѣлъ, повидимому, взялся авторъ поименованнаго выше руководства, въ началѣ котораго онъ говоритъ: «Общее положеніе, на которомъ основываются новѣйщія руководства (Мартынова, Шохоръ-Троцкаго, Егорова, Житкова, Гольденберга, Лубенца),—то, что въ нихъ въ основу преподаванія полагается изученіе не числа въ его свойствахъ, а элементарныхъ дѣйствій надъ числами. Положеніе въ общемъ вѣрное, но не вездѣ оно съ одинаковою удобопримѣнимостью проводилось» (стр. 8). Такое скромное заявленіе дало намъ поводъ думать вначалѣ, что рѣчь пойдетъ только о такой разработкѣ курса, которая была-бы цѣлесообразна для церковно-приходскихъ школъ; но дальнѣйшее изученіе руководства показало намъ, что наши предположенія оказались несостоятельными и что авторскія притязанія простираются гораздо дальше. На стр. 10 читаемъ: «Новая постановка ме-

тодики ариѳметики отказывается отъ слишкомъ широкихъ и далекихъ отъ жизни требованій: не претендуетъ на ознакомленіе учениковъ съ «свойствами» чиселъ, этою основою всякаго математическаго анализа, не находитъ полезнымъ упражнять учениковъ и въ сложныхъ запутанныхъ вычисленіяхъ, умѣнье обращаться съ которыми составляетъ скорѣе украшеніе ума, чѣмъ практически существенную нужду жизни. Поэтому она не находитъ въ отношеніи къ начальной народной школѣ соотвѣтствующимъ существу дѣла даже и самое названіе «ариѳметика», какъ предполагающее законченный элементарный курсъ этого учебнаго предмета, и вмѣсто этого названія вводитъ другое, болѣе скромное: «счисленіе». Это наименованіе и болѣе понятно для простого человѣка». Изъ выписанной цитаты явствуетъ, что авторъ хлопочетъ о какой-то особенно простой, у насъ будто-бы еще небывалой постановкѣ методики ариѳметики. Но, къ сожалѣнію, изъ этого ровно ничего не выходитъ. Во-первыхъ, невозможно не познакомить учениковъ съ нѣкоторыми такими свойствами чиселъ, которыя крайне полезны, напр., при умноженіи на 9 или 99, при сложеніи съ числами легко закругляемыми, при приведеніи дробей къ одному знаменателю, и т. п. Очевидно, авторъ здѣсь что-то напуталъ, не уяснивъ себѣ истинной причины неудовлетворительности методы изученія чиселъ. Ошибка Грубе и его послѣдователей заключалась не въ ознакомленіи учениковъ съ свойствами чиселъ, а въ томъ, что они второстепенное, а именно нѣкоторыя свойства чиселъ, *преждевременно* выдвигаютъ на первый планъ, когда еще о дѣйствіяхъ дѣти не имѣютъ представленія. Во-вторыхъ, сложныя, но, конечно, не запутанныя, вычисленія предлагаютъ ученикамъ и новѣйшіе методисты, но не «для украшенія ума», а для того, чтобы научить учениковъ вычислять съ разумѣніемъ, быстро, вѣрно и даже изящно. Неужели авторъ серьезно увѣренъ въ томъ, что если ученикъ все продѣлываетъ, какъ слѣдуетъ, надъ числами до милліона, то для него представится какое-нибудь затрудненіе въ выкладкахъ надъ бо̀льшими числами? Въ-третьихъ, мы не согласны какъ съ тѣмъ, что въ курсъ начальной народной школы не умѣщается понятіе о законченномъ элементарномъ курсѣ ариѳметики: возможность такого курса видна даже изъ программы этого учебнаго предмета для церковно-приходскихъ школъ; что-же касается переименованія ариѳметики въ «счисленіе», то это переименованіе, строго говоря, сущности дѣла не измѣняетъ, а кромѣ того и не заслуживаетъ сочувствія, такъ какъ слово «счисленіе» обозначаетъ на самомъ дѣлѣ не ариѳметику въ какомъ-бы то ни было объемѣ, а только часть ея, называемую иначе нумераціею. Для того, чтобы ни-

сать книжки, «приноровленныя» къ тѣмъ или инымъ программамъ, вовсе нѣтъ надобности во что-бы то ни стало сочувствовать даже частностямъ въ этихъ программахъ,—тѣмъ болѣе, что и сами составители какой-бы то ни было программы ее не считаютъ совершенствомъ...

Расположеніе курса въ «Руководствѣ» г. Тихомирова сдѣлано въ порядкѣ, указанномъ въ объяснительной запискѣ «къ программѣ обученія счисленію для церковно-приходскихъ школъ». Входить въ обсужденіе этой программы, конечно, не цѣлесообразно въ этой замѣткѣ; скажемъ только, что на первые два года обученія назначено слишкомъ много матеріала и выполнить его можно только въ исключительномъ случаѣ. Болѣе подробно у г. Тихомирова разработанъ курсъ перваго года; тутъ авторъ обнаружилъ знакомство съ новѣйшею литературою по предмету методики ариѳметики и весьма многимъ воспользовался въ этомъ направленіи. Жаль только, что цѣль у г. Тихомирова поставлена крайне односторонне: весь этотъ курсъ проведенъ исключительно со стороны производства дѣйствій, и именно вычисленій. Безспорно, что научить хорошо вычислять учениковъ необходимо и что учителю надо знать, какъ это сдѣлать, но все-таки вычисленія—только одна сторона дѣла. Какой выйдетъ толкъ, что ученикъ будетъ умѣть производить вычисленія, но не будетъ понимать, когда какое дѣйствіе требуется приложить. Чтобы получить должное понятіе о цѣли каждаго дѣйствія, надо пріобрѣсти знаніе признаковъ дѣйствій въ значительно бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ какое предполагается въ «Руководствѣ» г. Тихомирова. Приведемъ самый обыкновенный примѣръ, напр., задачу на кратное сравненіе: «въ лавкѣ куплено на 6 коп. грифелей, за каждый заплачено по 2 коп.; сколько куплено грифелей?» Отвѣты на такого рода задачи учениками часто даются вполнѣ безошибочные, но дѣти не понимаютъ, что для рѣшенія предложеннаго вопроса надо узнать, сколько разъ въ 6 содержится 2; до пониманія этого необходимо довести ученика, безъ чего этотъ случай дѣленія ему не будетъ извѣстенъ и рѣшеніе будетъ даваться имъ только наугадъ. Какъ достигнуть съ учениками подобныхъ результатовъ—во всѣхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ по предмету методики ариѳметики указывается, и указанія такого рода въ общемъ сводятся въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ къ рѣшенію *цѣлесообразно* и *методически подобранныхъ* группъ задачъ и связанныхъ съ ними упражненій. Между тѣмъ, эта столь важная сторона дѣла, мы-бы сказали *половина его*, оставлена г. Тихомировымъ безо всякой разработки, какъ будто понятіе о сущности дѣйствій въ умахъ учениковъ выра-

ботается само собой или учителя сами дойдутъ до раціональной разработки этихъ вопросовъ. Доказательствомъ того, что авторъ невѣрно представляетъ себѣ роль задачъ при обученіи ариѳметикѣ, служитъ то, что онъ ограничился только совѣтомъ—уже сообщенныя ариѳметическія правила *сопровождать* рѣшеніемъ задачъ. Надо къ этому прибавить, что оффиціальною «объяснительной запиской», относящеюся къ преподаванію ариѳметики въ церковно-приходскихъ школахъ, задачамъ придается очень существенное значеніе въ курсѣ, а г. Тихомировъ далѣе избитыхъ фразъ о томъ, что дѣйствія надо проходить «сознательно», «съ разумѣніемъ», не идетъ. При томъ прохожденіи курса, которое рекомендуетъ авторъ, ученики не выработаютъ себѣ правильныхъ ариѳметическихъ понятій, и такой курсъ не окажетъ на нихъ надлежащаго вліянія со стороны ихъ умственнаго развитія,—въ лучшемъ случаѣ они научатся производить вычисленія, которыя ими будутъ вскорѣ забыты, такъ какъ обученіе, рекомендуемое г. Тихомировымъ, идетъ не рука объ руку съ ихъ развитіемъ, а ведется чисто внѣшнимъ, насильственнымъ образомъ. Если г. Тихомировъ считаетъ постановку методики ариѳметики, имъ рекомендуемую, новою, то онъ, конечно, ошибается, да и хорошаго въ этомъ «новомъ» очень мало.

Курсъ второго года разработанъ въ руководствѣ по той-же системѣ, какъ и первый. «Что-же касается второго класса двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, говоритъ г. Тихомировъ, то онъ не включенъ въ «Методику ариѳметики», и именно въ виду отсутствія всякой нужды въ особомъ для этого методическомъ руководствѣ... учитель будетъ просто излагать въ обычной формѣ то содержаніе, которое можно найти въ любомъ курсѣ ариѳметики, и для успѣха преподаванія здѣсь требуется лишь отчетливое знаніе самимъ учителемъ предмета его преподаванія» (стр. 106). Конечно, съ этимъ крайне смѣлымъ утвержденіемъ не только учитель народной школы, но и всякій мало-мальски образованный, въ педагогическомъ отношеніи, человѣкъ никогда не согласится. Система учебника и его изложеніе—одно, а методически разумное преподаваніе—совсѣмъ другое. Должно поэтому отмѣтить, что съ выходомъ въ свѣтъ труда г. Тихомирова учителя церковно-приходскихъ школъ остаются въ прежнемъ своемъ затруднительномъ положеніи, изъ котораго единственный исходъ—обратиться къ одному изъ ранѣе вышедшихъ въ свѣтъ руководствъ по методикѣ ариѳметики и, сообразно съ нимъ и примѣняясь къ программѣ церковно-приходскихъ школъ, составить планъ преподаванія, подобравъ къ нему соотвѣтственный матеріалъ. Указанія на то, какъ пройти

курсъ четырехъ дѣйствій надъ цѣлыми числами въ два года въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ по методикѣ ариѳметики не только намѣчены, но и разработаны въ своихъ деталяхъ. **Н. З.**

К. Елпатьевскій. Учебникъ русской исторіи съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. 2-е изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1891 г., стр. 431. Цѣна 1 р. 50 к.

Въ основу книги г. Елпатьевскаго положенъ планъ, рѣзко отличающій ее отъ большинства имѣющихся въ нашей литературѣ учебниковъ русской исторіи, и притомъ различіе это складывается несомнѣнно въ пользу данной книги. Принявъ обычное дѣленіе русской исторіи на періоды (удѣльно-вѣчевая, татарская, московская и новая Россія), авторъ не довольствуется изложеніемъ въ ихъ рамкахъ однихъ событій внѣшней исторіи народа и не отводитъ послѣдней, вообще говоря, больше мѣста, чѣмъ сколько она того заслуживаетъ по условіямъ курса среднихъ учебныхъ заведеній, хотя и нельзя сказать, чтобы такое ограниченіе было равномѣрно проведено на протяженіи всей книги. Съ другой стороны, исторія внутренняя введена въ изложеніе въ широкихъ размѣрахъ, составляя существенную, а подчасъ и преобладающую его часть; къ тому-же и самое пониманіе ея авторомъ значительно шире и серьезнѣе, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ учебникахъ. Съ этой стороны всего удобнѣе оцѣнить книгу г. Елпатьевскаго путемъ сравненія ея съ другимъ серьезнымъ учебникомъ, употреблющимся иногда въ нашихъ среднихъ школахъ, именно съ «учебной книгой» Соловьева, съ которой, кстати сказать, она и вообще имѣетъ не мало сходства какъ по расположенію матеріала, такъ и по серьезности изложенія, отличаясь, однако, большей подробностью и доступностью послѣдняго. При такомъ сравненіи обнаруживаются нѣкоторыя преимущества книги г. Елпатьевскаго, вытекающія частью изъ болѣе широкой постановки вопросовъ внутренней исторіи, частью изъ самыхъ пріемовъ изложенія. Тогда какъ у Соловьева эти вопросы отодвинуты болѣе или менѣе на второй планъ, трактуются весьма кратко и ограничиваются кругомъ государственныхъ учрежденій, умственной и религіозной жизни, причемъ за этими предѣлами имѣются лишь общія и короткія указанія, въ книгѣ г. Елпатьевскаго имъ отведено значительно больше и вниманія, и мѣста. Данныя исторической географіи и этнографіи, политическій и соціальный строй государства въ разные періоды,

формы администрацiи и суда, юридическiя нормы, культурная исторiя въ ея подраздѣленiяхъ на жизнь умственную и религiозную и нравы общества, наконецъ, внѣшнiй бытъ въ его многообразныхъ проявленiяхъ—вотъ тѣ рубрики внутренней исторiи, съ которыми мы встрѣчаемся у г. Елпатьевскаго. Заполняя-же ихъ, онъ даетъ въ большинствѣ случаевъ болѣе или менѣе обстоятельное изображенiе затронутой имъ темы, и при этомъ, не ограничиваясь собственнымъ изложенiемъ, часто приводитъ выдержки или изъ историческихъ трудовъ, или изъ источниковъ,—прiемъ, придающiй, разсказу бо́льшую яркость и содержательность. Въ книгѣ имѣются, такимъ образомъ, выдержки изъ лѣтописей, изъ Курбскаго, изъ Олеарiя, изъ мемуаровъ Неплюева, Болотова, Данилова, мѣста изъ Екатерининскаго Наказа и т. д., имѣются извлеченiя, иногда очень значительныя, изъ трудовъ Карамзина, Соловьева, Щебальскаго, Павлова, Порфирьева, Караулова, Корниловича, Костомарова и др. Въ силу этого передъ читателемъ развертывается довольно широкая и обстоятельная картина народной жизни,—во всякомъ случаѣ болѣе широкая въ цѣломъ и болѣе ясная въ деталяхъ, чѣмъ та, какую обыкновенно даютъ наши учебники. Простое и ясное изложенiе, чуждое реторическихъ прикрасъ и безсодержательныхъ опредѣленiй, такъ свойственныхъ нашимъ ходячимъ учебникамъ средней руки, не мало способствуетъ прiятному впечатлѣнiю, выносимому изъ просмотра книги г. Елпатьевскаго.

Таковы достоинства разбираемой книги, поскольку дѣло касается самаго плана ея и общихъ прiемовъ его выполненiя, и въ виду ихъ вполнѣ понятно вниманiе, вызванное ею въ педагогическихъ кругахъ и выразившееся какъ въ сочувственныхъ печатныхъ отзывахъ, такъ и въ тѣхъ попыткахъ приспособленiя данной книги къ прохожденiю гимназическаго курса, какiя, сколько намъ извѣстно, дѣлались уже въ нѣкоторыхъ заведенiяхъ. Не предваряя результатовъ этихъ попытокъ, мы позволимъ себѣ, однако, высказать свое мнѣнiе по этому поводу. На нашъ взглядъ, именно, книга г. Елпатьевскаго не можетъ служить указанной цѣли, не можетъ быть учебникомъ при классныхъ занятiяхъ уже по одному своему объему. Даже учебникъ Соловьева, когда онъ пригоняется къ этой цѣли, подвергается обыкновенно весьма значительнымъ купюрамъ и сокращенiямъ, а книга г. Елпатьевскаго и по размѣрамъ своимъ больше, и матерiала содержитъ болѣе. Даже при условiи исключенiя всего, напечатаннаго въ данной книгѣ мелкимъ шрифтомъ, т.-е. всѣхъ частныхъ разъясненiй и дополненiй и всѣхъ выдержекъ изъ историческихъ сочиненiй и источниковъ, о которыхъ было упомянуто выше, въ ней остается все еще слишкомъ зна-

чительное количество матеріала, врядъ-ли могущее быть усвоеннымъ въ классѣ при маломъ количествѣ времени, отведеннаго на преподаваніе исторіи *). Но, не будучи пригодною для названной цѣли, книга г. Елпатьевскаго вовсе не теряетъ еще поэтому въ нашихъ глазахъ своего педагогическаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ, помимо проходимаго въ классѣ учебника, желательно существованіе болѣе подробныхъ и обязательныхъ учебныхъ книгъ, въ которыхъ ученикъ могъ-бы найти, однако, связный и цѣльный разсказъ историческихъ событій, а отчасти и руководство къ самостоятельному чтенію. Такія книги, предназначенныя для внѣкласснаго чтенія, имѣются уже въ нашей учебной литературѣ, и одною изъ нихъ съ полнымъ правомъ могла-бы стать и книга г. Елпатьевскаго. Повторяемъ однако, что мы не желали-бы предварять указаній опыта относительно пригодности или непригодности ея для классныхъ занятій, и если ставимъ теперь этотъ вопросъ, то потому, главнымъ образомъ, что имъ въ значительной степени опредѣляется характеръ дальнѣйшихъ требованій, предъявляемыхъ къ книгѣ. Дѣйствительно, не говоря уже о томъ, что учебникъ, приноровленный къ условіямъ класснаго преподаванія, по необходимости долженъ быть возможно болѣе кратокъ и, слѣдовательно, можетъ содержать въ себѣ лишь важнѣйшіе факты, въ самомъ пользованіи учебникомъ или учебной книгой со стороны ученика есть существенная разница. Тогда какъ учебникъ постоянно толкуется и объясняется учителемъ въ классѣ, занятія учениковъ по учебной книгѣ, читаемой внѣ класса, болѣе самостоятельны, не находятся, да по сути дѣла и не могутъ находиться подъ такимъ постояннымъ контролемъ. Ясное дѣло, что въ виду этого и требованія, представляемыя къ подобной книгѣ, становятся строже: ея ошибки, будутъ-ли это мелкія фактическія погрѣшности, или невѣрныя объя-

*) Принимая во вниманіе, что, по новымъ программамъ 1890 г., курсъ отечественной исторіи проходится въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ V класса и кончая VII-мъ, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго рецензента относительно непригодности разбираемой книги, вслѣдствіе ея объема, въ качествѣ учебника при классныхъ занятіяхъ. Сравнительно большой объемъ руководства г. Елпатьевскаго (407 страницъ) тѣмъ менѣе долженъ смущать гг преподавателей исторіи, что весь текстъ, заимствованный изъ источниковъ и монографій и напечатанный въ руководствѣ мелкимъ шрифтомъ, не можетъ считаться обязательнымъ для усвоенія учениками, а имѣетъ, очевидно, цѣлью лишь иллюстрировать главные, основные факты русской исторіи и наиболѣе крупныя историческія личности, изображеніе которыхъ въ болѣе сжатомъ видѣ представлено въ той части руководства, которая напечатана болѣе крупнымъ шрифтомъ.
Ред.

сненія сложныхъ фактовъ, ея пробѣлы и неясности не такъ легко и быстро поддаются исправленію и пополненію, и потому самому уже пріобрѣтаютъ бо́льшую важность. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ трудомъ, который, по своему объему и характеру, представляетъ изъ себя какъ разъ подобную книгу, и хотя-бы онъ, путемъ ряда сокращеній, могъ быть обращенъ въ учебникъ, мы должны судить его именно съ указанной точки зрѣнія. Стоя на ней, мы и перейдемъ теперь къ вопросамъ о томъ, насколько фактическій матеріалъ, внесенный въ свою книгу авторомъ, и общія воззрѣнія послѣдняго соотвѣтствуютъ научной разработкѣ этого матеріала.

Что касается непосредственнаго фактическаго матеріала, сообщаемаго г. Елпатьевскимъ въ его книгѣ, то въ общемъ онъ подобранъ довольно тщательно, хотя временами и встрѣчаются въ немъ, къ сожалѣнію, немаловажныя ошибки. Особенно богатъ этими ошибками первый отдѣлъ книги,—главы, посвященныя древней, удѣльно-вѣчевой и татарской, Руси. Уже во введеніи, дающемъ очеркъ источниковъ русской исторіи, мы встрѣчаемъ мѣста, способныя вызвать недоумѣніе. Такъ, здѣсь говорится, что «съ XVI вѣка появляются у насъ записки или мемуары» (с. 2), между тѣмъ какъ этотъ видъ источниковъ извѣстенъ лишь съ XVII столѣтія; такъ, немного ниже (с. 3) авторъ упоминаетъ о курганахъ южной Россіи, забывая о сѣверо-восточной. Недоумѣніе способна поселить и фраза, что памятники вещественные знакомятъ насъ «со степенью образованности» предковъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ все дѣло, конечно, въ неудачномъ выраженіи, но необходимо выражаться точнѣе. Отъ неточностей и ошибокъ не свободны и историко-географическія, а еще болѣе этнографическія свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ: мы встрѣчаемъ, напр., у него (с. 9) смѣшеніе племени тюркскаго съ финскимъ. «Волынское княжество, земли древлянъ и бужанъ,—говоритъ г. Елпатьевскій,—лежало по р. Припети» (с. 32), совсѣмъ какъ-бы забывая при этомъ приведенное имъ-же извѣстіе, что бужане сидѣли на Бугѣ (с. 7), теченіе котораго также входило въ составъ Волыни. Говоря о сосѣдяхъ русскихъ славянъ въ IX вѣкѣ, авторъ знаетъ въ числѣ ихъ не только печенѣговъ, но уже и половцевъ «въ юго-восточныхъ и южныхъ степяхъ» (с. 7). Въ разсказѣ о первыхъ князьяхъ и вообще объ удѣльно-вѣчевой Руси авторъ, намъ кажется, мало выяснилъ свое отношеніе къ главному источнику этого времени—лѣтописямъ. Онъ-же передаетъ разсказъ лѣтописи цѣликомъ и безъ комментаріевъ какъ разъ тогда, когда онъ требовалъ-бы критики, то выпускаетъ важныя лѣтописныя данныя, то, наконецъ, создаетъ свои, и неосо-

бенно удачныя, гипотезы для объясненія довольно простыхъ самихъ по себѣ лѣтописныхъ преданій. Первый случай имѣетъ мѣсто, главнымъ образомъ, въ разсказѣ о первыхъ князьяхъ. Авторъ не только сообщаетъ лѣтописное преданіе, но и отъ себя прибавляетъ къ нему новыя черты, утверждая, что съ призванными славянами-князьями пришла «разноплеменная дружина» (с. 11); внося далѣе въ эту главу довольно много выдержекъ изъ разныхъ ученыхъ авторовъ, онъ не привелъ ни одного мнѣнія по поводу призванія варяговъ, какъ будто этотъ фактъ не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній въ литературѣ. Далѣе, г. Елпатьевскій говоритъ о «мирномъ распространеніи христіанства на Руси», противопоставляя послѣднюю западнымъ странамъ, и не дѣлаетъ при этомъ никакихъ оговорокъ (с. 17). Упомянувъ о преданіи, связанномъ съ именемъ кн. Романа Мстиславича, г. Елпатьевскій такъ объясняетъ его: «Дѣло въ томъ, что для прекращенія литовскихъ набѣговъ онъ считалъ полезнымъ пріучать полудикихъ литовцевъ къ земледѣлію, для чего вырубалъ лѣса и заставлялъ ихъ обрабатывать расчищенныя мѣста» (с. 33). Намъ думается, что для такихъ пріемовъ учености XVIII вѣка, для безпочвенныхъ раціоналистическихъ объясненій народныхъ преданій въ наше время миновала пора даже и въ учебникахъ... Переходя къ прямымъ ошибкамъ составителя учебника, укажемъ изъ нихъ наиболѣе важныя. На стр. 27 мы находимъ два утвержденія относительно г. Владиміра: «вѣча въ немъ не было» и со времени разоренія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго онъ «сталъ столицей всей русской земли». И то, и другое утвержденія невѣрны: вѣче во Владимірѣ существовало, а ни о какой «столицѣ всей русской земли» при тогдашнихъ отношеніяхъ княжествъ не могло быть, конечно, и рѣчи. Если въ первомъ случаѣ авторъ создалъ несуществовавшій фактъ, то во второмъ онъ на фактъ, дѣйствительно бывшій, перенесъ очертанія, ему несвойственныя, заимствованныя изъ другой эпохи. Наконецъ, и хронологическія данныя автора не всегда вѣрны. Не говоря уже о томъ, что калкскую битву онъ, по обыкновенію составителей учебниковъ, относитъ вмѣсто 1223 къ 1224 году, онъ повторяетъ и ставшую стереотипной въ нашихъ учебникахъ фразу, что «Гедиминъ присоединилъ къ Литвѣ земли кіевскую, витебскую и волынскую» (с. 88). Автору, очевидно, неизвѣстенъ трудъ проф. Антоновича, давно доказавшаго, что Кіевъ на самомъ дѣлѣ взятъ лишь Ольгердомъ Гедиминовичемъ въ 1362 году, а Волынь сохраняла свою самостоятельность до 1335—1340 г. и перешла подъ власть Любарта Гедиминовича по наслѣдству. Не согласовано съ фактами, и въ томъ числѣ

даже собираемыми самимъ авторомъ, и утвержденіе его, будто «русская церковь всегда была единая и нераздѣльная» (с. 76); невѣрное вообще, оно невѣрно и по отношенію къ періоду татарскаго владычества, о которомъ, въ данномъ случаѣ, идетъ рѣчь, такъ какъ подъ конецъ его на Руси было два митрополита: московскій и кіевскій.

Меньше ошибокъ встрѣчается въ другихъ частяхъ книги Елпатьевскаго, хотя и въ нихъ можно указать нѣсколько случаевъ, когда изложеніе автора не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ фактамъ, заключая въ себѣ мелкія погрѣшности, или-же и крупныя недоразумѣнія. Такъ, извѣстный проповѣдникъ и дѣятель раскола Аввакумъ почему-то переименованъ у г. Елпатьевскаго изъ юрьевецкаго протопопа въ «юрьевскаго» (с. 175); такъ, извѣстный указъ Петра 1714 г. о дворянскомъ землевладѣніи названъ указомъ о майоратѣ (с. 246), хотя вслѣдъ за тѣмъ вѣрно передается содержаніе закона, исключающее возможность такого названія. Говоря о воспитаніи и образованіи Петра В., авторъ не только идеализируетъ это воспитаніе, но и дѣлаетъ такое ретроспективное замѣчаніе: «прежніе московскіе царевичи, получая только начальное образованіе духовнаго характера, вели почти затворническую жизнь» (с. 236); очевидно, авторъ совсѣмъ упустилъ изъ виду Ѳедора Алексѣевича; излишне и прибавлять, конечно, что вторая половина фразы и совсѣмъ неправильна. Характеризуя на стр. 321-й внѣшнюю политику Екатерины II, авторъ пользуется для этого собственными ея словами («если я начну войну, то не... изъ угожденія другимъ, а лишь тогда, когда найду это удобнымъ для себя»),—словами, которые могутъ быть пригодны, пожалуй, для чего-нибудь другого, но только не для характеристики фактовъ, стоящихъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ними. Положеніе крестьянства въ Польшѣ также обрисовано не совсѣмъ вѣрно: авторъ говоритъ именно объ обремененіи крестьянъ въ этой странѣ «огромными податями», тогда какъ государственныя подати въ Польшѣ были въ концѣ XVIII вѣка сравнительно ничтожны, и это даже служило одной изъ побудительныхъ причинъ для бѣгства въ нее русскихъ крестьянъ. Въ другихъ случаяхъ мы сталкиваемся съ неполнотою характеристики: такъ, про Посошкова сказано лишь, что онъ «совѣтуетъ употреблять крутыя мѣры въ духѣ того времени» (с. 258). Врядъ-ли, однако, такой фразой можно исчерпать содержаніе положительныхъ требованій Посошкова, хотя-бы и въ самомъ общемъ ихъ видѣ. Предлагавшееся Посошковымъ «народосовѣтіе», о которомъ и не упоминаетъ даже г. Елпатьевскій, трудно вѣдь занести въ разрядъ «крутыхъ мѣръ», хотя-бы оно и было «въ духѣ того времени».

Изъ перечисленныхъ ошибокъ нѣкоторыя повторяются у большинства составителей учебниковъ, черезчуръ мало подчасъ справляющихся съ ученой литературой, другія представляютъ особенность г. Елпатьевскаго... Не обо всѣхъ замѣченныхъ нами ошибкахъ мы говорили, о другихъ придется еще сказать въ иной связи, но уже здѣсь мы должны оговориться, что сдѣланныя нами до сихъ поръ указанія направлены не на типическую особенность книги, а на встрѣчающіяся въ ней исключенія. Жаль, конечно, что эти исключенія попадаются; надо по, желать, чтобы они исчезли при слѣдующихъ изданіяхъ и обращать на нихъ вниманіе въ настоящемъ, но вмѣстѣ приходится сказать и то, что въ этомъ отношеніи книга г. Елпатьевскаго все-таки стоитъ выше средняго типа нашихъ учебниковъ, давая въ большинствѣ случаевъ достовѣрный фактическій матеріалъ.

Еще важнѣе, конечно, пользованіе даннымъ матеріаломъ со стороны составителя руководства, характеръ тѣхъ общихъ объясненій и выводовъ, которые онъ предлагаетъ своему читателю. Къ сожалѣнію, именно съ этой своей стороны, особенно важной для книги, предполагающей самостоятельныя занятія со стороны ученика, учебникъ г. Елпатьевскаго далеко небезупреченъ. Общіе выводы и построенія его автора часто страдаютъ отсутствіемъ основательности, заключаютъ въ себѣ немаловажныя ошибки, еще чаще неясны или неполны, и это замѣчаніе особенно относится именно къ отдѣламъ внутренней исторіи въ книгѣ. Авторъ ея находится подъ сильнымъ вліяніемъ работъ Соловьева и, частью въ силу этого вліянія, частью благодаря его собственнымъ взглядамъ, исторія государства закрываетъ передъ нимъ исторію народа. Это проявляется и въ характерѣ дѣлаемыхъ имъ выводовъ и въ томъ, на какіе вопросы преимущественно обращено его вниманіе. Уже въ своемъ введеніи, говоря о вліяніи природы восточной Европы на русскую исторію, авторъ повторяетъ извѣстныя мысли Соловьева о равнинномъ характерѣ этой части материка и его значеніи и, въ своемъ увлеченіи ими, доходитъ до слѣдующаго положенія: «разноплеменныя народности, обитавшія на этой сплошной однообразной равнинѣ... должны были слиться въ одинъ народъ и составить одно государство» (стр. 4). Если второе осуществилось лишь въ недавнемъ сравнительно времени, и притомъ подъ вліяніемъ условій, мало имѣвшихъ точекъ соприкосновенія съ природой страны, то второе не осуществилось и по сію пору, и врядъ-ли желательно появленіе въ учебникѣ подобныхъ постулятовъ, основанныхъ больше на гаданіяхъ, чѣмъ на наукѣ. Въ другомъ случаѣ этотъ унаслѣдованный отъ Соловьева взглядъ на природныя условія страны, какъ на первый и важнѣйшій факторъ въ исторіи народа, сталки-

вается у автора съ инымъ воззрѣніемъ и ихъ взаимный антагонизмъ ничѣмъ даже не сглаженъ. «Восточная Европа,—читаемъ мы на стр. 5,—дѣлится на двѣ части—лѣсную и степную, чѣмъ объясняется дѣленіе населенія на великоруссовъ и малоруссовъ и различіе въ ихъ характерѣ». Итакъ, эти національности созданы условіями физическими и мѣстности и болѣе ничѣмъ? «Бѣдная,—такъ начинается слѣдующая фраза,—бѣдная природой страна великоруссовъ, происшедшихъ изъ слiянія славянской и финской народностей»... Оказывается такимъ образомъ, что великоруссовъ создало сліяніе народностей, а не условія внѣшней природы. И это въ двухъ, непосредственно одна за другой слѣдующихъ фразахъ...Съ такою-же неясностью общихъ воззрѣній автора приходится встрѣчаться и въ другихъ случаяхъ. Наиболѣе полно разработаны у него именно отдѣлы, относящіеся къ исторіи государственныхъ учрежденій, но и здѣсь имѣются недостатки и пробѣлы. Особенно ярки они въ характеристикѣ удѣльнаго періода, которому, какъ мы видѣли уже раньше, не особенно посчастливилось и при передачѣ отдѣльныхъ фактовъ его исторіи. Рисуя порядокъ удѣльныхъ княжествъ, г. Елпатьевскій слишкомъ уже стираетъ черты ихъ земскаго строя. Только въ Галичѣ, по его мнѣнію, бояре были сколько-нибудь независимы отъ князя, а «въ другихъ областяхъ бояре были только боярами князей» (с. 33). Равнымъ образомъ, опредѣленный вѣчевой порядокъ онъ находитъ только въ Новгородѣ: «вѣче кіевское и другихъ городовъ,—по его словамъ,—не имѣло опредѣленнаго характера и опредѣленныхъ формъ» (с. 40); княжеская власть не вызывала къ себѣ отрицательнаго отношенія и самая «личность князя всегда оставалась неприкосновенной» для подданныхъ. Очевидно, авторъ забылъ «земскихъ бояръ» и «градскихъ старцевъ», забылъ свидѣтельства лѣтописи о вѣчахъ, забылъ, наконецъ, исторію Игоря въ Кіевѣ и Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ. Въ связи съ этими пробѣлами стоитъ и общая характеристика, данная г. Елпатьевскимъ удѣльно-вѣчевому періоду,—характеристика, въ которой подчеркнуты главнымъ образомъ отрицательныя черты его, обусловившія собою переходъ къ инымъ формамъ общественной и политической жизни, и опущены положительныя черты, придававшія самостоятельное значеніе данному времени. А онѣ, однако, существовали и въ значительной степени проявлялись именно въ тѣхъ фактахъ, которые частью затушеваны, частью неудачно освѣщены въ книгѣ г. Елпатьевскаго. Лучше уже освѣщены политическія и административныя учрежденія московской эпохи, хотя и здѣсь не обошлось безъ отдѣльныхъ преувеличеній и недоразумѣній, когда, напримѣръ, авторъ сообщаетъ, что в. кн. Василій III «лишь для формы

отдавалъ дѣла на обсужденіе боярской думы» (с. 105), или когда онъ сообщаетъ о возникновеніи земскаго собора, «замѣнившаго малое вѣче удѣльнаго времени» (с. 110 и 197). Нельзя признать также умѣстной идеализацію Калиты, доходящую у г. Елпатьевскаго до того, что, по его мнѣнію, потомкамъ Калиты «оставалось только во всемъ идти по его слѣдамъ» (с. 64). Вѣдь, если эти слова принять буквально, то выйдетъ, что потомкамъ Калиты надо было не создавать единства государства, а дѣлить княжество и самую Москву все на болѣе дробныя части. Наконецъ, не можемъ умолчать еще объ одномъ крупномъ недоразумѣніи въ этой рубрикѣ, относящемся именно къ земской реформѣ Александра II. Авторъ сообщаетъ здѣсь, будто «всѣ уѣздные гласные одной губерніи составляютъ губернское земское собраніе» (с. 398); мы склонны думать, что это простая обмолвка, такъ какъ считаемъ невозможнымъ, чтобы авторъ не зналъ истиннаго порядка избранія губернскихъ гласныхъ, но и обмолвки такія въ руководствѣ не особенно удобны.

Тотъ-же узко-государственный взглядъ, на существованіе котораго у автора мы указывали выше, обнаруживается и въ другихъ случаяхъ. Говоря о важности учрежденія въ Москвѣ патріаршества, онъ находитъ, между прочимъ, особое значеніе его для Зап. Руси; «обязанность защищать православныхъ (въ З. Руси),—говоритъ онъ,—лежала на константинопольскомъ патріархѣ, но этотъ патріархъ, подвластный султану, уже не имѣлъ своего прежняго значенія и не могъ вступить въ борьбу съ могущественнымъ римскимъ папой» (с. 126). Насколько мы знаемъ, московскіе патріархи и послѣ не защищали западно-русскихъ православныхъ, которые имъ и не подчинялись, и мы не совсѣмъ понимаемъ также, о какой «борьбѣ» говоритъ въ данномъ случаѣ авторъ. Еще рѣзче проявляется эта особенность взглядовъ г. Елпатьевскаго въ другомъ случаѣ, когда ему приходится говорить о расколѣ. «*Хотя* при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ раскольниковъ преслѣдовали,—говоритъ онъ на стр. 225,—*но* ихъ все-таки было очень много». Если между этими двумя фактами—преслѣдованія и роста раскола—есть связь, то, конечно, только прямая причинная, а никакъ не уступительная. Не менѣе странны и взгляды, высказываемые по временамъ авторомъ на сущность раскола. Среди раскольниковъ, говоритъ онъ, напримѣръ, «появились даже такіе изувѣры, которые сами сжигали себя и другихъ къ тому-же уговаривали, воображая, что этимъ они приносятъ жертву Богу» (с. 225). Иронія автора въ данномъ случаѣ пропадаетъ совершенно, такъ какъ прежде всего невѣренъ самый фактъ, на который она обращена, ибо самосожженіе явилось у раскольниковъ, какъ

послѣднее средство избавиться отъ преслѣдованій правительства, и такое его значеніе въ свое время хорошо сознавалось самими свѣтскими властями. Лишь увлеченіе узко понятой тенденціей могло довести нашего автора до косвеннаго одобренія религіозныхъ преслѣдованій и ироніи надъ самоубійствомъ несчастныхъ людей, и эта-же тенденція проглядываетъ у него и въ поверхностномъ описаніи причинъ раскола, и въ томъ, что съ XVIII-го вѣка, съ того времени, когда интересы отдѣльныхъ общественныхъ группъ рѣзко разошлись, онъ въ изображеніи умственной жизни и матеріальнаго быта ограничивается кругомъ дворянскаго общества, не опускаясь въ низшіе слои народа, жившіе, однако, своею самостоятельною во многомъ жизнью.

Въ этой жизни господствующими были интересы соціальные, но въ руководствѣ г. Елпатьевскаго вся соціальная исторія страны изложена лишь въ очень скудныхъ, неполныхъ, а часто и невѣрныхъ чертахъ. При изображеніи соціальныхъ отношеній въ періодъ татарскаго ига допущено, напримѣръ, прямо невѣрное утвержденіе, будто въ это время «тяглый уже не могъ сдѣлаться служилымъ» (с. 75). Спеціально исторіи крестьянства у г. Елпатьевскаго отведено, правда, больше мѣста, чѣмъ въ другихъ учебникахъ, но его все-таки недостаточно и оно слишкомъ ничтожно по сравненію съ объемомъ книги. Прикрѣпленіе крестьянства, отнесенное къ царствованію Θедора Ивановича, изложено очень поверхностно, причемъ повторяется Соловьевское объясненіе, со всею его неясностью и игрой словъ (прикрѣпленіе князей, бояръ, служилыхъ людей, крестьянъ), но безъ того, что составляетъ существенное его содержаніе. Крѣпостное право не освѣщено ни однимъ реальнымъ примѣромъ, тогда какъ не только для воспитанія дворянъ, но и для устройства ассамблей у автора нашлось мѣсто подробному разсказу. Не ясно и невѣрно представлена и исторія другого сословія — дворянства за XVIII-й вѣкъ: разсказывая о снятіи съ дворянства служебныхъ обязанностей, авторъ говоритъ: «отбывая обязательную службу по указу Петра В., помѣщики не могли жить въ своихъ помѣстьяхъ и заниматься хозяйствомъ, вслѣдствіе чего крестьяне ихъ были предоставлены на произволъ прикащиковъ и старостъ; слѣдовательно, съ увеличеніемъ обязанностей дворянъ по землевладѣнію необходимо было снять съ дворянства его обязанности по службѣ и дать ему возможность работать въ деревнѣ» (с. 296). Здѣсь авторъ смотритъ сквозь черезчуръ оптимистическую призму отвлеченныхъ разсужденій, тогда какъ сущность дѣла ближе опредѣляется реальными фактами. Какъ извѣстно изъ книги В. И. Семевскаго, дворянство и послѣ уничтоженія обязательной службы не вос-

пользовалось «возможностью работать въ деревнѣ», а продолжало жить въ городахъ, и большей частью именно на службѣ. Самое освобожденіе его отъ обязательности послѣдней вытекало вовсе не изъ заботъ правительства о крестьянскомъ благѣ, а изъ чего-то другого.

Такимъ образомъ, всѣ сдѣланныя до сихъ поръ нами частныя замѣчанія уполномочиваютъ насъ сказать, что книга г. Елпатьевскаго, при своемъ, въ значительной степени новомъ содержаніи, сильно проникнута, однако, старыми воззрѣніями учебниковъ и требуетъ именно съ этой своей стороны внимательнаго пересмотра и критики. Къ этому надо присоединить и еще одно замѣчаніе, касающееся уже тѣхъ выдержекъ изъ ученыхъ трудовъ, которыя въ изобиліи приводитъ г. Елпатьевскій въ своей книгѣ. Подчиненныя слишкомъ сильно общимъ взглядамъ самого составителя руководства, онѣ часто далеко не характерны для того писателя, у котораго заимствуются, и не важны вообще; такъ, напримѣръ, изъ Костомарова г. Елпатьевскимъ приведено всего двѣ выдержки—объ избраніи Михаила Ѳеодоровича и объ экспедиціи, наряженной Петромъ Великимъ въ Персію; въ тоже время изъ Соловьева приводится масса мѣстъ, изъ которыхъ многія не представляютъ интереса, тогда какъ другія могутъ остаться прямо непонятными для ученика вслѣдствіе своей абстрактности и малаго соотвѣтствія съ текстомъ книги. Помимо пересмотра этихъ выдержекъ, намъ казалось-бы далеко не безполезнымъ присоединить и указанія на главныя явленія русской исторической литературы, теперь отсутствующія въ книгѣ, за малыми исключеніями.

Мы старались сдѣлать свой отчетъ о книгѣ г. Елпатьевскаго возможно полнымъ въ виду крупныхъ ея достоинствъ, заставляющихъ поставить ее въ рядъ лучшихъ изъ имѣющихся у насъ учебниковъ русской исторіи; онъ вышелъ и очень обширнымъ, благодаря присутствію въ книгѣ важныхъ недостатковъ, умолчать о которыхъ мы не считали возможнымъ. Заканчивая теперь этотъ отчетъ, мы позволимъ себѣ еще разъ выразить пожеланіе, чтобы при новомъ изданіи авторъ подвергъ внимательному пересмотру свой трудъ и сдѣлалъ въ немъ необходимыя исправленія. **В. М.**

Латинская хрестоматія съ упражненіями для II и III классовъ гимназій и прогимназій и съ картой Италіи и Греціи. Сост. П. Виноградовъ. Москва. 1892 г., стр. IV + 170 + 173.

Книга эта, обильная добросовѣстно подобраннымъ и удачно расположеннымъ матеріаломъ, представляетъ, однако, нѣкоторыя неудоб-

ства въ смыслѣ практическаго ея примѣненія. Дѣло въ томъ, что, будучи предназначена для II и III классовъ, она уже однимъ этимъ обстоятельствомъ создаетъ необходимость пользоваться въ I классѣ отдѣльной книгой упражненій, а также запастись опять новою для классовъ, слѣдующихъ за третьимъ (IV, V и VI); другими словами, для одного латинскаго языка становится неизбѣжнымъ, независимо отъ сочиненій древнихъ авторовъ, пріобрѣтеніе цѣлой серіи книгъ. Такой порядокъ вещей едва-ли оправдывается дѣйствительными потребностями и, слѣдовательно, является нежелательнымъ.

Хрестоматія распадается на три отдѣла: упражненія, указатель и словарь.

Въ первой части возможно, по нашему мнѣнію, сокращеніе на добрую треть отдѣла фразъ или, какъ ихъ называетъ авторъ, отдѣльныхъ предложеній, въ виду всѣми почти въ настоящее время сознанной незначительности результатовъ, достигаемыхъ помощью фразъ при обученіи древнимъ языкамъ. Они, такимъ образомъ, безъ видимой пользы увеличиваютъ собою объемъ книги, приближая ее въ то-же время къ типу «Сборниковъ» (фразъ) недавняго прошлаго. Помѣщенные въ этой части «избранные отрывки» изъ К. Непота и Ю. Цезаря лучше было-бы надлежащимъ образомъ перенести въ курсъ II класса, конечно, упростивъ ихъ предварительно, — на томъ основаніи, что въ III классѣ одинъ изъ этихъ авторовъ, К. Непотъ, читается уже въ подлинномъ видѣ.

II-я часть—указатель, поражающая своими размѣрами, содержитъ краткую этимологію, массу синтаксическихъ правилъ, довольно-таки безпорядочно разбросанныхъ, и, наконецъ, фразеологію къ курсу III класса. Помѣщеніе въ «Указателѣ» этимологіи авторъ мотивируетъ тѣмъ, «что это поможетъ ученикамъ фиксировать вниманіе на особенно важныхъ пунктахъ этимологическаго ученія» (предисловіе IV стр.). Но, во-1-хъ, для этого достаточно систематической грамматики, обязательной, замѣтимъ кстати, для гимназій; во-2-хъ, *особенная важность* многаго изъ того, что встрѣчается въ этомъ отдѣлѣ, представляется для насъ еще спорною. Фразеологія, за немногими исключеніями, составлена удовлетворительно.

Что касается «Словаря», то изъ него, намъ кажется, слѣдовало-бы устранить всѣ тѣ слова, знаніе которыхъ для учениковъ III класса признается безусловно обязательнымъ: упоминаемыя, напримѣръ, въ этимологіи какъ anomala въ какомъ-нибудь отношеніи. Не говоримъ уже о такихъ словахъ, какъ *мой, нашъ, одинъ, изъ* и т. п.

Въ смыслѣ практической пригодности и болѣе широкаго распро-

страненія, «Хрестоматія» не мало выиграла-бы отъ соединенія ея въ одну книгу съ «Курсомъ» латинскаго языка для I класса (такое руководство, одобренное притомъ Уч. Ком. М. Н. П., еще ранѣе издано г. Виноградовымъ). **М. Р—нъ.**

В. О. Крижъ.—1) Русская азбука для сельскихъ школъ. Ц. 10 к.— 2) Руководство къ русской азбукѣ для сельскихъ школъ. Ц. 10 к. Москва. 1892.

Книжки, названіе которыхъ мы только-что выписали, представляютъ собою довольно пріятное явленіе въ ряду чуть не каждый день выходящихъ въ свѣтъ руководствъ этого рода. Онѣ составлены человѣкомъ, очевидно, знакомымъ въ достаточной степени какъ съ теоріей обученія грамотѣ, такъ и съ условіями его положенія въ сельскихъ школахъ. Продолжительный опытъ открывалъ автору возможность практической повѣрки совѣтовъ, предлагаемыхъ теоріею.

Важнѣйшимъ достоинствомъ «Русской азбуки» г. Крижа слѣдуетъ признать строгую постепенность въ осложненіи буквеннаго состава словъ, назначаемыхъ для чтенія. Слова, по трудности ихъ, раздѣлены въ «Азбукѣ» на слѣдующія градаціи: 1) слова двухсложныя въ три буквы (ухо, уши); 2) такія-же въ четыре буквы (рама, муха); 3) такія-же съ закрытымъ («обратнымъ») слогомъ (игла, игры); 4) односложныя въ три и четыре буквы съ ъ и ь на концѣ (сонъ, ось); 5) двухсложныя съ такими-же окончаніями, въ пять буквъ (уголь, урокъ); 6) такія-же въ шесть буквъ (сахаръ, замокъ), 7) трехсложныя въ пять буквъ (наука, орѣхи); 8) такія-же въ шесть буквъ (корова, голова); 9) односложныя въ три буквы (зло, сны); 10) двухсложныя въ пять буквъ (чашка, зерно); 11) четырехсложныя въ восемь буквъ (запѣвало, кулебяка); 12) односложныя съ двумя согласными на концѣ (мостъ, бобръ); 13) такія-же съ согласными въ началѣ (стулъ, стыдъ); 14) двухсложныя въ шесть буквъ (грабли, ставни); 15) слова съ буквою ъ въ срединѣ (объемъ, подъѣздъ); 16) такія-же съ буквою ь (платье, крыльцо); 17) слова съ тремя согласными въ срединѣ (верста, праздникъ); 18) такія-же съ тремя согласными въ началѣ (страхъ, взглядъ); 19) слова съ удвоенными согласными (Россія, оттепель) и 20) трудныя многосложныя слова (книгопродавецъ, хлѣбопашество). Что касается фразъ для чтенія, то и онѣ увеличиваются постепенно, начинаясь выраженіями изъ двухъ словъ.

Къ числу достоинствъ «Азбуки» надобно отнести и разнообразіе

хорошо подобранныхъ письменныхъ работъ. Вотъ эти работы: 1) составленіе словъ изъ буквъ, данныхъ въ другомъ порядкѣ (и-с-а-л, у-м-а-к и т. п.); 2) составленіе по даннымъ словамъ другихъ, состоящихъ изъ тѣхъ-же буквъ; 3) возстановленіе словъ съ пропущенными буквами и 4) образованіе словъ приставкою начальной буквы.

Нельзя также не отмѣтить хорошаго стремленія автора давать въ урокахъ чтенія и матеріалъ для первыхъ наблюденій надъ языкомъ и его формами, имѣющихъ значеніе подготовительныхъ упражненій къ изученію начальной грамматики въ системѣ.

«Азбука» г. Крижа составлена по методу письма-чтенія, который считается имъ наиболѣе естественнымъ и удобнымъ. Г. Крижъ совѣтуетъ начинать обученіе съ раздѣленія короткихъ рѣчей на составляющія ихъ слова. Потомъ дѣти выдѣляютъ изъ словъ звуки, сначала гласные: *а*, *о*, *у*, *и*, а затѣмъ согласные: *с*, *х*, *ш*, *м*, *р*. Звуки эти должны быть въ началѣ словъ, въ концѣ и въ срединѣ. На послѣдующихъ урокахъ, когда дѣти поймутъ дѣленіе словъ на звуки, начинаются упражненія въ выписываніи соотвѣтствующихъ имъ буквъ, въ порядкѣ, обусловливаемомъ степенью сложности ихъ начертаній: *и*, *ш*, *о*, *а*, *с*, *х*, *р*, *у*, *м*. Отъ рукописныхъ буквъ дѣти переходятъ къ ознакомленію съ печатными, при помощи разрѣзного алфавита, затѣмъ учатся произносить слоги закрытые и открытые и, наконецъ, переходятъ къ чтенію цѣлыхъ словъ. Каждая новая буква изучается *въ диктовкѣ*: учитель заставляетъ дѣтей написать слово, въ обозначеніе котораго входитъ только одна неизвѣстная имъ буква; начертаніе ея учитель и показываетъ дѣтямъ. За письменною буквой изучается печатная, затѣмъ читаются сначала на подвижномъ алфавитѣ, а потомъ по «Азбукѣ» закрытые и открытые слоги со вновь изученною буквой, а также слова и фразы. Послѣ вышеуказанныхъ девяти буквъ, изучаются остальныя въ такомъ порядкѣ: *л*, *н*, *г*, *в*, *ы*, *е*, *ѣ*, *я*, *ю*, *ъ*, *ь*, *к*, *ж*, *з*, *ё*, *ч*, *щ*, *й*, *п*, *т*, *ц*, *э*, *і*, *г*, *д*, *б*, *ф*, *ѳ*. Въ «Азбукѣ» дается только печатный матеріалъ и нѣтъ въ ней ни прописей, ни матеріала для славянскаго чтенія, такъ какъ, по мнѣнію автора, первыя могутъ быть замѣняемы для учениковъ образцами письма самого учителя на классной доскѣ, а второй обыкновенно печатается во многихъ книгахъ для чтенія, употребляемыхъ въ начальныхъ школахъ.

Сказаннаго, полагаемъ, вполнѣ достаточно, чтобы познакомить читателя съ отличительными особенностями «Азбуки» г. Крижа и съ общими пріемами обученія по ней, изложенными въ «Руководствѣ».

Обращаясь къ указанію недостатковъ «Азбуки», прежде всего за-

мѣтимъ, что авторъ напрасно считаетъ методъ письма-чтенія наиболѣе естественнымъ и пригоднымъ. Чтеніе и письмо—далеко не одинаковые по существу и цѣлямъ предметы, и совмѣстное обученіе имъ невыгодно отражается на успѣхахъ дѣтскихъ занятій какъ чтеніемъ, такъ въ особенности письмомъ; послѣднее труднѣе перваго и не можетъ идти съ нимъ параллельно, такъ какъ по необходимости должно проходиться поспѣшно, кое-какъ. При раздѣльномъ обученіи чтенію и письму авторъ имѣлъ-бы возможность расположить буквы для изученія соотвѣтственно легкости произношенія обозначаемыхъ ими звуковъ: такъ, гласныя онъ могъ-бы поставить въ связь сначала съ согласными длительными, а потомъ уже съ мгновенными. Между тѣмъ, въ его распредѣленіи такія буквы, какъ *ж*, *з* и *ф*, выражающія именно длительные согласные звуки, занимаютъ мѣсто почти въ концѣ азбуки, по требованію послѣдовательнаго расположенія буквъ для письма. Съ другой стороны, при рекомендуемомъ нами способѣ, успѣшнѣе можно достигать и цѣлей каллиграфическихъ, такъ какъ буквы для письма могутъ быть расположены въ строгомъ генетическомъ порядкѣ, котораго нѣтъ въ распредѣленіи г. Крижа, и выписываемы неторопливо. Отъ дѣленія короткихъ рѣчей на слова послѣдовательнѣе переходить къ дѣленію словъ *не на звуки*, а *на слоги*, какъ такія части, которыя учащимся гораздо легче выдѣлять изъ словъ въ сравненіи со звуками. Описанный выше пріемъ изученія каждой новой буквы въ диктовкѣ представляется намъ искусственнымъ и не вполнѣ цѣлесообразнымъ: написаніе цѣлаго слова по этому пріему неизбѣжно должно быть прерываемо для ознакомленія дѣтей съ изображеніемъ неизвѣстной имъ буквы, а такой перерывъ не можетъ быть полезенъ для дѣла. По моему мнѣнію, когда дѣтямъ нужно усвоить начертаніе новой буквы, пусть они сначала выдѣлятъ изъ извѣстнаго слова выражаемый ею звукъ, затѣмъ пишутъ до полнаго усвоенія знакъ этого звука, или букву, а потомъ уже переходятъ и къ письму словъ съ этой буквой. Сопоставленіе слоговъ закрытыхъ и открытыхъ, въ которые входятъ такія буквы, какъ *и*, *е*, *ё*, *ѣ*, *я*, *ю*, не можетъ быть признано правильнымъ съ научной точки зрѣнія, такъ какъ значеніе этихъ буквъ въ указанныхъ слогахъ не одинаково: слогъ *ес* въ точной фонетической транскрипціи долженъ быть обозначенъ такъ: *йэс*, а слогъ *се*—такъ *сьэ*. Буква *ы* никогда не употребляется въ началѣ словъ, а потому излишне давать дѣтямъ для чтенія такія сочетанія, какъ *ыс*, *ыш*, *ым* и т. п. Было-бы правильнѣе научить дѣтей сначала чтенію такихъ слоговъ и словъ, въ которые входятъ сочетанія согласныхъ твердыхъ

съ гласными широкими, а затѣмъ — сочетанія согласныхъ съ гласными узкими. На первыхъ урокахъ чтенія надобно избѣгать употребленія малоизвѣстныхъ и рѣдко встрѣчающихся словъ, а равно и выраженій искусственныхъ, мало употребительныхъ. Между тѣмъ, въ «Азбукѣ» г. Крижа находимъ такія слова, какъ *шиши*, *лира*, *маги*, *уза*, *муму*, *сюсю* и т. п., и такія выраженія, какъ «муха лиха», «я не лаю» и т. п. Каждый урокъ по обученію чтенію полезно-бы начинать повтореніемъ пройденныхъ буквъ, которыя въ «Азбукѣ» должны быть напечатаны примѣнительно къ алфавитному порядку. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Крижа, что прописи могутъ быть замѣняемы для учениковъ образцами письма самого учителя на классной доскѣ: имѣя прописи, ученикъ можетъ пользоваться ими и въ классѣ, и дома и научится писать лучше и скорѣе по образцамъ, которые у него всегда подъ рукою. Славянскій текстъ также долженъ составлять необходимую принадлежность каждой азбуки для русскихъ дѣтей; по крайней мѣрѣ, должны быть печатаемы въ букваряхъ начальныя молитвы. Очень часто случается, что крестьянскія дѣти ограничиваются изученіемъ только азбуки, а потому необходимо, чтобы изъ Закона Божія они знали хоть молитвы, имѣя возможность изучать ихъ по азбукѣ. Что касается внѣшнихъ достоинствъ «Азбуки» г. Крижа, качествъ бумаги и шрифтовъ, то и въ этомъ отношеніи она должна быть признана удовлетворительною; правда, желательны улучшенія и по этой части, хотя-бы съ возвышеніемъ на книжку цѣны.

«Руководство къ Русской азбукѣ» составлено толково, безъ излишнихъ подробностей. Дидактическіе взгляды автора по большей части правильны и не вызываютъ существенныхъ замѣчаній. Только относительно мнѣнія автора, что «объяснительное чтеніе работа не перваго, а послѣдующаго періода обученія», необходимо сдѣлать оговорку. Правда, размѣры объясненій на первыхъ урокахъ чтенія должны быть очень невелики, соотвѣтственно чему для чтенія дѣтямъ и даются совершенно понятныя слова и выраженія. Но, въ видахъ развитія привычки къ чтенію толковому, полезно и даже необходимо вызывать въ сознаніи дѣтей, посредствомъ краткаго вопроса или намека, представленія о предметахъ, обозначаемыхъ словами. «Общія замѣчанія», которыми начинается «Руководство», могли-бы быть значительно сокращены безъ вреда для дѣла. Разсужденія объ излишествѣ подробной катихизаціи по поводу каждаго читаемаго слова, помѣщенныя во 2-й главѣ «Руководства», довольно правильны; но объ этомъ такъ много писали, что не было необходимости повторять извѣстныя вещи. Можно-бы сдѣлать автору и еще нѣсколько замѣ-

чаній, наприм., о распредѣленіи буквеннаго матеріала, о сближеніи звуковъ, о смѣшеніи послѣднихъ съ буквами, о письменныхъ работахъ; но мы не дѣлаемъ этого, въ виду многихъ положительныхъ сторонъ, отличающихъ его книжки. За ними, несмотря на указанные недостатки, во всей силѣ остается благопріятный отзывъ, сдѣланный нами въ началѣ рецензіи. **А. Анастасіевъ.**

Народныя изданія книжнаго склада Муринова: 1) «Деревенскій король» и «Горе стараго кабана». Два разсказа *Н. Златовратскаго*, ц. 6 коп. 2) «Дѣти подземелья». Разсказъ *Вл. Короленка*, ц. 5 коп. 3) «Авраамъ». Разсказъ *Н. Златовратскаго.* «Трудъ, богатство, деньги». *Н. Ш.*, ц. 5 коп. 4) «Стельная корова», какъ ходить за ней и какъ помогать ей при теленіи. *Г. Гурина*, ц. 3 коп. 5) «Живодеръ». Повѣсть *Вас. И. Немировича-Данченка*, ц. 3 коп. 6) «Сухарь». Очеркъ изъ жизни городской бѣдноты *В. Быстренина*, ц. 2 коп.

Съ развитіемъ школьнаго дѣла, какъ показываетъ опытъ, идетъ развитіе и читающей публики какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Если пристальнѣе всмотрѣться въ нашего читателя изъ народа, народившагося вмѣстѣ съ народной школой, то легко замѣтить, что его уже нельзя подвести подъ одинъ уровень съ читателемъ, только-что начинающимъ читать. Изъ грамотной массы народа начинаетъ выдѣляться, хотя и въ очень слабой степени, такъ-называемая, народная интеллигенція, умственные запросы и литературные вкусы которой уже сдѣлали нѣкоторый шагъ впередъ по пути своего развитія. Такую нарождающуюся интеллигенцію изъ народа можно встрѣтить теперь и въ деревнѣ, и въ городѣ. Приходя на помощь съ книгой къ начинающему читателю, тѣмъ болѣе нельзя оставаться глухимъ къ умственнымъ запросамъ этой новой интеллигенціи: иначе—вызванная къ жизни мысль снова заснетъ и, такимъ образомъ, пропадетъ весь предшествующій трудъ въ этомъ направленіи. Но въ этой области у насъ, пока, сдѣлано еще слишкомъ мало, что, впрочемъ, вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, какъ еще недавно народилась наша народная литература. Издательская фирма Муринова дѣлаетъ въ указанномъ направленіи, можно сказать, первые шаги. Всѣ перечисленныя выше книги, изданныя этою фирмою, по своему содержанію приноровлены именно къ очерченному кругу читателей.

Три разсказа Н. Златовратскаго, помѣщенные въ 1-й и 3-й книж-

кахъ (разсказы взяты изъ полнаго собранія сочиненій автора безъ всякихъ сокращеній и измѣненій), рисуютъ тотъ антагонизмъ между молодымъ и старымъ поколѣніями въ народѣ, который возникаетъ всегда, когда новое поколѣніе, отрываясь отъ земли и превращаясь въ разныхъ арендаторовъ, артельщиковъ, лавочниковъ и т. п. людей «по коммерческой части», теряетъ ту простоту и цѣльность натуры, которыя налагаетъ на крестьянина его трудъ, его близость къ землѣ, къ природѣ. «Деревенскій король», «Кабанъ», «Авраамъ», «Антонъ»—цѣльныя непосредственныя натуры, крѣпкія землѣ, чуждыя эгоизма, работающія на міру, своимъ хребтомъ отстаивающія мірскіе интересы (разсказъ о пахожденіи «платинки»). «Горе-ли, скорбь-ли, радость-ли у кого—все вмѣстѣ: вмѣстѣ всѣмъ міромъ слезами обливались, вмѣстѣ и въ смѣшки играли, коли Господь веселымъ часомъ взыскивалъ. На улицу-то шелъ ровно въ церковь. Не богато жили, тяжко жили, за то дружно!.. А нонѣ свара, брань, ненависть, надсмѣшки. Нонѣ на улицу-то идешь—поджилки трясутся». Такъ характеризуютъ старое и новое время отцы. Параллельно съ этимъ передъ читателемъ проходятъ типы другого рода — новое поколѣніе, дѣти: арендаторъ, нагло называющій стариковъ «куриною слѣпотою, баламутами», дѣти «Короля»—ухарскіе, беззаботно нахальные фабричные, Платонъ Абрамычъ, идущій въ домъ къ денежной вдовѣ, и т. д. Несомнѣнно, что разсказы эти, вполнѣ понятные и по содержанію, и по языку простому читателю, доставятъ ему не только интересное, но и *поучительное* чтеніе, особенно въ тѣхъ районахъ, гдѣ населеніе стремится къ отхожимъ промысламъ.

Разсказы «Живодеръ» и «Сухарь» (5-я и 6-я книжки) переносятъ читателя въ городъ. Живодеръ—это мелкій ростовщикъ; сухой и черствый, онъ безучастно смотритъ на своихъ кліентовъ—городскую бѣдноту. Кажется, ничто въ мірѣ не можетъ тронуть этого человѣка, поглощеннаго своими процентами и денежными выкладками; но и онъ не устоялъ передъ силой, кроющейся въ дѣтскомъ взглядѣ: наивно-любопытные глазенки Пашутки, 6-ти-мѣсячной дочки одной изъ многочисленныхъ должницъ Живодера, произвели на него такое неотразимое впечатлѣніе, что онъ, незамѣтно для самого себя, совершенно переродился. Принявъ затѣмъ на воспитаніе Пашутку, онъ бросилъ свое позорное занятіе и переселился на житье въ деревню, чтобы заняться исключительно земледѣльческимъ трудомъ. Разсказъ написанъ живо и производитъ хорошее впечатлѣніе. Въ разсказѣ «Сухарь» передъ читателемъ выводится городской шутъ, отдающій себя на потѣху сытыхъ лавочниковъ. Ничто, повидимому, не предвѣ-

щало, чтобы въ этомъ обезличенномъ и забитомъ существѣ когда-нибудь пробудилось чувство человѣческаго достоинства. Но вотъ въ его углу появилось тоже никому ненужное существо—дѣвочка Настя, и Сухарь (прозвище шута) привязался къ ней всѣми силами души. «Видѣть около себя живое существо, чувствовать, что на тебя глядятъ съ любовью довѣрчивые дѣтскіе глазки,—на тебя, къ кому всѣ и всегда относятся съ насмѣшкой и презрѣніемъ,—это было для Сухаря чѣмъ-то новымъ, до основанія перевернувшимъ всѣ его отношенія къ людямъ и самому себѣ. Настя внесла свѣтъ въ его жизнь, и онъ, можетъ быть, въ первый разъ почувствовалъ, что онъ не только шутъ, но такой-же человѣкъ, какъ и всѣ люди». Разсказъ производитъ сильное впечатлѣніе и останавливаетъ вниманіе читателя на такихъ явленіяхъ жизни, мимо которыхъ не разъ проходилъ онъ, не уясняя себѣ ихъ значенія и смысла. Мы увѣрены, что книжка эта найдетъ себѣ большой кругъ читателей. Разсказъ Короленка «Дѣти подземелья» (2-я книжка) есть сокращеніе хорошо извѣстной повѣсти этого писателя «Въ дурномъ обществѣ» *).

Кромѣ статей беллетристическаго характера, въ серію изданныхъ г. Муриновымъ книжекъ вошла одна статья популярно-научнаго характера: «Трудъ, богатство, деньги» Н. Ш. Въ ней читатель прежде всего узнаетъ, что̀ нужно принимать за богатство, затѣмъ излагаются краткія біографическія свѣдѣнія объ Адамѣ Смитѣ; далѣе разсматривается трудъ вообще, подраздѣленіе его на производительный и непроизводительный, успѣшность производства въ зависимости отъ раздѣленія труда, отъ энергіи и знаній производителей; въ концѣ статьи говорится о значеніи денегъ, какъ мѣновыхъ знаковъ. Не смотря на серьезность своего содержанія и встрѣчающіяся иностранныя слова, статья, несомнѣнно, найдетъ своего читателя, хотя и неособенно многочисленнаго. Политико-экономическія знанія распространены у насъ очень мало не только среди простого читателя, но и среди, такъ называемаго, образованнаго общества.

Что касается книжекъ практическаго содержанія, то фирмой пока издана только одна такая книжка: «Стельная корова», составленная ветеринарнымъ врачемъ Гуринымъ. За достоинство этой книжки достаточно говоритъ уже то, что она въ короткое время выдерживаетъ второе изданіе. Будучи снабжена нѣсколькими, весьма хорошо исполненными рисунками, книжка даетъ полныя и обстоятельныя свѣдѣнія

---

*) О выдающемся по своей талантливости разсказѣ г. Короленка мы помѣщаемъ ниже отдѣльную обстоятельную рецензію. *Ред.*

по вопросу объ уходѣ за коровой и леченіи ея при теленіи. Можно пожелать самаго широкаго распространенія этой весьма полезной книжкѣ.

Вотъ все, что до сихъ поръ выпущено въ свѣтъ издательской фирмой Муринова, существующей еще такъ недавно (всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ). Насколько намъ извѣстно, фирмой предположено приступить къ изданію цѣлаго ряда научно-популярныхъ статей по различнымъ областямъ знанія. Отъ души желаемъ успѣха этому намѣренію: о необходимости такихъ изданій едва-ли нужно говорить.

Н. Тулуповъ.

Дѣти подземелья. Разсказъ Вл. Короленка. Изд. Муринова. 1892 г.

Прелестный, глубокій, поэтическій разсказъ Короленка, сокращенный изъ его очерка «Въ дурномъ обществѣ», рисуетъ намъ картину небольшого городишка, съ развалинами и преданіями стараго замка и разрушенной часовни на горѣ. Нищій, безпріютный людъ гнѣздился въ этихъ убогихъ пристанищахъ, а ночью «городъ зналъ, что по его улицамъ въ ненастной тьмѣ бродятъ люди, которымъ голодно и холодно» и что «среди этой оборванной толпы встрѣчались лица, которыя по уму и талантамъ могли-бы сдѣлать честь избраннѣйшему обществу замка»... И къ этимъ-то темнымъ людямъ, къ этимъ отребьямъ человѣчества попадаетъ мальчикъ, сынъ городского судьи. Рано предоставленный самому себѣ, такъ какъ овдовѣвшій отецъ весь ушелъ въ свое горе, мальчикъ цѣлыми днями живетъ на улицѣ. Заинтересованный различными росказнями о таинственныхъ обитателяхъ часовни на горѣ, онъ пробирается туда и заводитъ знакомство, сильно повліявшее на него, съ ровесникомъ себѣ, вдумчивымъ, не по лѣтамъ серьезнымъ Валькомъ и голубоглазой Марусей, изъ которой «сѣрый камень подземелья вытягиваетъ жизненные соки». Очень живо нарисована сценка встрѣчи этихъ двухъ мальчугановъ, когда оба они, согласно рыцарскимъ правиламъ городка, немедленно становятся въ вызывающія позы противниковъ, заложивъ руки въ карманы, и «тѣмъ намекая даже отчасти на взаимное презрѣніе». Съ первой-же встрѣчи сынъ судьи пораженъ отсутствіемъ настоящаго дома у его новыхъ товарищей, такихъ-же, какъ и онъ, дѣтей... Вскорѣ затѣмъ еще новое открытіе тяжело ложится на его впечатлительную душу—онъ узнаетъ; что его друзья, къ которымъ онъ сильно привязался, нищіе, что они голодны и воруютъ хлѣбъ... И вотъ, рядомъ съ неослабѣвшей привязанностью, въ сердцѣ мальчика возникаетъ «острая струя сожалѣнія, доходящая до жгучей боли». Особенно сильно смущаютъ маль

чика странныя рѣчи и недомолвки Тыбурція. Этотъ Тыбурцій, шутовствующій на площади и потѣшающій праздную толпу выдержками изъ Цицерона и Виргилія,—и Тыбурцій у себя дома, съ дѣтьми, и въ сценѣ его объясненія съ судьей — два совершенно различныхъ лица: площадной шутъ здѣсь потрясаетъ глубиною своего любящаго сердца. Его не вполнѣ ясныя для мальчика теоріи оставляютъ въ немъ тѣмъ не менѣе неизгладимый хорошій слѣдъ. Между прочимъ, онъ старается объяснить мальчику положеніе и обязанности его отца: «Твой отецъ лучшій изъ всѣхъ судей. Онъ не считаетъ нужнымъ травить стараго, безубаго звѣря въ его послѣдней берлогѣ. Но онъ служитъ господину, которому имя законъ. У него есть глаза и сердце только до тѣхъ поръ, пока законъ спитъ себѣ на полкахъ; когда-же этотъ господинъ сойдетъ оттуда и скажетъ твоему отцу: а ну-ка, судья, не взяться-ли намъ за Тыбурція? Съ этого момента судья запираетъ свое сердце на ключъ, и тогда у него такія твердыя руки, что Тыбурцію не вывернуться. И за это я и всѣ больше уважаемъ твоего отца; потому что онъ вѣрный слуга своего господина, а такіе люди рѣдки»... Еще раньше мальчикъ со словъ Валька проникается уваженіемъ къ своему угрюмому, неласковому отцу: больно ощущая лишеніе отцовской любви, онъ жалуется товарищу и обвиняетъ отца, но неожиданно наталкивается на заступничество судьи со стороны Валька: «онъ хорошій человѣкъ, твой отецъ, онъ и богатаго не побоится засудить, будь онъ хоть самъ графъ; а когда старая Иваниха пришла къ нему съ костылемъ, то онъ велѣлъ принести ей стулъ—вотъ онъ какой!..»

Какъ трогателенъ эпизодъ съ куклой! Какое бережное отношеніе къ больной дѣвочкѣ у этихъ уличныхъ мальчиковъ, какое тонкое, чуткое пониманіе ея горя и радости!..

Если мѣстами книга и не вполнѣ понята будетъ дѣтьми, все-же въ общемъ она непремѣнно заложитъ въ душахъ ихъ добрыя и гуманныя чувства и, не подрывая авторитета честности и строгихъ нравственныхъ правилъ, вызоветъ мягкое, снисходительное отношеніе къ несчастнымъ, обездоленнымъ нарушителямъ законовъ, пробудитъ потребность, желаніе и умѣнье видѣть и въ нихъ людей, и въ нихъ отыскивать и находить человѣческое сердце, а это уже много... Побольше-бы такихъ книгъ!.. Три разсказа изъ той-же серіи, а именно разсказы г. Златовратскаго: «Деревенскій король», «Кабанъ» и «Аврамъ» недурны какъ разсказы для народа, но дѣтямъ они совершенно непонятны.

Н. Бородинъ. «Весна». Русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. Москва. 1892 г. 345 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Сборникъ содержитъ 32 прозаическія статьи и 55 стихотвореній разныхъ авторовъ. Статьи подобраны такъ, чтобы могли дать полную картину весны во всѣхъ концахъ Россіи, начиная съ Малороссіи и кончая тундрой и далекими окраинами Востока. Однѣ изъ статей даютъ просто картины весенней жизни природы, и къ числу такихъ статей относятся: «Первые признаки весны» Висковатова, «Наступленіе весны» Левитова, «Половодье» Григоровича, «Весенній разливъ Волги» Кириллова, «Весной на рѣкѣ Чусовой» Мамина-Сибиряка, «Даурская степь весной» Черкасова, «Степи» Каразина, «Весна на тундрѣ»; другія статьи, какъ «Вѣстники весны» и «Полевой жаворонокъ» Кайгородова, «Журавли» Бобровскаго, «Ласточки» Богданова, знакомятъ читателя съ жизнью перелетныхъ птицъ. Къ третьей категоріи относятся разсказы изъ охотничьей жизни («Охота на дикихъ гусей» и «Охота на тетеревовъ» Михайлова, «Первая охота въ Малороссіи» Данилевскаго и «Весной на тягѣ» Кайгородова). Въ сборникѣ есть еще двѣ статьи, касающіяся встрѣчи весны въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи: «Встрѣча весны въ Малороссіи» Круглова и «Весна пришла» Меньшикова. Наконецъ, сборникъ содержитъ нѣсколько повѣствовательныхъ статей: отрывокъ изъ «Пахаря» Григоровича, «На великой рѣкѣ» Александрова, «На плотахъ» и «Весной на далекомъ Востокѣ» Максимова. Въ статьѣ «На великой рѣкѣ» старый бурлакъ разсказываетъ о своихъ «мытарствахъ» на Волгѣ во время весенняго разлива; въ разсказѣ «На плотахъ» рисуется полная трудовъ и опасностей жизнь сплавщиковъ лѣса по сѣвернымъ рѣкамъ; «Весной на дальнемъ Востокѣ»—эпизодъ изъ жизни бѣглыхъ каторжниковъ.

Въ стихотвореніяхъ сборника господствуютъ тѣ-же весенніе мотивы: «Передъ весной», «Весенній гимнъ», «Майская пѣснь» и т. д. Хотя не всѣ стихотворенія одинаково хороши въ художественномъ отношеніи и одинаково интересны по содержанію, но всѣ они очень идутъ къ общему тону книги, проникнутой любовью въ природѣ, ея жизни и красотѣ.

Такимъ образомъ, сборникъ даетъ богатый, большею частью художественный матеріалъ для чтенія; но при всемъ томъ книга эта врядъ-ли будетъ по достоинству оцѣнена читателемъ, для котораго предназначается: дѣти не любятъ книгъ, въ которыхъ много описаній и мало дѣйствія.

Лѣто въ Царскомъ Селѣ. Для дѣтей младшаго возраста. М. А. Полѣновой. 4-ое изданіе, дополненное, съ 9-ю рисунками. Петербургъ. 1892 г.

Эта книга вышла первымъ изданіемъ въ 1852 году и въ свое время пользовалась большимъ успѣхомъ. Написана она съ поучительною цѣлью. Семья отправляется на лѣто въ Царское, и родители при всякомъ случаѣ стараются сообщить маленькимъ дѣтямъ полезныя свѣдѣнія: при сборахъ въ дорогу отецъ говоритъ о силѣ пара, объ устройствѣ желѣзной дороги; во время прогулокъ разсказываетъ о заморскихъ птицахъ, о слонахъ и ламахъ; при посѣщеніи арсенала съ древнимъ оружіемъ—передаетъ повѣсть о рыцарскомъ турнирѣ. Въ книгѣ приводятся сказки о царѣ Берендеѣ, объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-Разбойникѣ; нѣсколько былинъ объ извѣстныхъ богатыряхъ, разсказы изъ дѣтства Рубенса и Моцарта; цѣлый сборникъ интересныхъ и хорошо написанныхъ разсказовъ, прерываемыхъ, впрочемъ, постоянными разговорами между дѣтьми и родителями—обычный пріемъ старинныхъ поучительныхъ книжекъ. Сентиментальный характеръ книги (дѣти чрезвычайно дружны, любознательны и добронравны), составляющій главный недостатокъ ея, значительно, впрочемъ, заглаживается ея занимательностью, такъ что нынѣшнія дѣти прочтутъ ее съ удовольствіемъ и не безъ пользы, какъ читали ихъ родители, лѣтъ сорокъ тому назадъ. «Лѣто въ Царскомъ Селѣ» по языку и по содержанію несравненно выше современныхъ дѣтскихъ книжекъ съ изящными картинками, каковы, напр., произведенія Андреевской въ нарядномъ изданіи Битепажа.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Развитіе учебнаго дѣла въ Черногоріи.

I.

Близъ Цетинья въ послѣдніе годы XV ст. дѣйствовала славяно-кирилловская печатня, и на основаніи этого нѣкоторые готовы заключать о существованіи черногорско-сербскихъ школъ уже въ то отдаленное время. Но такой выводъ былъ-бы поспѣшнымъ, и мы упомянули объ этой печатнѣ больше для того, чтобъ напомнить о томъ, во всякомъ случаѣ, любопытномъ и знаменательномъ фактѣ, что одни изъ самыхъ раннихъ кирилловскихъ первотисковъ вышли изъ Черногоріи. Краковскіе, четырехсотлѣтіе которыхъ мы недавно отпраздновали, помѣчены 1491 г.; черногорскія-же *)—счетомъ три—1493—1495 гг. Четырехсотлѣтіе послѣднихъ будутъ, какъ слышно, праздновать въ Цетиньѣ въ нынѣшнемъ году.

Собственно о черногорско-сербскихъ школахъ можно говорить лишь начиная со второй, даже съ третьей четверти нашего столѣтія. Первая школа основана владыкой Петромъ II въ 1833 или 1834 г. До этой поры въ Черногоріи, по свидѣтельству Вука Караджича, посѣтившаго Гору въ первые годы правленія Петра II (1830—1851), почитался тотъ за чудо учености, кто умѣлъ хорошо читать и писать, а такихъ было очень немного; даже священники, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, читали и писали съ большимъ трудомъ. Этому искусству они научались или у своихъ отцовъ, или у монаховъ цетиньскаго и иныхъ монастырей. Въ школѣ-же, учрежденной нарочито для обученія будущихъ священниковъ, они должны были, кромѣ чтенія и письма, знакомиться еще со счетомъ, священнымъ писаніемъ и катехизисомъ. Эта первая черногорская школа открыта при Цетиньскомъ монастырѣ, вторая въ 1847 г.—при Добрскомъ. Добрская вскорѣ затихла, Цетиньская-же стала развиваться. Въ ней учатся не только тѣ, которые хотятъ, по сербскому выраженію, «запопити се», но и сыновья лучшихъ людей княжества. Въ пятидесятыхъ годахъ она дѣлается четырехклассным средне-учебнымъ заведеніемъ, по образцу православнаго духовнаго училища въ Задрѣ (Далмація), ибо по прежнему ея цѣль состоитъ въ томъ, чтобы готовить въ священники. Предполагался и пятый классъ, какъ въ Задрѣ, но вслѣдствіе

*) У Каратаева. №№ 7, 8 и 9.

ухода лица, завѣдывавшаго преобразованіемъ школы, открытіе его не состоялось. Въ четвертомъ классѣ преподавались слѣдующіе предметы: церковнославянская грамматика, всеобщая и церковная исторія, землепись, физика, психологія, догматика, пѣніе. Какъ видимъ, требованія значительно повысились, но что такія требованія были еще преждевременны—лучше всего доказывается неуспѣхомъ школы за все это время, несмотря на замѣчательное усердіе лица, ею завѣдывавшаго, и тѣмъ, что, несмотря на возникновеніе среднеучебнаго заведенія, она оставалась единственной школой Черногоріи, ибо другія, если и открывались, то на самое незначительное время и въ самомъ незначительномъ количествѣ; этихъ другихъ было только двѣ. Возникновенію школъ и вообще успѣхамъ просвѣщенія и гражданственности препятствовали частыя ожесточенныя войны съ турками, когда въ бой шло все населеніе, способное носить оружіе, а въ томъ числѣ и учителя и ученики, но больше всего внутренніе непорядки и междоусобія. Новыя школы начинаютъ основываться лишь съ шестидесятыхъ годовъ, послѣ того какъ могучею рукою князя Данилы (1851 — 1860) установлены, наконецъ, общественный порядокъ и спокойствіе. Князь Данила относился къ школѣ внимательно и устроилъ казеннокоштное общежитіе на 30 учениковъ. Но настоящимъ основателемъ просвѣщенія въ Черногоріи слѣдуетъ признавать князя Николая.

По его почину, въ 1863 г., вскорѣ по окончаніи турецкой войны, которою ему пришлось открыть свое правленіе, учреждено 7 четырехклассныхъ основныхъ (начальныхъ) школъ, причемъ Цетиньская получила то же устройство, что и прочія. Курсъ послѣдняго класса въ этихъ школахъ составляли: пространный катехизисъ, псалтырь, сербское чтеніе, сербская и черногорская исторія и всеобщая землепись—вкратцѣ, землепись Балканскаго полуострова подробно, наконецъ, счетъ и церковное пѣніе. Главное назначеніе этихъ школъ было то-же, что и прежней Цетиньской. Съ тою-же цѣлью и въ томъ-же 1863 г. (въ концѣ) учреждена особая духовная школа съ болѣе обширной программой, но черезъ годъ, за недостаткомъ средствъ, закрыта. Состояніе новооткрытыхъ школъ было вообще неудовлетворительно. Чувствовался недостатокъ въ обстановкѣ, въ пособіяхъ, особенно въ подготовленныхъ преподавателяхъ. Въ Цетиньѣ учили пришлые сербы, получившіе подготовку заграницей, съ жалованьемъ въ 300—400 талеровъ, въ остальныхъ школахъ—большею частью молодые священники, вышедшіе изъ старой Цетиньской школы и считавшіе палку и зубренье лучшими учебными средствами. Имъ платилось 40—50 тал. ежегодно. Вознагражденіе учителямъ шло изъ монастырскихъ доходовъ, а о помѣщеніи, обстановкѣ, отопленіи и т. д. должно было заботиться племя. За обученіе не брали ничего. Заводить или не заводить школу зависѣло отъ желанія племени. При открытіи школъ, въ нихъ записалось до 300 мальчиковъ. Въ Цетиньской школѣ было два преподавателя, въ остальныхъ—по одному. Завѣдываніе поручено цетиньскому архимандриту, въ то время Никифору Дучичу, бѣженцу изъ Герцеговины, имя котораго во времена герцеговинскаго возстанія и послѣдней черногорско-турецкой войны было хорошо извѣстно русскимъ читателямъ. Симпатичный и талантливый поэтъ Іованъ Сундечичъ, тоже—бѣженецъ, но изъ австрійской Далмаціи, въ то время секретарь князя, также принималъ самое живое участіе въ открытіи и устроеніи этихъ школъ. Въ вышеописанномъ положеніи школы оставались до 1870 г.

До 1869—1870 гг. черногорскія школы служили для удовлетворенія—сначала исключительно, потомъ почти исключительно нуждъ церкви. Съ 1869—1870 гг. начальное образованіе признано необходимымъ для всего народа, для духовенства-же оно признано недостаточнымъ, и для приготовленія священниковъ учреждено особое среднеучебное заведеніе. Съ этого времени начальныя школы стали значительно увеличиваться въ числѣ. Такимъ образомъ, начиная съ 69—70 гг. можно говорить о начальномъ и среднемъ образованіи въ Черногоріи. Какъ княземъ, такъ и наиболѣе просвѣщенными изъ его помощниковъ ясно сознавалась вся необходимость развитія школьнаго дѣла и вообще просвѣщенія. Но для этого надлежало изыскать средства. Таковыя нашлись отчасти внутри страны, отчасти внѣ ея. Внѣ ея — это значитъ въ Россіи. Въ 1868 г. князь посѣтилъ Петроградъ (подъ такимъ именемъ извѣстна у большинства славянъ русская столица). Слѣдствіемъ этого посѣщенія было высочайшее разрѣшеніе отпускать ежегодно на содержаніе богословской школы въ Цетиньѣ по 8.000 р. изъ средствъ Синода, а государыня Марія Александровна приказала отпускать изъ собственной казны по 5.500 р. на дѣвичій институтъ въ томъ-же Цетиньѣ. Впослѣдствіи, съ 1888 г., эта сумма увеличена до 10.000 гульд. Пенсіи начальницѣ и учительницѣ русскаго языка идутъ тоже изъ Россіи. И та, и другая пользуются правами русской службы и до сихъ поръ назначались изъ русскихъ. Сверхъ того, покойная государыня оставила капиталъ, изъ процентовъ съ котораго выдаются денежныя награды лучшимъ воспитанницамъ. Такимъ образомъ, для Черногоріи было обезпечено существованіе двухъ среднеучебныхъ заведеній. Открытіе ихъ состоялось 8 сент. 1869 г. Мы уже говорили, что учителя содержались на монастырскія средства, но доходы 11 монастырей тогдашней Черногоріи были ничтожны. Случалось, что второй по богатству монастырь Черногоріи давалъ въ годъ доходу 34 гульдена. Это происходило отъ неумѣнья распорядиться, какъ слѣдуетъ, принадлежащими монастырямъ землями. Въ 1868 г. управленіе церковью и школами сосредоточено въ рукахъ владыки, который оставилъ монастырямъ столько земли, сколько имъ нужно для годового обихода, а все остальное отдалъ въ наемъ селянамъ. Эти земли въ теченіе 1870—1872 гг. дали 56.650 гульд., на которые содержалось 40 учителей, 11 духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ владыка, и, кромѣ того, выдавались пособія бѣднымъ ученикамъ. Средства на жалованье учителямъ основныхъ школъ, такимъ образомъ, нашлись. Теперь слѣдовало позаботиться о хорошемъ букварѣ и сколько-нибудь подготовленныхъ учителяхъ. Составленіе букваря, примѣнительно къ особенностямъ черногорскаго говора, было поручено извѣстному венгерско-сербскому педагогу Вукачевичу, который и выполнилъ данное ему порученіе. Что касается до учителей, то рѣшили вызвать желающихъ изъ окончившихъ курсъ основныхъ школъ, а съ ними и ихъ наставниковъ. Оказалось, что чуть не всѣ вызванные забыли почти все, что проходили въ школѣ. Тѣмъ не менѣе, занялись ихъ подготовкой. Большинство было признано способными къ преподаванію лишь въ первомъ классѣ начальной школы, а такого, который успѣлъ-бы подготовиться къ преподаванію во всѣхъ классахъ основной школы среди ихъ не нашлось. Между тѣмъ по племенамъ было заблаговременно разослано приказаніе устроить все необходимое для школъ, и 1 сент. 1870 г. открыты 24 новыя начальныя школы, что съ прежде существовавшими даетъ 31 школу, въ которыя за-

писалось 1.424 учащихся. Это было хорошее время. Вся Черногорія съ одушевленіемъ говорила о своихъ новыхъ школахъ. Самъ царь и царица хотятъ, чтобы черногорцы учились. Они даютъ деньги на «великія» школы въ Цетиньѣ... Всѣ ожидали необыкновенныхъ и немедленныхъ благъ отъ ученія. Всѣ хотѣли учиться, и многіе дѣйствительно учились. Сразу разошлось 1.800 букварей, тогда какъ всѣхъ школьниковъ было 1.424. Старики-черногорцы, весь свой вѣкъ не выпускавшіе ханджара изъ рукъ, глазамъ своимъ не вѣрили: какой-нибудь малышъ въ зиму, а то и меньше, научается читать и писать, а они были твердо убѣждены, что на такое дѣло нужна чуть-ли не цѣлая жизнь.

Въ 1871 году открыто еще 7 школъ; 3 изъ нихъ въ Турціи, въ томъ числѣ одна двухлассная, прочія—одноклассныя. Въ началѣ 1875 г. Черная Гора имѣла 13 четырехклассныхъ мужскихъ школъ и 1 женскую трехклассную, въ Цетиньѣ, а всѣхъ, вмѣстѣ съ тѣми, которыя основались въ Турціи вдоль границы, считалось 51 съ 2.243 учащимися. Но въ 1875 г. вспыхнуло герцеговинское возстаніе. Пограничныя школы и по ту, и по сю сторону границы были закрыты. Такихъ школъ было 29. Въ 1876 г. весною, предъ объявленіемъ войны, тоже сдѣлано и съ остальными, и до послѣднихъ мѣсяцевъ 1878 г. въ Черногоріи не дѣйствовало ни одной школы. Послѣдствія этой войны чувствуются и до сихъ поръ. Въ 1880—1881 г. мы находимъ только 22 школы съ 1.180 учащимися, не смотря на то, что пространство Черногоріи увеличилось довольно значительно. Впрочемъ, въ слѣдующемъ учебномъ году число школъ повышается до 31 съ 1.737 учащимися, а въ 1889—1890 гг. школы достигаютъ цифры 1875 г., т.-е. 51, но цыфра 1889 г. все-же, принимая въ соображеніе пространство, меньше цыфры 1875 г. Для большей наглядности представимъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя въ слѣдующемъ видѣ:

	Школы.	Ученики.	Ученицы.	Учителя.	Учительницы.	Одноклассныя.	Двухклассныя.	Трехклассныя.	Четырехклассныя.
1833	1	?	—	1	—		?		
1863	7	ок. 300	—	8	—	—	—	—	7
1870—1871	31	1.352	72	?	—	18	6	6	1
1875	51	2.146	97	?	?	?	?	?	13
1881—1882	34*)	1.628	109	41	2	3	11	8	12
1889—1890	51**)	?	?	67	4	—	—	36	15

Въ 1892 г. число школъ повысилось до 54 (въ томъ числѣ 4 женскихъ).

Учительницы преподаютъ только въ дѣвичьихъ школахъ; вообще черногорцы не любятъ незамужнихъ учительницъ: по ихъ мнѣнію, замужняя будетъ лучшимъ примѣромъ для будущихъ матерей и хозяекъ. Въ настоящее время вознагражденіе учителямъ колеблется между 120 и 200 талеровъ золотомъ, большинство получаетъ по 150 т., три учительницы по 200 т., четвертая 150 т. Въ Черногоріи такое вознагражденіе достаточно. Что касается до подготовки учителей, то у многихъ она настолько неудовлетворительна, что не

*) Четыре содержались исключительно на средства племени.
**) Четыре частныхъ и четыре женскихъ.

такъ давно, именно въ 1889 г., министерство сочло необходимымъ назначить соотвѣтствующее испытаніе всѣмъ тѣмъ, кто не получилъ свидѣтельства учительско-богословской школы, и для приготовленія къ испытаніямъ дало двухлѣтній срокъ. Это распоряженіе, очевидно, вызвало ропотъ, потому что министерство еще разъ, въ своемъ ежемѣсячномъ изданіи «Просвјета», приводитъ тѣ основанія, которыми оно руководствовалось при принятіи этой мѣры. Отъ различія въ степени подготовленности учителей зависитъ, конечно, различная степень уровня знаній у учениковъ начальныхъ школъ, что крайне вредно отражается на ходѣ преподаванія въ первыхъ классахъ гимназіи и богословской учительской школы, которыя пополняются кончившими курсъ въ основныхъ школахъ. Въ прежнее время, особенно съ начала, въ школахъ преподавало не мало священниковъ, но теперь въ общественныхъ школахъ священники, даже и безприходные, не преподаютъ, такъ какъ признано, что это отвлекаетъ ихъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей. Въ 1889—1890 гг. было 5 учителей священниковъ, но двое изъ нихъ учатъ въ собственныхъ частныхъ школахъ. Здѣсь кстати замѣтить, что до войны 1876—1878 гг. въ черногорскихъ школахъ, можно сказать, не было иновѣрцевъ. Послѣ войны, съ расширеніемъ предѣловъ княжества, дѣло измѣнилось. Въ 1881—1882 гг. среди 1.737 учащихся считалось 26 католиковъ и 44 мухамеданина.

Отношеніе народа и властей къ учителямъ и школѣ, въ общемъ, слѣдуетъ признать удовлетворительнымъ. Такіе случаи, какъ отдача части школьнаго зданія въ наемъ подъ корчму, по рѣшенію мѣстныхъ властей, или подъ складъ оружія, по распоряженію военнаго министра, рѣдки. Это произошло въ то время, когда школы были поручены управленію министра финансовъ, почти о нихъ не заботившагося. Потомъ для завѣдыванія школьными и церковными дѣлами было учреждено особое министерство, во главѣ котораго поставленъ Іов. Павловичъ, самъ бывшій учителемъ. Въ прошломъ году онъ умеръ, и мы не знаемъ, продолжаетъ-ли существовать министерство просвѣщенія,—по крайней мѣрѣ, его органъ, журналъ «Просвјета», основанный г. Павловичемъ, прекратилъ свое существованіе, какъ правительственный органъ, и перешелъ въ частныя руки.

Учителя, кромѣ несенія прямыхъ своихъ обязанностей, должны, кромѣ того, по праздникамъ пѣть въ церкви. Къ тѣлеснымъ наказаніямъ, даже къ такимъ, какъ удары по рукамъ, они не должны прибѣгать. Въ 1889—1890 г. изъ Цетиньской школы вышелъ одинъ мальчикъ единственно изъ за того, что его наказали ударами по рукѣ,—замѣтьте, не розгами. Это показываетъ отношеніе черногорцевъ къ такого рода наказаніямъ. При школахъ должны быть сады—для наученія дѣтей плодоводству. Въ 1872 г. учителямъ приказано посадить по 50 плодовыхъ деревьевъ, но еще и теперь, не смотря на всѣ усилія князя Николая—развить среди своихъ подданныхъ виноградарство и масляноводство, при многихъ школахъ еще нѣтъ садовъ. Школьныя испытанія производятся въ концѣ іюня, подъ руководствомъ уполномоченнаго отъ министерства, каковымъ, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ тоже учитель или средней, или начальной школы. Ихъ подробные отчеты печатались въ «Просвѣтѣ». Въ «Просвѣтѣ»-же помѣщались и разныя сообщенія учителей. Это, въ большинствѣ случаевъ, отчеты о мѣстныхъ торжествахъ и пожертвованіяхъ. «Просвѣта» въ особой статьѣ совѣтуетъ имъ заняться

лучше описаніемъ мѣстныхъ достопримѣчательностей, для чего въ ней заведенъ особый отдѣлъ.

Посѣщать школы обязаны мальчики школьнаго возраста (7—12 лѣтъ), изъ болѣе состоятельныхъ семей. Для дѣвочекъ вообще и мальчиковъ изъ бѣдныхъ семей это не обязательно. За уклоненіе отъ посѣщенія школы налагаются денежныя взысканія, но прибѣгать къ нимъ приходится рѣдко. Наблюдаетъ за школами отчасти племя—въ лицѣ особаго школьнаго попечителя изъ мѣстныхъ обывателей, но главнымъ образомъ—министерство. Школьные законы обнародованы въ 1870—1871 г.

Въ начальныхъ школахъ преподаются слѣдующіе предметы. Законъ Божій, сербскій языкъ и исторія, церковно-славянское чтеніе, счетъ, геометрія, землепись, естествовѣдѣніе, чистописаніе, черченіе, гимнастика и военныя упражненія, а въ послѣднее время вводится и русскій языкъ.

II.

Въ настоящее время въ Черногоріи существуютъ три среднеучебныхъ заведенія: «джевојачки инштитутъ царице Марије» *), «богословско-учительска школа» и «гимназија».

Дѣвичій институтъ открытъ 8 сентября 1869 г. и въ него принято 13 ученицъ, но научныя занятія начались въ институтѣ съ февраля 1870 г., послѣ прибытія назначенной завѣдывать институтомъ г-жи Пацевичъ. Съ той поры по сентябрь 1880 г. институтъ находился подъ попеченіемъ г-жи Н. Пацевичъ и ея сестры. За это время въ заведеніе принято 65 дѣвицъ, изъ которыхъ 42 черногорокъ, 19 сербокъ изъ Австріи, 3—изъ Турціи; всѣ ученицы православныя, лишь одна католичка. 25 дѣвицъ окончило полный курсъ, до окончанія выбыло, по разнымъ обстоятельствамъ, 18, 3 умерло, а новой начальницѣ передано 19. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что во время управленія г-жи Пацевичъ институтъ бездѣйствовалъ съ мая 1876 по ноябрь 1878 г. Изъ этихъ 65 дѣвицъ, 57 воспитывалось на казенный счетъ, а на собственный—8. Курсъ ученія при г-жѣ Пацевичъ распредѣленъ былъ на два класса и продолжался 4 года. Учили: Закону Божію, сербскому, русскому и французскому языкамъ, счету, землеписи и въ старшемъ классѣ—исторіи. Все это проходилось, конечно, въ очень небольшомъ объемѣ. Въ старшемъ классѣ ученицъ знакомили съ шелководствомъ, кройкой, хозяйствомъ и т. д. Заведена библіотека изъ сербскихъ, русскихъ и французскихъ книгъ, которою пользоваться могли и посторонніе. Послѣ г-жи Пацевичъ институтъ послѣдовательно завѣдывался г-жею Мессарошъ съ октября 1880 г. по апрѣль 1883 г., г-жею Лопухиной—съ ноября 1883 г. по январь 1888 г. и, наконецъ, бывшею начальницей рязанской Маріинской гимназіи—г-жею Мертваго. Учебный планъ былъ измѣняемъ въ 1879 и 1885 годахъ, а уставъ—въ 1885 г. Введеніемъ устава 1885 г. руководилъ секретарь Ея Величества г. Оомъ, нарочно для этого пріѣзжавшій въ Цетинье. Всѣ эти перемѣны указываютъ на то, что въ устроеніи заведенія были допущены нѣкоторыя неправильности; но надо надѣяться, что принятыя мѣры прочно обезпечатъ дальнѣйшее мирное и спокойное развитіе этого учрежденія. По учебному плану 1885 г., курсъ распредѣленъ на

*) О немъ см. статью г. Ровинскаго въ IX книгѣ «Ж. М. Н. Пр.» за 1890 г.

3 класса, продолжается 6 лѣтъ и по программѣ подходитъ къ нашимъ 6-тиклассным Маріинскимъ гимназіямъ. По окончаніи курса ученицы получаютъ право на преподаваніе въ начальныхъ школахъ. Со времени ухода г-жи Пацевичъ по 1888—1889 учебный годъ окончили курсъ 22 ученицы. Въ 1889—1890 г. во всѣхъ трехъ классахъ училось 28 ученицъ, при 9 преподавателяхъ. Въ 1-мъ классѣ было 20, во 2-мъ и 3-мъ— по 4 ученицы.

Въ одинъ день съ институтомъ и въ одномъ-же съ нимъ зданіи открыта была «богословско-учительска школа». Уже изъ самаго ея названія ясно видно, что цѣль школы—готовить священниковъ и учителей. Но учителей она выпускаетъ совершенно готовыми къ ихъ обязаностямъ, а ищущіе священства должны, послѣ двухлѣтняго искуса, подвергаться еще особому испытанію изъ богословскихъ предметовъ. Школа дѣлится на три класса. Въ 1889—1890 г. въ ней было 28 учениковъ, тогда какъ въ 1871—1872, т.-е. въ первый годъ ея, если можно такъ выразиться, совершеннолѣтія, она имѣла 37 учениковъ. Такое уменьшеніе числа ея воспитанниковъ объясняется существованіемъ наряду съ нею еще гимназіи, въ трехъ классахъ которой въ томъ-же 1889—1890 насчитывались 55 учащихся. Школа—закрытое учебное заведеніе и большинство ея воспитанниковъ казеннокоштные. Въ программу, кромѣ предметовъ, наиболѣе необходимыхъ для священника и учителя, входятъ: русскій, латинскій, новогреческій языки и исторія словесности. Новогреческій введенъ съ 1890—1891 учебнаго года, вмѣсто греческаго классическаго. Въ три года, конечно, нельзя подробно пройти все это, особенно, когда приходится готовиться къ исполненію такихъ двухъ обязанностей, какъ обязанности священника и учителя. Съ 1890—1891 г. для практическихъ занятій учениковъ назначена Цетиньская мужская основная школа.

Гимназія основана въ 1881—1882 г. по образцу реальныхъ гимназій Австріи. Первоначально ее предполагали открыть въ четырехклассномъ составѣ, съ латинскимъ и французскимъ языками во всѣхъ четырехъ классахъ, но безъ греческаго и русскаго. Въ 1889—1890 г. она имѣла всего три класса, съ латинскимъ и русскимъ во всѣхъ трехъ классахъ, съ греческимъ въ третьемъ, но безъ французскаго. По новому закону 1890 г. о гимназіяхъ, онѣ должны быть или восьмиклассными (виша гимназиjа), или четырехклассными (нижа гимназиjа), и въ нихъ должны преподаваться почти тѣ-же предметы, что и въ русскихъ; но французскій и нѣмецкій языки замѣнены языкомъ русскимъ. Отмѣтимъ еще нѣкоторые параграфы изъ этого закона. И учитель, и ученикъ освобождаются отъ занятій въ день своего крестнаго имени (крсно име) *), причемъ учителя замѣняетъ товарищъ. Тѣлесныя наказанія воспрещены. Въ низшихъ только классахъ допускается становленіе на колѣни. Испытаніямъ зрѣлости подвергается лишь тотъ, кто намѣренъ поступить въ университетъ.

Всѣ три заведенія находятся въ Цетиньѣ и въ нихъ преподаютъ почти одни и тѣ-же лица. Общее число учительскихъ силъ равняется 12, но изъ нихъ 5 учительницъ, а изъ учителей 6 заняты въ гимназіи и школѣ и 4 въ гимназіи, школѣ и институтѣ. Гимназія и школа находятся въ вѣдѣніи одного и того-же лица. Во всѣхъ трехъ школахъ на испытаніяхъ часто присутствуетъ самъ князь.

---

*) «Крсно име»—не именины, и не день рожденія. Это особый сербскій обычай празднованіе котораго обязательно.

Въ 1875 г. въ Даниловградѣ учреждено земледѣльческое училище, въ которое поступило 17 учениковъ, изъ нихъ 5 на свой счетъ. Нельзя не пожалѣть, что это училище не было вновь открыто по окончаніи войны. Его возобновленіе было-бы полезнѣе основанія гимназіи. Для Черногоріи достаточно было-бы и одного мужского среднеучебнаго заведенія. Гимназія своимъ возникновеніемъ обязана, по наблюденіямъ нѣкоторыхъ, напр., Голечки, изъ сочиненія котораго извлечена значительная часть сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣній, не дѣйствительной потребности, а стремленію чиновныхъ лицъ Черной Горы создать у себя нѣчто въ родѣ аристократіи. Только ихъ дѣти должны воспитываться въ гимназіи, чтобы потомъ занимать всѣ должности, требующія нѣкотораго образованія, и окружать князя. Поэтому они усердно хлопотали объ открытіи гимназіи и заботились о разныхъ мѣрахъ для ограниченія доступа въ нее дѣтямъ «никоговичей», т.-е. нечиновныхъ и бѣдныхъ людей.

М. Кр—скій.

Гигіеническія антихолерныя мѣры въ учебныхъ заведеніяхъ Франціи.

Министръ народнаго просвѣщенія издалъ 29 сентября истекшаго года циркуляръ, въ которомъ указываются профилактическія мѣры, обязательныя для начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ концѣ 1890 года уже было предписано изслѣдовать качества воды, употребляемой для питья во всѣхъ лицеяхъ и коллежахъ Франціи. Всѣ лицеи, въ которыхъ потреблявшаяся вода оказалась болѣе или менѣе подозрительною, были снабжены самыми усовершенствованными фильтрами.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ истекшаго года было заготовлено для учительскихъ семинарій достаточное количество фильтровъ Шамберлана-Пастера и съ тѣхъ поръ ихъ заготовка производится съ усиленною быстротою.

При фильтрахъ, разсылаемыхъ по учебнымъ заведеніямъ, прилагается подробное техническое наставленіе относительно ихъ употребленія, сохраненія и очистки.

Министръ предлагаетъ г. экономамъ, а въ случаѣ надобности и учителямъ самимъ наблюдать за сохранностью фильтровъ, не полагаясь на служителей, въ особенности въ первые мѣсяцы примѣненія этихъ очистительныхъ аппаратовъ.

Въ заведеніяхъ, гдѣ еще нѣтъ фильтровъ, и вообще въ мѣстностяхъ, подозрительныхъ въ холерномъ отношеніи, предписывается пить только воду, прокипяченную въ теченіе четверти часа *minimum* и сохраняемую въ закрытомъ сосудѣ, недоступномъ для притока воздуха.

И въ рекреаціонное время употребленіе воды изъ фонтановъ и водопроводовъ должно быть строго воспрещено ученикамъ.

(Изъ циркуляра министра нар. просв. Буржуа).

Начальное народное образованіе въ Тверской губерніи.

Двадцатипятилѣтняя дѣятельность земства по народному образованію съ достаточной опредѣленностью выяснила тѣ задачи, которыя стояли и стоятъ передъ земствомъ въ этой области земскаго дѣла, и намѣтила пути и средства для достиженія этихъ цѣлей.

Съ самаго начала дѣятельности земства первою и главною задачей его было дать возможно большему числу крестьянскихъ дѣтей элементарное образованіе, притомъ на столько прочное и разумное, чтобы оно могло послужить началомъ дальнѣйшаго умственнаго и нравственнаго развитія. Для достиженія этихъ цѣлей земству приходилось, съ одной стороны, строить какъ можно больше школъ, а съ другой—улучшать качество ихъ и вырабатываль наиболѣе желательный типъ народной школы.

Насколько успѣшна была дѣятельность Тверскаго земства въ обоихъ указанныхъ направленіяхъ, можно судить по современному состоянію начальнаго народнаго образованія въ губерніи, съ чѣмъ мы и думаемъ познакомить читателей «Русской Школы», пользуясь, главнымъ образомъ, послѣднимъ докладомъ Тверской губернской управы очередному земскому собранію сессіи 1891 года.

Въ заботахъ о поднятіи качественнаго уровня земскихъ школъ всѣ уѣздныя земства губерніи главное вниманіе обратили на улучшеніе личнаго состава преподавателей въ школахъ: въ настоящее время почти всѣ уѣзды поставили себѣ за правило требовать отъ учителей, назначаемыхъ въ нормально поставленныя школы, спеціальное или среднее образованіе. Эта система пріема новыхъ учителей привела къ тому, что за послѣдніе два года въ учителя Тверской губ. поступило всего 26 чел. съ низшимъ образованіемъ, что составитъ менѣе 16°/₀ общаго числа (166) поступившихъ за это время.

Раздѣляя учащихъ въ земскихъ школахъ губерніи на группы по образовательному цензу, получимъ для 1891 г. слѣдующія числа:

	Учителей.	Учительницъ.
1) Получившихъ спеціальное педагогическое образованіе	72	143
2) Получившихъ образованіе въ среднихъ (и высшихъ) учебныхъ заведеніяхъ	84	72
3) Не получившихъ ни спеціальнаго, ни средняго образованія	75	211

Улучшая личный составъ преподавателей въ школахъ, земства заботятся и о болѣе удовлетворительномъ матеріальномъ обезпеченіи ихъ. Минимумъ требованій въ этомъ отношеніи, принятый почти всѣми уѣздными земствами, сводится къ слѣдующему: жалованье въ среднемъ около 200 руб. (въ нѣкоторыхъ земствахъ—въ первые годы службы менѣе, затѣмъ—300 р.), квартира и эмеритура.

Такъ какъ далеко еще не всѣ земскіе учителя пользуются правами на эмеритуру, то земствами ежегодно дѣлаются постановленія объ образованіи новыхъ штатныхъ эмеритурныхъ мѣстъ. Такъ, ржевское уѣздное земское собраніе послѣдней очередной сессіи постановило ходатайствовать передъ гу-

бернскимъ о включеніи въ эмеритуру всѣхъ земскихъ учащихъ (52), тверское—объ увеличеніи числа штатныхъ мѣстъ до 70 (съ 38).

Постановленія объ увеличеніи жалованья учителямъ состоялись въ тверскомъ и весьегонскомъ земскихъ собраніяхъ: въ первомъ изъ нихъ жалованье учащихъ во второразрядныхъ школахъ увеличено съ 120 до 150 р., во второмъ—съ 60 до 100 р.; ржевское, кромѣ того, въ виду незначительности получаемаго вторыми учащими (помощниками) жалованья (120 р.), постановило принять на счетъ земства половину причитающагося съ нихъ эмеритурнаго взноса.

Въ послѣдніе годы земской школьной практики выдвинутъ весьма важный вопросъ о нормальномъ учебномъ типѣ начальной земской школы. По организаціи обученія существующія земскія школы Тверской губ. можно раздѣлить на слѣдующія три категоріи: 1) школы съ однимъ учащимъ при трехъ отдѣленіяхъ; 2) школы съ учащимъ и его помощникомъ, также при трехъ отдѣленіяхъ, и 3) школы съ двумя преподавателями, при четырехъ отдѣленіяхъ. Преимущество въ учебномъ отношеніи, понятно, остается за школами съ двумя болѣе или менѣе равноправными преподавателями при 4-хъ отдѣленіяхъ. Школы этого типа особенное развитіе получили въ уѣздахъ: Новоторжскомъ, Тверскомъ и Зубцовскомъ, гдѣ самыя названія помощниковъ и помощницъ замѣнены терминомъ «вторые учащіе». Эти послѣдніе въ своихъ правахъ сравнены съ первыми учащими и занимаются въ своихъ отдѣленіяхъ самостоятельно, доводя ихъ до окончанія курса. Практика показала, что четырехгодичный курсъ въ сельскихъ школахъ прививается легко и особыхъ неудобствъ въ исправномъ посѣщеніи школъ крестьянскими дѣтьми не вызываетъ. Разнаго типа школы Тверской губ. за 1891 годъ въ цыфровыхъ данныхъ выразятся слѣдующимъ образомъ:

	При 3-хъ отдѣл.	При 4-хъ отдѣл.
1) Школъ съ однимъ преподавателемъ	258	10
2) Школъ съ двумя преподавателями	98	91

Въ сравненіи съ прошлымъ годомъ цыфры эти указываютъ на уменьшеніе числа школъ съ однимъ учащимъ и на увеличеніе (на 25) школъ съ двумя учащими.

Вмѣстѣ съ заботами о личномъ составѣ учащихъ уѣздными земствами по возможности обращалось вниманіе и на обстановку и матеріальное обезпеченіе школъ. Извѣстно, что успѣшность обученія въ земскихъ школахъ зависитъ не только отъ личности учителя, но и, въ значительной степени, отъ удовлетворительности школьнаго помѣщенія и его обстановки. Между тѣмъ всякій, хотя немного знакомый съ состояніемъ школъ на Руси, знаетъ, какъ мало соотвѣтствуютъ, въ большинствѣ случаевъ, своему назначенію школьныя зданія,—даже тѣ, которыя выстроены спеціально для школъ; о наемныхъ-же школьныхъ помѣщеніяхъ, понятно, и говорить не приходится.

Серьезнымъ и главнымъ препятствіемъ къ улучшенію школьныхъ помѣщеній является недостаточность денежныхъ средствъ уѣздныхъ земствъ, вынужденныхъ по этой статьѣ смѣты тратить очень ограниченныя суммы. Тѣмъ не менѣе, съ каждымъ годомъ требованія земствъ отъ школьныхъ помѣщеній повышаются, ежегодно тамъ и сямъ при содѣйствіи земства возводятся новыя школьныя зданія. Очередныя уѣздныя земскія собранія послѣд-

ней сессіи при обсужденіи вопроса о народномъ образованіи единодушно высказались за необходимость улучшенія школьныхъ помѣщеній.

Тверское уѣздное земство въ послѣднемъ году устроило образцовую школу въ гор. Твери и содѣйствовало постройкѣ трехъ новыхъ школъ въ уѣздѣ, причемъ одна изъ нихъ была построена на пожертвованныя средства, а на другія двѣ земствомъ были выданы ссуды: въ 1.000 и 600 руб. Въ тверскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, между прочимъ, было прочитано заявленіе общества крестьянъ с. Городни о вновь выстроенномъ крестьянами зданіи для школы, которую они и просили земство принять въ свое вѣдѣніе. Дѣло это представляетъ тѣмъ большій интересъ, что характеризуетъ отношенія крестьянъ къ земской школѣ. Въ с. Городнѣ издавна существовала земская школа въ особомъ наемномъ помѣщеніи, которое съ теченіемъ времени пришло въ ветхость, такъ что продолжать въ немъ занятія представлялось невозможнымъ. Тогда земство предложило крестьянамъ выстроить по его указанію особое школьное помѣщеніе, какъ объ этомъ было условлено съ ними при открытіи школы. За отказомъ крестьянъ отъ постройки (по недостатку средствъ, въ виду покупки земли, какъ говорится въ заявленіи) земская школа въ селѣ была закрыта, а вмѣсто нея возникла церковно-приходская, которая просуществовала около трехъ лѣтъ. Сознавая всѣ преимущества земской школы, крестьяне села Городни въ прошломъ году построили, при содѣйствіи земства, спеціально приспособленное для школы помѣщеніе и просили земство принять ихъ школу опять въ свое вѣдѣніе и назначить имъ учителей. Отказа со стороны земства, понятно, не послѣдовало.

Въ Корчевскомъ уѣздномъ собраніи обсуждался представленный управою докладъ о результатахъ подробнаго санитарнаго осмотра школъ, произведеннаго земскими врачами; собраніе, признавая желательною постройку образцовыхъ школьныхъ зданій, поручило управѣ выработать къ слѣдующему очередному собранію проектъ займа для единовременнаго возведенія въ уѣздѣ цѣлаго ряда образцовыхъ школьныхъ помѣщеній, полагая стоимость каждаго не менѣе двухъ тысячъ.

Новоторжское земство, которое давно уже ведетъ постройку образцовыхъ школьныхъ помѣщеній, въ прошломъ году выстроило три новыхъ школы, обошедшихся земству въ 3.948 р.

Въ прочихъ уѣздныхъ собраніяхъ вопросъ о школьныхъ помѣщеніяхъ также подвергался обсужденію, при чемъ одни изъ земствъ (осташковское) указывали на затрудненія и безпорядки, сопровождавшіе сборъ платы съ учениковъ за помѣщеніе, на невозможность найти иногда подъ школу помѣщеніе требуемыхъ размѣровъ, что вело къ сокращенію числа учащихся; другія (вышневолоцкое), сознавая необходимость строить школы достаточно просторныя и свѣтлыя, съ помѣщеніемъ для учителя, и находя невозможнымъ требованіе отъ крестьянъ постройки такихъ зданій на свои средства, пришли къ заключенію о необходимости выдачи денежныхъ ссудъ крестьянамъ на постройку школъ.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о возведеніи новыхъ школьныхъ помѣщеній находится вопросъ о содержаніи школьныхъ зданій, ихъ освѣщеніи, отопленіи, наймѣ сторожей, пріобрѣтеніи классной мебели и пр. Большинство уѣздовъ эти расходы возлагаетъ на крестьянскія общества, которымъ и предъявляются эти условія при открытіи школъ. Въ смѣтѣ на 1892 г.

только въ двухъ уѣздахъ находятся особыя суммы, предназначенныя на этотъ предметъ: въ Старицкомъ—1.740 р. и Вышневолоцкомъ—400 р.

Вообще вопросъ о привлеченіи сельскихъ обществъ къ участію въ несеніи расходовъ на школы, поставленный на очередь съ самаго начала земской дѣятельности, возбудилъ много толкованій и различныхъ рѣшеній, такъ что до сего времени не можетъ считаться окончательно выясненнымъ. Одни изъ уѣздовъ, заботящіеся главнымъ образомъ объ увеличеніи числа земскихъ школъ, старались болѣе или менѣе значительную часть расходовъ на постройку и содержаніе школъ возложить на сельскія общества; другіе, обращавшіе главное вниманіе на качественную сторону школъ, въ концѣ концовъ приходили къ заключенію о необходимости принять на себя всѣ расходы по школамъ. Земская практика въ этомъ случаѣ выработала средній путь, при чемъ учебныя пособія, письменныя принадлежности и книги признано необходимымъ доставлять со стороны земства, а въ расходахъ на школьныя помѣщенія—привлекать къ участію мѣстное крестьянское населеніе.

Чѣмъ больше земство прилагало стараній къ улучшенію качества отдѣльныхъ школъ, тѣмъ яснѣе становилась для него возможность при современныхъ условіяхъ довести число школъ до необходимаго предѣла, когда все крестьянское населеніе школьнаго возраста имѣло-бы возможность получать начальное образованіе.

Нѣкоторыми уѣздными земствами были сдѣланы попытки удешевленія содержанія земскихъ школъ съ тѣмъ, чтобы на получающуюся отъ такого порядка экономію увеличивать число самыхъ школъ. Сбереженія эти производились отчасти за счетъ учительскаго жалованья, которое было сокращаемо главнымъ-же образомъ достигались уменьшеніемъ учебныхъ пособій, посылаемыхъ въ школы, сокращеніемъ, а иногда и полнымъ прекращеніемъ расхода на содержаніе помѣщеній и, наконецъ, установленіемъ платы съ учениковъ. Всѣ эти мѣропріятія, давая земству незначительную экономію, на практикѣ вызывали недоразумѣнія и серьезныя затрудненія, а потому и не могли привести къ желаемымъ результатамъ.

За-то другой путь болѣе широкаго распространенія грамотности въ народѣ оказался болѣе примѣнимымъ. Какъ извѣстно, въ Тверской губерніи издавна широко распространены вольныя крестьянскія школы грамотности. Земства Тверской губ. раньше другихъ земствъ обратили вниманіе на эти школы и старались по мѣрѣ возможности оказывать имъ матеріальную и нравственную поддержку. Затѣмъ, съ открытіемъ церковно-приходскихъ школъ, земство не отказало въ поддержкѣ и имъ. Въ настоящее время въ смѣтахъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ показываются особыя суммы, назначаемыя въ пособіе школамъ грамоты и церковно-приходскимъ.

Поддержка школъ грамотности въ нѣкоторыхъ уѣздахъ организована совсѣмъ на особыхъ началахъ. Признавая невозможнымъ, при теперешнихъ своихъ средствахъ, дать населенію потребное количество нормально устроенныхъ земскихъ школъ, они пришли къ мысли распространять на ряду съ первыми школами особый рядъ школъ, не требующихъ отъ земства значительныхъ издержекъ. Попытки въ этомъ родѣ особенно опредѣленно дѣлались Тверскимъ и Новоторжскимъ уѣздами, гдѣ школы эти носятъ особое названіе земскихъ школъ 2-го разряда и отличаются отъ перворазрядныхъ болѣе низкимъ своимъ уровнемъ и незначительностью требуемыхъ отъ зем-

ства расходовъ, большая часть которыхъ принимается на себя сельскими обществами. Преимущество этихъ школъ передъ обыкновенными школами грамоты и церковно-приходскими заключается въ томъ, что, возникая по иниціативѣ самихъ крестьянъ и будучи поэтому очень близкими къ самому населенію, онѣ всецѣло находятся въ вѣдѣніи земства, которое назначаетъ въ нихъ учителей и снабжаетъ ихъ учебными пособіями. Учрежденіе земскихъ школъ второго разряда—дѣло новое, а потому еще и не совсѣмъ опредѣлившееся. Главнымъ препятствіемъ къ ихъ широкому распространенію служатъ матеріальныя затрудненія, невозможность привлечь крестьянское населеніе къ непосредственному несенію значительной части требуемыхъ расходовъ. Опытъ Тверскаго уѣзда показалъ, что особенно разсчитывать на крестьянъ въ этомъ отношеніи нельзя: сперва земство открывало такія школы въ предположеніи, что содержаніе ихъ будетъ лежать на обязанности крестьянъ съ нѣкоторымъ пособіемъ отъ земства, но въ прошломъ году оно должно было назначить опредѣленное жалованье учителямъ (150 р.), продолжая въ то-же время снабжать школы учебными пособіями и книгами.

Въ заключеніе приведемъ цыфровыя данныя о земскихъ ассигновкахъ на народное образованіе, а также о числѣ начальныхъ школъ разнаго рода въ губерніи и о количествѣ обучавшихся въ нихъ учениковъ.

Общая сумма, ассигнованная на истекшій 1892 г. всѣми двѣнадцатью уѣздами на народное образованіе, равняется 209.763 р., въ предшествовавшемъ-же году соотвѣтствующая ассигновка равнялась всего 198.823 р.; такимъ образомъ, земскіе расходы по этой статьѣ смѣты за 1892-й годъ увеличились на 10.940 р., или слишкомъ на 5%.

Въ 1890—1891 учебномъ году въ Тверской губ. было всего 13 двуклассныхъ и 2 одноклассныхъ начальныхъ народныхъ училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи дирекціи, 460 училищъ, содержимыхъ на счетъ земствъ уѣздныхъ и губернскаго, 41—на счетъ городовъ и 22—на счетъ частныхъ лицъ, всего 538 училищъ съ 41.088 учащимися; изъ нихъ—въ городахъ 58 училищъ съ 5.962 учащимися (3.337 м. и 2.625 д.) и въ селеніяхъ 480 съ 35.126 учащимися (28.462 м. и 6.664 д.). За тотъ-же учебный годъ (по даннымъ совѣта Братства св. Михаила) церковно-приходскихъ школъ въ губерніи было 192, школъ грамоты—558. Въ церковно-приходскихъ школахъ училось 6.581 м. и 1.358 д., всего 8.119; въ школахъ грамоты—8.442 м. и 1.671 д., всего 10.113. Преподавателями въ церковно-приходскихъ школахъ были: 43 священника, 60 діаконовъ, 14 псаломщиковъ и 133 свѣтскихъ лица.

Съ постоянно расширяющимся распространеніемъ грамотности въ средѣ крестьянскаго населенія развилась потребность и въ чтеніи. Спросъ на книги для чтенія за послѣдніе годы на столько великъ, что ставитъ земство въ необходимость серьезно заняться этимъ вопросомъ.

Для удовлетворенія развивающейся потребности въ чтеніи уѣздныя земства губерніи устраиваютъ: 1) ученическія библіотеки при школахъ—изъ книгъ для внѣкласснаго чтенія и 2) библіотеки при школахъ и внѣ ихъ—для взрослаго грамотнаго населенія.

Ученическія библіотеки существуютъ почти при всѣхъ нормальныхъ земскихъ школахъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ земствахъ ежегодно ассигнуются извѣстныя (скромныя, конечно) суммы для ихъ пополненія, въ другихъ на

пріобрѣтеніе книгъ для внѣкласснаго чтенія употребляются остатки отъ ассигновокъ на учебныя книги, а также пособія и пожертвованія частныхъ лицъ. Книгами для внѣкласснаго чтенія лучше другихъ обезпечены школы Новоторжскаго и Тверскаго уѣздовъ; въ послѣднемъ при 40 школахъ единовременно устроены ученическія библіотеки, въ 25 р. каждая, и продолжаются ежегодныя ассигновки на тотъ-же предметъ.

Менѣе распространены въ губерніи сельскія библіотеки для взрослаго населенія. Больше всего ихъ въ Весьегонскомъ уѣздѣ (18); такія библіотеки, цѣною въ 50 р., земствомъ посылаются только въ тѣ школы, гдѣ на мѣстѣ соберется пожертвованій на 25 р. Въ Кашинскомъ уѣздѣ открыто 4 сельскихъ библіотеки, которыя находятся въ завѣдываніи земскихъ врачей. Тверскимъ земствомъ на образованіе библіотекъ для окончившихъ курсъ школы и для взрослыхъ на послѣднемъ собраніи ассигновано около 700 — 800 руб. Въ другихъ уѣздахъ починъ въ учрежденіи сельскихъ библіотекъ взяли на себя нѣкоторые гласные и частныя лица. Одинъ изъ гласныхъ Бѣжецкаго уѣзда, возбудившіи вопросъ о библіотекахъ, выразилъ желаніе пожертвовать для этой цѣли до 1.000 книгъ изъ своей библіотеки. Собраніе, отнесясь къ этому заявленію сочувственно, поручило управѣ разработать вопросъ о библіотекахъ. Въ с. Селиховѣ, Корчевскаго уѣзда, на пожертвованныя средства при содѣйствіи земства организуется безплатная читальня.

Говоря о сельскихъ библіотекахъ, нельзя обойти молчаніемъ библіотеки для учащихъ. Онѣ существуютъ при шести уѣздныхъ управахъ: Бѣжецкой, Весьегонской, Вышневолоцкой, Кашинской, Новоторжской и Осташковской. Въ Весьегонскѣ библіотека организована какъ публичная, съ извѣстнымъ числомъ частныхъ платныхъ подписчиковъ (42), при чемъ учащимъ въ земскихъ школахъ книги выдаются безплатно. Въ остальныхъ изъ названныхъ уѣздовъ библіотеки устроены при управахъ и содержатся на ежегодныя ассигновки въ 100—150 р. Такая-же библіотека существовала и при Тверской управѣ; въ настоящее время она вновь организуется на имѣющійся для этой цѣли капиталъ (до 670 р.). А пока въ 1892 году учащіе были снабжены подписными книжками мѣстной публичной библіотеки, на что собраніемъ было ассигновано 150 руб.

К. В—въ.

Лѣтнія колоніи для бѣдныхъ дѣтей въ Москвѣ.

Московскія лѣтнія колоніи для дѣтей городскихъ начальныхъ училищъ существуютъ уже пять лѣтъ. Лица, завѣдывающія устройствомъ этихъ колоній, судя по представленному ими отчету о своей дѣятельности въ 1892 г. *), имѣютъ въ виду заботу о здоровьѣ преимущественно дѣтей бѣдняковъ, ютящихся въ тѣсныхъ квартирахъ, на заднихъ дворахъ, гдѣ бѣдныя дѣти, имѣющія естественное право на здоровье, принуждены жить среди самой антигигіенической обстановки, и притомъ нерѣдко голодать. Дать этимъ дѣтямъ возможность провести часть лѣта внѣ стѣнъ душнаго города, среди здоровой деревенской природы, укрѣпить ихъ ослабѣвшія силы—такова симпатичная

*) Отчетъ о лѣтнихъ колоніяхъ для дѣтей Московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ за 1892 г. Москва. 1893 г.

цѣль колоній. Соотвѣтственно денежнымъ средствамъ, лѣтомъ 1892 года было открыто 6 колоній (три въ губерніи Московской и по одной въ губерніяхъ Смоленской, Орловской и Ярославской), три для мальчиковъ и три для дѣвочекъ. Въ колоніяхъ, подъ надзоромъ учителей или учительницъ начальныхъ училищъ и болѣе или менѣе обезпеченные медицинскою помощью, нашли себѣ пріютъ 188 дѣтей—121 дѣвочка и 67 мальчиковъ. Пять колоній пользовались даровыми помѣщеніями, помѣщеніе одной колоніи (Николаевской, Смоленской губ., на 55 дѣвочекъ) оплачивалось Н. К. Боткиной, пожертвовавшей для этого 250 р. Въ одной мѣстности колонія проводила второе лѣто, въ другой—третье лѣто, въ третьей—уже четвертое лѣто и, наконецъ, три колоніи были устроены въ первый разъ. Устройство колоніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ одномъ и томъ-же помѣщеніи, понятно, имѣетъ серьезное экономическое значеніе, такъ какъ менѣе приходится тратиться на приспособленіе его подъ колонію. Всѣ колоніи пользовались просторными и удобными помѣщеніями. Обстановка колоній отличалась, какъ и прежде, простотою: кроватями служили доски, положенныя на козлы, а иногда просто козлы, переплетенныя веревками, на нихъ клались матрасы и подушки, набитые сѣномъ или соломою; бѣлые деревянные столы и скамейки для обѣда и занятій, рукомойники, навѣшанные надъ корытами; для развлеченій—гигантскіе шаги, качели, крокетъ, мячи и т. п. Прислугу составляли обыкновенно въ каждой колоніи мужикъ и кухарка, лишь въ одной колоніи были еще двѣ прачки; въ трехъ большихъ колоніяхъ хозяйствомъ завѣдывали экономки, въ остальныхъ—учитель и учительница. Пищу дѣти получали два раза въ день: на обѣдъ (въ 12—1 ч.) давалось два блюда: мясное (супъ съ мясомъ) и молочное или мучное, на ужинъ (въ 8—9 ч.) подавалось тоже, что и за обѣдомъ, или одно молочное блюдо; два раза въ день (утромъ и часа черезъ три послѣ обѣда) дѣти пили чай и тутъ-же молоко—по кружкѣ или по двѣ; по праздникамъ за обѣдомъ вторымъ блюдомъ подавалось жаркое. Среднимъ числомъ на каждаго ребенка въ день выходило мяса нѣсколько болѣе $^1/_2$ ф., молока отъ полуштофа до штофа, ржаного хлѣба нѣсколько болѣе фунта. На продовольствіе въ теченіи лѣта на 188 дѣтей истрачено всего 2.361 р. 25 к., въ среднемъ 17,9 к. на каждаго.

Въ общемъ числѣ дѣтей (188) было: изъ городскихъ начальныхъ училищъ 150, изъ 4-хклассныхъ городскихъ мужскихъ и женскихъ училищъ 23, изъ пріютовъ, профессіональнаго училища и др. 15 ч.; по возрасту дѣти распредѣлялись такъ: отъ 9—12 л. 70,7%, моложе 9 лѣтъ—9 дѣтей и старше 12 лѣтъ—38 д.; посѣщавшихъ первый классъ начальныхъ училищъ было 36%, 2-й кл. 59,4% и 3-й кл. 9,3%; неизвѣстно, изъ какого класса, было 8 дѣтей. Интересно еще, въ качествѣ иллюстраціи вопроса о необходимости лѣтнихъ колоній, слѣдующее распредѣленіе: дѣтей, *никогда, даже на день, не покидавшихъ города*, между принятыми въ колоніи было 43%; бывали въ деревнѣ на мѣсяцъ или болѣе 63 (изъ нихъ 33—*только благодаря колоніямъ* прежнихъ лѣтъ), 17 дѣтей бывали на дачѣ нѣсколько дней и только 15 провели раннее дѣтство въ деревнѣ. 52% семей, пославшихъ дѣтей въ колоніи, жили на заработокъ отца, 21%—матери, 12%—матери и отца, въ остальныхъ 28 случаяхъ источникъ заработка не выясненъ. Большинство семей занимали помѣщеніе въ 1—2 комнаты.

Пріемъ заявленій отъ родителей, желающихъ отдать своихъ дѣтей на лѣто въ колонію, начался съ Великаго поста и продолжался всю весну. Дѣти намѣчались въ колоніи по указаніямъ училищныхъ врачей, наблюдавшихъ ихъ въ году, при чемъ избирались дѣти, наиболѣе нуждавшіяся въ лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя они могли найти въ своей домашней обстановкѣ. «*Дѣти съ ясно выраженными страданіями*,—читаемъ въ отчетѣ,—*при которомъ требовалось постоянное наблюденіе врача, въ колоніи не брались*», хотя въ одной изъ колоній, какъ видно изъ того-же отчета, былъ постоянный врачъ (стр. 12, въ Ѳандѣевской колоніи, г-жа Чеботарева), а слѣдовательно, было возможно и «постоянное наблюденіе врача». Однимъ изъ условій поступленія въ колонію считалось также хорошее поведеніе учащагося.

Колоніи выѣзжали на свои мѣста въ разное время, въ концѣ мая и началѣ іюня, а возвращались въ началѣ августа, кромѣ 12 дѣвочекъ, прожившихъ въ колоніи нѣсколько долѣе.

Провожденіе дня въ каждой колоніи зависѣло вполнѣ отъ завѣдывающихъ ею лицъ, а также отъ возраста дѣтей колоніи. Какихъ-либо строго опредѣленныхъ правилъ или программъ въ этомъ отношеніи не было. Въ извѣстное, вышеуказанное, время дня дѣти принимали пищу, одинъ или два раза въ день купались, играли; пѣніе, рыбная ловля и др. чисто лѣтнія занятія были любимыми развлеченіями дѣтей. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ велись правильныя учебныя занятія (не болѣе $1^1/_2$ часа въ день), состоявшія обыкновенно изъ повторенія пройденнаго, въ другихъ—они замѣнялись чтеніемъ вслухъ. Дѣвочки вездѣ занимались рукодѣліемъ.

Во всѣхъ колоніяхъ дѣти вели дневники, изъ которыхъ видно, что каждая колонія, въ зависимости отъ завѣдывавшихъ ею, а также отъ лицъ, въ имѣніи которыхъ данная колонія находилась, получала свой особый характеръ; чѣмъ малочисленнѣе была колонія, тѣмъ лучше шли въ ней дѣла и тѣмъ болѣе пользы дѣтямъ она приносила. Но и въ большихъ колоніяхъ, какъ Николаевская, при наличности благопріятныхъ условій, все-таки чувствовался семейный характеръ, при которомъ дѣтямъ видимо жилось привольно. Въ колоніи с. Высокаго, благодаря участію владѣлицъ имѣнія, было организовано правильное церковное пѣніе, заслужившее благодарность причта и мѣстныхъ жителей; въ Рождественской колоніи мальчики знакомились съ природой, собирая коллекціи насѣкомыхъ и растеній, дѣлая наблюденія надъ животными, которымъ дѣти иногда пробовали давать у себя пріютъ; дѣвочки Михайловской колоніи совершили на пароходѣ поѣздку въ Ярославль, гдѣ осмотрѣли музей; въ нѣкорыхъ колоніяхъ были попытки привлечь дѣтей къ мѣстнымъ деревенскимъ работамъ — цвѣтоводству, огородничеству, уборкѣ сѣна, сбиранію сучьевъ въ лѣсу и т. п.; въ одной изъ колоній былъ устроенъ огородъ, овощами котораго она и пользовалась, — примѣръ, достойный подражанія и для остальныхъ колоній. Почти всѣ колоніи были посѣщаемы лицами, завѣдывающими устройствомъ ихъ; дѣтей навѣщали также ихъ родители и родстники.

Приведемъ теперь нѣкоторыя данныя изъ главы «отчета», составленной училищнымъ врачемъ Н. Ф. Михайловымъ и трактующей «о состояніи здоровья дѣтей и о медицинскомъ надзорѣ за ними». Сверхъ предварительнаго, за нѣсколько недѣль до отъѣзда колоній, спеціальнаго выбора для нихъ учи-

лищными врачами дѣтей, послѣднія передъ самымъ отъѣздомъ были еще разъ осмотрѣны врачами, а также измѣрены по отношенію роста, объема груди, вѣса, а у нѣкоторыхъ дѣтей была измѣрена мышечная сила правой руки. Для каждаго колониста заводился санитарный листъ, куда врачемъ вносилось все, что касалось заболѣванія и вообще физическаго состоянія ребенка. Изъ данныхъ этихъ листовъ видно, что мальчики для колоній были отобраны съ худшимъ здоровьемъ, нежели дѣвочки, а потому и въ колоніяхъ они хворали чаще послѣднихъ. Такъ какъ средства были ограниченныя, то изъ дѣтей, нуждающихся въ лѣтнемъ пребываніи въ деревнѣ, выбиралиеь вообще наиболѣе слабыя. Тѣлосложеніе у 44% дѣтей въ санитарныхъ листкахъ было отмѣчено слабое, у 55%—среднее и только у 3 дѣтей—крѣпкое. Эти данныя, впрочемъ, по замѣчанію доктора Михайлова, условны: у нѣкоторыхъ дѣтей отъ природы было не плохое тѣлосложеніе, «но *благодаря* (? за что-же тутъ благодарить?) весьма дурнымъ гигіеническимъ условіямъ, въ которыхъ приходилось пребывать дѣтямъ, питаніе ихъ было серьезно нарушено, и они, оставаясь не слабаго тѣлосложенія, имѣли и значительное малокровіе, и многія другія болѣзни» (стр. 11). Важнѣе слѣдующія данныя: передъ отправленіемъ въ колоніи, у 120 дѣтей было малокровіе, у 27—хроническія разстройства пищеварительныхъ органовъ, у 26—болѣзни дыхательныхъ путей, у 23—болѣзни глазъ, у 21—сильная золотуха, у 12—другія заболѣванія. Общая сумма заболѣваній 236, т.-е. въ среднемъ на каждаго колониста приходилось $1^1/_4$ заболѣваніе (то-же было и въ прошломъ году), и только у 21 изъ 188 дѣтей въ санитарныхъ листкахъ не было отмѣчено никакихъ заболѣваній; преимущественно это были дѣвочки. Далѣе, въ санитарныхъ листкахъ колонистовъ врачами отмѣчался также совѣтъ—какъ относительно пользованія лекарствами (каждая колонія имѣла небольшую, постоянно пополняемую аптеку), такъ и по отношенію къ образу жизни: нѣкоторымъ было запрещено купанье, другимъ—бѣгъ, третьимъ предписанъ извѣстный пищевой режимъ и т. д. Свѣдѣнія относительно болѣзней дѣтей въ колоніяхъ имѣются довольно скудныя, но въ общемъ все-таки можно видѣть, что серьезныхъ заболѣваній не было.

Что касается результатовъ пребыванія дѣтей въ колоніяхъ, то въ отношеніи медицинскомъ отчетъ констатируетъ (стр. 15) слѣдующее: «изъ 96 малокровныхъ дѣтей, у 58—помѣчено въ санитарныхъ листкахъ совершенное прохожденіе (?) болѣзненныхъ явленій, у 33—замѣтное улучшеніе и у 5—повидимому, состояніе не измѣнилось. Золотушныя дѣти, *въ большинствѣ*, всѣ (?) поправились, въ смыслѣ измѣненія у нихъ питанія и состоянія лимфатическихъ железъ. Изъ 16 случаевъ, гдѣ болѣзненныя измѣненія у дѣтей находились въ дыхательныхъ путяхъ, въ 11 случаяхъ они совершенно прошли, въ 3—было значительное улучшеніе и въ 2—остались безъ рѣзкихъ измѣненій. Изъ 24 случаевъ заболѣваній желудка и кишекъ, въ 17—отмѣчено полное прохожденіе (?) болѣзни, въ 5—не было перемѣнъ». Изъ 18 болѣвшихъ глазами полное выздоровленіе отмѣчено у 12, у 4—улучшеніе и у 2—перемѣны не замѣчалось. Въ отчетѣ приводятся также данныя относительно прибавки роста, объема груди, тяжести тѣла, мышечной силы правой руки, но такъ какъ изъ приводимыхъ данныхъ не видно, *какая-же* именно часть этихъ прибавокъ можетъ быть отнесена къ факту пребыванія дѣтей въ колоніи, то мы предпочитаемъ привести общее заключеніе отчета, кон-

статирующее, что «пребываніе дѣтей въ колоніяхъ сказалось весьма благодѣтельно какъ на ихъ здоровьи, такъ и вообще на ихъ физическомъ развитіи» (стр. 18).

Свѣдѣній о 33 дѣтяхъ, побывавшихъ въ колоніи уже второй разъ, въ данномъ отчетѣ не приведено; не сказано даже, почему колоніи нашли необходимымъ принять ихъ снова, вслѣдствіе-ли того, что предшествовавшее пребываніе въ колоніи не принесло имъ пользы, или-же потому, что за зиму состояніе ихъ здоровья ухудшилось на столько, что ихъ нужно было причислить снова къ наиболѣе слабымъ дѣтямъ, каковыя только и принимаются, судя по отчету, въ колоніи. О вліяніи пребыванія дѣтей въ колоніяхъ въ нравственномъ отношеніи отчетъ, къ сожалѣнію, не говоритъ ни слова, хотя несомнѣнно, что колоніи и здѣсь принесли свою долю пользу; желательно, чтобы въ будущемъ отчетѣ завѣдывавшіе колоніями и преподаватели тѣхъ училищъ, изъ которыхъ были дѣти взяты въ колоніи, подѣлились съ обществомъ своими наблюденіями по этому весьма интересному предмету.

Въ заключеніе коснемся расходовъ по содержанію колоній и тѣхъ средствъ, на которыя онѣ существовали въ отчетномъ 1892 году.

Мы уже сказали, что на продовольствіе 188 дѣтей израсходовано 2.361 р. 25 к., т.-е. по 17,9 коп. на человѣка. Такъ называемый въ отчетѣ «общій расходъ (жалованье лицамъ надзора—280 р., врачу—70 р., экономкамъ—60 р., прислугѣ—147 р., стирка, освѣщеніе, дрова, мелкій хозяйственный расходъ, молебны, конверты и письма, игрушки, лекарства, поѣздка и т. д.) 970 р. 38 к., леченіе 33 р., дорога (по уменьшенному тарифу жел. дорогъ) ямщики, багажъ и др. дорожные расходы—531 р. 14 к., на пополненіе инвентаря (кровати, парусина, веревки, бѣлье столовое, одѣяла и т. п.) 291 р. 41 к., общіе и случайные расходы по веденію колоній 91 р. 13 к., а *всего расходовъ* 4.307 р. 90 к. Если исключить расходы по двумъ послѣднимъ статьямъ, то средняя стоимость содержанія ребенка въ колоніи будетъ равна 20 р. 87 коп.

ПРИХОДЪ.

1) Остатокъ съ 1891 г.	4 р.	10 к.
2) Внесено училищами за 100 дѣтей.	1.900 »	— »
3) Внесено за 17 дѣтей училищами (184 р. 50 к.) и родителями (138 р. 50 к.)	323 »	— »
4) Внесено родителями за 16 д., полная плата. . . .	304 »	— »
5) Внесено попечителями и др. лицами за 42 дѣт. . . .	798 »	— »
6) Внесено за 3 д. родителями (35 р.) и разн. лицами доплачено (22 р.)	57 »	— »
7) Внесено родителями за 4 д., полуплатящихъ. . . .	32 »	50 »
8) Пожертвовано *) деньгами и вещами на обзаведеніе колоній, безплатную отправку дѣтей и т. п.	289 »	30 »
Всего.	4.307 р.	90 к.

*) Наиболѣе крупныя пожертвованія поступили: отъ Е. С. Мезенцовой 100 р., черезъ доктора Тулинова 25 р., Ю. И. Глинки 26 р., О. А. Синьковой 50 р., черезъ доктора Космачева отъ Ю. И. Базановой и В. П. Кельхъ 200 р., Г. М. Раевской 200 р., отъ неизвѣстнаго на покрытіе передержки по содержанію колоній въ 1892 г. 260 р.; общая сумма пожертвованій 887 р. 30 к.

Такимъ образомъ, остатка на 1893 годъ *нѣтъ*. Но надо, конечно, надѣяться, что лицъ, завѣдывающихъ дѣломъ веденія лѣтнихъ колоній для дѣтей московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ, такой печальный фактъ не устрашитъ, что они будутъ продолжать свою благотворную дѣятельность съ такою-же энергіею, какъ и въ пять предыдущихъ лѣтъ, и что рука жертвователей на такое полезное, богоугодное дѣло не оскудѣетъ. Можетъ быть, этимъ лицамъ удастся даже расширить сферу своей дѣятельности увеличеніемъ числа дѣтей въ колоніяхъ существующаго типа, такъ какъ число нуждающихся въ нихъ, вѣроятно, значительно превосходитъ то, которое нынѣ пользуется ими. Въ отчетѣ мы, между прочимъ, нашли весьма отрадный фактъ, что родители учащихся сознаютъ всю пользу колоній для своихъ дѣтей. Въ 1892 году сами родители, изъ своихъ скудныхъ средствъ, внесли за содержаніе своихъ дѣтей въ колоніяхъ, полною платою или приплатами, 510 р.,—сумму значительную, составляющую почти восьмую часть всего расхода по содержанію колоній. Полная плата, взимаемая съ такихъ родителей, равняется 19 р., и если эта сумма взимается сразу, то, вѣроятно, многимъ уплачивать ее тяжело; поэтому, въ интересахъ дѣла, было-бы полезно разрѣшить родителямъ дѣлать взносы въ теченіи всего учебнаго времени по частямъ, когда только это для нихъ возможно, завѣдывающимъ тѣми училищами, въ которыхъ учатся ихъ дѣти. Можетъ быть, это способствовало бы увеличенію средствъ на содержаніе колоній, очевидно и нынѣ уже пользующихся сочувствіемъ въ самой дорогой для нихъ средѣ—въ средѣ родителей учащихся дѣтей. А затѣмъ, лицамъ, завѣдывающимъ колоніями, когда ведомое ими нынѣ дѣло упрочится, можно подумать объ устройствѣ санитарныхъ колоній, такъ какъ нынѣ дѣти явно больныя въ колоніи не принимаются, объ устройствѣ убѣжищъ въ городѣ (яслей) и лѣтнихъ колоній для дѣтей, которыхъ родители, занятые работою внѣ дома, вынуждены оставлять безъ присмотра, для сиротъ и покинутыхъ дѣтей *), о которыхъ наше общество начинаетъ заботиться только тогда, когда они попадаютъ въ руки полиціи и на скамью подсудимыхъ; можетъ быть, удалось-бы организовать отдачу такихъ дѣтей на воспитаніе въ надежныя крестьянскія семьи, по близости мѣстъ расположенія колоній, дабы имѣть надъ ними надзоръ. Кромѣ всего этого, необходимы, конечно, колоніи и для дѣтей дошкольнаго возраста. Дѣти старшаго, относительно, возраста, какъ учащіяся въ школахъ, такъ и обучающіяся въ мастерскихъ и работающія на фабрикахъ и заводахъ, нуждающіяся для укрѣпленія ихъ здоровья провести лѣто въ деревнѣ, также могли-бы быть помѣщаемы въ хорошихъ крестьянскихъ семьяхъ деревень, расположенныхъ по близости лѣтнихъ колоній, и находиться съ послѣдними въ тѣсной связи и подъ присмотромъ лицъ, завѣдывающихъ колоніями. Но все это, можетъ быть, предстоитъ, по нашему мнѣнію, организовать обществу, завѣдывающему лѣтними колоніями для дѣтей Московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ, въ будущемъ, а пока слѣдуетъ принести ему глубокую благодарность за его настоящую дѣятельность, пожелать ему отъ всей души успѣха, а вмѣстѣ съ тѣмъ пожелать, чтобы и въ

*) Относительно организаціи попечительствъ о бѣдныхъ дѣтяхъ на Западѣ, а именно во Франціи, интересующіеся этимъ дѣломъ могутъ найти обстоятельныя свѣдѣнія въ статьѣ г. О. Вембергъ «Заботы о бѣдныхъ дѣтяхъ во Франціи», помѣщенной въ №№ 5—8 «Русской Школы» за 1892 годъ.

другихъ болѣе или менѣе крупныхъ населенныхъ центрахъ нашего отечества благой примѣръ Московскаго общества нашелъ себѣ достойныхъ послѣдователей.

К. М.

О состояніи петербургскихъ и московскихъ городскихъ училищъ въ санитарномъ отношеніи.

Имѣющагося въ обѣихъ столицахъ количества городскихъ училищъ далеко недостаточно для дѣтей, которыя желали-бы учиться въ нихъ. Кромѣ того, существующія столичныя городскія училища обставлены неудовлетворительно и въ санитарномъ отношеніи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ докторъ Д. М. Никольскій въ своемъ докладѣ «о медико-санитарномъ надзорѣ въ петербургскихъ и московскихъ городскихъ училищахъ», сдѣланномъ имъ въ послѣднемъ засѣданіи школьно-гигіенической секціи Общества охраненія народнаго здравія. По словамъ докладчика (см. «Нов. Вр.» № 6117), санитарныя условія въ училищахъ оказываются, въ большинствѣ случаевъ, не удовлетворяющими современнымъ гигіеническимъ требованіямъ. Вслѣдствіе этого въ результатѣ получился такой плачевный результатъ: въ 1891—1892 уч. году при 11 тыс. учащихся было 13.500 заболѣваній, другими словами: на каждаго учащагося приходится болѣе, чѣмъ одно заболѣваніе. Занятія въ школахъ слишкомъ утомительны по своей продолжительности для малолѣтнихъ дѣтей, которыя занимаются отъ 4 до 5 час. ежедневно въ классѣ, да кромѣ того должны исполнять также и домашнія работы. Гимнастика преподается лишь въ немногихъ училищахъ, да и та часто вмѣсто пользы приноситъ вредъ, такъ какъ, по неимѣнію особаго гимнастическаго помѣщенія, учащіеся занимаются ею въ классной комнатѣ и поднимаютъ столбы пыли, проникающей въ носъ, ротъ и легкія. Пѣніе также нерѣдко вызываетъ заболѣваемость: во время урока пѣнія учащіеся скучиваются въ небольшомъ помѣщеніи такъ, что приходится поневолѣ дышать спертымъ и опять-таки пыльнымъ воздухомъ.

Помимо антисанитарнаго состоянія большинства городскихъ начальныхъ школъ, заболѣваемость въ нихъ учащихся объясняется еще недостаточностью питанія дѣтей. Петербургская дума пожелала придти въ этомъ отношеніи на помощь и ассигновала 500 (5.000?) на завтраки бѣднѣйшихъ учениковъ и ученицъ, но ассигнованная сумма слишкомъ ничтожна, чтобы быть дѣйствительнымъ средствомъ противъ причинъ, дѣлающихъ дѣтскій организмъ болѣе воспріимчивымъ къ разнымъ болѣзнямъ. Правильный медико-санитарный надзоръ за учащимися учрежденъ съ 1889 г., но онъ также недостаточенъ, ибо одинъ врачъ приходится на 40—50 школъ. Въ заключеніе своего доклада д-ръ Никольскій предложилъ для улучшенія санитарнаго состоянія училищъ нѣсколько мѣропріятій, изъ которыхъ отмѣтимъ: возможно частыя прогулки и игры дѣтей на чистомъ воздухѣ, организацію врачебно-санитарнаго надзора изъ школьныхъ врачей, не отвлекаемыхъ отъ школъ частной практикой, устройство школьныхъ санитарныхъ колоній и ознакомленіе учащихъ съ гигіеной и ея требованіями. Но наиболѣе дѣйствительными мѣрами были-бы, конечно, улучшеніе помѣщеній и доставленіе пищи бѣднымъ учащимся. Какъ о томъ, такъ и о другомъ, кромѣ городской думы, должны-бы были позаботиться также и попечители училищъ. Школы

многихъ не только губернскихъ, но даже уѣздныхъ городовъ пользуются лучшими санитарными условіями, нежели большинство школъ столичныхъ, какъ это явствуетъ изъ доклада д-ра Никольскаго, спеціально обслѣдовавшаго эти послѣднія съ санитарно-медицинской точки зрѣнія.

Въ Петербургскомъ Комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 12-го января 1893 г.

Предсѣдательствующій, В. Г. Котельниковъ, доложилъ собранію письмо предсѣдателя Комитета Я. Т. Михайловскаго, въ которомъ онъ сообщилъ о своемъ рѣшеніи сложить съ себя званіе предсѣдателя. Отказъ Я. Т. Михайловскаго вызванъ, очевидно, неурядицами, царящими въ Комитетѣ въ теченіе всего прошлаго и этого года. Постоянная смѣна членовъ Совѣта и отсутствіе въ теченіе цѣлаго года казначея ложатся крайней тяжестью на остальныхъ членовъ Совѣта, и болѣе всего на его предсѣдателя. Общее собраніе, цѣня дѣятельность Я. Т. Михайловскаго, посвящающаго свои силы Комитету въ теченіе уже многихъ лѣтъ, рѣшило просить его не слагать съ себя званіе предсѣдателя.

Протоколъ предшествующаго декабрьскаго общаго собранія вызываетъ возраженія и даже обвиненія въ пристрастномъ якобы изложеніи происходившаго въ общемъ собраніи. Указанія на факты не подтверждаютъ, однако, этого заявленія и указываютъ только на недостаточную, по мнѣнію нѣкоторыхъ, полноту изложенія. В. П. Воленсъ, въ виду его отсутствія въ декабрьскомъ засѣданіи, когда, по его мнѣнію, «совершенно незаслуженно поносились» имена авторовъ манускрипта съ замѣчаніями на дѣятельность Общества и его Совѣта, проситъ прочесть свои замѣчанія по этому поводу. Предсѣдательствующій не находитъ, однако, возможнымъ удовлетворить просьбу г. Воленса въ виду того, что замѣчанія эти не имѣютъ никакого отношенія ни къ прочтенному протоколу, ни къ предметамъ занятій этого собранія. Неумѣстность чтенія записки г. Воленса въ настоящемъ собраніи явствуетъ изъ того, что инциндентъ, давшій поводъ къ ней, еще не исчерпанъ и ему будетъ посвящено одно изъ будущихъ собраній, въ которомъ заявленіе г. Воленса и можетъ быть доложено. Г. Воленсъ въ полученномъ имъ отказѣ видитъ злоупотребленіе власти со стороны предсѣдательствующаго и энергично протестуетъ, называя такое ограниченіе свободы члена «терроромъ хуже 1793 г.», что, конечно, возбуждаетъ общее веселое настроеніе и, къ счастью, благополучно разрѣшаетъ начавшіяся-было накопляться грозовыя тучи. Остальная часть засѣданія была посвящена докладу А. Н. Страннолюбскаго о положеніи народнаго образованія въ Россіи по даннымъ оффиціальной статистики *), выслушанному присутствующими, благодаря захватывающему интересу, талантливой группировки фактовъ и выводовъ, съ напряженнымъ вниманіемъ. Въ заключеніе А. Н. Страннолюбскій обратился къ собранію съ напоминаніемъ о тѣхъ по истинѣ великихъ задачахъ народнаго образованія, которыя ставитъ себѣ

*) Не передаемъ содержанія доклада въ виду того, что онъ печатается на страницахъ «Русской Школы».

Комитетъ, и въ крайне деликатной и симпатичной формѣ увѣщевалъ присутствующихъ во имя этихъ задачъ оставить свои личные счеты, мелочныя пререканія и, сплотившись во имя общихъ цѣлей, дружно работать для достиженія ихъ, тѣмъ болѣе, что людей, преданныхъ народному просвѣщенію, надо считать единицами, а дѣла, какъ это вытекало и изъ доклада А. Н. Страннолюбскаго, безконечно много. А. Н. Страннолюбскій, очевидно, съумѣлъ формулировать только мнѣніе громаднаго большинства присутствующихъ, выразившихъ свое согласіе съ нимъ сочувственными возгласами и дружными безконечными рукоплесканіями по адресу говорившаго. В. Д.

Засѣданіе 9-го февраля.

Въ этомъ засѣданіи А. М. Калмыкова прочла свой докладъ «О ближайщихъ задачахъ Комитета грамотности въ дѣлѣ распространенія сельскохозяйственныхъ свѣдѣній въ народной средѣ». Въ основаніе доклада положена мысль о невозможности и нежелательности обращенія начальныхъ народныхъ школъ въ профессіональныя, въ доказательство чего приведены многіе и неопровержимые доводы. Но, оставаясь вѣрной прежде всего своей коренной общеобразовательной задачѣ, народная школа можетъ послужить дѣлу сельско-хозяйственнаго, такъ-сказать, просвѣщенія народа, введя, въ кругъ преподаваемыхъ въ ней предметовъ естествознаніе; она подготовитъ тѣмъ самымъ почву для осмысленнаго усвоенія раціональныхъ пріемовъ сельскаго хозяйства. Комитетъ грамотности могъ-бы содѣйствовать въ этомъ случаѣ изданіемъ и указаніемъ подходящихъ пособій: тутъ понадобились-бы, напримѣръ, стѣнныя таблицы и другія дешовыя наглядныя пособія по различнымъ отдѣламъ естествознанія, указатели разныхъ приспособленій для наблюденій и опытовъ, для собиранія коллекцій мѣстной флоры, почвы, насѣкомыхъ, организація общихъ выставокъ такихъ коллекцій примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ сельскаго хозяйства, изданіе книжекъ для внѣкласснаго чтенія и т. под.

Воспомогательная роль школы, въ указанномъ направленіи, могла-бы распространяться и на подростковъ, т.-е. дѣтей, уже оставившихъ школьную скамью,—путемъ бесѣдъ и чтеній съ волшебнымъ фонаремъ по естествознанію, экскурсій, а въ связи съ этимъ, если-бы оказалось достаточно времени и силъ, занятій въ садѣ, огородѣ, пчельникѣ, на опытномъ полѣ. Комитетъ грамотности могъ-бы и здѣсь послужить дѣлу, напримѣръ, изданіемъ подходящихъ пособій—книгъ и каталоговъ. Наконецъ, что касается взрослаго населенія, то, помимо составленія и изданія брошюръ по общимъ вопросамъ сельскаго хозяйства и подбора къ нимъ картинъ для волшебнаго фонаря,—роль Комитета могла-бы выразиться въ содѣйствіи открытію еликовозможнаго числа библіотекъ, въ составленіи статей, каталоговъ, указаній—для помѣщенія, напримѣръ, въ «Сельскомъ Вѣстникѣ».

Членамъ Комитета предстояло обсужденіе вопросовъ о распространеніи знаній по сельскому хозяйству путемъ нар. школъ, поднятыхъ съѣздомъ русскихъ дѣятелей по техническому образованію; докладъ былъ отвѣтомъ на эти вопросы и вызвалъ оживленныя пренія. Оппонентомъ выступилъ г. Мещерскій. По его словамъ, нынѣ назрѣла необходимость ознакомленія народа съ техникой улуч-

шенныхъ пріемовъ сельскаго хозяйства; поэтому онъ находитъ страннымъ отстраненіе сельскихъ школъ отъ участія въ этомъ дѣлѣ; народныя школы на Западѣ, во Франціи, напр., спеціализированы: при нихъ заведены опытныя поля. Г-жа Калмыкова возразила, что она вовсе и не отвергаетъ полезности разныхъ приспособленій утилитарнаго характера при народныхъ школахъ, каковы, напр., питомникъ, опытное поле и проч.; лишь-бы хватило силъ и средствъ и лишь-бы всѣ эти хорошія вещи не были помѣхой прямой и главной цѣли начальной школы. Что касается Франціи, то она плохой примѣръ для насъ въ данномъ случаѣ: люди, близко знакомые съ тамошней постановкой школьнаго дѣла, напр., Лебланъ, вице-президентъ французской лиги обученія, говорятъ, что это практическое преподаваніе оказалось вполнѣ неудачнымъ. Вообще-же культурный Западъ не примѣръ для насъ потому еще, что тамъ чуть-ли не каждая мѣстность тщательно изучена въ сельскохозяйственномъ отношеніи, необходимость-же подобнаго изученія у насъ лишь недавно сознана, а безъ основательнаго знакомства съ мѣстными особенностями природныхъ и экономическихъ условій крестьянскаго хозяйства, какъ оказывается, не слѣдуетъ и браться за роль руководителя и совѣтчика; сплошь и рядомъ это значило-бы сбивать людей съ толку, давать совѣты, неосуществимые въ данной мѣстности; такимъ крупнымъ недостаткомъ, по утвержденію компетентныхъ людей, именно и отличаются наши популярныя книжки по сельскому хозяйству.

Изъ остальныхъ оппонентовъ, одни говорили въ защиту основной идеи доклада, другіе—по поводу тѣхъ или другихъ частей предложенной программы. Въ pendant докладу прочтено было г. Чернолузскимъ небольшое сообщеніе: идея утилитарныхъ покушеній на народную школу—«учись, но не забывай, что ты нашъ хлѣбородъ». Вопросъ о воспитаніи хорошихъ гражданъ почему-то игнорируется; между тѣмъ стоитъ вспомнить, что въ Соединенныхъ Штатахъ, напр., всѣ образованные люди вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣльные, сознательные работники. Толкуютъ о снабженіи школъ землей и прельщаютъ тѣмъ, что земля-де привяжетъ и учителя къ школѣ; что хорошаго, если она привяжетъ и неспособнаго учителя? Во всякомъ случаѣ начальная школа прежде и главнѣе всего—общеобразовательная, и земля—оторветъ учителя отъ этой прямой его обязанности. За симъ г. Касаткинъ привелъ маленькую статистику рецидивистовъ безграмотности: 90% разучившихся грамотѣ, 60% разучившихся считать! Ясно, на что прежде всего должно быть обращено вниманіе... Ремесла въ общеобразовательной школѣ шли крайне плохо, пока на нихъ смотрѣли исключительно, какъ на ремесла, и имѣли успѣхъ лишь тамъ, гдѣ обращено было главнѣйшее вниманіе на ихъ воспитательное значеніе. Сельское хозяйство—безъ ущерба для дѣла—можетъ быть введено въ народной школѣ лишь въ той формѣ, въ какой оно оказалось-бы способно служить цѣлямъ общеобразовательнымъ.

В. В. Девель замѣтилъ, что точка зрѣнія докладчицы должна удовлетворить разумныхъ утилитаристовъ: нельзя строить второй этажъ гдѣ-то на воздухѣ, не позаботившись предварительно о первомъ, и въ данномъ случаѣ это—гуманизирующее образованіе, базисъ для пріобрѣтенія всякихъ прикладныхъ знаній, въ томъ числѣ и сельскохозяйственныхъ.

По поводу проектовъ надѣленія школъ землею Г. А. Фальборкъ говорилъ о нежелательности такого порядка вещей, при которомъ учителя заняли-бы

позицію фермеровъ, а ученики очутились въ положеніи батраковъ, какъ это и наблюдается, напр., въ Остзейскомъ краѣ. Затѣмъ, странно было-бы дѣлать общее образованіе какой-то привиллегіей средних классовъ, на долю народа оставляя одно профессіональное. Почему только народъ считаютъ возможнымъ отстранить отъ этого права? Общее образованіе—такъ ужъ для всѣхъ; если-же отдается предпочтеніе профессіональному—такъ пусть-же и оно, и только оно, будетъ для всѣхъ. Эту-же мысль поддерживалъ изъ публики Н. М. Ядринцевъ: исходная точка зрѣнія затѣйщиковъ преобразованія народной школы въ утилитарномъ духѣ, по его мнѣнію, это взглядъ на крестьянство, какъ на обособленное сословіе съ опредѣленной и единственной функціей добытчиковъ хлѣба. Въ шестидесятые годы шире смотрѣли на эти вещи: тогда мечтали о народной школѣ, какъ о первой ступени къ дальнѣйшему образованію. Профессіональныя школы, разумѣется, необходимы, говорилъ г. Ядринцевъ, но онѣ необходимы вѣдь для всѣхъ сословій, а для всѣхъ—позволительна и справедлива лишь такая постановка дѣла, при которой общее образованіе не оттѣсняется на задній планъ, въ темный уголъ.

Рѣчи остальныхъ касались различныхъ пунктовъ программы, которая предложена была докладчицей. Г. Ковалевскій указалъ на успѣшное преподаваніе сельскаго хозяйства въ заграничныхъ народныхъ школахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда свѣдѣнія по этому хозяйству сообщаются попутно и въ связи съ естествознаніемъ. Книжки, приспособленныя къ условіямъ той или другой мѣстности, были-бы въ высшей степени авторитетны; въ Ярославской губерніи, какъ ему извѣстно, одна такая книжка послужила къ устройству 140 садовъ въ короткое время. Въ распоряженіи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества имѣется капиталъ, предназначенный, между прочимъ, на изданіе книжекъ по сельскому хозяйству. Въ заключеніе онъ предложилъ избрать коммиссію для разработки программы, изложенной въ докладѣ г. Калмыковой. М. И. Туганъ-Барановскій подчеркнулъ мысль докладчицы о преподаваніи естествознанія въ народной школѣ въ связи съ явленіями мѣстной природы: это именно и придастъ ему характеръ живой, не оторванный отъ вещей, доступныхъ непосредственному наблюденію; въ этомъ смыслѣ, напр., дождевой червь внушитъ болѣе живой интересъ, чѣмъ какая-нибудь пантера.

Кромѣ Н. М. Ядринцева, изъ числа присутствовавшей публики говорилъ Г. Ковалевъ. Среди школьныхъ учителей, по его словамъ, много интересующихся садоводствомъ, пчеловодствомъ, и свѣдующихъ по этой части; хорошо было-бы привлечь ихъ къ участію въ разработкѣ намѣченныхъ вопросовъ, а также—воспользоваться ихъ опытностью и знаніями для составленія районныхъ книжекъ по сельскому хозяйству.

Залъ засѣданія былъ полонъ публики, рукоплескавшей отъ души, какъ отъ души говорили и ораторы. Заботливое и серьезное отношеніе къ судьбѣ народной школы, къ народнымъ нуждамъ не могло не возбудить сочувствія, когда, съ другой стороны, съ такимъ легкимъ сердцемъ сплошь и рядомъ подходятъ къ этимъ вопросамъ. Въ январской книжкѣ «Техническаго образованія», въ статьѣ «Народныя сельскохозяйственныя школы», предлагается, напр., специализировать послѣдніе классы пятисотъ существующихъ у насъ образцовыхъ двуклассныхъ сельскихъ училищъ Мин. Народ. Просв.: все равно эти классы плохо посѣщаются... «Учителя,—говоритъ авторъ, г. Королевъ,—должны быть хорошо подготовлены»; онъ считаетъ возможной такую подготовку при фермахъ среднихъ земледѣльческихъ училищъ, но на этомъ вопросѣ

не останавливается; въ началѣ-же статьи, довольно обстоятельно толкуя о неудовлетворительности нашихъ высшихъ и низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ, въ которыхъ преподаваніе ведется примѣнительно къ условіямъ помѣщичьихъ, а не крестьянскихъ хозяйствъ, авторъ почему-то вовсе умалчиваетъ о качествѣ среднихъ земледѣльческихъ училищъ. Болѣе рѣзкимъ примѣромъ подобной-же логической невыдержанности можетъ служить предложеніе нѣкоего г. Обтяжнова, года два тому назадъ, въ горбатовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи,—обратить цѣликомъ всѣ начальныя сельскія школы уѣзда въ ремесленныя; предложеніе мотивировалось тѣмъ, что въ начальныхъ школахъ «все равно, плохо учатъ». Въ числѣ мотивовъ не малую роль играетъ, конечно, и экономія; но почему-же именно здѣсь такая мелочная разсчетливость, и почему именно здѣсь позволительно рѣшать дѣла, не долго думая, какъ въ старину—прописными изреченіями да «березовой кашей» раздѣлывались съ вопросами воспитанія, или законами, очень напоминающими тѣ-же прописи,—съ экономическими вопросами. Это недостаточно полное знаніе и разумѣніе фактовъ и, вмѣстѣ, преувеличенная развязность, съ какой считается позволительнымъ относиться къ вопросамъ народной жизни, — характерная черта множества явленій; къ нимъ надо отнести и проекты обводненія, и изобрѣтенія суррогатовъ хлѣба чуть не изъ дерева, оцѣнку въ публикѣ и въ печати народныхъ нравовъ по поводу примѣровъ отказа отъ общественныхъ работъ, систему пресѣченія эпидеміи, практиковавшуюся въ Астрахани и послужившую, какъ извѣстно, поводомъ къ безпорядкамъ, наконецъ, даже рекомендацію излишне жестокихъ, безчеловѣчныхъ мѣръ по поводу холерныхъ волненій... Нечего и говорить, конечно, что въ этихъ примѣрахъ надо отличать благодушную доброжелательность отъ настроеній враждебныхъ, и что все ихъ сходство ограничивается раньше указанными признаками. Но и ихъ давольно, и не велика цѣна этой доброжелательности, готовой натворить всякихъ ошибокъ, благо раздѣлываться за нихъ придется не ей, а тѣмъ, кто въ этихъ ошибкахъ меньше всего виноватъ.

Ѳ. Д.

Протоколы засѣданія Правленія и второго Общаго Собранія С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи.

Протоколъ засѣданія Правленія 24-го февраля 1893 года.

Присутствовали: Предсѣдатель Правленія И. Ѳ. Рашевскій, члены Правленія: Я. Г. Гуревичъ, Н. Ѳ. Арепьевъ, Ѳ. С. Матвѣевъ, И. В. Руссетъ, Н. Н. Скалонъ, І. Д. Смирновъ, Е. П. Рѣпина, Д. Д. Моревъ и кандидатъ Правленія М. Г. Романовскій.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Ив. В. Руссетомъ внесено предложеніе о необходимости устройства постояннаго Педагогическаго Собранія на подобіе клубовъ экономистовъ, медиковъ и другихъ. Съ этою цѣлью былъ прочитанъ имъ, въ общихъ чертахъ, проектъ устава предполагаемаго собранія.	Постановлено: Довести до свѣдѣнія Общаго Собранія объ этомъ заявленіи.

I. Д. Смирновъ заявилъ о томъ, что г. Шохоръ-Троцкій намѣренъ организовать публичныя лекціи по методикѣ ариѳметики и чистый сборъ съ этихъ лекцій пожертвовать Педагогическому Общество взаимной помощи.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

Предсѣдатель Ив. Рашевскій.

I. Смирновъ.	Я. Гуревичъ.
М. Романовскій.	Е. Рѣпина.
Н. Арепьевъ.	И. Руссетъ.
Н. Скалонъ.	Д. Моревъ.

Секретарь Ѳ. Матвѣевъ.

Протоколъ засѣданія Правленія 2-го марта 1893 года.

Присутствовали: Предсѣдатель Правленія И. Ѳ. Рашевскій, члены Правленія: Н. Ѳ. Арепьевъ, А. М. Васильевъ, Я. Г. Гуревичъ, Д. Д. Моревъ, Ѳ. С. Матвѣевъ, Е. П. Рѣпина, Н. Н. Скалонъ, I. Д. Смирновъ, В. Г. Яроцкій и кандидаты Правленія: М. Г. Романовскій, Н. О. Розе.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Прочитано заявленіе директора врачебно-гимнастическаго заведенія старшаго врача Грау, въ которомъ предлагается скидка 25°/o съ установленной цѣны гг. членамъ Педагогическаго Общества взаимной помощи и ихъ семействамъ, желающимъ пользоваться врачебной и педагогической гимнастикой во врачебно-гимнастическомъ заведеніи д-ра Бенезе.	Постановлено: Напечатать предложеніе доктора Грау въ общемъ спискѣ торговыхъ домовъ, согласившихся производить уступку членамъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи.
Однимъ изъ членовъ заявлено было, что, въ виду требованій магазиновъ однообразныхъ квитанцій отъ всѣхъ членовъ Общества, желающихъ пользоваться уступкою съ установленныхъ цѣнъ товаровъ, слѣдуетъ выдавать квитанціи за подписью казначея какъ внесшимъ ежегодный членскій взносъ (3 руб) единовременно, такъ и лицамъ, производящимъ членскій взносъ по мѣсяцамъ.	Постановлено: Выдавать всѣмъ членамъ Общества одинаковыя квитанціи установленнаго образца, за подписью казначея, причемъ лицамъ, производящимъ взносы по частямъ, выдавать копіи.

Предсѣдатель Правленія Ив. Рашевскій.

I. Смирновъ.	Н. Розе.
М. Романовскій.	Е. Рѣпина.
Н. Арепьевъ.	А. Васильевъ.
Н. Скалонъ.	В. Яроцкій.
Я. Гуревичъ.	Д. Моревъ.

Секретарь Ѳ. Матвѣевъ.

Протоколъ Общаго Собранія 7 марта 1893 г. С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи.

Предсѣдателемъ Общаго Собранія избранъ былъ В. А. Латышевъ. Бюро Собранія составляли присутствовавшіе члены Правленія Общества: Я. Г. Гуревичъ, Ѳ. С. Матвѣевъ, І. Д. Смирновъ, В. Г. Яроцкій, Н. Н. Скаллонъ, И. В. Руссетъ, А. В. Матвѣевъ, г-жа Рѣпина и кандидатъ Н. О. Розе.

Въ Собраніи присутствовало 155 членовъ (отмѣченныхъ до начала засѣданія). Г. предсѣдатель, доложивъ Собранію о семъ числѣ членовъ, предложилъ признать число это достаточнымъ согласно условіямъ, обозначеннымъ для дѣйствительности Собранія какъ въ уставѣ (§ 33), такъ и въ пригласительныхъ повѣсткахъ на настоящее Собраніе. Предложеніе это было утверждено, а посему Собраніе признано состоявшимся.

Вопросы, предложенные на утвержденіе и разрѣшеніе Общаго Собранія:

I. Перебаллотировка членовъ ревизіонной коммиссіи была предложена Общему Собранію Правленіемъ, въ виду заявленія членовъ ревизіонной коммиссіи бар. Герта и Артемьева, что они не могутъ считать себя избранными на прошломъ Общемъ Собраніи, вслѣдствіе незначительности полученныхъ ими избирательныхъ голосовъ.

По предложенію предсѣдателя Общаго Собранія, перебаллотировка была произведена, и всѣ прежніе члены оказались вновь избранными громаднымъ большинствомъ присутствующихъ.

II. Поставленный въ повѣсткѣ вопросъ о выборѣ почетныхъ членовъ Общества, по предложенію Правленія, былъ снятъ съ очереди и отложенъ до слѣдующаго Общаго Собранія.

III. Выслушенъ и одобренъ отчетъ казначея Общества І. Д. Смирнова о состояніи суммъ Общества, при семъ прилагаемый:

Заявленіе казначея (І. Д. Смирнова) о состояніи капиталовъ Общества по 5 сего марта.

По 5-е марта включительно *на приходѣ* значится . .	2.975 р. 70 к.
Въ расходѣ: a) дѣйствительный расходъ	72 » 80 »
b) въ бумагахъ пріобрѣтено 5% ж.-д. ренты на	1.685 » 50 »
c) на текущемъ счету въ В. К. банкѣ.	1.200 » — »
Итого въ расходѣ	2.958 р. 30 к.
Наличныхъ у казначея Общества	17 р. 40 к.

Приходъ составился изъ *членскихъ взносовъ* и *пожертвованій.*

Взносы поступили отъ 563 членовъ, на сумму 1.745 р. 50 к. Число членовъ прибываетъ ежедневно; не дальше какъ вчера поступило 17 членовъ, со взносомъ 20 р. 50 к., которые въ настоящій разсчетъ уже не вошли. Во всякомъ случаѣ мы смѣло можемъ заявить, что 3.000 рублей у насъ уже есть.

Взносы принадлежатъ къ *тремъ категоріямъ*, значеніе которыхъ въ организаціи средствъ Общества и въ бюджетѣ—неодинаково.

1) Взносы *единовременные* (§ 14), наиболѣе важные для образованія основного капитала, пока только поступили отъ слѣдующимъ 7-ми членовъ:

1) Отъ г. Романовскаго, Михаила Григорьевича	. . . .	60 р.
2) » » Гуревича, Якова Григорьевича	. . . .	60 »
3) » » Вѣтвѣницкаго, Петра Ивановича	. . . .	60 »
4) » » Матвѣева, Θеодора Семеновича	. . . .	60 »
5) » » проф. Исаева, Андрея Алексѣевича	. . . .	60 »
6) » » протоіер. Соколова, Димитрія Павловича	. . . . . .	60 »
7) » » г. Смирнова, Іасона Дмитріевича	. . . .	60 »
Итого	. . . . . .	420 р.

2) Взносы *ежегодные полные* (по три рубля) (§ 13), составляющіе пока наиболѣе существенный элементъ оборотнаго капитала, поступили отъ 401 члена.

3) Взносы *частичные* (отъ 25 к. въ мѣсяцъ), чрезвычайно симпатичные по идеѣ доставить возможность безъ всякаго обремененія участвовать въ Обществѣ наименѣе обезпеченнымъ членамъ обширной педагогической семьи, имѣютъ свою оборотную сторону въ экономическомъ смыслѣ: организація подобныхъ взносовъ крайне затруднительна, и этимъ, конечно, только объясняется, что нѣкоторые члены до сихъ поръ ограничились 25-ти-копѣечнымъ взносомъ и далѣе не продолжаютъ; кромѣ того, взносы эти отражаются невыгоднымъ образомъ при составленіи смѣты: напр., внесенные къ январю 100 полныхъ взносовъ составляютъ 300 рублей, эта сумма все-таки даетъ Правленію возможность что-либо намѣтить и сдѣлать; 100-же частичныхъ взносовъ къ январю—25 р. — это ничто... При большомъ количествѣ такихъ частныхъ взносовъ, бюджетъ Общества можетъ оказаться *проблематическимъ*... Такіе частичные взносы поступили отъ 155-ти членовъ. Надо замѣтить, что вначалѣ частичныхъ взносовъ сравнительно было очень много, но нѣкоторые члены сами сочли болѣе удобнымъ вносить вмѣсто частичныхъ взносовъ полные.

Въ % отношеніи взносы въ настоящій моментъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

a) внесшихъ единовременно	1,3%
b) внесшихъ по три рубля	71,2%
c) вносящихъ по частямъ	27,5%

Пожертвованія поступили въ Общество отъ слѣдующихъ лицъ:

1) Отъ г. Михельсона	1.000 р.	— к.
2) » » Гуревича	200 »	— »
3) » » директора Олонецкой гимназіи (передано отъ служащихъ)	10 »	70 »
4) » прот. Янышева, Іоанна Леонтьевича	7 »	— »
5) » г. Незлобинскаго, К. И.	3 »	— »
6) » » Анциферова, Н. Н.	3 »	— »
7) » » Е. Н. П.	3 »	— »
8) » » Ю. Ю. Ц.	— »	25 »
9) » » А. А. П.	— »	25 »
10) » » покойнаго профес. Янсона	3 »	— »
Итого пожертвованій . . .	1.230 р.	20 к.

Согласно § 3 устава, изъ поступающихъ въ кассу Общества суммъ составляются капиталы: a) основной и b) оборотный. *Основной капиталъ* составился изъ вышепоименованныхъ пожертвованій. . . . . 1.230 р. 20 к.
и единовременныхъ членскихъ взносовъ . . . . . 420 » — »

Итого . . 1.650 р. 20 к.

Къ этой суммѣ слѣдуетъ еще прибавить 10% съ остальныхъ членскихъ взносовъ, т.-е. 132 руб. 55 коп., такъ *что весь основной неприкосновенный капиталъ къ 5-му марта* будетъ = *1.782 р. 75 к.* При этомъ надо замѣтить, что въ настоящее время, въ виду непрерывности денежныхъ поступленій, разнообразія и дробности членскихъ взносовъ, порядокъ и время перечисленія этихъ 10% въ основной капиталъ *точно* Правленіемъ еще не установленъ; такимъ образомъ, можно дѣлать эти отчисленія и періодически, по мѣрѣ накопленія суммъ, удобныхъ для покупки % бумагъ, и въ концѣ отчетнаго года.

Оборотный капиталъ, состоящій въ полномъ нашемъ распоряженіи для пособій и текущихъ расходовъ Общества, = 1.192 р. 95 к. — 72 р. 80 к., т.-е. всего *1.120 р. 15 к.*

Капиталы наши, какъ сами видите, милостивые государи и государыни,— не велики, но вѣдь и существуемъ мы недолго. А между тѣмъ Общество, можно сказать, растетъ не по днямъ, а по часамъ. 17-го января было 248 членовъ, теперь мы насчитываемъ около 600. При видимомъ сочувственномъ отношеніи массы лицъ къ идеѣ Общества, будемъ надѣяться, что и средства его станутъ расти, увеличатся и пожертвованія и единовременные взносы, явятся и доходы отъ предпріятій Общества, лишь-бы *дружно всѣ мы шли къ одной цѣли—взаимопощи во всѣхъ видахъ*, какъ въ сферѣ матеріальной, такъ и въ области нравственной. *Въ единеніи наша сила.*

І. Смирновъ.

7 марта 1893 г.

IV. Предложено Правленіемъ на обсужденіе Общаго Собранія:

1) О назначеніе изъ суммъ Общества въ распоряженіе Правленія 120 р. на покрытіе произведенныхъ единовременныхъ и первоначальныхъ расходовъ по учрежденію и открытію Общества и 80 рублей на ближайшіе текущіе расходы Правленія.—Утверждено Общимъ Собраніемъ.

2) О неназначеніи въ теченіе перваго года постоянныхъ пособій, въ виду недостаточности пока средствъ Общества.—Утверждено Общимъ Собраніемъ.

3) Единовременныя пособія Правленіемъ предложено было ограничить на первый годъ суммою въ 50 рублей на одно лицо; по обсужденіи этого вопроса—постановлено: признать 50 руб. нормальнымъ размѣромъ пособій, но предоставить Правленію, въ случаѣ исключительной надобности, увеличивать размѣры этой суммы до 100 р.

V. Прочтенъ и одобренъ составленный секретаремъ Правленія Ѳ. С. Матвѣевымъ нижеслѣдующій

Общій отчетъ о дѣятельности Правленія за первые полтора мѣсяца существованія Общества и заявленія о предположеніяхъ и мѣрахъ Правленія, могущихъ содѣйствовать достиженію основной цѣли Общества.

Съ 17-го января по 7-е марта Правленіе собиралось еженедѣльно. Предсѣдателемъ Правленія избранъ Ив. Ѳ. Рашевскій, товарищемъ предсѣдателя Я. Г. Гуревичъ, казначеемъ І. Д. Смирновъ и секретаремъ Ѳ. С. Матвѣевъ. Вопросы, которые обсуждались на засѣданіяхъ, касались по преимуществу организаціи и дѣятельности Правленія. Для веденія дѣлъ пріобрѣтены: квитанціонныя книжки, бланки, печати съ наименованіемъ Общества и другія необходимыя для веденія отчетности принадлежности. Поручено казначею войти въ сношеніе съ Волжско-Камскимъ банкомъ, открыть въ немъ текущій счетъ на имя Общества; всѣ операціи по вкладамъ и текущему счету предоставлено вести казначею, І. Д. Смирнову, за подписью его и члена Правленія Ѳ. С. Матвѣева. Въ виду того, что на практикѣ встрѣтились затрудненія для желающихъ поступить въ число членовъ Общества, Правленіе нашло необходимымъ, для большаго удобства сбора членскихъ взносовъ, принять слѣдующія мѣры: а) объявить въ газетахъ адреса членовъ Правленія, при посредствѣ которыхъ можно записываться въ члены Общества; б) озаботиться заготовленіемъ квитанціонныхъ книжекъ и раздать ихъ какъ членамъ Правленія и кандидатамъ, такъ и членамъ Общества, изъявившимъ готовность принять на себя сборы взносовъ въ какомъ-либо учебномъ заведеніи, согласно § 13 устава. Лица, изъявившія готовность принять на себя сборы членскихъ взносовъ, предварительно должны получить на то полномочіе отъ Правленія. Нельзя не отмѣтить весьма благопріятнаго обстоятельства, которое замѣчается въ послѣднее время: Правленію все чаще и чаще предлагаютъ услуги въ сборѣ взносовъ кассиры товарищескихъ ссудо-сберегательныхъ кассъ, которыя имѣются въ большинствѣ учебныхъ заведеній. Этотъ способъ собиранія двадцати-копѣечныхъ ежемѣсячныхъ взносовъ самый удобный и практичный. Если онъ привьется,—а къ этому надо стремиться всѣми силами,—то членскій взносъ будетъ обезпеченъ, и притомъ въ самой необременительной формѣ для членовъ Общества. Правленіе сочло своею обязанностью позаботиться о распространеніи извѣстія объ открытіи дѣйствій Общества, и съ этою цѣлью составленъ списокъ всѣхъ учебныхъ заведеній города Петербурга и напечатанъ циркуляръ съ указаніемъ адресовъ членовъ Правленія, который въ скоромъ времени будетъ разосланъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ вмѣстѣ съ приложеніемъ экземпляра устава.

Желая содѣйствовать оказанію помощи нуждающимся членамъ Общества въ пріисканіи постоянныхъ или временныхъ занятій, Правленіе озаботилось устройствомъ «бюро», въ которомъ могли-бы записываться лица, ищущія преподавателей или преподавательницъ для занятій съ ихъ дѣтьми по предметамъ начальнаго и средняго образованія. Съ этою цѣлью постановлено Правленіемъ напечатать въ газетахъ (что уже и исполнено) слѣдующее заявленіе: «Правленіе Педагогическаго Общества взаимной помощи симъ извѣщаетъ, что еженедѣльно, по воскреснымъ днямъ, отъ 2—4 часовъ пополудни, одинъ изъ членовъ Правленія будетъ принимать въ канцеляріи Петровскаго училища лицъ, желающихъ получить какія-либо разъясненія по дѣламъ Общества. Здѣсь-же даются указанія относительно преподавателей и препо-

давательницъ, имѣющихъ свободное время для занятій по предметамъ начальнаго и средняго образованія».

Со времени открытія дѣйствій нашего Общества, нѣкоторыми торговыми домами сдѣланы были предложенія—производить скидки отъ 5 до 50% съ установленной цѣны товаровъ членамъ нашего Общества. Правленіе просило одного изъ членовъ, Ив. В. Руссета, войти въ сношеніе съ магазинами, желающими дѣлать уступки съ своихъ товаровъ, и выяснить, при какихъ условіяхъ будутъ производиться эти скидки. Въ началѣ этого мѣсяца Ив. В. Руссетъ представилъ списокъ торговыхъ домовъ, согласившихся производить уступку членамъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи. Списокъ этотъ, напечатанный на свой счетъ Я. Г. Гуревичемъ, при входѣ въ нынѣшнее Собраніе раздавался всѣмъ членамъ Общества.

Въ видахъ увеличенія средствъ Общества, Правленіе озаботилось устройствомъ литературно-музыкальнаго вечера, который предполагается устроить 14-го сего марта въ залѣ Петровскаго училища. Устройство этого вечера возложено Правленіемъ на коммиссію, состоящую изъ А. М. Васильева, Я. Г. Гуревича и И. В. Руссета. При этомъ было высказано желаніе, чтобы члены нашего Общества пользовались скидкою 25% съ билетовъ на такіе вечера; по мнѣнію Правленія, эта мѣра будетъ до нѣкоторой степени способствовать большему привлеченію членовъ Общества и придастъ вечерамъ характеръ семейно-педагогическій.

Ив. В. Руссетомъ былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ постояннаго Педагогическаго Собранія, на подобіе клуба экономистовъ, медиковъ, технологовъ и др. Съ этою цѣлью былъ прочитанъ имъ въ засѣданіи, въ общихъ чертахъ, проектъ устава предполагаемаго Собранія. Правленіе постановило: объ этомъ заявленіи довести до свѣдѣнія Общаго Собранія.

Обиліе накопившихся вопросовъ по организаціи Общества побудило Правленіе обратиться съ просьбою къ гг. кандидатамъ—принять участіе въ дѣятельности Правленія, на что послѣдніе отозвались сочувственно.

Желая доставить членамъ Общества полную возможность своевременно знакомиться съ дѣятельностью его, Правленіе постановило: всѣ протоколы засѣданій ежемѣсячно печатать въ журналѣ «Русская Школа». Въ февральской книжкѣ журнала уже напечатано пять протоколовъ.

Правленіемъ получено заявленіе отъ г. Шохоръ-Троцкаго о его намѣреніи организовать рядъ публичныхъ лекцій по методикѣ ариѳметики въ пользу нашего Общества.

VI. Обсужденіе заявленій нѣкоторыхъ членовъ о желательности распространенія свѣдѣній относительно дѣятельности Общества. Постановлено: просить Правленіе озаботиться о возможно большемъ распространеніи свѣдѣній о дѣйствіяхъ Общества и его Правленія путемъ публикацій въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и при семъ выразить благодарность Я. Г. Гуревичу, безвозмездно печатающему протоколы Общихъ Собраній и засѣданій Правленія и согласившемуся предоставлять особые оттиски въ распоряженіе членовъ Общества.

VII. Предложеніе объ устройствѣ мѣста постоянныхъ Собраній членовъ Общества для взаимнаго сближенія и обмѣна мыслей. Принято къ свѣдѣнію.

Предсѣдатель Общаго Собранія В. Латышевъ..

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ съ 1-го декабря 1892 г. по 1-е февраля 1893 г. (По «Правительственному Вѣстнику»).

I. Педагогика, дидактика, школьная гигіена и гимнастика.

Барановъ, А. Руководящія замѣтки для учащихъ къ преподаванію роднаго языка по «Нашему родному». Изд. 6-е, Д. Полубояринова. Спб. 1892. Тип. В. Дрессенъ и К°. 8 д., 64 стр. Ц. 30 к.

Измайлова, Л. П., женщ.-врачъ. Учебникъ гигіены, анатоміи и физіологіи. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Тифлисъ. 1892. Тип. канцел. главноначальствующаго гражд. частью на Кавказѣ. 8 д., IV+134 стр. и 2 таблицы рисунковъ. Ц. 70 к.

Квикъ (Quick). Реформаторы воспитанія. Перев. и мѣстами передѣлка съ англійскаго З. Перцовой. (Отд. оттиски изъ журн. «Вѣстникъ Воспитанія»). Москва. 1893. Тип. М. Волчанинова. 8 д., II+294 стр. Ц. 2 р.

Крыжановскій, Е. М. Собраніе сочиненій. Томъ III. (Статьи педагогическаго и ученаго содержанія). Кіевъ. 1890. 784+XL стр.

Серебренниковъ, В. Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Опытъ установки Локкова ученія на основаніи историко-критическаго изслѣдованія и критическаго разсмотрѣнія его въ связи съ христіанскимъ ученіемъ объ Образѣ Божіемъ. Спб. 1892. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., IX+358+II стр.

Щербаковъ, А. С., д-ръ. Результаты изслѣдованія физическаго развитія учащихся въ еврейскомъ училищѣ Талмудъ-Торѣ, въ гор. Ростовѣ-на-Дону. (Извлечено изъ «Журнала русскаго общества охраненія нар. здравія»). Спб. 1892. Тип. дома призрѣнія малол. бѣдныхъ. 8 д., 12 стр.

II. Народное образованіе вообще, школьное дѣло, personalia, отчеты, правила, программы.

Альбицкій, Е. и **Ширгенъ**, А. Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей заброшенныхъ, въ связи съ законодательствомъ о понудительномъ воспитаніи. Саратовъ. 1892. Тип. губернск. земства. 8 д., IX+302 стр. Ц. 2 р.

Годичный актъ въ женской гимназіи М. Н. Стоюниной 27-го октября 1892 года. Спб. 1893. Тип. И. Скороходова 8 д., 11 стр.

Дитмаръ-фонъ, С. Пособіе для устройства демонстративныхъ чтеній нижнимъ чинамъ и народу, съ правилами о народныхъ читальняхъ. Съ рисунками въ текстѣ и на отд. листѣ, съ приложеніемъ списка народныхъ чтеній и каталога картинъ. Казань. 1893. Тип. Г. Вечеслава. 8 д., 48 стр. Ц. 75 к.

Женская воскресная школа въ Казани (октябрь 90 г.—сент. 92 г.). Казань. 1893. Тип. губернская. 16 д., 14 стр.

Изъ отчетовъ объ учебныхъ заведеніяхъ. (Приложеніе къ № 1, 1893 г., циркуляра по С.-Петербургскому округу). Спб. Тип. М-ства Путей Сообщ. (товар. И. Н. Кушнеревъ и К°.) 8 д., 67 стр.

Историческія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ школахъ, священникахъ-руководителяхъ и учителяхъ братства Св. Гурія. Казань. 1892. Тип. губернскаго правленія. 8 д., 17 стр.

Калайда, Ѳ. Народныя школы Силезіи въ дѣлѣ развитія сельскаго хозяйства. (Извлеченіе изъ отчета по командировкѣ въ 1889 и 1890 г.). Псковъ. Тип. губернск. земства. 8 д. 28 стр.

Кіево-Печерская гимназія. Отчетъ о состояніи гимназіи за семилѣтній періодъ ея существованія ($18^{85}/_{86}$—$18^{91}/_{92}$). Съ приложеніями. I. Кіевъ. 1892. Тип. К. Милевскаго. 8 д., XCVIII+156 стр.

Лихачева, П. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1796—1828). Время Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Спб. 1893. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 308 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Милевскій, О. Двадцатипятилѣтіе рижской Александровской гимназіи. Историческій очеркъ состоянія гимназіи съ 1868 по 1893 годъ. Рига.

Мукаловъ, Н. Народная школа въ Юго-западномъ краѣ. (Историко-статистическій очеркъ). Кіевъ. 1892. Тип. губернская. 8 д., 60 стр. Ц. 50 к.

Обзоръ дѣятельности учрежденной по Высочайшему повелѣнію г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ и состоящаго при ней издательскаго общества съ 1-го января 1887 г. по 1-го января 1892 г. Спб. 1892. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., 41 стр.

Открытіе школы въ дер. Арышхаздѣ, Казанскаго уѣзда. Краткая исторія возникновенія училища въ дер. Арышхаздѣ. Казань. Тип. А. Родіонова. 8 д., 16 стр.

Отчетъ по дому призрѣнія и ремесленнаго образованія бѣдныхъ дѣтей, въ С.-Петербургѣ, состоящему подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества, за 1891 годъ. Спб. 1892. Тип. Шредера. 8 д., 15 стр.

Отчетъ совѣта С.-Петербургскаго женскаго патріотическаго общества за 1891 годъ. Спб. 1892. Тип. Е. Евдокимова. 8 д., 142 стр.

Отчетъ техническаго желѣзнодорожнаго училища общества Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги за 1891—92 учебный годъ. Варшава. Тип. А. Гинса. 8 д., 17 стр.

Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты черниговской епархіи за 1890—91 учебн. г. (Извлечено изъ «Черниговск. Епархіальн. Извѣстій» 1892 г.). Черниговъ. 1892. Тип. губернск. правленія. 8 д., 90 стр.

Отчетъ о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты въ тульской епархіи за 1890—91 учебный годъ. Тула. Тип. Н. Соколова. 8 д., 70 стр.

Отчетъ по предмету вызова учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи въ г. Петрозаводскъ съ 16 по 23-е августа 1892 г. Составленъ подъ ред. Д. П. Мартынова. Петрозаводскъ. 1892. Тип. губернская. 8 д., 144 стр.

Отчетъ о дѣятельности братства святителя Гурія за 24-й братскій годъ, съ 4-го октября 1890 г. по 4-е октября 1891 г. Казань. 1891. Тип. университетская. 8 д., 64 стр.

Отчетъ о дѣятельности С.-Петербургскаго епархіальнаго братства во имя Пресвятыя Богородицы, за 1892—92 годъ. Спб. Тип. синодальная. 8 д., 168 стр.

Отчетъ Михайловскаго тифлисскаго техническаго желѣзнодорожнаго училища за 1891—92 уч. годъ. Тифлисъ. 1892. Тип. Шарадзе. 8 д., 26 стр.

Отчетъ о дѣятельности комитета Одесскаго отдѣленія общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1891—92 акад. годъ. (Съ 1-го августа 1891 г. по 1-е августа 1892 г.). (XXV годъ). Одесса. 1893. Тип. Исаковича. 8 д., 25 стр.

Отчетъ о состояніи техническихъ классовъ при Смѣлянскомъ заводскомъ училищѣ графовъ Бобринскихъ за 1891—92 уч. годъ. Кіевъ. 1892. Тип. П. Барскаго. 8 д., 18 стр.

Отчетъ о состояніи Кіевской 4-й гимназіи за 1891—92 учебн. годъ. Кіевъ. 1893. Тип. университетская. 8 д., 34 стр.

Отчетъ по женской практической школѣ сельскаго хозяйства и домоводстна М. Н. Маріуцъ-Гриневой. Съ 31-го марта по 1-е ноября 1892 г. Кіевъ. 1892. Тип. Г. Корчакъ-Новицкаго. 8 д., 7 стр.

Отчетъ о состояніи Виленской второй гимназіи за 1891—92 учебный годъ. Вильна. 1892. Тип. И. Яловцера. 8 д., 42 стр.

Памятная книжка виленской дирекціи за 1892—93 учебн. годъ. Изд. виленской дирекціи народныхъ училищъ. Вильна. 1892. Тип. И. Блюмовича. 8 д., V+46+VIII стр.

Памятная книжка гродненской дирекціи народныхъ училищъ на 1892—93 учебн. годъ. Изд. гродненской дирекціи народныхъ училищъ. Гродно. 1892. Тип. губернск. правленія. 8 д., 66 стр.

— Пособіе при выборѣ книгъ преимущественно для дѣтей и юношества. Каталогъ изданій книгопр. А. Девріена. Спб. Тип. В. Киршбаума. 8 д., 64 стр.

Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Томъ 9-й. Царствованіе Императора Александра III. 1884 годъ, Спб. 1893. Тип. товар. «Обществ. Польза». 8 д., 1.352 стр. столб.

Состоящее подъ Высокимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича Коммисаровское техническое училище. Краткій историческій очеркъ. 1865—1893. (Читанъ на торжественномъ актѣ 24-го января 1893 г.). Москва. 1893. Тип. товар. А. А. Левенсонъ. 8 д., 16 стр.

Списокъ книгамъ, одобреннымъ опредѣленіями ученаго комитета Министерства Народн. Просвѣщенія и состоящаго при немъ особаго отдѣла, для учениковъ и библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и народныхъ училищъ, за ноябрь и декабрь 1892 г. Спб. Тип. М-ства Путей Сообщ. (товар. И. Н. Кушнеревъ и К°). 8 д., 3 нен. стр.

Училище Императорскаго русскаго техническаго общества. 1892—93 годъ. Спб. Тип. В. Штейна. 8 д., 89 стр.

Шаховской, М. Л., князь. Начальная народная школа въ Харьковской губерніи. (Приложеніе къ отчету земскаго отдѣла харьковской губернской земской управы). Харьковъ. 1892. Тип. Зильберберга. 8 д., 2 нен.+103 стр.

III. Законъ Божій.

Козырева, В. Краткая священная исторія Ветхаго Завѣта. Изд. 7-е. Спб. Тип. И. Скороходова. 8 д., 80 стр.

Краткая исторія жизни Господа нашего Іисуса Христа, въ вопросахъ и отвѣтахъ. Спб. Тип. синодальная. 16 д., 64 стр.

Н., Е. Объясненіе православнаго богослуженія. Вып. I. Общія понятія о Богослуженіи и объясненіе вечерни. Изд. 2-е. Казань. 1893. Тип. университетская. 8 д., 99 стр. Ц. 20 к.

— Вып. 2-й. Объясненіе утрени. Изд. 2-е. Казань. 1893. Тип. университетская. 8 д., 52 стр. Ц. 10 к.

— Начатки православнаго ученія. Изд. 116-е. Москва. 1891. 16 д., 215 стр.

Романовъ, прот. Уроки Закона Божія по катихизису. Спб. Тип. синодальная. 16 д., 224 стр.

Рудаковъ, А., прот. Священная исторія Ветхаго Завѣта. Изд. 26-е. Спб. Тип. П. Шмидта. 8 д., 168 стр.

Соколовъ, Д., прот. Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ. Изд. 53-е, исправл. и дополненное. Спб. Тип. А. Бенке. 8 д., II+165+III стр. и 1 карта.

Хорошуновъ, Ѳеодоръ, свящ. Краткое изложеніе ученія о нравственности христіанской. (Составлено по новой программѣ для VIII класса гимназій). Кіевъ. 1892. Тип. И. Чоколова. 8 д., V+67 стр. Ц. 40 к.

IV. Русская грамота, русскій языкъ, словесность.

Азбука въ картинкахъ для маленькихъ дѣтей. Изд. А. Ступина. Москва. 1893. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 16 д., 32 стр.

Архіереевъ, А. Сборникъ систематическихъ устныхъ и письменныхъ диктантовъ для начальнаго обученія русскому правописанію. Изд. 2-е, исправл. и дополненное. Спб. 1893. Тип. Тренке и Фюсно. 8 д., 111 стр. Ц. 25 коп.

Аугенбергъ, И. И. и **Соостэ**, М. Книга для чтенія. Первая часть (послѣ азбуки). Изд. 5-е, пересмотр. и дополненное. Либава. 1892. Изд. и тип. М. Петерсона 8 д., 87+66+VI стр.

Барановъ, А. Наше родное. Русскій и церковно-славянскій букварь и сборникъ статей для упражненія въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи, съ образцами для письма и матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. Первый родъ обученія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. Изд. 17-е. Д. Полубояриновъ. Спб. 1893. Тип. В. Дрессенъ и К°. 8 д., 95 стр. Ц. 30 коп.

Барышниковъ, П. Русская хрестоматія (азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія). Съ приложеніемъ мате-

ріала для церковно-славянкаго чтенія, краткихъ свѣдѣній изъ русской грамматики и задачъ для письменныхъ упражненій. Часть 1-я. Курсъ перваго отдѣленія городскихъ училищъ. Изд. 2-е, исправленное, учебн. магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва. 1893. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 132 стр. Ц. 35 коп.

Бахтинъ, Н. Н. Основы русскаго правописанія. (Правописаніе отдѣльныхъ словъ). Часть теоретическая. (Отд. оттискъ изъ «Русскаго Филологич. Вѣстника»). Варшава. 1892. Тип. М. Земкевичъ. 8 д., 160 стр. Ц. 2 р.

Блосфельдъ, Г. Русская грамматика. («Главнѣйшія правила русской грамм.»). Этимологія. Изд. 6-е, переработалъ и дополнилъ А. Шмидъ. Митава. 1892. Тип. И. Штеффенгагена и сына. 8 д., 4 нен.+138 стр.

Бракенгеймеръ, П. Грамматика древне (церковно)-славянскаго языка. Для среднеучебныхъ заведеній. Изд. 4-е. Одесса. Тип. «Славянская». Н. Хрисогелосъ. 8 д., 56 стр. Ц. 36 к.

Бунаковъ, Н. Книжка-первинка. Чтеніе послѣ азбуки, съ картинками и задачами для самостоятельныхъ работъ. Изд. 14-е, Д. Полубояринова. Спб. 1893. Тип. В. Дрессенъ и М. Гутзацъ. 8 д., 48 стр. Ц. 15 к.

Бунаковъ, Н. Хрестоматія для изученія образцовъ русской словесности. Съ примѣчаніями, руководящими вопросами и біографическими очерками. Составлена примѣнительно къ учебному плану гимназій М-ства Народн. Просвѣщ., кадетскихъ корпусовъ и вообще среднихъ учебныхъ заведеній. Отдѣлъ 4. Изд. 5-е, Д. Полубояринова. Спб. 1892. Тип. В. Дрессенъ и К°. 8 д., 132 стр. Ц. 90 коп.

Вольперъ, М. Русская рѣчь. Учебное руководство, примѣненное къ обученію русскому языку въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по русски. Въ 3-хъ выпускахъ. Вып. 1-й. Букварь (Орѳографія по «Руководству» акад. Грота). Изд. 10-е Д. Полубояринова. Спб. 1892. Тип. В. Дрессенъ и К°. 8 д., 64 стр. Ц. 20 коп.

Ждановъ, А. В. Грамматика для народныхъ школъ. Изд. 2-е, дополненное. Харьковъ. 1892. Тип. А. Степанова. 8 д., 38 стр. Ц. 15 коп.

Клангъ, И. И. Міръ веселыхъ животныхъ. Раскидная азбука. Москва. Изд. и тип. Ермакова. 8 д., 3 стр. и 32 карточки.

Красногорскій, П. Задачи по русскому правописанію, съ приложеніемъ орѳографическаго словаря. Пособіе для класснаго и домашняго обученія правописанію по изыскательному методу, т.-е., путемъ предложенія учащимся орѳографическихъ задачъ для самостоятельнаго рѣшенія. Изд. 7-е. Спб. 1892. Тип. В. Балашева. 8 д., VI+189 стр. Ц. 75 к.

Мироновъ, Н. Русская грамматика. Этимологія. Изд. 2-е. Ф. Трескиной, вновь обработанное и дополненное. Рига. 1892. Тип. Мюллера. 8 д., V+135 стр. Ц. 65 к.

Незеленовъ, А. И. Шесть статей о Пушкинѣ. Спб. 1892. Тип. училища глухонѣмыхъ. 8 д., 118 стр. Ц. 60 коп.

Паулитъ, Я. Руководство къ изученію русскаго языка въ латышскихъ народныхъ училищахъ и при самообученіи. Сост. по разнымъ источникамъ. Рига. 1892. Тип. А. Липинскаго. 8 д., 242 стр.

Радонежскій, А. Родина. Сборникъ для класснаго чтенія съ упражденіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи, въ 3-хъ частяхъ (курсъ приготовительнаго и 4-хъ низшихъ классовъ). Съ рисунками. Правописаніе по руководству академіи наукъ. Изд. 14. Спб. 1892. Тип. В. Балашева. 8 д., VI+292+IV стр. Ц. 75 к.

— Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы. Вып. XII. Кн. А. Д. Кантемиръ. Избранныя сатиры. Сатиры I, II и IX, съ примѣчан. Объяснительныя статьи. Изд. И. Глазунова. Спб. 1893. Тип. Глазунова. 8 д., II+95 стр. Ц. 40 коп.

— Вып. XIII. Былины (Былины про старшихъ богатырей. Былины кіевскаго и новгородскаго цикловъ. Духовные стихи. Историческія пѣсни. Восемь объяснительныхъ статей). Изд. И. Глазунова. Спб. 1893. Тип. Глазунова. 8 д., IV+173 стр.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Имп. академіи наукъ. Вып. 2-й. Втас—Да. Спб. 1892. Тип. академіи наукъ. 8 д., стр. съ 577 по 948 столб. Ц. 75 к.

Смирновскій, П. Курсы систематическаго диктанта для средн. учебн. заведеній. Годъ I. Курсъ первый (для 1-го класса) и второй (для 2-го класса). Изд. 9-е. Спб. 1893. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., X+144 стр. Ц. 60 к.

— Пособіе при изученіи исторіи рус

ской словесности. Курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій. Часть 2-я. Новый періодъ. Отдѣлъ I. (Отъ Ломоносова до Карамзина). Изд. 6-е книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1893. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., 320 стр. Ц. 1 р.

— Сборникъ статей, какъ приложеніе къ учебнику теоріи словесности. Часть 2-я. Изд. 2-е. Спб. 1893. Тип. И. Скороходова. 8 д., VIII+267.

Тарановъ, М. Русская азбука для обученія грамотѣ по звуковому способу. Кіевъ. 1892. Тип. С. Кульженко. 8 д., 16 стр. Ц. 5 к.

Тихомировъ, Д. и **Тихомирова**, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету, для народныхъ школъ. Изд. 49-е учебн. магазина «Начальная школа». Е. Тихомировой. Москва. 1893. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 104 стр. Ц. 20 к.

Тихомировъ, Д. Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 39-е. учебн. магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва. 1893. Тип. М. Волчанинова. 16 д., 170+2 стр. Ц. 20 к.

Ушинскій, К. Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 2-й. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія, съ картинками въ текстѣ Изд. 74-е. Спб. 1893. Тип. Н. Лебедева, В. Балашева и товар. «Обществ. Польза». 8 д., 188+IV стр. Ц. 35 к.

Цвѣтковъ, П. Новый систематическій задачникъ самостоятельныхъ письменныхъ работъ по русскому первоначальному правописанію, съ приложеніемъ повторительныхъ диктовокъ. Первый годъ обученія. Изд. 3-е, исправленное, Д. Полубояринова. Спб. 1893. Тип. В. Дрессенъ и М. Гутзацъ. 8 д., 48 стр. Ц. 20 коп.

Яхонтовъ, И. Т. Сборникъ письменныхъ упражненій по русскому языку. Учебное пособіе для начальныхъ народныхъ училищъ. Вып. 2-й. (Курсъ 3-го года обученія). Изд. 2-е. исправл. и дополненное, Д. Полубояринова. Спб. 1892. Тип. В. Дрессенъ и К°. 8 д., 63 стр. Ц. 30 к.

V. Древніе языки.

Баховъ, Э. Сборникъ статей для перевода съ греческаго на русскій и съ русскаго на греческій. Курсъ III и IV классовъ гимназій. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Счастливцева. Изд. 2-е, исправленное. Вильно. 1893. Тип. А. Сыркина. 8 д., X+249 стр. Ц. 1 руб.

Веркгауптъ, Г. Пособіе къ чтенію и изученію Гомера. I. Одиссея. Пѣснь 2-я. Изд. 5-е книжн. маг. В. Думнова. Москва. 1893. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., 55 стр. Ц. 30 коп.

— Пособіе къ чтенію и изученію Гомера. I. Одиссея. Пѣснь 5-я. Изд. 4-е книжн. маг. В. Думнова. Москва. 1893. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 16 д., 56 стр. Ц. 30 коп.

Виноградовъ. Николай. Рѣчь оратора Демосѳена о вѣнкѣ. Москва. 1892. Тип. университетская. 8 д., 26 стр.

Виргилій, Энеида. Перевелъ съ подлинника Н. Квашнинъ-Самаринъ. Спб. 1892. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., VI+305+II стр. Ц. 2 р.

Гау, Дж. (Gow. J.). Минерва. Введеніе при изученіи читаемыхъ въ классѣ писателей греческихъ и латинскихъ. Переводъ со 2-го французскаго изданія В. Алексѣева, съ примѣчаніями переводчика и рисунками. Спб. 1893. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., XVIII+341 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Зееманнъ, Отто, д-ръ. Миѳологія грековъ и римлянъ. Съ постоянными указаніями на изображеніе божествъ въ искусствѣ для руководства при школьномъ обученіи и самообразованіи. Переводъ подъ ред. В. Гіацинтова съ 3-го нѣмецкаго изданія, пересмотрѣннаго при участіи д-ра Энгельманна. Съ 83 иллюстраціями. Изд. книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1893. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., XII+306 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, съ объяснительными примѣчаніями, подъ ред. Л. Георгіевскаго и С. Манштейна. Гай Юлій Цезарь. Записки о гальской войнѣ. Книга VI. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 31 рисункомъ и картой Галліи. Объяснилъ Н. Наумовъ. Часть I: текстъ. Царское Село. 1892. Тип. В. Безобразова и К° въ С.-Петербургѣ. 8 д., 24 стр.

— Часть II: комментарій. 61 стр.

Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Томъ 5-й. Вып. 2-й. Никій и Крассъ (Дешевая библіотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д. Стр. съ 133 по 262. Ц. 15 к.

Плутархъ. Сравнительныя жизнеопи-

санія. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Томъ 5-й. Вып. 1-й. Кимонъ и Лукулъ (Дешевая библіотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 130 стр. Ц. 15 к.

Поспишиль, А. О. Учебникъ латинскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Часть I. Курсъ 1-го класса. Изд. 4-е. Кіевъ. 1892. Тип. университетская (В. Завадскаго). 8 д., II+62 стр. Ц. 50 к.

Радецкій, С. и **Соколовъ**, В. Римскіе писатели въ біографіяхъ и образцахъ для чтенія и перевода въ среднихъ и старшихъ классахъ. Ч. I. Прозаики. Изд. книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1893. Тип. Яковлева. 8 д., XXX+545 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Собраніе римскихъ и греческихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ, съ примѣчаніями. Платонъ. Вып. 1-й. Апологія Сократа. Введеніе, переводъ и примѣчанія А. Л. Якимаха. Изд. А. Либермана. Спб. 1893. Тип. Я. Либермана. 8 д., 58 стр. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Собраніе римскихъ и греческихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ, съ примѣчаніями. Маркъ Туллій Цицеронъ. Вып. 2-й. Дѣло Верреса. 4-я рѣчь II сессіи. Перевелъ и снабдилъ введеніемъ и примѣчаніями В. Е. Рудаковъ. Изд. А. Я. Либермана. Спб. 1892. Тип. Я. Либермана. 8 д., 89 стр. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Сборникъ статей по классической филологіи. 1892. Вып. IV. (Извлечено изъ журнала М-ства Народн. Просвѣщенія 1892 г.). Спб. 1892. Тип. В. Балашева. 8 д., 127 стр.

Черный, Э. Греческая грамматика гимназическаго курса. Ч. I. Этимологія. Изд. 8-е, исправленное, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1893. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., VIII+243 стр. Ц. 1 р.

— Начальная греческая хрестоматія. Связныя статьи, греческія и русскія, для упражненія въ греческой этимологіи. Для III, IV и V классовъ гимназій. Часть I. Склоненіе именъ и спряженіе правильныхъ глаголовъ на—ω. Изд. 3-е, исправленное, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1893. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., X+162 стр. Ц. 75 к.

Черный, П. Введеніе къ чтенію Вергилія. Странствованія Энея. Подробное изложеніе содержанія Энеиды Вергилія съ обращеніемъ особаго вниманія на художественную сторону этой поэмы. Изд. Н. Башмакова. Казань. 1893. Тип. университетская. 8 д., III+126+2 стр. Ц. 50 к.

Эсхилъ, Прометей въ оковахъ. Драма. Переводъ Л. Н. Дурдуфы. Одесса. 1893. Тип. «Одсскаго Вѣстника». 8 д., 53 стр.

VI. Математика и естествознаніе.

Агаповъ, Д. Подробное рѣшеніе и объясненіе наиболѣе трудныхъ задачъ тригонометріи А. Малинина. Оренбургъ. 1892. Тип. Б. Вреслина. 8 д., 44 стр. и 1 таблица чертежей. Ц. 50 к.

Арнгеймъ, К. Краткій очеркъ математической географіи. Изд. 5-е. К. Риккера. Спб. 1893. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 4 нен.+88 стр. и 1 карта. Ц. 50 коп.

Бооль-фонъ, В. Инструменты и приборы для геометрическаго черченія съ изложеніемъ ихъ теоріи. Изд. московскаго отдѣленія Имп. русскаго техническаго общества. Москва. 1892. Тип. товар. А. А. Левенсонъ. 8 д., 243+4 нен. стр. и 1 таблица чертежей. Ц. 2 р.

Брэмъ, А. Э. Иллюстрированное изданіе «Жизнь животныхъ» со множествомъ политипажей и хромолитографіями; въ 10-ти томахъ. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго, исправл. и дополненнаго изданія подъ ред. К. К. Сентъ-Илера. Томъ II. Вып. 4-й. Спб. Изд. и тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., стр. съ 385 по 512.

— Иллюстрированное изданіе «Жизнь животныхъ» со множествомъ политипажей и хромолитографіями, въ 10-ти томахъ. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго, исправл. и дополн. изданія подъ ред. К. К. Сентъ-Илера. Томъ II. Вып. 5-й. Спб. Изд. и тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., стр. съ 513 по 624.

— Иллюстрированное изданіе «Жизнь животныхъ» со множествомъ политипажей и хромолитографіями, въ 10-ти томахъ. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго, исправл. и дополненнаго изданія подъ ред. К. К. Сентъ-Илера. Томъ II. Вып. 6-й. Спб. Изд. и тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., стр. съ 625 по 730+VIII.

Буженицкій. Г. Записки географіи для мореходныхъ классовъ. Таганрогъ. 1892. Тип. окружная. 8 д., 246 стр.

Гольденбергъ, А. И. Методика начальной ариѳметики. Изд. 8-е. Д. Полубояринова. Спб. 1892. Тип. В. Дрессенъ и К°. 8 д., 192 стр. Ц. 75 к.

Киселевъ, А. Систематическій курсъ ариѳметики. Изд. 6-е книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1893. Тип. М. Волчанинова. 8 д., IV+220 стр. Ц. 75 к.

— Элементарная алгебра. Изд. 4-е, улучшенное, содержащее курсъ классическихъ гимназій и 6-ти классовъ реальныхъ училищъ. Изд. книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1893. Тип. М. Волчанинова. 8 д., VII+287 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Крымскій, Е. Способъ преподаванія ариѳметики въ начальныхъ училищахъ, съ приложеніемъ примѣровъ ариѳметическихъ дѣйствій. Изд. 2-е. Звенигородка. 1893. Тип. Е. Крымскаго. 16 д., 31+20 нен. стр.

Кудрявцевъ, М. Н. Ариѳметика на счетахъ. Изд. 4-е, исправленное и дополненое. Москва. 1892. Тип. Яковлева. 8 д., 76 стр. Ц. 45 к.

Леоновъ, М. Собиратель жуковъ. Съ предисловіемъ М. Л. Песковскаго. Съ 4 хромолитогр. таблицами и 29 рисунками. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 8 д., 55+VI стр.

Мазингъ, К. Сборникъ задачъ по математикѣ, служившихъ во всѣхъ учебныхъ округахъ Россіи для испытанія зрѣлости въ гимназіяхъ и для выпускныхъ экзаменовъ въ реальныхъ училищахъ. Изд. 4-е, дополненное, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1893. Тип. Волчанинова. 8 д., 121 стр. Ц. 35 к.

Некрасовъ, Н. Я. Сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ, въ 2-хъ выпускахъ. Вып. I. Примѣры и задачи на числа первой сотни. Изд. «Русскаго книжн. магазина». Спб. 1893. Тип. Ю. Эрлиха. 8 д., 32 стр. Ц. 10 к.

Сентъ-Илеръ, К. Элементарный курсъ зоологіи съ приложеніемъ задачъ и лѣтнихъ занятій по зоологіи. Изд. XIV. Спб. 1893. Изд. и тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., VIII+II+227 стр. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Цигельманъ, Н. Л. Основныя начала ариѳметики цѣлыхъ и дробныхъ чиселъ. Систематическій конспектъ для повторенія ариѳметики въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изд. 3-е. Одесса. 1893. Тип. Исаковича. 8 д., 96 стр. Ц. 25 к.

Швачка, К. И. Сборникъ математическихъ замѣтокъ. Ч. I. Москва. 1893. Тип. общества распросраненія полезн. книгъ. 8 д., 95 стр. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 35 к.

Шульгинъ, Г. И. Сферическая геометрія и сферическая тригонометрія. Сост. для воспитанниковъ морскаго кадетскаго корпуса. Спб. 1893. Тип. Морскаго М-ства. 8 д., 5 нен.+144 стр.

VII. Исторія.

Беккеръ, К. Ф. Древняя исторія, вновь обработанная В. Мюллеромъ. Съ 301 рисункомъ, 4 нераскраш. и 2 раскрашенными картами. Часть 3-я. Спб. 1893. Изд. и тип. А. Суворина. 8 д., 203+VIII стр. Ц. 1 р. 50 к.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Переводъ со 2-го изданія, пересмотрѣннаго и доконченнаго послѣ смерти автора докт. Фридрихомъ Веберомъ. Томъ 15-й, часть 2-я. Съ портретомъ автора. Переводъ В. Невѣдомскаго. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1893. Тип. В. Рихтера. 8 д., IX+729+XXVII стр. Ц. 5 р.

Виноградовъ, Павелъ, проф. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть I. Древній міръ. (Книжн. магазинъ И. Дейбнера). Москва. 1893. Тип. С. Яковлева. 8 д., VI+196 стр. Ц. 60 к.

Ивановъ, К. А. Краткая отечественная исторія. Изд. Г. Эйленберга-Пуцита. Рига. 1893. Тип. А. Гротуса. 8 д., 80 стр.

Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. (Пособіе для изученія военной исторіи въ военныхъ училищахъ). Составленный ген.-маіорами: Дубровинымъ и Куропаткинымъ, полковниками: Гудимъ - Левковичемъ, Сухотинымъ и Пузыревскимъ. Подъ общею ред. ген.-лейт. Леера. Часть I. Изд. 2-е В. Березовскаго. Спб. 1893. Тип. Тренке и Фюсно. 8 д., X+270 стр. и карты. Ц. 4 р.

Сальниковъ, А. Н. Краткій учебникъ русской исторіи въ біографическихъ очеркахъ. (Курсъ младшаго возраста). Изд. книгопр. В. Губинскаго. Спб. 1893. Тип. В. Тиханова. 8 д., VII+138 стр. Ц. 50 к.

VIII. Новые языки.

Виво-де, Д. Словарь итальянско-русскій. Часть 1-я. A—Mediano. Одесса. 1893. Тип. А. Шульце. 8 д., 384 стр. Ц. 3 р.

Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для клас-

снаго и домашняго чтенія. Деревня. Комедія въ одномъ дѣйствіи Октава Фелье. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ В. С. Игнатовичъ. Изд. С. А. Манштейна. Спб. 1893. Тип. В. Безобразова и К°. 16 д., 51+31 стр. Ц. 30 к.

Избранные нѣмецкіе писатели для школъ, съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ Ѳ. А. Андерсона. Die Jungfrau von Orleans. Eine romantische Tragödie, von F. Schiller. Спб. 1893. Тип. В. Дрессена и К°. XIV+207 стр.

Месковскій, Ал. Образцовый самоучитель нѣмецкаго языка. Съ указаніемъ способовъ усвоенія чистаго нѣмецкаго произношенія и соблюденіемъ новаго упрощеннаго нѣмецкаго правописанія. Состав. для русскихъ по новѣйшей американской системѣ Р. С. Розенталя и М. Е. Розенталя. Вып. 10-й. Съ приложеніемъ ключа. Спб. 1893. Тип. А. Пожаровой. 8 д., стр. съ 217 по 241+22.

Новая практическая метода къ легкому и скорому изученію нѣмецкаго языка, составленная по руководству д-ра Ана. Первый курсъ. Изд. 8-е, значит. дополненное, А. Лесмана. Варшава. 1893. Тип. С. Оргельбранда сыновей. 8 д., 112 стр.

Рѣдкинъ, А. Самоучитель нѣмецкаго языка для взрослыхъ. Состав. по методѣ Туссэна и Лангеншейдта. Вып. 16-й. Спб. Тип. академіи наукъ. 8 д., стр. съ 473 по 498.

Шалландъ, А. Французская грамматика для среднихъ и высшихъ классовъ учебныхъ заведеній. Часть 2-я. Синтаксисъ. Изд. 4-е. Спб. 1893. Тип. И. Скороходова. 8 д., 94 стр. Ц. 45 к.

IX. Музыка, рисованіе, предметы профессіональнаго обученія.

Аренскій, А., проф. Руководство къ изученію формъ инструментальной и вокальной музыки. Москва. 1893. Нотопечатня П. Юргенсона. 8 д., 53 стр. Ц. 1 р.

Волковскій, В. Ѳ. Сборникъ хоровъ для низшихъ учебныхъ заведеній. Изд. книжно-музык. магазина Стракуна въ Вильнѣ. Лит. С. Николаева и К° въ Спб. 4 д., 54 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Гроссъ, Н. Пособіе для обученія пѣнію въ школахъ. (Примѣнительно къ программѣ, выработанной коммиссіею преподавателей пѣнія при Одесской 2-й прогимназіи). Тетрадь I. Одесса. 1893. Тип. Г. Бекеля. 8 д., 9 стр.

Кочетова, Ольга. Краткая практическая перспектива для начинающихъ. Съ 81-мъ чортежемъ на отдѣльныхъ таблицахъ. Спб. 1893. Тип. В. Штейна. 8 д., VI+46 стр. и V таблицъ. 75 к.

Мареничъ, Григорій, проф. Пѣсни для школы, дѣтскія и народныя, на одинъ и на два голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Изд. 3-е. Спб. 1893. Лит. Г. Шмидта. 8 д., 116 стр. Ц. 80 к.

X. Книги для дѣтей, юношества и народа.

Алтаевъ, А. (псевдонимъ). Сдѣлайте сами! Зимнія занятія дѣтей (2-я безплатная премія журнала «Игрушечка» за 1892 г.). Спб. 1892. Тип. Б. Вольфа. 16 д., 123 стр.

Алыя губки. Легкіе разсказы для дѣтей М. Плещеевой и легкіе стишки К. Льдова. Съ 7-ю акварельными рисунками Э. Гардингъ и 31-й иллюстраціей въ текстѣ. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д., 32 стр.

Андрей ротозѣй и 5 затѣй его друзей. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д., 12 стр.

— Басни И. А. Крылова и другихъ. Съ политипажами. Москва. 1893. Тип. Трауготъ и К°. 8 д., 63 стр.

Бахметева. А. Н. Крѣпость. Разсказъ для дѣтей. Изд. 2-е А. Ступина, съ картинками. (Библіотечка Ступина). Москва. 1893. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 16 д., 32 стр. Ц. 10 к.

Бернетъ, Франдискъ. Маленькій лордъ Фонтлерой. Переводъ съ англійскаго С. Долгова. Съ рисунками. Р. Берча. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Москва. 1893. Тип. И. Сытина и К°. 8 д., 288 стр.

Бостремъ. Подружка. Книжка для маленкихъ дѣтей. Съ 130 картинками. Изд. Ф. Павленковъ. Спб. Тип. Ю. Эрлиха. 8 д., II+165 стр. Ц. 76 к.

Б...тъ, Е. Мишуткинъ сонъ. (Святочный разсказъ). Москва. 1893. Тип. общества распространенія полезныхъ книгъ. 8 д., 31 стр.

Былинка. Вып. IV. Изд. товар. А. И. Абрикосова сыновей. Москва. 1893. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 16 д., 32 стр.

Васильевъ, М. Гурьбой. Разсказы и сказки для маленькихъ дѣтей. Съ 25-ю рисунками въ текстѣ. Изд. М. Клюкина. Спб. 1893. Тип. А. Вольфа. 8 д., 84 стр.

Василій Ивановичъ. Разсказъ для солдатъ. Изд. В. Березовскаго. Спб. Тип. Тренке и Фюсно. 16 д., 16 стр. Ц. 5 коп.

Вернъ, Жюль. Полное собраніе сочиненій. Томъ IV. Вып. 11. Гекторъ Сервадакъ. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д., стр. съ 81 по 88.

— Вып. 12. Стр. съ 89 по 96.

— Полное собраніе сочиненій. Томъ IV. Вып. 13. Гекторъ Сервадакъ. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д., стр. съ 97 по 104.

Волкъ. Эпизодъ изъ Варѳоломеевской ночи. Повѣсть для юношества. (Съ англійскаго). Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1893. Изд. и тип. А. Суворина. 8 д., 155 стр.

Гаршинъ, Всеволодъ. Медвѣди. Рисунки Ел. Бемъ. Москва. 1893. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 16 стр.

— Сигналъ. Разсказъ. Москва. 1893. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 17 стр.

Гриммъ, Избранныя сказки. Съ раскрашенными картинами. Изд. «Народной библіотеки» В. Маракуева. Москва. 1893. Тип. Д. Бончъ-Бруевича. 8 д., 272 стр.

Диккенсъ, Чарльзъ. Сочиненія. Полное собраніе. Томъ 4-й. Крошка Доррить. Переводъ М. А. Шишмаревой. Большія ожиданія. Переводъ М. А. Шишмаревой и М. Д. Никоновой. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1893. Тип. Ю. Эрлиха и товар. «Общественная польза». 8 д., 4 нен.+1.094 стр. столб. Ц. 1 р. 50 коп.

Ергольская, М. Въ деревнѣ. Дѣтская книга. Съ рисунками. Изд. 2-е, книгопр. А. Ступина. Москва. 1892. Тип. В. Гатцука (Д. Чернышевскаго). 8 д., 170 стр. Ц. 1 р.

— Маленькимъ дѣтямъ. Разсказы для дѣтей отъ 4-хъ до 8-ми лѣтъ. Съ рисунками. Изд. 6-е книгопр. А. Ступина. Москва. 1893. Тип. В. Гатцука (Д. Чернышевскаго). 8 д., 86 стр. Ц. 65 коп.

Ефимовъ, А. Ѳ. Дядинъ подарокъ. Разсказъ для дѣтей. Москва. 1893. Изд. и тип. общества распространенія полезн. книгъ. 8 д., 55 стр. Ц. 30 коп.

Засодимскій, П. Легенды. (I. Графъ Борегаръ и Агнеса Тусенель. II. Невѣдомый страдалецъ). Изд. М. Клюкина. Спб. 1893. Тип. Яздовскаго и К°. 8 д., 131 стр. Ц. 60 коп.

Зимніе вечера. Игры, фокусы и загадки. (Книга для дѣтей). Съ рисунками. Москва. 1893. Тип. В. Трауготъ и К°. 8 д., 47 стр.

Золотая рыбка. Народная сказка А. С. Пушкина, передѣланная для дѣтскаго театра В. Яковлевымъ, съ пѣніемъ, танцами и превращеніями, въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 4-хъ картинахъ съ апоѳеозомъ. (Русскій дѣтскій театръ В. Я. Я. Вып. 1-й). Изд. В. Бенуа. Спб. 1892. Тип. М-ства Внутр. Дѣлъ. 8 д., 18 стр. Ц. 20 коп.

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта, въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой. Обрученные. Съ 14 рисунками. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1893. Тип. товар. «Обществ. польза» и Ю. Эрлиха. 8 д., 96 стр. Ц. 40 коп.

Какъ и изъ чего приготовляется стекло. Чтеніе для народа (съ приложеніемъ къ тексту объяснительныхъ чертежей). Изд. Кирилло-Меѳодіевскаго книжн. склада при Одесскомъ славянскомъ обществѣ. Одесса. 1893. Тип. «Одесскаго Вѣстника». 8 д., 16 стр.

Кандезъ, Э. Несчастливцы. Разсказъ для дѣтей изъ жизни насѣкомыхъ. Съ 65 рисунками. Переводъ съ французскаго В. И. Писаревой. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1893. Тип. товар. «Общественная польза». 8 д., 230 стр. Ц. 1 р. 25 коп.

Клангъ, И. Три царства природы. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній для дѣтей. (Съ рисунками). Москва. 1893. Тип. В. Трауготъ и К°. 8 д., 63 стр.

Книжка для чтенія инородцамъ. (Съ обозначеніемъ удареній). Изд. Православнаго миссіонерскаго общества. Казань. 1892. Тип. университетская. 16 д., 64 стр. Ц. 8 коп.

Красный сарафанчикъ. Разсказъ для дѣтей. Изд. 2-е. А. Ступина. Съ рисунками М. Нестерова. (Библіотечка Ступина). Москва. 1893. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 16 д., 32 стр. Ц. 10 коп.

Кругловъ, А. В. Картины русской жизни. Разсказы для юношества. Съ рисунками Т. Никитина и Л. Бакста. Спб. 1892. Тип. В. Киршбаума. 8 д., 135 стр.

Лялина, М. А. Братишки и сестренки. Разсказы для дѣтей. Съ 8-ю акварельными рисунками Э. Гардингъ и 24-мя иллюстраціями въ текстѣ. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д., 28 стр.

— Маменькины разсказы. Разсказы для маленькихъ дѣтей. (По Фр. Гофману). Изд. 4-е. Ф. Битепажа. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 191 стр.

Мунтъ-Валуева, А. П. Христофоръ Колумбъ. (Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ). Изд. М. Ледерле и К°. Спб. 1892. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 108 стр., 1 портретъ и 1 карта. Ц. 30 коп., съ перес. 40 коп.

Олькотъ, Л. Библіотека Лулу. 8 разсказовъ для дѣтей младшаго возраста. Перев. съ англійскаго О. Бутеневой. Спб. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., 204 стр. Ц. 1 р.

Пестрая книжка. Разсказы для маленькихъ дѣтей по Фр. Гофману. Изд. 4-е, книгопр. Ф. Битепажа. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 204 стр.

Подарки Новаго года. Посвященіе маленькимъ друзьямъ моимъ: Тонѣ, Алюнѣ, Володѣ и Адунѣ. Кіевъ. 1892. Тип. Г. Францкевича. 8 д., 15 стр.

Полевой, П. Н. Историческіе разсказы и повѣсти. Съ 65 оригинальными рисунками и виньетками К. Лебедева. Спб. Изд. и тип. А. Маркса. 8 д., 472 стр. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 80 к.

Поливанова, Е. Находка. Разсказъ для дѣтей. Москва. 1893. Изд. и тип. общества распространенія полезн. книгъ. 8 д., 35 стр. Ц. 25 коп.

— Три разсказа. Москва. 1893. Изд. и тип. общества распространенія полезн. книгъ. 16 д., 62 стр. Ц. 15 коп.

Полушинъ, Н. А. Василиса Марковна или «Правда и въ сарафанѣ сильна». Сцены изъ деревенской жизни. (Для народнаго театра). Москва. 1893. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр.

Рейнботъ, Е. Что такое соль и гдѣ ее берутъ. Изъ народныхъ чтеній Высочайше утвержденной коммиссіи. Изд. 3-е, М. Ледерле и К°. Спб. 1893. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 24 стр. Ц. 10 коп.

Рождественскій, С. О Петрѣ Великомъ. Два чтенія. Съ 3-мя картинками. Изд. 6-е учрежденной по Высочайшему повелѣнію Министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній. Спб. 1892. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., 77 стр. Ц. 15 коп.

Розальонъ-Сошальская, А. К. Книга для дѣтей. I. Оригинальные разсказы. Съ 32 рисунками, исполненными извѣстными русскими художниками. Спб. 1893. Тип. Б. Вольфа. 8 д., 72 стр.

— Книга II. Съ 30 рисунками. 80 стр.

— На Рождество. Для дѣтей сборникъ оригинальныхъ разсказовъ. Съ 62 рисунками въ исполн. извѣстн. русск. художн. Спб. 1893. Тип. Б. Вольфа. 8 д., 152 стр.

Сиповскій, В. Д. Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ. (Съ IX по XIV ст.). (Въ помощь учащимся). 147 политипажныхъ изображеній въ текстѣ и 4 на отдѣльныхъ листахъ. Изд. 4-е, Д. Полубояринова. Спб. 1893. Тип. В. Дрессенъ и К°. 8 д., VI+239+VII стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Старожевскій, В. Н. Для дѣтской сцены. (I. Квартирантъ, вод. въ 1-мъ дѣйствіи. II. Переполохъ въ сельской школѣ, вод. въ 1-мъ дѣйствіи). Баку. 1892. Тип. I. Гуревича. 16 д., 47 стр.

Таращенко, А. Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки, въ переводѣ Галлана и др. Съ предисловіемъ и біографіей Галлана, съ прологомъ и эпилогомъ. Съ 8-ю хромолитографированными картинами, рис. художникомъ Н. И. Каткинымъ. Изд. 2-е. Москва. 1893. Тип. В. Трауготъ и К° и литогр. общ. распр. полезныхъ книгъ. 8 д., 395 стр.

Твенъ, Маркъ. (Клеменсъ, Самуэль). Приключенія Тома. Съ 109 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго. Изд. 2-е. Спб. 1892. Изд. и тип. А. Суворина. 8 д. IV+352 стр.

Тихомировъ, Д. И. Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Часть 1-я. Древняя Россія. Изд. магазина «Начальная школа». Москва. 1893. Тип. А. Кольчугина. 8 д., VIII+258 стр.

— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Часть 2-я. Новая Россія. Изд. магазина «Начальная школа». Москва. 1893. Тип. М. Волчанинова. 8 д., II+176 стр.

Три клада или Никита и его дочери. Изд. В. И. (Правда). Москва 1893. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 53 стр.

Три сказки. О бѣломъ ягненкѣ. О голодной воронѣ. (Для дѣтей). Объ Иванѣ лежебокѣ. (Для народа). Изд. книгопр. Е. Губанова. Москва. 1893. Тип. И. Полякова. 16 д., 90 стр.

Черчъ, А., проф. Двѣ тысячи лѣтъ назадъ, или приключенія молодаго римлянина. Переводъ съ англійскаго. Съ рисунками. Спб. 1893. Изд. и тип. А. Суворина. 8 д., 335 стр.

Шимановскій, В. Садъ крестьянина. Съ рисунками. Изд. учебнаго магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва. 1892. Тип. П. Васильева. 8 д., 62 стр. Ц. 12 к.

Шмидтъ, О. И. Галя. Разсказъ. Москва. 1893. Тип. И. Полякова. 16 д., 36 стр.

Шмидтъ, С. А. Совѣсть убила. (Московскій комитетъ грамотности при Имп. общ. сельск. хозяйства). Москва. 1893. Тип. И. Сытина и К°. 16 д. 53 стр.

Шмидтъ, О. И. Первое горе. Разсказъ для дѣтей Съ 10 рисунками бар. М. П. Клодта. Изд. 2-е. М. Ледерле и К°. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 55 стр.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Два чтенія. (Чтеніе первое—1). До казанскаго взятія. 2) Покореніе Казани и Астрахани. Чтеніе второе—Завоеваніе Сибири). Съ портретомъ. Изд. учрежденной по Высочайшему повелѣнію Министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній. Спб. 1892. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., 59 стр. Ц. 10 к.

Успенскій, Г. И. Четыре разсказа. (Не знаешь, гдѣ найдешь. Простое слово. Памятливый. Переселенческіе поселки). Москва. 1893. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 126 стр.

Фаррарь, Тьма и разсвѣтъ. Историческій романъ временъ Нерона. Въ 3-хъ частяхъ. (Для юношества). Съ англійскаго. Изд. журнала «Міръ Божій». Спб. 1892. Тип. И. Скороходова. 8 д., 372 стр. Ц. 1 р.

Филипповъ, Н. Н. Святой Стефанъ, епископъ пермскій. Историческій разсказъ. Съ 1 рисункомъ. (Чтеніе для дѣтей и для народа). Изд. М. Клюкина. Спб. 1893. Тип. С. Яздовскаго. 8 д., 15 стр. Ц. 3 коп.

Феоктистовъ, Ив. Моя мама. Картинки изъ жизни маленькаго ребенка. Съ 14 рисунками барона М. П. Клодта. Изд. М. Ледерле и К°. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 61 стр.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ

НА 1893 ГОДЪ.

Въ наступающемъ 1893 г. *Варшавскій Дневникъ* будетъ выходить по утрамъ ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ, кромѣ слѣдующихъ за двунадесятыми праздниками и нѣкоторыми табельными днями—въ количествѣ **345 нумеровъ въ годъ.**

Подписная цѣна, при значительно расширенномъ размѣрѣ газеты, остается прежняя, а именно:

Въ Варшавѣ:			Съ пересылкою:		
На годъ	9 руб.	60 коп.	На годъ	12 руб.	— коп.
» полгода	4 »	80 »	» полгода	6 »	— »
» три мѣсяца	2 »	40 »	» три мѣсяца	3 »	— »
» мѣсяцъ	— »	80 »	» мѣсяцъ	1 »	— »

За границу (подъ бандеролью): на годъ—15 руб. (20 гульд. или 40 франк.), полгода — 8 руб. (10 гульд., 20 франк.), три мѣсяца—4 руб. 50 коп. (5 гульд. 10 франк.), мѣсяцъ — 1 руб. 60 коп.

Въ числѣ литературнаго матеріала на будущій годъ редакція имѣетъ въ виду слѣдующія статьи: 1) Австро-польское Entente cordiale; 2) Роль католическаго духовенства въ возстаніи 1861—64 годовъ; 3) Подпольная литература послѣдняго польскаго мятежа; 4) «По Галичинѣ», путевыя замѣтки; 5) Верховный уголовный судъ надъ участниками мятежа 1830—31 годовъ; 6) О русскомъ землевладѣніи въ Привислинскомъ краѣ; 7) Положеніе фабричныхъ рабочихъ въ Привислинскомъ краѣ; 8) Нѣсколько беллетристическихъ разсказовъ и этнографическихъ, путевыхъ очерковъ Вс. Крестовскаго.

Что касается до направленія газеты подъ новою редакціей, то таковое изложено во вступительной статьѣ № 221 *Варшавскаго Дневника*, изъ коей напоминаемъ теперь главнѣйшія наши основоположенія:

1) Точка зрѣнія наша, съ которой мы относимся ко всѣмъ вообще явленіямъ мѣстной жизни, это — *русскіе государственные интересы*, при неуклонномъ служеніи имъ словомъ и дѣломъ.

2) Никакой племенной или иного рода ненависти къ полякамъ; желаніе краю, какъ странѣ славянской, всякаго процвѣтанія подъ крѣпкою сѣнію русской государственной власти и въ нравственномъ единеніи съ великимъ русскимъ народомъ, что̀, по нашему глубокому убѣжденію, ни мало не препятствуетъ нашимъ полякамъ не только сохранять свои религіозныя, національныя, этнографическія и культурныя особенности, но и даетъ возможность преслѣдовать ихъ дальнѣйшее развитіе, на общее ихъ и наше благо.

3) Поэтому всякое явленіе мѣстной жизни въ области культуры, въ сферѣ экономическихъ, общественныхъ и иныхъ интересовъ — *по скольку оно будетъ согласуемо съ русскими государственными интересами* — всегда встрѣтитъ съ на-

шей стороны полное сочувствіе и поддержку. И наоборотъ:—всякое явленіе, не только идущее въ разрѣзъ этимъ послѣднимъ интересамъ, но и малѣйшее имъ противорѣчащее, или обнаруживающее тенденцію явнаго или тайного отклоненія отъ сихъ интересовъ во враждебную имъ сторону, будетъ нами немедленно разоблачаемо и преслѣдуемо честнымъ путемъ печатнаго слова.

4) Вполнѣ искреннее желаніе и надежда додуматься и договориться съ благоразумною частію польскаго общества относительно взаимнаго, сноснаго и безобиднаго для обѣихъ сторонъ «*modus vivendi*».

5) Поэтому мы предпочитаемъ спокойное и взаимно безпристрастное обсужденіе нашихъ «больныхъ» вопросовъ. Если-же окажется необходимою полемика, то съ нашей стороны таковая будетъ безъ грубостей, личностей и инсинуацій. Нашъ принципъ — открытый, честный бой, но не инсинуація противъ кого-бы то ни было.

6) Отношеніе наше къ еврейскому вопросу, по скольку дѣло касается эксплоатаціи еврействомъ христіанскихъ элементовъ населенія,—безусловно-враждебное.

Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи (Варшава, Медовая, № 20), а также въ книжныхъ магазинахъ **Н. П. Карбасникова** въ С.-Петербургѣ, Литейный пр., № 48, въ Москвѣ, Моховая, д. Коха, и въ Варшавѣ, Новый Свѣтъ, № 65.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ

въ 1893 году.

(31-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовѣ: На годъ **7** руб., 11 мѣс. **6** руб. **50** коп., 10 мѣс. **6** руб., 9 мѣс. **5** р. **50** к., 8 мѣс. **5** р., 7 мѣс. **4** р. **50** к., 6 мѣс. **4** р., 5 мѣс. **3** р. **50** к., 4 мѣс. **3** р., 3 мѣс. **2** р. **50** к., 2 мѣс. **2** р., 1 мѣс. **1** руб.

Съ пересылкою въ другіе города: На годъ **8** р., 11 мѣс. **7** р., 10 мѣс. **6** р. **50** к., 9 мѣс. **6** р., 8 мѣс. **5** р. **50** к., 7 мѣс. **5** р., 6 мѣс. **4** р. **50** к., 5 мѣс. **4** р., 4 мѣс. **3** р. **50** к., 3 мѣс. **3** р., 2 мѣс. **2** р. **40** к., 1 мѣс. **1** р. **20** к.

За границу на годъ 14 руо.

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ редакція допускаетъ *разсрочку* подписной платы для *годовыхъ подписчиковъ* какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ: первые вносятъ: при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 руб. и 1-го мая 2 руб.; иногородные — при подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, д. Онезорге, и Вольскѣ у Ивана Федоровича Волкова.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ первые три раза 20 коп. за строку, въ послѣдующіе разы по 15 коп.; на 3-й и 4-й—первые три раза по 7 к., а послѣдующіе разы—по 5 коп. Годовыя объявленія пользуются особой уступкой. Объявленія изъ-за границы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, *кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и приволжскихъ губерній*, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій бывш. Метцль, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Спиридонова. Для этихъ объявленій такса: на 1-й страницѣ 20 коп. и послѣ текста 10 коп. за строку петита.

Редакторъ-издатель *П. О. Лебедевъ.*

3—3 Издатель *И. П. Горизонтовъ.*

С.-Петербургѣ, Пантелеймонская ул., 2, и у книгопродавцевъ. Гг. иногородніе благоволятъ обращаться предпочтительно въ Редакцію.

Всѣмъ подписчикамъ по заявленію высылается „Указатель статей“, помѣщенныхъ въ „Запискахъ“ за года 1867—1888.

Цѣна съ доставкой и пересылкой „Записокъ“ за прежніе года съ 1867—1887—**4** р. за годъ и 1 р. за отдѣльный выпускъ,—за 1889—91 г.—8 р. за годъ и 2 р. за отдѣльный выпускъ. За 19 лѣтъ: 1867, 1869—1883, 1886, 1887—**70** р.,—а для школьныхъ библіотекъ, согласно постановленію Совѣта Императорскаго Русскаго Техническаго Общества,—**40** р. За года 1868, 1884, 1885 и 1888 „Записки“ всѣ разошлись.

Объявленія принимаются по 10 р. за страницу и 5 р. за полъ-страницы. За *годовыя* объявленія плата значительно понижается, а именно:

За ½ страницы . . . . **20** руб.
За 1 страницу . . . . **30** руб.
За 2 страницы . . . . **50** руб.

4—3. Спеціальный редакторъ **А. Васильевъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

общественной жизни, политики, литературы, промышленности и торговли

„КУРСКІЙ ЛИСТОКЪ“

НА 1893 ГОДЪ

(15-й годъ изданія).

Выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ пересылкою и доставкою: за 12 м.—5 р., 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 25 к., 2 м.—1 р., 1 м.—60 к.

Безъ доставки: на 12 м.—4 р., на 6 м.—2 р., на 3 м.—1 р.

Отдѣльные №№ „Курскаго Листка“ — 5 к. Подписка принимается съ 1 чис. каждаго мѣсяца.

Курскъ, Можаевская улица, домъ Фесенко, а также въ отдѣленіяхъ конторы въ уѣздныхъ городахъ Курской губерніи.

3—3.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ

ПОЛИТИКО-ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА

„ВОЛГАРЬ"

издается въ Нижнемъ-Новгородѣ, подъ редакціею **С. И. Жукова**.

Воскресные №№ «Волгаря» (во время Нижегородской ярмарки, въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ) выходятъ **съ иллюстраціями**.

ПРОГРАММА „ВОЛГАРЯ":

1) **ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ** по вопросамъ внутреннимъ и политическимъ.

2) **ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ**. Правительственныя распоряженія общія и относящіяся къ Поволжью; распоряженія судоходнаго начальства, фабричной инспекціи и проч.; назначенія по службѣ, переводы и награды по административному и общественному управленію въ губерніяхъ: Нижегородской, Ярославской, Тверской, Владимірской, Казанской, Костромской, Симбирской, Самарской, Саратовской и др.

3) **ПОСЛѢДНЯЯ ПОЧТА**. Послѣднія телеграфныя извѣстія заграничныхъ газетъ и выдержки изъ спеціальныхъ корреспонденцій русскихъ газетъ.

4) **ТЕЛЕГРАММЫ** внутреннія и заграничныя, отъ спеціальныхъ корреспондентовъ и отъ «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства».

5) **МѢСТНАЯ ХРОНИКА**. Извѣстія изъ общественной и административной жизни Нижняго-Новгорода и Нижегородской губерніи, новости городскія, земскія, мѣстныя происшествія и проч.

6) **ОБО ВСЕМЪ**. Статьи легкаго содержанія изъ городской жизни Нижняго-Новгорода.

7) **ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ** Повѣсти, разсказы и стихотворенія, оригинальныя и переводныя. Еженедѣльный обзоръ новинокъ русской литературы.

8) **ПОВОЛЖСКІЯ ВѢСТИ**. Корреспонденціи изъ городовъ Поволжья и изъ сосѣднихъ губерній о выдающихся явленіяхъ и происшествіяхъ.

9) **ПО РОДНЫМЪ ПАЛЕСТИНАМЪ**.—Фельетонныя статьи изъ жизни городовъ Поволжья.

10) **ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ**. Административныя новости изъ Петербурга, имѣющія общегосударственный интересъ, а также и сообщенія о выдающихся событіяхъ Петербурга, Москвы и другихъ городовъ Россіи.

11) **НАБЛЮДЕНІЯ и ЗАМѢТКИ**. Фельетонныя статьи и замѣтки обо всемъ.

12) **ТЕАТРЪ И МУЗЫКА**.—Рецензіи и замѣтки о концертахъ и спектакляхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, извѣстія объ артистическихъ поѣздкахъ по Волгѣ столичныхъ и провинціальныхъ труппъ, и вообще изъ жизни поволжскихъ театровъ.

13) **БѢГА И СКАЧКИ**.—Замѣтки о дѣятельности обществъ конскаго бѣга, о состязаніяхъ на бѣговыхъ ипподромахъ въ городахъ Поволжья и пр.

14) **НАУКА И ИСКУССТВО**.—Отчеты и замѣтки о публичныхъ засѣданіяхъ нижегородскихъ и иногороднихъ ученыхъ обществъ, о трудахъ научныхъ изслѣдователей, объ усовершенствованіяхъ въ пароходствѣ и волжскомъ судостроеніи, о разнаго рода изобрѣтеніяхъ.

15) **ИЗЪ ПРОШЛАГО**. Статьи и сообщенія, относящіяся къ историческому прошлому Поволжскаго края и т. п.

16) **СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.** — Отчеты о выдающихся процессахъ мѣстныхъ и иногороднихъ, уголовныхъ и гражданскихъ, новости изъ судебнаго міра и проч.

17) **СМѢСЬ.** Мелочи, курьезы, анекдоты и т. п.

18) **ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.** Разнаго рода иностранныя извѣстія, отзывы иностранныхъ газетъ о Россіи, политическія статьи иностранной прессы о выдающихся заграничныхъ происшествіяхъ и проч.

19) **ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.** Полезныя сообщенія частныхъ лицъ, имѣющія общественный интересъ, полемическія статьи и проч.

20) **БИРЖЕВОЙ ОТДѢЛЪ.** Ежедневные отчеты о хлѣбныхъ, поставочныхъ и всякихъ товарныхъ сдѣлкахъ на нижегородской биржѣ; торговыя корреспонденціи съ пристаней: Волги, Камы, Оки, Суры, Вятки, Бѣлой и ихъ притоковъ; телеграфныя извѣстія о состояніи уровня воды на перекатахъ; свѣдѣнія о количествѣ заготовки хлѣба на пристаняхъ, о положеніи волжскаго судоходства и т. п. Телеграфныя извѣстія два раза въ недѣлю съ С.-Петербургской биржи, о цѣнахъ на процентныя бумаги, о цѣнахъ на хлѣбъ и прочіе биржевые товары.

21) **СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.** О движеніи почтъ въ Поволжскомъ краѣ въ лѣтнее и зимнее время, о желѣзнодорожныхъ сообщеніяхъ, о поволжскихъ лечебныхъ курортахъ, о мѣстныхъ выставкахъ, конкурсахъ и т. п.

22) Объявленія.

Въ литературномъ отдѣлѣ «Волгаря» принимаетъ участіе кружокъ мѣстныхъ и иногороднихъ писателей. Кромѣ того въ газетѣ помѣщаются переводныя произведенія иностранной литературы.

Въ биржевомъ отдѣлѣ печатаются многочисленныя торговыя корреспонденціи съ хлѣбныхъ пристаней. Но, имѣя въ виду развитіе этого отдѣла, редакція пригласила на 1893 годъ еще до 15-ти новыхъ корреспондентовъ съ главныхъ хлѣбныхъ пристаней Волги, Камы, Бѣлой, Вятки, Суры и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на газету „ВОЛГАРЬ" на 1893 г.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
ВЪ Н.-НОВГОРОДѢ. .	7 р.	6—50	6 р.	5—50	5 р.	4—50	4 р.	3—50	3 р.	2—50	1--75	1 р.
ИНОГОРОДНИМЪ. . .	8 р.	7—50	7 р.	6—50	6 р.	5—50	5 р.	4—50	4 р.	3—50	2--75	1—50

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ **НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ**: 1) въ конторѣ редакціи «Волгаря», на Мал. Покровск. ул.
» » 2) » Рождественскомъ газетномъ кіоскѣ, на Нижн. базарѣ.

Кромѣ того подписка принимается: въ **Петербургѣ**, въ магазинѣ «Новаго Времени»; въ **Москвѣ**, въ конторѣ Печковской; въ **Твери**, въ конторѣ редакціи «Листка Объявленій»; въ **Рыбинскѣ**, въ биржевой библіотекѣ; въ **Ярославлѣ**, нотный и музыкальный магазинъ А. Т. Наумова; въ **Костромѣ**, книжный магазинъ А. И. Бекенева; въ **Владимірѣ-губернскомъ**, книжный магазинъ И. П. Иванова; въ **Муромѣ**, газетная торговля Н. П. Мошенцова; въ **Иваново-Вознесенскѣ**, у А. И. Татаринова; въ **Арзамасѣ**, у Ф. А. Колесова; въ **Казани**, въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Башмакова, Воскресенская ул.; въ **Самарѣ**, книжный магазинъ Н. М. Федорова; въ **Саратовѣ**, книжный магазинъ Воронкова; въ **Астрахани**, у Григорія Петровича Смирнова, въ биржѣ или набережная, д. Смирнова.

Кромѣ того, пріемъ подписки и объявленій на «ВОЛГАРЬ»—въ Ярославлѣ, въ газетномъ кіоскѣ, на театральной площади. 2—3.

Редакторъ-Издатель «Волгаря» **СЕРГѢЙ ЖУКОВЪ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 6-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1893 ГОДА, ВЪ Г. ХАРЬКОВѢ,

„ГОРНО-ЗАВОДСКАГО ЛИСТКА".

Изданіе двухъ-недѣльное, выходитъ два раза въ мѣсяцъ, въ объемѣ отъ 1 до 2 печатныхъ листовъ.

«Горно-Заводскій Листокъ» издается при участіи Редакціоннаго Комитета, состоящаго изъ Гг. Горныхъ Инженеровъ: Н. С. Авдакова, А. А. Ауэрбаха, Д. И. Иловайскаго, В. Н. Курбановскаго, Н. Н. Летуновскаго, А. Ф. Мевіуса, А. В. Миненкова, И. А. Стемпковскаго, С. Н. Сучкова, Е. Н. Таскина и О. М. Шена, по нижеслѣдующей программѣ:

1. Правительственныя распоряженія.

2. Отдѣлъ научный. Статьи, свѣдѣнія и замѣтки по всѣмъ научнымъ предметамъ, имѣющимъ приложеніе къ горному и заводскому дѣлу. Горное образованіе и обученіе.

3. Отдѣлъ горный. Статьи, свѣдѣнія и замѣтки по всѣмъ отраслямъ горнаго дѣла и въ особенности по разработкѣ полезныхъ ископаемыхъ.

4. Отдѣлъ заводскій. Статьи, свѣдѣнія и замѣтки по всѣмъ вопросамъ заводскаго дѣла.

5. Отдѣлъ экономическій. Горное законодательство, горное хозяйство и статистика. Разработка условій, вліяющихъ на развитіе горной и заводской промышленности и въ особенности соляной, желѣзной и нефтяной.

6. Обзоръ русскихъ и иностранныхъ журналовъ по всѣмъ отраслямъ горнаго и заводскаго дѣла. Критика и библіографія.

7. Корреспонденціи изъ разныхъ Горнозаводскихъ Округовъ о состояніи горнаго промысла.

8. Мѣстныя извѣстія, до Южной Русской горной промышленности относящіяся.

9. Разныя извѣстія, смѣсь, справки по горно-заводскому дѣлу, чертежи, планы, рисунки, объявленія.

Подписка на изданіе принимается въ г. Харьковѣ, въ конторѣ Редакціи Дмитріевская, № 7-й), въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ Коммиссіонеровъ Казенныхъ Горныхъ Заводовъ (Большая Морская, д. № 15), и въ ихъ иногороднихъ конторахъ: въ Варшавѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Екатеринбургѣ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ . . . . **6** рублей.
На $^1/_2$ года. . . . . **4** рубля.

Для гг. Студентовъ Горнаго Института и Штейгерскихъ школъ допускается плата въ разсрочку по третямъ.

Во всѣхъ указанныхъ выше мѣстахъ принимаются такъ-же объявленія за опредѣленную плату для напечатанія въ изданіи.

Редакторъ-издатель Горный Инженеръ **С. Сучковъ.**

3—3.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 Г.

НА

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ",

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Изданіе антикварной книжной торговли П. Шибанова въ Москвѣ.

По своей обширной программѣ «Библіографическія Записки» служатъ дѣлу правильной разработки отечественной библіографіи и представляютъ собою пособіе при изученіи русской и заграничной литературы и книжнаго дѣла. Въ нихъ помѣщаются статьи и изслѣдованія, посвященныя изученію жизни и дѣятельности писателей и лицъ, потрудившихся на пользу просвѣщенія, ихъ переписка, историческіе документы, касающіеся преимущественно печатнаго и книжнаго дѣла, обзоры и историческіе очерки извѣстныхъ книгохранилищъ, отзывы о новыхъ книгахъ, статьи о книжной торговлѣ русской и заграничной. Указатель новыхъ книгъ ведется въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ не появлялся ни въ одномъ журналѣ; дается подробный указатель журнальныхъ статей, съ перечисленіемъ всѣхъ рецензій о выходящихъ вновь книгахъ.

Въ каждомъ нумерѣ помѣщаются портреты, большею частію на особыхъ листахъ, снимки съ рукописей, копіи съ рѣдкихъ гравюръ и автографическія воспроизведенія.

Вслѣдствіе этого «Библіографическія Записки» являются журналомъ, необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка.

Сотрудники журнала со времени его основанія.

Проф. Д. Н. Анучинъ, Е. В. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, Н. Ѳ. Бокачевъ, Ѳ. И. Булгаковъ, С. А. Бѣлокуровъ, академикъ К. С. Весcловскій, И. П. Виноградовъ, Ѳ. А. Витбергъ, проф. Г. А. Воскресенскій, В. К. Вульфертъ, А. С. Гацисскій, Н. П. Глубоковскій, Я. И. Горожанскій, А. А. Голомбіевскій, проф. Е. Е. Голубинскій, В. В. Голубцовъ, Н. В. Губерти, А. Г. Гусаковъ, А. М. Гусевъ, А. А. Дмитріевскій, И. В. Дмитровскій, Н. В. Дмитровскій, М. А. Добровскій, С. О. Долговъ. И. Е. Забѣлинъ, А. А. Ивановскій, проф. В. С. Иконниковъ, В. В. Каллашъ, проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, В. М. Каченовскій († 1892), А. А. Кизеветтеръ, проф. А. И. Кирпичниковъ, проф. В. О. Ключевскій, Г. А. Кожевниковъ, проф. И. Н. Корольковъ, проф. И. Н. Корсунскій, Г. И. Куликовскій, А. А. Кудрявцевъ, проф. Н. О. Куплевасскій, А. Н. Лебедевъ, академикъ Л. Н. Майковъ, И. В. Майновъ, С. Н. Мамѣевъ, проф. А. И. Маркевичъ, В. И. Межовъ, П. Н. Милюковъ, Н. Мировичъ, проф. Г. А. Муркосъ, М. Д. Муретовъ, С. Д. Муретовъ, Н. К. Никольскій, А. П. Новицкій, И. М. Остроглазовъ († 1892), А. И. Остроглазовъ, М. П. Петровскій, В. И. Покровскій, П. Н. Полевой, А. С. Родосскій, Н. П. Розановъ, Л. М. Савеловъ, Д. Я. Самоквасовъ, А. В. Селивановъ, И. О. Сержпутовскій, В. И. Сизовъ, Н. К. Симони, А. В. Смирновъ, П. Н. Соколовъ, М. Н. Сперанскій, А. И. Станкевичъ, В. Н. Сторожевъ, М. В. Суринъ А. А. Титовъ, В. Ѳ. Фиргуфъ, А. С. Хахановъ, В. И. Холмогоровъ, В. И. Шенрокъ, В. Н. Щепкинъ, И. И. Щукинъ. Д. Д. Языковъ, В. Е. Якушкинъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ доставкой и пересылкою. 6 р. — к.
За границу . . . . 7 » — »
На другіе сроки подписка не принимается.
Цѣна нумера въ отдѣльной продажѣ. — » 75 »
Съ доставкою и пересылкою . . . 1 » — »

Кромѣ того для любителей будетъ печататься 50 нумерованныхъ экземпляровъ на лучшей бумагѣ. Цѣна такому годовому изданію съ дост. и перес . . 12 р.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ. Полная страница 20 р. Половина страницы или одинъ полный столбецъ. 12 р. Четверть страницы, или половина одного столбца, 7 р. 1/8 страницы или 1/4 столбца 4 р.

Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (Москва Петровскія линіи, Антикварная книжная торговля П. Шибанова) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ Москву въ главную контору редакціи.

Подробная программа журнала, вмѣстѣ съ оглавленіемъ статей, помѣщенныхъ въ 1892 г., высылаются безплатно.

Редакторъ А. Н. Соловьевъ. Издатель П. П. Шибановъ.

2—3.